ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

САМЮЭЛ ДИЛЭНИ

Вавилон-17
Пересечение Эйнштейна

ЛАУРЕАТ ЧЕТЫРЕХ ПРЕМИЙ «НЕБЬЮЛА» И ПРЕМИИ «ХЬЮГО»

АЗБУКА

Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна

Сэмюэл Р. Дилэни

Аннотация
Сэмюел Дилэни. Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна
Вавилон-17
Часть первая. Ридра Вон
I
II
III
IV
V
VI
VII
Часть вторая. Вер Дорко
I
II
III
IV
V
Часть третья. Джебель-Тарик
I
II

III
IV
V
Часть четвертая. Мясник
I
II
III
Часть пятая. Маркус Т’мварба
I
II
III
IV
V
VI
От переводчика
Звезда империи
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

11
12
13
14
15
От переводчика
Баллада о «Бете-2»
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Пересечение Эйнштейна
От переводчика
Мифы в «Пересечении Эйнштейна» (в порядке предъявления)

Аннотация

Сэмюел Дилэни – ярчайшая звезда фантастики XX века, один из символов американской «новой волны», наряду с Урсулой Ле Гуин и Роджером Желязны, и один из ее тончайших стилистов, лауреат обильного урожая главных жанровых премий: четыре «Небьюлы» и «Хьюго» – и все это, когда ему еще и не исполнилось 27 лет. Данный сборник представляет в новом переводе четыре произведения его классического периода, в том числе заслуженно легендарные романы «Вавилон-17» и «Пересечение Эйнштейна». Герои Дилэни обычно находятся в поиске – собственного «я», смысла существования, единого языка общения, символа веры или творческого вдохновения. Здесь в разгар затяжной космической войны известная всей Вселенной поэтесса пытается расшифровать язык инопланетных диверсантов, предполагающий радикально иное мышление, а другие пришельцы, заняв опустевшую по неизвестным причинам Землю, примеряют на себя не только людское обличье, но и весь

корпус человеческих мифов…

«Дилэни – не просто один из лучших фантастов современности, но и выдающийся литератор вообще говоря, изобретатель собственного неповторимого стиля» (Умберто Эко).

Сэмюел Дилэни
Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна

Samuel R. Delany
Babel-17
Empire Star
The Ballad of Beta-2
The Einstein Intersection

© 1966 by Samuel R. Delany
© 1966 by Samuel R. Delany
© 1965 by Samuel R. Delany
© 1967 by Samuel R. Delany
© Д. М. Бузаджи, перевод, статья, 2020
© О. Н. Исаева, перевод, статьи, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Вавилон-17

…эта книга – для Боба;
какое-никакое объяснение событий прошлого года…

Часть первая. Ридра Вон

...Вот средоточье тайн. На улицах неоном
струятся призраки. Двусмысленные тени
скрывают лица юношей неюных, вдруг
от всплеска темноты стал рот беззубым
и губы свежие сжимаются в полоску, кислота
по янтарю щеки стекает; запускает пальцы тьма
меж ног, дугу лобка ломает
и проступает черным тромбом на груди,
пока не сгонит ее свет или движенье,
тогда нальются губы, засочатся кровью.
Здесь, говорят, путаны красят губы кровью.

Здесь, говорят, одни и те же толпы
прихлынут в улицы, что позже и отхлынут,
как будто сор, что море на́ берег выносит,
чтобы попятно утянуть в пучину, снова
бросает на песок, чтоб снова захватить
волной и прочь умчать. Плавучий сор;
их бедра узки по сравнению с плечами,
их длани грубы, будто песьи, – то шакалы
склоняются над жертвой в серых масках.
С лучами солнца исчезают краски…
Последние гуляки видят у каналов,

как молодые моряки бредут к причалу…

Из «Призмы и линзы»

I

Портовый город.

Небо вечно в ржавом мареве, думал генерал. Выбросы и выхлопы окрашивают вечер в оранжево-розово-лиловые тона, но их заглушает резкий красный. На западе пелену облаков прошивают транспортные корабли: везут грузы к звездоцентрам и спутникам. Нищий город вдобавок. Генерал повернул за угол; в этом месте к кромке тротуара прибились наносы мусора. С начала Вторжения — шесть жестоких эмбарго по нескольку месяцев каждое. Они задавили город, вся жизнь которого — в межзвездной торговле. Как ему выстоять в изоляции? За последние двадцать лет он задавал себе этот вопрос шесть раз. И всякий раз отвечал — никак. Беспорядки, бунты, погромы; дважды — вспышки каннибализма…

Генерал перевел взгляд с погрузочных башен, высившихся за обветшалым монорельсом, на закопченные здания. По узким улицам в этой

части города сновали транспортники и грузчики, изредка проходили космолетчики в зеленой форме и толпами текли бледные, чинные мужчины и женщины, сотрудники огромной бюрократической таможенной службы. Сейчас все спокойны, думалось генералу, каждый занят мыслями о доме и работе. Но все они уже двадцать лет живут в эпоху Вторжения. Они голодали под эмбарго, громили витрины, мародерничали, с воплями разбегались от водометов, крошащимися зубами обгладывали руки трупов.

Кто он такой, этот животный человек? Генерал задавал себе этот абстрактный вопрос, чтобы смазать резкость воспоминаний. Будучи генералом, легче рассуждать о «животном человеке», чем думать о женщине, которая во время последнего эмбарго сидела посереди тротуара, держа за ногу своего младенца, усохшего до скелета, или о трех костлявых девчушках, которые напали на него средь бела дня с бритвами (целя поблескивающим лезвием в грудь, одна сквозь почерневшие зубы шипела: «Иди сюда, бифштекс! Дай мяска!» Он тогда отбился приемами карате), или о слепом, который брел по дороге с истошными воплями.

Теперь-то эти бледные чинные люди разговаривают полушепотом, нейтральное выражение

лица меняют как бы нехотя, и идеи у них такие же бледные, чинные и патриотические: трудиться ради победы над захватчиками; Алона Стар и Кип Райак отлично сыграли в «Космических каникулах», но из больших, серьезных актеров лучший, конечно, Рональд Квар. Слушают музыку хай-лайт (да и слушают ли, думал генерал, когда смотрел на эти медленные танцы, где никто не дотрагивается до партнера). Таможня — служба хорошая и надежная; работать прямо на транспорте, наверное, интереснее, и в фильмах про это увлекательно показывают, но, честно говоря, там такой народ…

Кто поумнее и с запросами, обсуждают стихи Ридры Вон.

О Вторжении говорят часто, но за двадцать лет в газетах и новостных программах сложился определенный канон из нескольких сотен приличествующих теме фраз. Эмбарго если упоминают, то предельно кратко.

Люди из масс. Кто они? Чего хотят? Если дать им слово, что они скажут?

Ридра Вон — голос нашей эпохи (звонкая фраза из восторженной рецензии). Парадокс: именно с ней на встречу и шел генерал, причем по служебной необходимости.

Зажглись фонари, и вдруг на широких окнах бара отлилось его изображение. Точно! Я ведь в штатском. Он увидел высокого мускулистого мужчину; на суровом лице — печать полувекового опыта. В сером костюме ему неловко. Лет до тридцати он казался неуклюжим верзилой; с тех пор — как раз началось Вторжение — человеком-скалой.

Если бы Ридра Вон пришла в Штаб-квартиру Альянса, он бы себя чувствовал куда увереннее, но сегодня зеленую форму космолетчика пришлось сменить на штатское. Бар какой-то незнакомый, а Ридра — самая знаменитая поэтесса пяти обследованных галактик. Впервые за долгое время генерал почувствовал себя неуклюжим.

Вошел.

И прошептал: «Боже, какая красивая!» Даже не пришлось выискивать ее глазами среди других женщин. «По фотографиям и не скажешь…»

Она обернулась к нему (женщина в зеркале за барной стойкой, заметив его, повернулась спиной), встала, улыбнулась.

Генерал сделал несколько шагов вперед, протянул руку; слова: «Добрый вечер, мисс Вон» — застряли в горле, и он так и проглотил их, не выговорив. Теперь же приготовилась говорить

она. Помада у нее на губах медного оттенка, и кажется, будто зрачки тоже выкованы из меди.

— Что касается Вавилона-семнадцать, генерал Форестер, я пока его не разгадала.

Трикотажное платье цвета индиго. Волосы стремительным ночным потоком струятся по плечу.

— Это неудивительно, мисс Вон.

Удивительно, подумал он. Она кладет руку на стойку бара, прислоняется к высокому стулу, под синей тканью движется бедро, и каждое движение удивляет, поражает, ошеломляет. Что же я так растерялся? Или она и вправду…

— Но я продвинулась дальше, чем ваши военные спецы.

Нежная линия губ чуть изогнулась, послышался нежный смех.

— Если учесть, что́ мне о вас рассказывали, это тоже неудивительно.

Кто она? Этот вопрос он обратил к абстрактным людским массам, к своему собственному отражению, к ней самой. Наплевать на остальных, но в ней я должен разобраться. Это важно. Обязательно.

— Начнем с того, — продолжала она, — что это не шифр.

Вихляя и выписывая восьмерки, его сознание вновь вырулило на главную тему.

— Как не шифр? Но в криптографическом отделе установили…

И он запнулся. Во-первых, сам толком не знал, что́ там установили, а во-вторых, все никак не мог сойти с утесов ее скул, выбраться из пещер ее глаз. Стиснув зубы, генерал приказал мыслям вернуться к Вавилону-17. Не исключено, что с его помощью удастся остановить это двадцатилетнее бедствие.

— То есть мы пытались расшифровать белиберду?

— Это не шифр, — повторила она. — Это язык.

Генерал сдвинул брови:

— Какая разница, шифр, язык… Надо разобраться, о чем там речь. А пока мы ни черта не знаем — только ходим вокруг да около.

Усталость и волнение последних месяцев словно ударили его под дых, тайком вцепились в язык, огрубили его слова.

Ридра перестала улыбаться и положила обе руки на барную стойку. Генералу захотелось смягчить свою резкость.

— Вы ведь сами не работаете в криптографии? — спросила она.

Голос ровный, успокаивающий.

Он отрицательно мотнул головой.

— Тогда немного поясню. Есть два типа шифрования. При первом буквы или заменяющие их символы перемешиваются по определенной схеме. При втором вместо букв, слов или сочетаний слов пишут другие буквы, значки или слова. Оба метода можно использовать вместе, но у них есть одно общее свойство: если известен ключ, вводишь его — и получаются логичные предложения. Но у языка своя внутренняя логика, своя грамматика, свой способ осмысления мира при помощи слов, своя понятийная сетка. Тут не может быть ключа, который выдаст точное значение. В лучшем случае можно получить приблизительный перевод.

— Получается, тексты на Вавилоне зашифрованы с помощью какого-то другого языка?

— Нет. Я это сразу проверила. Можно сделать вероятностное сканирование по ряду элементов, даже если они перемешаны, и проверить на корреляцию с известными языковыми явлениями. Пусто. Вавилон-семнадцать — это язык, который мы не понимаем.

— Вы намекаете, — генерал Форестер попытался улыбнуться, — что раз это не шифр, а

инопланетный язык, то надежды нет.

Если это поражение, услышать о нем от Ридры почти награда. Но она покачала головой:

— Вовсе нет. Неизвестные языки порой расшифровывались и без перевода. Те же линейное письмо Б и хеттский. Но если браться всерьез, мне нужно знать о Вавилоне-семнадцать гораздо больше.

Генерал удивленно приподнял брови:

— Куда уже больше? Мы дали вам все образцы. Если получим новые, обязательно…

— Генерал Форестер, мне необходимо знать все, что вам известно о Вавилоне-семнадцать. Где, когда, при каких обстоятельствах к вам попали эти записи. Все, что может дать зацепку, подсказать, о чем речь.

— Мы передали всю информацию, которую…

— Вы мне дали десять страниц напечатанной через двойной интервал абракадабры с кодовым названием «Вавилон-семнадцать» и спросили, что она значит. Если других сведений не будет — не знаю. Если будут, может, узнаю. Все просто.

«Если бы это было просто, если бы только это было так просто, мы бы к вам, Ридра Вон, не обратились», — подумал он.

— Если бы это было просто, если бы только это

было так просто, вы бы ко мне не обратились, — сказала она.

Он замер. На долю секунды им овладело нелепое убеждение, что она прочитала его мысли. Да нет, просто верно оценила положение. Разумеется.

— Генерал Форестер, шифровальщики ваши догадались, что это язык?

— Мне, по крайней мере, не доложили.

— Почти уверена, что не догадались. Я обнаружила кое-какие грамматические структуры. А они?

— Нет.

— Они, конечно, собаку съели на шифрах, но о природе языка ничего не знают. Вот, в частности, из-за этой идиотской однобокости я с ними уже шесть лет не работаю.

«Кто она?» — вновь подумал он. С утра ему принесли на нее досье, но он передал его помощнику, а сам только заметил — уже позже, — что на нем стоит: «Допустить». Неожиданно для себя он сказал:

— Мисс Вон, не расскажете немного о себе? Тогда мне будет легче говорить с вами откровеннее.

Не очень логично, но произнес он эти слова с

неторопливой уверенностью. Она вроде посмотрела как-то вопросительно?

— Что вас интересует?

— Пока я знаю только ваше имя и то, что раньше вы работали в военной криптографии. Еще я знаю, что, хотя вы ушли со службы в совсем юном возрасте, репутация у вас такая, что сейчас, шесть лет спустя, люди, которые вас помнят, промучившись месяц с Вавилоном, в один голос сказали: «Зовите Ридру Вон». — Он помедлил. — И вы говорите, что уже кое-что обнаружили. Значит, они не ошиблись.

— Давайте выпьем.

Бармен мягко приблизился и удалился, оставив на стойке два небольших бокала с зеленоватой жидкостью. Она пригубила, поглядывая на генерала. Ее глаза, подумал он, как взмах удивленных крыльев.

— Я не с Земли, — сказала она. — Мой отец работал инженером-связистом в Звездоцентре Икс-одиннадцать-Б, за Ураном. Мать была переводчицей в Совете внешних миров. До семи лет я росла в Звездоцентре этакой избалованной дочерью полка: детей там было мало. В пятьдесят втором мы подались на твердую почву: переехали на Уран-двадцать семь. К двенадцати годам я

знала семь земных языков и могла объясниться на пяти инопланетных. Языки заседают у меня в голове, как у большинства людей — слова популярных песен. Родителей я потеряла во время второго эмбарго.

— Вы тогда были на Уране?

— Вы знаете, что случилось?

— Я знаю, что внешние планеты пострадали гораздо сильнее внутренних.

— Ничего вы не знаете. Но это правда: пострадали. — Ридра сделала глубокий вдох; неожиданно нахлынули воспоминания. — Хотя, чтобы об этом рассказывать, одного бокала мало. Из больницы меня выписали с подозрением на повреждение мозга.

— Повреждение мозга?

— Недоедание — об этом вы слышали. Плюс нейрочума.

— О чуме я тоже слышал.

— В общем, меня отправили на Землю к тете с дядей на лечение. Только нейротерапия мне была не нужна. И я не знаю, в чем тут дело, в психологии или физиологии, но после всего этого у меня развилась абсолютная вербальная память. В принципе она почти такой у меня и была всю жизнь, так что ничего удивительного. Но доба-

вился и абсолютный слух.

— Обычно у таких людей еще и способность к молниеносным вычислениям и превосходная зрительная память? Да, шифровальщику очень кстати.

— Я неплохо знаю математику, но считать, как калькулятор, не могу. В тестах на визуализацию и пространственные отношения у меня довольно высокие показатели — цветные сны и все такое, — но абсолютная память относится только к словам. К тому времени я уже начала писать. Летом устроилась на госслужбу переводчицей и начала осваивать шифры. Скоро стало ясно, что у меня есть особый… дар. Шифровальщик из меня так себе. Не хватает терпения корпеть над чем-то, что написала не ты. И нервничаю страшно. В итоге целиком ушла в поэзию. Но этот «дар» иногда меня даже пугал. Бывало, навалится куча работы, а хочется заниматься совсем другими делами, да еще и боишься схватить от начальника нагоняй, и вот в такие моменты вдруг все, что я знала о вербальной коммуникации, как-то разом сходилось в голове в одну точку и мне становилось легче взять и прочитать зашифрованный текст, чем сидеть, и переживать, и мучиться с ним дальше. — Она взглянула на свой бокал. — В

общем, понемногу я научилась своим даром управлять. К девятнадцати годам меня уже знали как девчушку, которая может разгадать что угодно. Наверное, пригодилось чувство языка: я быстрее улавливала закономерности — вот как с Вавилоном по наитию почувствовала грамматический строй.

— А почему оставили службу?

— Две причины я уже называла. Третья же в том, что мне просто-напросто захотелось попользоваться даром для себя. В девятнадцать я уволилась из армии, ну и… вышла замуж и начала писать всерьез. Через три года появилась первая книга. — Она пожала плечами, улыбнулась. — А что было дальше — читайте стихи. Там все написано.

— И теперь на планетах пяти галактик все ищут в ваших строках ключ к тайне совершенства, любви, одиночества.

Эти три слова вскочили в конец его предложения, как бродяги в товарняк. Она стояла перед ним и была совершенна. А он, вырванный из привычного военного окружения, чувствовал себя безнадежно одиноким и влю… Стоп! Этого не может быть, это смехотворно, да и чересчур примитивно, чтобы объяснить, что́ бьется в его

глазах, дрожью пробегает по пальцам.

— Еще бокал?

Рефлекторная защита. Но она воспримет ее как рефлекторную вежливость. Или нет? Бармен пришел и ушел.

— На планетах пяти галактик, — повторила она. — Так странно… Мне всего двадцать шесть.

Взгляд ее ушел куда-то за зеркало. Ее первый бокал был еще наполовину полон.

— Китс до вашего возраста не дожил.

Она пожала плечами:

— Мы живем в странное время. Оно подхватывает кумиров совсем молодыми, вдруг. И так же внезапно отбрасывает.

Он кивнул, вспомнив пять-шесть певцов, актеров, даже писателей, которые попадали в разряд гениев, когда им не было еще и двадцати или чуть за двадцать, а потом года через два бесследно исчезали. Да и слава самой Ридры держалась пока всего три года.

— Я тоже человек своего времени, — сказала она. — Хотелось бы, чтобы мои стихи его пережили, но я такая, какая есть, во многом потому, что живу в эту эпоху. — Она отвела руку от бокала. — Вам в армии, наверное, тоже так кажется. — Она подняла взгляд. — Ну что, удовлетворены?

Генерал кивнул. Солгать жестом легче, чем словами.

— Отлично. Тогда расскажите про Вавилон-семнадцать.

Он оглянулся было в поисках бармена, но, заметив краем глаза какое-то сияние, вновь перевел взгляд на лицо поэтессы. На самом деле она просто улыбнулась, но ему и впрямь показалось, что зажегся свет.

— Берите. — Она придвинула ему свой второй бокал. — Мне и одного хватит.

Он взял, отпил:

— Понимаете, мисс Вон… он как-то связан с Вторжением.

Она оперлась на локоть, сузила глаза.

— Все началось с цепочки несчастных случаев… По крайней мере, так мы сперва думали. Теперь уверены, что это диверсии. Они происходят с декабря шестьдесят восьмого по всей территории Альянса. То на боевых кораблях, то на верфях космофлота. Обычно выходит из строя важное оборудование. Дважды взрывами убило высокопоставленных чиновников. Несколько раз такие «аварии» случались на ключевых военных заводах.

— Какая связь между всеми этими «авариями»,

кроме того, что они имеют отношение к войне? В конце концов, у нас сейчас вся экономика на военных рельсах, любой несчастный случай на производстве бьет по оборонному заказу.

— А связь, мисс Вон, — это Вавилон-семнадцать.

Она допила и поставила бокал точно на мокрый круглый след.

— Непосредственно перед несчастным случаем, — продолжил генерал, — во время него и сразу после в районе происшествия идет активный радиообмен с применением неустановленных устройств. Причем диапазон их в основном не превышает пары сотен ярдов. Хотя иногда по гиперстатическим каналам приходят мощные сигналы с расстояния в несколько световых лет. Мы транскрибировали радиоперехваты с трех последних «аварий» и обозначили их кодовым словом «Вавилон-семнадцать». Ну что? Пригодится?

— Да. Вполне вероятно, что это указания для диверсантов и их отчеты в центр…

— Но мы ничего не можем обнаружить! — В голосе генерала прорезалось раздражение. — Только эта чертова белиберда по радио молотит. В конце концов кто-то заметил повторы — вдруг

шифр? Шифровальщики заинтересовалась, месяц мудрили, ничего не добились и в итоге связались с вами.

Пока он говорил, Ридра размышляла.

— Генерал Форестер, мне бы хотелось получить исходники этих перехватов и подробный отчет, если можно посекундный, о том, чтó в это время происходило, с привязкой к записям.

— Не знаю, есть ли…

— Если нет такого отчета, сделайте во время следующей аварии. Если этот радиошум на самом деле разговор, я хочу проследить, о чем идет речь. Может, вы не заметили, но на вашей распечатке не обозначено, где чей голос. Выходит, надо расшифровать текст сложнейших инструкций, набранный без пунктуации и даже без разбивки на слова.

— Я вам, наверное, смогу предоставить все, кроме исходных записей…

— Так не пойдет. Я должна сделать транскрипцию сама, тщательно, на своем оборудовании.

— Мы сами сделаем по вашим указаниям.

Она покачала головой:

— Или я транскрибирую сама, или ничего не обещаю. Тут же еще проблема фонем и аллофонов. Ваши люди не подозревали, что это язык, так

что им и в голову не пришло…

— Проблема чего? — перебил он.

— Слышали, как некоторые люди с Востока, говоря на западных языках, путают «л» и «р»? Это потому, что «л» и «р» во многих восточных языках — аллофоны, варианты одного и того же звука. Они и записываются, и слышатся одинаково. Примерно как в английском межзубный звук «th» — в начале слов «they» и «theater».

— А что, есть разница?

— Прислушайтесь: один звонкий, второй глухой. На самом деле они различаются не меньше, чем «в» и «ф», но только в английском они аллофоны, и вы привыкли воспринимать их как одну и ту же фонему.

— Гм.

— Теперь представьте себе, что язык пытается расшифровать «иностранец», который им не владеет. В речевом потоке он может выделить слишком много звуков. Или, наоборот, слишком мало.

— И как же быть?

— Ну, я знаю фонетические системы многих языков, да и чутье поможет.

— Опять ваш «дар»?

— Он, — улыбнулась Ридра.

Она ждала его согласия. Да на что бы он не согласился ради нее? Но модуляции ее голоса генерала на мгновение отвлекли.

— Разумеется, мисс Вон. Вы же наш главный эксперт. Завтра приходите в криптографию, и вам предоставят все, что нужно.

— Спасибо. Я тогда же и подам рапорт.

Он замер в луче ее улыбки. Надо идти! Что же сказать напоследок?!

— Прекрасно. Тогда до завтра.

Да нет, не то! Нужно что-то…

Он с трудом повернул корпус (надо уходить)… что же еще сказать… спасибо вам, хорошо с вами, люблю вас… Пока он шел к двери, мысли его приобрели членораздельность: кто она? Господи, как мало удалось сказать! Хорош я был: все так лаконично, четко, без нежностей! А моя душа, а глубина мысли? Дверь была открыта, и вечер провел голубыми пальцами ему по глазам, дунул прохладой в лицо.

Боже, во мне столько всего, а она и не подозревает! Я ничего, ничего не смог выразить! Где-то в глубине за этим словом — «ничего» — маячило: «Так безопаснее». Но на поверхности бушевала ярость против собственной немоты. Не смог выразить ничего…

Вцепившись в край барной стойки, Ридра поднялась и устремила взгляд в зеркало. Бармен подошел убрать бокалы, потянулся к ним, нахмурился:

— Мисс Вон!

Она не реагировала.

— Мисс Вон, у вас все…

Костяшки ее пальцев побелели, и, пока бармен смотрел, эта белизна расползалась по рукам, превращая их в дрожащий воск.

— Мисс Вон, вам плохо?

Она зыркнула на него. И — резким саркастическим сдавленным шепотом:

— А что, заметно?!

Развернулась и быстрыми шагами пошла к выходу. Закашлялась, на секунду замешкалась и снова побежала.

II

— Моки, ты мне нужен!

— Ридра?

Доктор Маркус Т’мварба оторвал голову от подушки. В темноте над кроватью засветилась мутноватая картинка с лицом поздней гостьи. Доктор Т’мварба прищурился, потом медленно

открыл глаза:

— Ты где?

— Внизу. Моки, пожалуйста, очень нужно поговорить.

Все черты выдают крайнее волнение, глаза бегают из стороны в сторону, чтобы не встречаться с его.

— Заходи.

Картинка погасла.

Он провел рукой над пультом в стиле рококо, и роскошную спальню залил мягкий свет. Откинул золотистое одеяло, спустил ноги на меховой ковер, взял с узловатой бронзовой колонны черный шелковый халат, накинул, и контурные нити автоматически запахнули полы и расправили ткань на плечах. Т'мварба вновь скользнул пальцами по индукционной панели — распахнулись алюминиевые створки серванта, и из его глубин выехал дымящийся кофейник и графинчики с ликерами. Другим жестом хозяин выпустил из-под пола шарообразные кресла и запустил наддув.

Он повернулся ко входному шлюзу, что-то скрипнуло, распахнулись слюдяные дверцы, и на пороге возникла запыхавшаяся Ридра.

— Будешь кофе? — Он подтолкнул кофейник, его подхватило силовое поле и аккуратно понес-

ло к ней. — Что стряслось?

— Моки, я… тут…

— Выпей кофе сначала.

Она налила чашку, поднесла к губам:

— Успокоительного не подсыпал?

— Шоколадный или кофейный? — Он протянул две рюмки. — Если, конечно, не боишься, что алкоголь — это тоже нечестно. Кстати, с ужина остались сосиски с фасолью. Были гости.

Она мотнула головой:

— Только шоколадного.

Рюмка отправилась по силовому лучу вслед за кофейником.

— У меня был чудовищный день. — Он сложил руки на груди. — После обеда сидел без работы. Потом пришли гости — и давай спорить. Не успели уйти — шквал звонков. Добрался до постели десять минут назад. — Он улыбнулся. — А как твой вечер?

— Моки… ужасно.

Доктор Т'мварба пригубил ликер:

— Отлично. Иначе я бы тебе такое устроил, что разбудила.

Ридра против воли улыбнулась:

— Д-да уж… д-дождешься от тебя сочувствия.

— От меня дождешься здравого смысла и компе-

тентной психиатрической помощи. Сочувствия? После половины одиннадцатого — вряд ли. Садись. Что случилось?

Еще один пасс рукой — и к ней сзади подъехал стул, легко коснулся ног, приглашая сесть.

— Рассказывай уже, хватит заикаться. Ты еще в пятнадцать лет от этого вылечилась.

Голос хозяина стал ласковым и в то же время излучал уверенность.

Она отпила кофе:

— Помнишь, я работала над шифром?

Доктор Т'мварба опустился в широкий кожаный гамак и пригладил взъерошенные после сна седые волосы.

— Я помню, что к тебе обращались военные. Ты еще фыркнула.

— Да. И… в общем, это не шифр, кстати, а язык… но сегодня вечером я говорила с генералом, главным у них, Форестером, и… оно опять случилось… как тогда. Я знала!

— Что знала?

— Как в прошлый раз. Я знала, о чем он думает!

— Ты читала его мысли?

— Нет. Все было как в прошлый раз! Я угадывала, что́ он собирается сказать, по тому, что́ он

делал, как вел себя…

— Ты мне пыталась объяснять, но я так и не понял. Это что, телепатия?

Она покачала головой. Потом еще раз.

Т'мварба сцепил пальцы и откинулся назад. Вдруг ровным голосом Ридра произнесла:

— «Нет, я примерно представляю себе, что́ ты имеешь в виду, но давай, дорогая, формулируй яснее». Ты ведь это хотел сказать, Моки?

Доктор приподнял седые щетки бровей:

— Да. И что, ты не прочитала мои мысли? Сколько раз уже так делала…

— Я знаю, что хочешь сказать ты, но ты не знаешь, что хочу сказать я. Это несправедливо! — Она даже привстала с кресла.

— Вот почему ты такой хороший поэт, — произнесли они одновременно.

Ридра продолжила:

— Да, Моки, согласна. По идее, поэт тщательно продумывает каждую идею, преобразует ее в строку, чтобы читатели поняли. Но у меня уже десять лет все по-другому. Как? Люди бросают мысли и фразы на полуслове, чувствуют что-то сумбурное и не могут толком выразить что́, и мне от этого больно. Я прихожу домой, навожу порядок, оттачиваю, полирую, привариваю к

ритмической раме, тусклое заставляю светиться, аляповатое приглушаю до пастели — и вот, уже не больно. Так рождаются мои стихи. Я знаю, что́ пытаются сказать другие, и говорю за них.

— Голос нашей эпохи…

Ридра разразилась непечатной тирадой. На ресницах у нее заблестели слезы.

— А что я сама хочу сказать, что у меня-то внутри… — она вновь покачала головой, — этого выразить не могу.

— Если хочешь расти как поэт, придется научиться.

Она кивнула:

— Моки, я ведь только год назад поняла, что говорю чужими мыслями. Раньше думала, что своими.

— Любой молодой автор, если он хоть чего-то стоит, проходит этот этап. Так и учишься ремеслу.

— А теперь у меня действительно появились свои мысли. И это не то, что говорили до меня, только в оригинальной упаковке. И не попытка ниспровергнуть предшественников — что, в сущности, то же самое. Это действительно новые вещи, и я боюсь до смерти.

— Без этого из начинающих маститым не ста-

нешь.

— Моки, повторять за другими легко — свое говорить трудно.

— Молодец, начинаешь понимать. Может, теперь расскажешь, как у тебя получается это… угадывание?

Она помолчала секунд пять, потом еще пять.

— Хорошо, попробую еще раз. Перед тем как уйти из бара, я стояла у стойки и смотрела в зеркало. Бармен спросил, в чем дело.

— Он почувствовал, что тебе плохо?

— Да ничего он не почувствовал, он посмотрел на мои руки. Я вцепилась пальцами в стойку, и кожа побелела. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: что-то у меня творится на душе.

— У барменов на такие штуки глаз наметанный. Работа такая. — Он допил кофе. — Говоришь, пальцы побелели? Ну и что же сказал генерал? Или что не сказал, но хотел сказать?

У Ридры дважды дрогнул желвак на щеке. «Просто нервы? Или тут что-то поконкретнее?» — подумал Т’мварба.

— Это человек энергичный, прямолинейный, знаток своего дела, — начала она. — Судя по всему, не женат. Кадровый военный — со всей

вытекающей отсюда неуверенностью в себе. Разменял шестой десяток и к возрасту еще не привык. Когда он вошел в бар, сначала прищурился, потом распахнул глаза; рука у него свободно лежала на бедре, но вдруг пальцы сжались и распрямились; шаги он сперва замедлил, но, подойдя поближе, ускорился; а руку мне пожал так, будто боялся сломать.

Т'мварба улыбнулся и не смог сдержать смеха:

— Да он влюбился!

Она кивнула.

— Ну и чего ты расстроилась? Даже лестно.

— Конечно. — Она подалась вперед. — Мне и было лестно. И я наблюдала за всем этим как бы изнутри его головы. Один раз, когда он никак не мог сосредоточиться на этом шифре, Вавилонесемнадцать, я сказала в точности то, о чем он подумал. Хотела, чтобы он знал: я совсем близко. Ему на секунду показалось, что я читаю его мысли…

— Подожди-ка. Не понимаю. Как ты поняла, о чем конкретно он подумал?

Она показала себе на лицо:

— Вот здесь у него все было написано. Я попросила дополнительную информацию. Ему это не понравилось. Я сказала, что либо они мне ее

дают, либо с расшифровкой ничего не выйдет — все просто. Он чуть приподнял голову и замер: собирался покачать. А если бы он покачал головой и чуть выпятил губы, что, на твой взгляд, это бы значило?

Доктор пожал плечами:

— Что все не так просто, как ты думаешь?

— Да, но он заменил этот жест другим. Что это значит?

Т'мварба показал, что не знает.

— Он заменил этот жест другим, потому что связал эту «непростоту» со мной. И не покачал головой, а приподнял ее.

— Видимо, что-то вроде: «Если бы это было так просто, мы бы не позвали вас».

— Точно. Но он приподнял голову не одним движением, а чуть помедлил на полпути. Понимаешь, что за этим стоит?

— Нет.

— «Если бы это было просто, — тут пауза, — если бы только это было так просто, мы бы к вам не обратились».

Она развернула сложенные на коленях руки ладонями кверху.

— И я выдала ему в точности эту фразу. Он сжал зубы…

— От удивления?

— Да. Тогда-то он и задумался на секунду, не читаю ли я мысли.

Доктор покачал головой:

— Больно гладко у тебя выходит. Да, интерпретация мимики дает неплохие результаты. Особенно если знать, на чем примерно человек сосредоточен. Но слишком уж верное попадание. Давай вернемся к тому, почему ты так распереживалась. Что, внимание этого… неотесанного вояки оскорбило твою скромность?

В ответ Ридра выдала нечто не особо скромное и отесанное.

Т'мварба прикусил губу и подумал, заметила ли она.

— Я уже не девочка, — сказала она. — Да и ни о чем таком неотесанном он не думал. Как я и сказала, было даже приятно. И этот трюк я проделала только затем, чтобы он понял: мы на одной волне. Мне он показался очень милым. И если бы он считывал так же точно, как я, он бы понял, что у меня к нему самые добрые чувства. Но когда он развернулся и пошел… — в ее голосе вновь послышалась хрипотца, — последняя мысль у него была: «Она и не подозревает! Я ничего не смог выразить».

Ее глаза потемнели — точнее, она немного наклонилась вперед и полуприкрыла веки, чтобы глаза показались темнее. Этот переход он видел уже тысячу раз, с тех пор как тощую двенадцатилетнюю девочку с аутизмом впервые привели к нему на нейротерапию, которая затем сменилась психотерапией, а в итоге переросла в дружбу. Но только сейчас он впервые уловил, от чего получается этот эффект. Точность ее наблюдений подтолкнула и его быть к людям внимательнее. Вышло так, что, когда курс лечения официально закончился, они словно вернулись на исходную и врач присмотрелся к своей подопечной с новым любопытством. Что означало это потемнение глаз, кроме перемены? Он понимал, что выдает свой характер тысячью мелких подробностей, которые она считывает, как под микроскопом. Доктор Т'мварба, человек небедный, тертый калач, знавал многих людей, чья репутация не уступала славе молодой поэтессы. Репутации мало его впечатляли. А вот Ридре это часто удавалось.

— Он решил, что я не поняла. Что ничего не удалось высказать. И я разозлилась. Мне стало обидно. Все эти нелепости, которые разобщают людей и обволакивают мир паутиной, словно

заплясали у меня перед глазами — чтобы я их распутала, объяснила, а я не знала как. Не могла подобрать нужных слов, не понимала, какая здесь нужна грамматика, синтаксис. И…

Какая-то новая мысль пробежала по ее восточному лицу, и он попытался ее ухватить:

— Что?

— Язык этот еще… Я ведь рассказывала про свой «дар».

— Ты вдруг поняла этот язык?

— Форестер упомянул, что их запись, оказывается, не монолог, а диалог. Я как раз что-то такое смутно подозревала. И тут я поняла, что сама могу определить, где меняются голоса. А потом…

— Но ты понимаешь смысл?

— Кое-что уже лучше, чем сегодня днем. Но что-то в самом этом языке меня пугает — даже сильнее, чем генерал Форестер.

— В самом языке? — Лицо Т’мварбы отразило недоумение. — Что?

У Ридры на щеке вновь дернулась мышца.

— Во-первых, кажется, я знаю, где произойдет следующий несчастный случай.

— Несчастный случай?

— Диверсия, которую планируют захватчики. Если это, конечно, захватчики, в чем я не уверена.

Но сам язык, он… странный.

— То есть?

— Компактный. Сжатый. Скомпрессированный. Тебе это ни о чем не говорит, да? В отношении языка?

— Мне казалось, для языка компактность — хорошо. Нет?

— Хорошо… — прошелестела она. — Моки, мне страшно!

— Почему?

— Потому что хочу кое-что предпринять, но не знаю, выйдет ли.

— Если дело стоящее, и должно быть чуточку страшно. А что ты задумала?

— Я решила еще там, в баре, но подумала, что сперва надо с кем-то обсудить. «С кем-то» обычно значит с тобой.

— Выкладывай.

— Я хочу разобраться с Вавилоном-семнадцать сама.

Т’мварба наклонил голову вправо.

— Я должна найти тех, кто на нем говорит, понять, откуда он идет и что́ пытаются сказать.

Т’мварба наклонил голову влево.

— Спрашиваешь зачем? В учебниках пишут, что язык — средство выражения мысли. Но язык

— это и есть мысль. Мысль — это оформленная информация, а форму придает язык. И форма у этого языка… поразительная.

— Что тебя поразило?

— Понимаешь, Моки, когда учишь чужой язык, узнаешь, как другие люди видят мир, Вселенную.

Он кивнул.

— Но когда я всматриваюсь в этот язык, вижу… слишком много.

— Прямо поэзия.

Она усмехнулась:

— Умеешь ты спустить с небес на землю.

— Что приходится делать нечасто. Хорошие поэты — люди, как правило, практические, не выносят мистики.

— Нечто просится в реальный мир — ты угадываешь, — сказала она. — Хотя, если цель поэзии — соприкоснуться с чем-то реальным, может, тут и правда вопрос поэтический.

— Ладно, все равно не понял. А как планируешь разбираться с Вавилоном?

— Тебе действительно интересно? — Ее руки упали на колени. — Хочу найти корабль, собрать экипаж и слетать к месту следующей аварии.

— Ну да, капитанское удостоверение у тебя

есть. А денег хватит?

— Государство заплатит.

— Пожалуй. Но тебе-то зачем?

— Я знаю шесть языков захватчиков, и Вавилон-семнадцать не из них. В Альянсе такого тоже нет. Я хочу найти того, кто на нем говорит, — я должна понять, кто — или что — в нашей Вселенной мыслит таким образом. Как думаешь, Моки, получится?

— Выпей еще кофе. — Он потянулся за спину и снова подтолкнул ей кофейник. — Да уж, вопрос… Тут много факторов. Твоя психика не отличается стабильностью. Чтобы управляться с космическим экипажем, нужны особые психологические свойства, которые… у тебя есть. Свое удостоверение, если не ошибаюсь, ты получила благодаря тому странному, гм, замужеству пару лет назад. Но до этого у тебя были только автоматические корабли. А для долгого перелета понадобится экипаж, транспортный народ?

Она кивнула.

— Я в основном общался с таможенниками. И ты в целом человек таможни.

— Оба родителя у меня с транспорта. До эмбарго я была транспортник.

— Хорошо. Предположим, я скажу: «Да, у тебя

получится».

— Тогда я скажу спасибо и улечу завтра.

— Предположим, я скажу, что лучше бы мне пройтись по твоим психоиндексам с микроскопом, а ты недельку поживешь у меня — не будешь ни преподавать, ни выступать, ни ходить на приемы?

— Я скажу спасибо и улечу завтра.

Он хмыкнул:

— Ну и чего тогда ты мне голову морочишь?

— Потому что… — она пожала плечами, — завтра дел будет по горло… и я не успею попрощаться.

Скептическая ухмылка на его лице сменилась улыбкой. И он опять вспомнил о случае с майной.

Ридре было тринадцать. Худая, нескладная девочка вдруг влетела в тройные двери оранжереи поделиться открытием: оказывается, изо рта иногда вылетает занятная штука — смех. Т'мварба испытывал отеческую гордость: всего за полгода этот ходячий скелет снова превратился в девочку — которая носит мальчишескую стрижку, порой скандалит и дуется, забрасывает его вопросами и нянчится с морскими свинками, которых зовет Комочек и Комочкин. Под потоком кондицио-

нированного воздуха ветки отошли в сторону, и сквозь стеклянную крышу ударило солнце.

— Что это, Моки? — спросила она.

Улыбаясь девчушке в белых шортах, крошечном топике и солнечных зайчиках, он ответил:

— Эта майна, говорящий скворец. Скажи: «Привет!»

Черный глаз смотрел мертвой изюминой с точкой живого света в уголке. Влажно отсвечивали перья, лениво приоткрытый острый клюв обнажал толстый язык. Подражая майне, Ридра наклонила голову и прошептала: «Привет».

Т'мварба уже две недели кормил скворца свежевыкопанными червями — дрессировал, чтобы порадовать подопечную. Птица обернулась и прогнусавила: «Привет, Ридра. Хороший сегодня денек. Мне так весело».

Вопль.

Резкий, без предупреждения.

Он сперва решил, что Ридра засмеялась, но она с перекошенным лицом начала будто от чего-то отмахиваться, попятилась назад, чуть не упала. Крик стал сиплым, от нехватки воздуха она закашлялась, снова захрипела. Он рванулся к бьющейся в истерике девчушке, подхватил ее, а все это время контрапунктом к Ридриному вою

шло гнусавое: «Привет, Ридра. Хороший сегодня денек. Мне так весело».

Ему и раньше доводилось видеть острые приступы паники, но от этого он и сам опешил. Когда Ридра пришла в себя, сказала только сквозь сжатые побелевшие губы: «Она меня напугала!»

И на том бы дело и кончилось, если бы три дня спустя треклятая птица не улизнула из оранжереи и не запуталась в сетчатой антенне, которую Т'мварба с Ридрой соорудили для ее любительского стазиоприемника, на который она ловила гиперстатические обмены между кораблями в этой части галактики. У майны застряли крыло и лапка, она забилась, и от одного из проводов под напряжением пошли искры, заметные даже на солнце.

— Надо ее вытащить! — закричала Ридра и зажала пальцами рот.

Несмотря на загар, было видно, как кожа у нее белеет.

— Я сейчас, — заторопился доктор, — ты не беспокойся.

— Если она еще пару раз заденет провод — конец!

Но он уже побежал за стремянкой. Принес — и встал как вкопанный. За это время Ридра влезла

почти до самого верха по выпрямляющему тросу, привязанному к наклонившейся на стену дома катальпе. Еще через пятнадцать секунд девочка тянулась рукой к комку перьев. Оголенный провод ее явно не пугал, она сама его протягивала. Опять заискрило, и Ридра решилась — раз! В следующую минуту она уже шла по двору, держа взъерошенную птицу на отлете, с таким лицом, будто его обсыпали лаймовой пудрой.

— Унеси ее, Моки, — еле выговорила она дрожащими губами. — А то она опять что-нибудь скажет, и я заору.

И вот тринадцать лет спустя с ней опять что-то заговорило и она испугалась. Он знал, как сильно ее можно напугать; но знал и то, с какой отвагой она способна смотреть страхам в лицо.

— До свидания, — сказал Т'мварба. — Рад, что ты меня разбудила. Если бы не пришла, я бы рвал и метал, как ошпаренный петух.

— Спасибо, Моки. Но мне все равно страшно.

III

Сквозь очки в тонкой оправе Данил Д. Эпплби, который редко и вспоминал-то, как его зовут (сотрудник таможни — и все), уставился на приказ

и взъерошил свой рыжий ежик.

— Сказано, что вам в принципе можно…

— И?

— И подпись генерала Форестера.

— Тем более.

— Но надо оформить разрешение…

— Тогда поедемте со мной, оформите на месте. Отправлять бумаги и ждать обработки нет времени.

— Но так быстро не получится…

— Получится. Поехали.

— Но, мисс Вон, я по транспортным районам ночью не хожу.

— А я — с удовольствием. Испугались?

— Да нет, но…

— К утру мне нужен корабль и экипаж. Подпись генерала Форестера есть. Можем действовать?

— В общем, да…

— Тогда пойдемте. Надо всех оформить.

Настаивая и возмущаясь соответственно, Ридра и чиновник покинули здание из бронзы и стекла.

Минут шесть прождали монорельс. Приехали и оказались в переплетении узких улиц, где над головами не утихает вой двигателей.

Склады, мастерские и магазины запчастей

перемежались обшарпанными многоквартирниками и отдельными домами, где комнаты сдавались внаем. По дороге попалась улица пошире — грохот машин, грузчики, космолетчики. Прошли мимо неоновых увеселительных вывесок, ресторанов с кухней всех мыслимых миров, мимо баров и борделей. В толпе таможенник съежился и старался не отставать от вышагивающей на длинных ногах Ридры.

— А где вы возьмете…

— Пилота? С него и начнем.

Она остановилась на углу, засунула руки в карманы кожаных брюк и огляделась.

— Есть кандидаты?

— Парочка. За мной.

Они свернули в тесный переулок, залитый ярким светом.

— Куда мы? Вы знаете этот квартал?

Но она только рассмеялась, взяла его под руку и, как танцор, ведущий умело и без нажима, развернула его к металлическим ступеням.

— Сюда?

— Вы здесь раньше бывали? — спросила она с такой невинной серьезностью, что на секунду таможеннику показалось, будто это он ее сюда привел.

Он покачал головой.

Вдруг из подвального кафе по лестнице взметнулась чернота — темнокожий мужчина с красными и зелеными самоцветами, вживленными в грудь, лицо, руки и бедра. С плеч ниспадают влажные мембраны, на ходу чуть пузырящиеся вокруг тонких перемычек.

Ридра схватила его за руку:

— Привет, Ломе!

— Капитан Вон!

Голос высокий, белые зубы обточены до игольного острия. Он резко обернулся, крылья за спиной разлетелись, и заостренные уши дернулись вперед.

— Как ты здесь?

— Ломе, Коготь сегодня выходит?

— Пришла смотреть? Да, против Серебряный Дракон, жарко будет. Слушай, я тебя искал на Денебе. Покупал твоя книга. Читаю мало, но покупал. Тебя не нашел. Где ты ходишь половина года?

— На Земле, преподавала. Но опять собираюсь в космос.

— Хочешь Когтя пилотом? Идешь на Спечелли?

— Ага.

Ломе приобнял ее за плечи, обернув мерцающим крылом, как плащом.

— Ты лети на Цезарь — зови Ломе, да! Знаю Цезарь… — Он сморщился и покачал головой. — Никто не знает, как я знаю.

— Обязательно. Но пока мы на Спечелли.

— Тогда Коготь хорошо. Ходили с ним раньше?

— Как-то раз на планетоидах Лебедя застряли на неделю в карантине и вместе напились. Кажется, дело говорит.

— Все говорит, говорит, — засмеялся Ломе. — Да, помню тебя. Капитан, который говорит. Смотри, как этот разбойник будет биться, — тогда понимай, что за пилот.

— Само собой, затем и пришли, — кивнула Ридра и обернулась к таможеннику, скукожившемуся у перил.

«Господи! — задрожал он. — Сейчас будет знакомить!» Но она лишь слегка улыбнулась, качнула головой и вновь повернулась к Ломе:

— До встречи! Вернусь — увидимся.

— Да-да, всегда говоришь «до встречи, Ломе», потом половина года — нет никого, — засмеялся Ломе. — Но я тебя люблю, женщина-капитан. Возьми меня на Цезарь — покажу тебе.

— Если туда полечу, то только с тобой.

Острозубая ухмылка.

— «Полечу, полечу» — всегда говоришь. Надо идти. Прощай, женщина-капитан.

Он поклонился, отдал честь и был таков.

— Его не надо бояться, — сказала Ридра таможеннику.

— Но он ведь… — Подбирая слово, он задумался: как она догадалась? — Из какой он вообще преисподней?

— С Земли. Хотя родился, кажется, по дороге от Арктура до Центавра. Мать его вроде служила Капралом, если не врет. Ломе любит присочинить.

— То есть вся эта экзотика — косметохирургия?

— Точно.

Ридра уже спускалась по лестнице.

— На кой черт они такое с собой творят? Дикость. Вот приличные люди с ними и не связываются.

— Раньше моряки набивали татуировки. А вообще Ломе больше нечем заняться. Он уже лет сорок пилотом не ходил.

— Что, плохой пилот? А чего тогда про туманность Цезаря плел?

— Наверняка он ее хорошо знает. Но ему уже лет сто двадцать минимум. А после восьмидесяти

рефлексы не те — и с пилотированием приходится завязывать. Так что Ломе теперь салажит, мотается из порта в порт, все про всех знает — ну его и берут, чтоб не скучно было или посоветоваться.

В кафе они вошли через балкон, который опоясывал помещение футах в тридцати над головами посетителей, сидящих за столиками и у барной стойки. Сбоку и сверху от них под потолком в лучах софитов висела наполненная дымом сфера полсотни футов в диаметре.

Взглянув на нее, Ридра заметила:

— Еще не начинали.

— Это там дерутся?

— Да.

— Но ведь запрещено!

— Закон так и не приняли. Обсуждали, обсуждали, потом отложили.

— Вот оно что.

Спускаясь, они пробирались через толпу веселых транспортников, и таможенный сотрудник таращился во все глаза. Большинство посетителей были обычные мужчины и женщины, но что они наворотили косметохирургией!

— Первый раз в таком месте, — прошептал он.

Куда ни глянь — амфибии и рептилоиды сме-

ются и что-то громко доказывают грифонам и сфинксам в металлической чешуе.

— Одежду оставите? — улыбнулась девушка в гардеробе.

На голове — исполинская копна розовых завитков. Голая кожа — леденцово-зеленого цвета; на губах, сосках и в пупке что-то поблескивает.

— Нет! — выпалил таможенник.

— Надо снять хотя бы обувь и рубашку, — сказала Ридра, расстегивая блузку. — А то будете выглядеть нелепо.

Она передала девушке сандалии и начала расстегивать ремень на брюках, но заметила панику в его взгляде, улыбнулась и снова затянула.

Он аккуратно снял пиджак, жилет, рубашку и майку. Только присел развязать шнурки, как кто-то схватил его за локоть:

— Эй, таможня!

Он выпрямился. Перед ним стоял громадный голый мужчина; изрытое оспинами лицо с недовольной гримасой напоминало подгнившую и надорванную апельсиновую кожуру. Из украшений у него были только механические светящиеся жуки, выписывающие фигуры на груди, плечах, руках и ногах.

— Простите?

— Ты чего здесь забыл, таможня?

— Я вас, кажется, не трогал…

— И я тебя не трогаю. Давай выпьем, таможня. Я сегодня добрый.

— Спасибо большое, но я бы…

— Я сегодня добрый. А ты нет. А если ты не добрый, таможня, я тоже не буду добрый.

— Ну я не один…

Он бросил беспомощный взгляд на Ридру.

— Пойдем. Угощу обоих. Доброта так и прет.

Другой рукой он уже хотел взять Ридру за плечи, но она перехватила его кисть. В ладонь незнакомца был вживлен расчерченный многочисленными шкалами космометр.

— Навигатор?

Он кивнул, и она отпустила его руку, дала себя обнять.

— Ну и почему ты сегодня такой добрый?

Мужчина пьяно покачал головой. Черные волосы у него были заплетены в косу, заложенную за левое ухо.

— Да вот хочу подружиться с таможней. Вы мне понравились.

— Спасибо. Давай, угости нас, а следующий — с меня.

Он было пошел, но тут его зеленые глаза сузи-

лись. Он потянулся пальцами к ее груди и ухватил золотой диск на цепочке.

— Капитан Вон?

Ридра кивнула.

— Тогда с вами шутки плохи, — засмеялся он. — Пойдем, капитан. Надо вас с таможней развеселить.

Они протиснулись к бару. Зеленую жидкость, которую в приличных заведениях разливали по небольшим фужерам, здесь отпускали кружками.

— На кого будешь ставить, капитан? Если на Дракона, запущу в тебя кружкой. Шутка, конечно.

— Я пришла не ставки делать, а экипаж набирать. Знаешь Когтя?

— Был у него навигатором. Только неделю назад вернулись.

— И ты сегодня такой добрый потому же, почему он борется?

— Можно и так сказать.

Таможенник в недоумении потер ключицу.

— Коготь на последнем рейсе прогорел, — объяснила Ридра. — Теперь экипаж без работы, а пилот выступает перед публикой. — Она обернулась к навигатору. — Как думаешь, многие

попытаются его сегодня заполучить?

Он выпятил языком верхнюю губу, прищурил один глаз, уронил голову. Пожал плечами.

— Только я, что ли?

Кивнул. Глотнул из кружки.

— Как тебя зовут?

— Калли. Навигатор-два.

— Где твои Первый и Третий?

— Третий там где-то напивается. Первый был чудесной девушкой, Кэти О'Хиггинс. Погибла.

Он допил и потянулся за новой кружкой.

— Угощаю, — сказала Ридра. — Как это случилось?

— Нарвались на захватчиков. Выжили только Коготь, я, Третий и наш Глаз. Потеряли весь взвод, вместе с Капралом. Отличный был Капрал, мать его. Вообще, попали мы на этом рейсе. Глаз без Уха и Носа с катушек съехал. Они десять лет вместе бестелесными ходили. Нас с Роном и Кэти строи́ли только пару месяцев назад, но все равно… — покачал он головой, — хреново.

— Позови Третьего, — попросила Ридра.

— Зачем?

— Мне нужен полный экипаж.

Калли наморщил лоб:

— Но у нас нет первого.

— И что, так и будешь сидеть и скулить до бесконечности? Тогда иди сразу в Морг.

Калли фыркнул:

— Хочешь видеть Третьего — пошли за мной.

Ридра пожала плечами, и они вместе с таможенником пошли за навигатором.

— Эй, дубина, смотри сюда!

Развернувшемуся на барной табуретке пареньку было лет девятнадцать. У таможенника в голове возник образ скрученных металлических лент. Если Калли — округлый, уютный здоровяк («Познакомься, капитан: это Рон — лучший Третий во всей Солнечной системе»), то этот Рон — маленький, поджарый, с неестественно резко прочерченной мускулатурой: грудные мышцы — как покрытые шрамами металлические пластины под натянутой восковой кожей, живот — гофрированная труба, руки — скрученные тросы. Даже огромные жевательные мышцы выпирают у краев нижней челюсти и словно бьются о рельефные колонны шейных мышц. Льняные волосы всклокочены, глаза горят сапфирами, но из косметохирургии заметна только яркая роза на плече. Мелькнула мимолетная улыбка, и Рон приложил указательный палец ко лбу. Ногти на пальцах, напоминающих узловатые веревки,

немилосердно обкусаны.

— Капитан Вон собирает команду.

Рон пошевелился, приподнял голову, и все мышцы его тела пришли в движение, словно клубок змей в молоке.

Таможенник увидел, как у Ридры расширились глаза, но не понял с чего бы и не придал значения.

— Первого нет.

Рон снова улыбнулся короткой и грустной улыбкой:

— А если я найду?

Навигаторы переглянулись. Калли потер большим пальцем переносицу:

— Понимаешь, триплет навигаторов…

Ридра крепко сцепила руки:

— …должен быть вот такой. Знаю. И принимать мою кандидатуру или нет — решать, само собой, вам.

— Человеку со стороны тяжело…

— Да просто невозможно. Но выбор будет за вами. Я только посоветую. Но советы у меня обычно что надо. Согласны?

Калли потер мочку уха, пожал плечами:

— Что ж, заманчиво.

Ридра посмотрела на Рона. Тот поставил одну

ногу на табуретку, обхватил ее руками и глядел поверх колена.

— Ладно, посмотрим, кого вы предложите.

Ридра кивнула:

— Резонно.

— Знаешь, разбитым триплетам работу нечасто предлагают…

Калли приобнял Рона:

— Да, но…

Ридра подняла голову:

— Посмотрим схватку.

Остальные сидящие за стойкой тоже уставились вверх. Люди за столами щелкнули рычажками в подлокотниках, и спинки кресел наполовину откинулись.

Калли отставил кружку, Рон забрался на табурет с обеими ногами и облокотился на стойку.

— Куда они смотрят? — спросил таможенник. — Что там…

Ридра положила руку ему на шею, сделала движение пальцами. Таможенник хихикнул, задрал подбородок и замер. Через некоторое время глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух.

В помещении стало темно, зато парящая под потолком сфера теперь переливалась всеми цветами. Лучи тысячеваттных прожекторов про-

ходили через пластмассу и отражались на лицах зрителей, наполнявший сферу дым понемногу рассеивался.

— Что сейчас будет? — спросил таможенник. — Они там борются?

Ридра прикрыла ему рот рукой, и он замолк.

Появился Серебряный Дракон. Разгоняя клубы дыма, бьют, словно скрещенные клинки, серебряные перья крыльев; вздымается на огромных бедрах чешуя; в антигравитационном поле десятифутовое тело зыблется, извивается; зеленые губы искривляет глумливая усмешка, серебряные веки трепещут над зелеными глазами.

— Это женщина! — выдохнул таможенник.

Зрители одобрительно защелкали пальцами.

В сфере вновь взметнулся дым…

— Это наш Коготь! — прошептал Калли.

…и Коготь зевнул и тряхнул головой. Влажно поблескивают клыки саблезубой пасти; на плечах и руках вздуваются мускулы; из мягких желтых лап выскочили шестидюймовые латунные когти. Изгибается рифленая арка напружиненного живота, кончик хвоста с шипами на конце бьет по стенке сферы. Грива, подстриженная, чтобы противнику не было за что зацепиться, переливается, как вода.

Калли вцепился в таможенника:

— Щелкай давай! Это же наш Коготь!

Бедняга никогда не умел щелкать пальцами и чуть их себе не вывихнул.

Сфера вспыхнула красным. Пилоты разлетелись по сторонам и повернулись лицом друг к другу. Голоса смолкли. Таможенник огляделся: все вокруг задрали головы к потолку. Навигатор-три собрался в комочек на табурете в позе эмбриона. Как живое изваяние из меди. Ридра тоже опустила взгляд, чтобы полюбоваться на сцепленные худые руки и напружиненные жилистые бедра розовоплечего паренька.

А над головами противники, паря в невесомости, растягивались и примеривались. Вдруг Дракон сделала выпад, Коготь отпрянул, оттолкнулся от стенки.

Таможенник рефлекторно за что-то ухватился.

Пилоты сошлись в борьбе, закружились, сплелись конечностями, ударились в стенку. Зрители затопали, но тут Коготь выскользнул из захвата и отлетел к верхней точке сферы. Тряхнул головой, сгруппировался. Под ним извивалась чешуйчатым телом Дракон, пристально следя за каждым его движением и подергивая от нетерпения крыльями. Коготь рухнул вниз, молниеносно

развернулся и ударил Дракона задними лапами. Отмахиваясь, она неуклюже шагнула назад. Клыки-сабли сомкнулись, но схватили только воздух.

— В чем цель? — шепотом спросил таможенник. — Как понять, кто побеждает?

Он глянул перед собой: оказывается, ухватил он плечо Навигатора-два.

— Тот, кто бросит другого о стену, а сам на отлете коснется противоположного края только одной точкой, получает очко, — объяснил Калли, не отрываясь от схватки.

Дракон распрямилась, как стальная пружина, и Коготь распластался по стене, но сама она, попытавшись самортизировать отскок одной ногой, потеряла равновесие и приземлилась на обе. Зрители выдохнули, защелкали пальцами. Коготь сориентировался, бросился, прижал ее к стене, но срикошетил слишком резко и ударил в стену тремя лапами.

Снова танец в центре. Дракон зарычала, изогнулась, вздыбила чешую. Коготь сурово наблюдал за ней из-под толстых век глазами, похожими на золотые монеты. Раскачиваясь, сделал движение назад, затем — резкий выпад вперед.

От удара по плечу Дракон закрутилась в возду-

хе и врезалась в стену. Снаружи казалось, будто она пытается взобраться вверх по прозрачному пластику. Коготь легко отплыл назад и мягко оттолкнулся одной лапой.

Сфера загорелась зеленым, и Калли врезал кулаком по барной стойке:

— Так ей, этой дуре с блестками!

Снова переплелись лапы и сцепились когти — клинч; но, ничего не добившись, противники разошлись. Еще два нерезультативных броска, и тут Дракон ударила головой Когтю в грудь, а сама приземлилась на хвост. Зрители затопотали.

— Фол! — заорал Калли, отцепившись от таможенника. — Твою мать, это фол!

Но сфера полыхнула зеленым. Второе очко записали Дракону.

Борцы теперь кружили с удвоенной осторожностью. Дважды Дракон имитировала атаку, и дважды ее визави уворачивался, отдернув когти и втянув живот.

— Чего она все мурыжит?! — громогласно вопрошал Калли. — Хорош душу выматывать. Дерись как следует!

Словно услыхав, Коготь прыгнул, опять ударил в плечо, но чистого очка не получилось, потому что Дракон вцепилась ему в руку, сбила с

траектории и заставила неуклюже врезаться в пластмассу.

— Нечестно! — заорал теперь уже таможенник и снова вцепился в Калли. — Так разве можно? По-моему, это не по…

Тут он прикусил язык, потому что в этот миг Коготь в противоходе оттянул Дракона от стены, прокинул у себя между ногами, швырнул на бортик, а сам элегантно тормознул предплечьем и завис в центре сферы, поигрывая мышцами на публику.

— Есть! — завопил Калли. — Два из трех!

Сфера вспыхнула зеленым; щелчки сменились аплодисментами.

— Он победил? — забеспокоился таможенник. — Он победил?

— Само собой! Пошли к нему. Капитан!

Но Ридра уже пробиралась сквозь толпу. За ней кинулся Рон, а в арьергарде Калли тащил за собой таможенника.

По выложенной черной плиткой лестнице они попали в комнату с диванами, где группки мужчин и женщин стояли вокруг великолепного ало-золотого Кондора, готовившегося к поединку с Мавром, одиноко дожидавшимся в уголке. Дверь на арену открылась, и вошел взмыленный

Коготь.

— Коготь! — бросился к нему Калли. — Молодчина ты! А вот капитан, хочет с тобой поговорить.

Коготь потянулся, встал на четыре лапы, издал глухой рык. Он тряхнул гривой, но тут его золотые глаза расширились: он узнал.

— Ка'итан Вон! — Рот, растянутый имплантированными клыками, был не в состоянии произносить взрывные губные согласные. — Как я сегодня?

— Хорошо. Хочу позвать к себе пилотом в рейс через Спечелли. — Она взъерошила желтую шерсть у него за ухом. — Ты мне как-то говорил, что при случае покажешь класс.

— 'окажу, — кивнул Коготь, — если это все не сон.

Он стянул с себя набедренную повязку и комком промокнул пот на шее и под мышками.

— Да ладно, — сказал он обалдевшему таможеннику и продолжил вытираться, — косметохирургия все.

— Дай ему свою психокарту, — сказала Ридра, — он оформит разрешение.

— Значит, вылетаем завтра?

— С утра.

Из сумочки на поясе Коготь достал тонкую металлическую пластину.

— Держи, таможня.

Сотрудник проглядел строчки, напоминающие рунические записи, вынул из заднего кармана металлический панель-блокнот и отметил смещение индекса стабильности, но решил интегрировать его позже, когда будет делать полный анализ. По опыту, он сразу понял, что получится результат намного выше среднего.

— Мисс Вон… то есть капитан Вон, а этих карты? — Он повернулся к Калли и Рону.

Рон почесал лопатку:

— Разберемся, когда найдем Навигатора-один.

На его подростковом лице появилось очаровательно-воинственное выражение.

— Проверим их потом, — сказала Ридра. — Надо сперва других найти.

— Нужен полный экипаж? — спросил Коготь.

Ридра кивнула:

— Может, ваш Глаз?

Коготь покачал головой:

— У них с Носом и Ухом очень тесный триплет был. Когда вернулись, Глаз ’родержался часов шесть, может, а ’отом назад в Морг.

— Ясно. Посоветуешь кого-нибудь?

— Не-а. Надо идти в Бестелесный сектор. Кого-нибудь ’рисмотрим.

— Если экипаж нужен к утру, надо выходить, — вставил Калли.

— Пойдем, — сказала Ридра.

Таможенник приотстал и дождался Ридру, которая шла сзади:

— В Бестелесный сектор?

— А что?

— А то. Не нравится мне это.

— Потому что там мертвые? — рассмеялась Ридра. — Не бойтесь.

— Кроме того, телесным запрещено заходить в Бестелесный сектор.

— Только в некоторые зоны, — уточнила Ридра под хохот остальных. — Но мы постараемся в них не соваться. Если получится.

— Одеваться? — спросила гардеробщица.

Все вокруг поздравляли Когтя с победой, отвешивали ему дружеские тумаки, щелкали пальцами. Он накинул на голову контурный плащ, и тот сам застегнулся на шее, обхватил руки под мышками и мощные бедра. Коготь помахал толпе и пошел вверх по балкону.

— А что, действительно по такой схватке можно оценить пилота? — спросил таможенник.

Ридра кивнула:

— На корабле нервная система пилота напрямую подключена к органам управления. Во время гиперстатических переходов он в буквальном смысле борется с флуктуациями стазиса. Вот и смотришь на его рефлексы, на умение управлять своим искусственным телом. Опытный транспортник сразу определит, как он будет работать с гиперстатическими течениями.

— Я, конечно, и раньше слышал, но увидел в первый раз. Было… здорово.

— Точно.

Когда они подошли к выходу, сфера вновь заиграла огнями. Теперь в ней кружили Кондор и Мавр.

На улице Коготь опустился на четыре лапы и пошел рядом с Ридрой.

— А Ка’рал и взвод?

— Хочу взять из учебки.

— Зачем таких желторотых?

— Хочу обучить по-своему. Кто поопытнее, с теми уже поздно.

— Дисци’лина будет та еще. И толку как от козла молока. Сам с желторотиками не летал, но говорят.

— Лишь бы явных психов не было, а так ничего

страшного. И потом, времени совсем нет. Самое быстрое, если взвод нужен к утру, — это сейчас подать заявку во Флот.

— Ты уже подала?

— Хотела сперва уточнить у пилота, нет ли у него предпочтений.

Они как раз проходили мимо телефона-автомата у фонаря на углу. Ридра нырнула под пластмассовый колпак. Через минуту донесся ее голос:

— Да, взвод на рейс до Спечелли на завтрашнее утро. Понятно, что в последний момент, но особо опытных необязательно. Можно из учебки. — Она подмигнула своим спутникам. — Отлично. Потом тогда позвоню насчет психоиндексов для таможни. Да, сотрудник тут со мной. Спасибо.

Она повесила трубку.

— В Бестелесный сектор ближе всего сюда.

Улицы сужались, переплетались, становились все безлюднее. Вдруг они вышли на бетонную площадь, где в сложном порядке, крест-накрест, высились опутанные проводами металлические башни. Отсвечивающие голубоватым опоры отбрасывали неясные тени.

— Так это… — начал было таможенник, но замолчал.

Группа замедлила шаг. В темноте между башнями сверкнуло красным.

— Что это?

— Перенос. Они идут всю ночь, — сказал Калли.

Слева треснула зеленая молния.

— Перенос?

— Мгновенный энергообмен, который происходит при перемещении бестелесных состояний, — охотно пояснил Навигатор-два.

— Что-то я…

К тому моменту, когда они оказались между колоннами, мерцание уплотнилось, сквозь смог проступило серебристое облачко с прожилками красных огней, образовались три фигуры: им навстречу двигались три женщины, три усыпанных блестками скелета, глядящие пустыми глазницами. Холодная дрожь пробежала по спине у таможенника: очертания решетчатых опор просвечивали за призрачными телами.

— Лица… — прошептал он. — Посмотришь в сторону — и не помнишь, как они выглядели. Смотришь прямо — вроде бы люди, но отвернешься… — Еще одна прошла мимо них, и у него перехватило дыхание. — И уже не можешь вспомнить!

Он обернулся и проводил их взглядом.

— Мертвые? — Он покачал головой. — Десять лет проверяю психоиндексы транспортников, телесных и бестелесных. Но сегодня в первый раз вот так — лицом к лицу с мертвой душой. Видел, конечно, фотографии. Иногда на улице с кем-то разминешься, из тех, кто поприличнее. Но это…

— На транспортном корабле, — голос Калли от выпитого звучал тяжело, под стать его набрякшим от мускулов плечам, — есть такая работа, которая живому человеку не под силу.

— Ясно, ясно, — сказал таможенник. — Поэтому приходится брать мертвых.

— Например, Глаз, Ухо и Нос. Если бы обычный человек попробовал просканировать все, что творится на гиперстатических частотах, он бы для начала умер, а потом сошел с ума.

— Теорию я прекрасно знаю, — сухо ответил таможенник.

Калли сгреб его лицо в ладони и притянул к своим корявым щекам.

— Да ни черта ты не знаешь, таможня! — Тон его напоминал тот, которым он заговорил с ними в кафе. — Вы прячетесь в своей таможенной клетке в надежном гравитационном поле Земли, которая прочно привязана к Солнцу, которое держит

постоянный курс на Вегу, и все тут в этой спирали летает и движется по понятным правилам. — Он показал рукой на Млечный Путь, различимый над менее светлой частью города. — А на свободу и не выбираетесь никогда! — Он оттолкнул маленькое раскрасневшееся лицо в очках. — Иэхх! Да что ты мне будешь рассказывать!

Убитый горем навигатор зацепил рукой за трос, идущий наклонно от опоры к бетону, и тот звякнул. От низкой ноты в горле у таможенника что-то булькнуло, и во рту появился металлический привкус обиды и гнева.

Он собрался дать ему выход, но медные зрачки Ридры уже смотрели на его лицо почти в упор, как минуту назад — мрачная физиономия в оспинах.

— Он еще недавно, — голос был ровный, отчетливый, глаза вцепились в его зрачки, — жил в триплете. В тесном, сложном эмоционально-половом союзе с двумя людьми. И один из них погиб.

Своим жестким тоном Ридра, как ножом, отсекла значительную часть его раздражения, но кусочек остался и выскользнул наружу.

— Извращенцы!

Рон склонил голову набок, и в движении его мышц явно изобразились удивление и боль.

— На транспортном корабле, — повторил он за Калли, — есть такая работа, которая двум людям не под силу. Слишком сложно.

— Я понимаю.

«Эх, и мальчишку обидел», — подумал он.

Калли прислонился к опоре. У таможенника просились на язык еще какие-то слова.

— Что? — спросила Ридра.

Он так удивился, что она догадалась, что не смог промолчать. Переводя взгляд между Роном и Калли, он сказал:

— Мне вас жалко.

Калли было вскинул брови, но тут же успокоился:

— И мне тебя жаль.

Коготь встал на ноги:

— В четверти мили отсюда, в ’олосе средних энергетических состояний, сгусток ’ереносов. Там должны быть ’римерно такие Глаза, Носы и Уши, какие нужны для С’ечелли. — Он клыкасто ухмыльнулся таможеннику. — Это как раз в за’ретной зоне. Галлюциногенность зашкаливает, и у телесных ’сихика иногда не выдерживает. Хотя, если человек нормальный, ничего с ним не случится.

— Если зона запретная, подожду лучше здесь.

Посмотрю на их индексы, когда вернетесь.

Ридра кивнула. Калли обнял одной рукой исполинского пилота за талию, другой — Рона за плечи.

— Пойдем, капитан. А то до утра экипаж не соберем.

— Если за час не найдем подходящих, вернемся, — сказала она.

Таможенник проводил их глазами…

IV

…Что-то с землей, цвет комьев земли, которые отламываются и падают в прозрачный омут глаза; она вроде бы вскинула ресницы и заговорила.

Он сказал:

— Сотрудник таможни.

Черт возьми, остроумно. Он сперва удивился и немного обиделся, но сразу улыбнулся.

Ответил:

— Почти десять лет. А вы давно бестелесная?

Она подошла ближе, волосы пахнут чем-то вроде… И острые полупрозрачные черты напоминают о… Опять говорит, теперь он засмеялся.

— Да, удивительно, конечно. Все так неопределенно, не поймешь, что происходит. Вы не

замечали?

Ответила — опять как-то остроумно и лестно для него.

— Да уж, — улыбнулся он, — вам, пожалуй, не нужно.

Ее игривое настроение передалось ему, и не то она кокетливо взяла его за руку, не то он, к своему изумлению, взял ее, но под его пальцами призрак показался материальным, словно… кожа на ощупь была гладкой, словно…

— Такая бойкая. Я и не ожидал, что молодая девушка может вот просто так подойти… и так себя вести.

Она вновь очаровательно парировала, и он почувствовал, что она ему близка, ближе, совсем близко, а ее милая болтовня казалась музыкой, фразой из…

— Ты бестелесная, и это, конечно, не важно, но…

Она его прервала — словом? поцелуем? грозным взглядом? улыбкой? Это было уже не забавно — теперь в нем вспыхнуло ошеломление, страх, восторг; прикосновение ее тела — ни с чем не сравнимое чувство. Запомнить, запечатлеть — форму, ощущение в мышцах, испаряющееся по мере того, как ослабевает контакт. Она уходит.

Она смеется так, словно… как будто…

Таможенник стоял, и смех ее уходил вместе с ней, а в его сознании, отступающем отливной волной, на месте этой пустоты только закручивались водовороты недоумения…

V

Коготь уже на подходе возвестил:

— Все отлично. Нашли кого нужно.

— Ребята позже подойдут, — добавил Калли.

Ридра передала таможеннику три психокарты:

— Они прибудут на корабль за два часа до… что случилось?

Данил Д. Эпплби протянул руку за картами:

— Я… она…

И больше ничего выговорить не смог.

— Кто? — спросила Ридра. И под ее встревоженным взглядом исчезли — да что ж такое-то! — последние обрывки воспоминаний о… о…

— Суккуб! — расхохотался Калли. — Пока мы ходили, к нему суккуб подкатил!

— Да уж, — сказал Коготь. — Только гляньте на него.

Рон тоже засмеялся.

— Женщина… вроде бы. Помню, что я говорил.

— На сколько она тебя нагрела? — спросил Коготь.

— Нагрела?

— Он не в курсе, — сказал Рон.

Калли ухмыльнулся Навигатору-три, потом таможеннику:

— Проверь бумажник.

— Чего?

— Проверь.

Он недоверчиво полез в карман, раскрыл отсвечивающий металлом конверт:

— Десять, двадцать… Но после кафе было же пятьдесят!

Калли хлопнул себя по ляжкам и загоготал. Отсмеявшись, приобнял таможенника за плечи:

— Еще пару раз — и станешь настоящим транспортником.

— Но ведь… Я…

Зияющая пустота на месте украденных воспоминаний отдавалась настоящей болью. Выпотрошенный бумажник был не важен и пошл. На глаза навернулись слезы.

— Но ведь она была… — Он смущенно увяз в концовке предложения.

— Что она была, дружище? — спросил Калли.

— Она… была… — Как ни грустно, прибавить

было нечего.

— Знаешь, бестелесность — штука не такая уж бестелесная, — сказал Коготь. — Ну и ’риемчики у них довольно сомнительные. Сам сколько раз ’о ’адался — даже вс’оминать стыдно.

— На дорогу домой она вам оставила, — сказала Ридра. — Но я возмещу.

— Да нет, я…

— Брось, капитан! Он заплатил и получил за свои деньги сполна. Разве не так, таможня?

От смущения он не смог ничего выговорить и только кивнул.

— Тогда проверьте, пожалуйста, индексы, — сказала Ридра. — Нам еще нужен Капрал и Навигатор-один.

Из автомата Ридра снова позвонила в управление Флота. Ага, есть взвод. И капрала порекомендовали.

— Отлично, — сказала Ридра и передала трубку таможеннику.

Он взял у штабного индексы и ввел в систему, чтобы проверить на интеграцию с данными Глаза, Уха и Носа. Показатели Капрала выглядели очень прилично.

— Похоже, талантливый координатор.

— Чересчур хороших ка’ралов не бывает. Осо-

бенно если взвод необстрелянный, — тряхнул гривой Коготь. — Этих салаг держать надо вот как.

— Должен удержать. Я такого высокого индекса совместимости уже сто лет не видел.

— На кой черт твоя совместимость! — рявкнул Калли. — Лучше скажи, как у него с озверимостью? Может при случае дать хороший поджопник?

Таможенник пожал плечами:

— Вес — двести семьдесят фунтов, а рост — всего пять футов девять дюймов. Под слоем жира любой толстяк, по-моему, тот еще тиран.

— Тогда ладно, — рассмеялся Калли.

— Куда ’оедем заделывать ’робоину? — спросил Коготь.

Ридра не поняла.

— За Навигатором-один.

— В Морг.

Рон нахмурился. Калли выглядел озадаченным. Разноцветные жучки опоясали его шею и снова разбежались по груди.

— Ты же понимаешь, что нам нужна девушка, которая…

— Все будет.

Они вышли из Бестелесного сектора, сели на

монорельс, проехали над петляющими улицами транспортных районов, выбрались к космодрому. В черноте за окнами горели голубые сигнальные огни. Корабли взлетали белыми всполохами; отдаляясь, синели и совсем вдалеке превращались в ржавом воздухе в кроваво-красные точки.

Первые минут двадцать они под гудение рельсов еще перешучивались. От флуоресцентных ламп по лицам и коленям сидящих переливались зеленые пятна. Но постепенно боковое покачивание вагона сменилось ровной тягой, и пассажиры один за другим смолкли. Таможенник всю дорогу сидел тихо, пытаясь восстановить в памяти ее лицо, слова, тело, но воспоминания не давались. Словно вдруг возникла потребность что-то высказать, ты начал было говорить, а мысль ускользнула — и во рту пустота, утраченный текст о любви.

Когда они вышли на открытую платформу станции «Туле», пахну́л теплый ветер с востока. Рваные края облаков разошлись, обнажив луну цвета слоновой кости. На неровных краях платформы серебрились гранит и гравий. Красный городской смог остался за спиной. Перед ними на фоне изломанной ночи высился черный Морг.

Спустились по лестнице и бесшумно прошли

по каменистому парку. В темноте сад воды и камней производил зловещее впечатление. Ни одного живого растения.

Когда приблизились ко входу, из темноты выступила массивная металлическая, ничем не освещенная дверь и несколько ступеней перед ней.

— Как войти? — спросил таможенник.

Ридра сняла с шеи капитанский жетон и приложила к небольшому диску. Что-то зажужжало, и дверь раздвинулась, словно рассеченная светом. Вслед за Ридрой все прошли внутрь.

Калли задрал голову к металлическим сводам:

— Да уж, транспортного мяса в этой морозилке хватит на сотню звезд со всеми их планетами.

— Здесь лежат и таможенники, — вставил Эпплби.

— А что, — простодушно поинтересовался Рон, — кто-то когда-то вызывал из сна таможенников?

— На кой? — хмыкнул Навигатор-два.

— Подобные случаи бывали, — сухо ответил таможенник.

— Только реже, чем транспортников, — добавила Ридра. — Сейчас таможенное обеспечение межзвездных перелетов превратилось в точную

науку. А транспортная работа, гиперстатическая навигация, по-прежнему остается искусством. Да, конечно, лет через сто и она может превратиться в науку. Но пока людей, овладевших искусством, все-таки меньше, чем тех, кто освоил науку. Есть и влияние традиции. Транспортники привыкли, что их после смерти вызывают, привыкли работать бок о бок с живыми и мертвыми. Для таможни это все диковато. Так, нам к самоубийцам.

Из главного вестибюля они свернули в соответственно обозначенный коридор, пол которого уходил вверх. Дойдя до конца, они оказались в высокой, просторной комнате с приглушенным фоновым освещением, до самого потолка заставленной стеклянными ящиками. Вдоль ящиков исполинской паутиной растянулась сеть лестниц и переходов. В гробах за покрытым инеем стеклом угадывались темные формы.

— Я только не понимаю, — прошептал таможенник, — как это — вызвать назад? То есть любого мертвого можно вернуть в телесное состояние? Вы правы, капитан Вон, в таможне такие вещи обсуждать почти… неприлично.

— Вызвать можно любого самоубийцу, который в Морге прошел стандартную процедуру

развоплощения. Но если человек погиб насильственной смертью и в Морг только доставили тело, ну или стопятидесятилетний старик тихо скончался от старости, то смерть — уже навсегда. Хотя в Морге, когда тело оформляют по стандартной процедуре, записывают структуру мышления покойника, и потом, если кому-то понадобятся его соображения, эту структуру можно воспроизвести. Но сознание уходит навсегда — куда уж там оно уходит.

Рядом с ними, словно кварцевая игла, переливался картотечный кристалл.

— Рон, — позвала Ридра. — Хотя нет, вы оба.

Навигаторы в легкой растерянности подошли к кристаллу.

— Ты что, знаешь кого-то из недавних самоубийц, кто…

Ридра покачала головой. Провела рукой перед кристаллом, и на вогнутом экране у его основания вспыхнули слова. Пальцы замерли.

— Навигатор-два… — Поворот руки. — Ага, Навигатор-один…

Она махнула пальцами в другую сторону:

— Пол мужской, мужской, мужской… Женский! Так, Рон, Калли, говорите.

— О чем?

— О вас. Чего бы вам хотелось.

Ридра переводила взгляд то на экран, то на стоящих рядом мужчину и юношу.

— Ну это… — Калли почесал голову.

— Красивая, — выпалил Рон. — Хочу, чтобы была красивая.

Он подался вперед, голубые глаза его загорелись.

— Конечно, — вмешался Калли. — Но только, знаешь, не милая полненькая ирландка, не брюнетка с карими глазами и веснушками, которые высыпают на солнце через четыре дня. И она не должна чуть шепелявить и заставлять тебя всего покрываться мурашками, даже когда она строчит координаты — быстрее и точнее, чем компьютер, но всё своим детским голоском. Или когда она положит твою голову себе на колени и говорит, как сильно она…

— Калли! — крикнул Рон.

И могучий навигатор осекся, тяжело дыша, прижал кулак к животу.

Ридра перемещала пальцы над экраном, то на несколько сантиметров в одну сторону, то в другую, а сама всматривалась в высвечивающиеся имена.

— Но все равно красивая, — продолжил Рон. —

Спортивная, пожалуй. Чтобы любила побороться, когда мы на планете. Кэти спорт особо не интересовал, а мне всегда было жаль. У меня как-то лучше получается найти контакт, если я с человеком могу выйти на ковер. Но серьезная, конечно, если мы о работе. И чтобы соображала быстро, как Кэти. Только…

Ридрины пальцы двинулись вниз, потом резко прыгнули влево.

— Только, — убрав руку от живота и немного придя в себя, продолжил Калли, — это должен быть цельный человек, новый человек. Сам по себе, а не набор наших воспоминаний о другой девушке.

— Да, — сказал Рон. — Главное — чтобы она была хороший навигатор и любила нас.

— Могла полюбить нас, — уточнил Калли.

— Если она будет такая, как вы хотите, но при этом останется собой, — спросила Ридра, занеся руку над двумя именами, — вы-то сможете ее полюбить?

Медленный кивок после небольшой паузы со стороны большого, быстрый — со стороны маленького.

Ридра дотронулась до экрана, и на нем засветилось: «Моллья Тва, Навигатор-один». Далее — ее

координаты. Ридра ввела их в панель на столе.

В семидесяти пяти футах над их головами что-то блеснуло. Один из сотен тысяч гробов спускался по индукционному лучу. На поверхности контактной площадки появился сложный узор из блестящих штифтов, отвечающих за перезапись. Ящик опустился, но разглядеть его содержимое сквозь заиндевевшее стекло было невозможно. Штифты вошли в пазы на основании гроба, тот слегка качнулся, затем плотно сел, раздался щелчок.

Но тут иней разошелся, и стекло изнутри покрылось испариной, которая стала растекаться каплями. Они подошли ближе.

Темное на темном. Смутное движение. И вдруг стекло истаяло, сошло с ее теплой кожи, открыв испуганные глаза с трепещущими ресницами.

— Не бойся. — Калли тронул ее за плечо.

Она приподнялась, взглянула на его руку и снова откинулась на подушку. Сзади придвинулся Рон:

— Привет.

— Гхм… мисс Тва, — снова начал Калли, — вы вернулись. Вы будете нас любить?

— *Ninyi ni nani?* — На лице ее было недоуме-

ние. — *Niko wapi hapa?*[1]

— По-моему, она не говорит по-английски, — изумился Рон.

— Ага, — улыбнулась Ридра. — Но во всем остальном — само совершенство. Зато не наговорите глупостей, пока не познакомитесь поближе. Кстати, ей нравится бороться.

Рон взглянул на молодую женщину. Волосы графитового цвета острижены по-мальчишески коротко, полные губы посинели от холода.

— Умеешь бороться?

– *Ninyi ni nani?* — снова сказала она.

Калли убрал руку с ее плеча и сделал шаг назад. Рон почесал голову и нахмурился.

— Ну? — спросила Ридра.

— Не знаем даже, — пожал плечами Калли. — В принципе навигационные приборы везде стандартные. Тут трудностей возникнуть не должно.

— Она красивая, — сказал Рон. — Ты красивая. Не бойся. Ты теперь живая.

– *Ninaogapa!* — Она схватила Калли за руку. Глаза ее расширились. — *Jee, ni usiku au mchana?*[2]

— Ты только не бойся! — Рон взял вцепившуюся

---

[1] Примечания: 1
Кто вы? Где я? *(суахили)*

[2] Примечания: 2
Я боюсь! Сейчас ночь или день? *(суахили)*

в Калли руку в свои ладони.

– *Sielewi lugha yenu.* — Она покачала головой — не споря, а как бы в глубоком изумлении. — *Sikujuweni ninyi nani. Ninaogapa*[3].

С чуткостью людей, только что переживших большое горе, Рон и Калли ободряюще закивали. Ридра стала между ними и заговорила. В ответ женщина сперва долго молчала, потом медленно кивнула головой.

— Говорит, что пойдет с вами. Семь лет назад она потеряла двоих из своего триплета: тоже захватчики. Пришла в Морг и убила себя. Но готова пойти с вами. Вы ее примете?

— Она боится, — сказал Рон. — Ты не бойся! Я тебя не обижу. И Калли не обидит.

— Если она согласна, — сказал Калли, — мы ее принимаем.

Таможенник тактично кашлянул:

— Где взять ее психоиндексы?

— На экране под кристаллом. Они там собраны по группам.

— Ну, — таможенник начал вводить данные, — хоть не сразу, но почти всех вы нашли.

— Интегрируйте.

---

[3] Примечания: 3

Я не понимаю ваш язык. Я не знаю, кто вы. Я боюсь *(суахили).*

Закончив расчеты, он взглянул на нее с искренним удивлением:

— Капитан Вон, есть экипаж!

VI

Дорогой Моки!

К тому времени когда ты получишь это письмо, я уже два часа буду в полете. Сейчас полчаса до рассвета, и мне хочется поговорить с тобой, но не хочу снова тебя будить.

Я решила поностальгировать и взяла старый корабль Фобо, «Рембо» (название, как ты помнишь, придумал Мюэлс). По крайней мере, я его знаю вдоль и поперек: столько всего хорошего на нем пережили. Отправляемся через двадцать минут.

Мое текущее местоположение — сижу на раскладном стуле в грузовом шлюзе, смотрю на космодром. На западе небо еще в звездах, а на востоке уже сереет. Кругом черные иглы ракет. Цепочки голубых сигнальных огней тускнеют к востоку. Покой.

Предмет размышлений — суматошная ночь, проведенная в поисках экипажа, которая началась в закоулках Транспортного квартала,

привела в Морг и закончилась здесь. Сперва — яркие огни, шум, грохот, под конец — умиротворение.

Пилотов присматривают на борьбе. Опытному капитану стоит только увидеть, как человек держится на арене, и ему сразу же ясно, что это за пилот. Только я-то не опытный капитан.

Помнишь, ты говорил об интерпретации мышечных движений? Кажется, ты попал в десятку. Я тут встретила парнишку, навигатора, — прямо ожившая скульптура Бранкузи[4] (ну или сон Микеланджело об идеальном теле). Транспортник до мозга костей и про борьбу, надо полагать, знает все, что можно. В общем, он смотрел, как борется мой пилот, а я наблюдала за ним, и его подергивания с поеживаниями дали мне полный анализ того, чего я сама не заметила бы.

Ты ведь знаешь теорию Дефора о том, что психоиндексы соответствуют определенным напряженностям в мышцах (которая на самом деле

---

[4] Примечания: 4

Константин Бранкузи (тж. Брынкуши, Брынкуш, 1876–1957) — знаменитый французский скульптор-авангардист румынского происхождения. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

восходит к старой гипотезе Вильгельма Райха[5] о мышечном панцире)? Я как раз вчера об этом думала. Этот паренек — из расколотого триплета: их было двое мужчин и девушка, и девушка не пережила встречи с захватчиками.

При виде этих ребят мне захотелось плакать, но плакать я не стала, а поехала с ними в Морг и нашла им новую партнершу. Любопытно получилось. Они, наверное, решили, что это какое-то колдовство. Но фактически все основные параметры уже были в картотеке: нужна женщина — Навигатор-один, оставшаяся без двух партнеров-мужчин. Как подобрать остальное? Я понаблюдала, как Рон и Калли разговаривают, и считала их индексы. Покойники занесены в систему со всеми своими параметрами, так что оставалось только найти точки пересечения. Правда, окончательный выбор, скажу без ложной скромности, получился гениальный. У меня осталось шесть кандидаток, но надо было определиться поточнее, а поточнее, по крайней мере по наитию, не выходило. Одна девушка была из

---

[5] Примечания: 5

Вильгельм Райх (1897–1957) — австрийско-американский психолог, неофрейдист, стоял у истоков американской школы психоанализа, а также разработал квазинаучное учение о биоэнергии, которую называл оргонической энергией.

провинции Н'гонда в Панафрике. Рассталась с жизнью семь лет назад. Потеряла двух мужей во время атаки захватчиков и вернулась на Землю в разгар эмбарго. Ты помнишь, какие тогда были отношения между Панафрикой и Американией, и я решила, что по-английски она не говорит. Так и оказалось. Сейчас, пожалуй, их индексы идут чуть вразнобой. Но когда они как следует помучаются и научатся друг друга понимать — а выбора у них нет, — их графики пойдут по всей логарифмической шкале как под копирку.

Правда, я умница?

Но на самом деле я села писать из-за Вавилона. Помнишь, я сказала, что знаю, где произойдет следующий несчастный случай? Так вот — на военных заводах Альянса в Армседже.

Чтоб ты знал, куда мы летим. На всякий случай. Слова, слова, слова… И какой мозг способен говорить так, как говорят на этом языке? И зачем он так говорит? До сих пор трясусь, как школьница на олимпиаде по английскому, но настроение бодрое. Взвод прибыл час назад. Лентяи, шалопаи — одним словом, замечательные ребята. Через пару минут встречаюсь с Капралом (толстяк с черными глазами, волосами и бородой; двигается медленно, зато соображает быстро). Знаешь,

Моки, когда я подбирала экипаж, мой главный критерий был не профессионализм (они все профессионалы), а чтобы с ними можно было поговорить.

С этими — можно.

Твоя Ридра

VII

Светает, но теней нет. Стоя на аэроглайдере, генерал разглядывал черный корабль, светлеющее небо. Подлетев, сошел с двухфутового летающего блюдца, забрался в лифт и поднялся на сто футов к шлюзу. В капитанской кауте ее не было. Толстый бородач отправил его по коридору в грузовой шлюз. Генерал забрался по лестнице и остановился перевести дыхание.

Она спустила ноги со стены, села на стуле ровно и улыбнулась:

— Генерал Форестер! Что-то мне подсказывало, что мы с вами еще увидимся.

Она сложила лист бумаги для донесений и запечатала край.

— Хотел с вами поговорить… — тут ему снова пришлось перевести дух, — пока вы не улетели.

— Я тоже надеялась с вами встретиться.

— Вы сказали, если я дам добро на экспедицию, вы мне сообщите, куда…

— Я еще вчера вечером отправила рапорт, довольно подробный, и он либо лежит у вас на столе в Штаб-квартире, либо там появится в течение часа.

— Вот как.

Она улыбнулась:

— Вам скоро придется идти. Вылетаем через несколько минут.

— Да. На самом деле я сам уезжаю, так что с утра на аэродроме. Ваш рапорт мне пару минут назад вкратце пересказали по звездофону, и я только хотел сказать…

Но ничего не сказал.

— Как-то раз я написала стихотворение. Называется «Наставления тому, кто полюбил поэта».

Генерал чуть опустил нижнюю челюсть, не размыкая губ.

— Начиналось как-то так: «О юноша, она твой выгрызет язык. О женщина, он руки твои свяжет…» Будет желание — почитайте, как там дальше, во второй книге. Да уж, с поэтами так: если не готов терять их по семь раз на дню, будет одно сплошное разочарование.

Искренне и просто он сказал:

— Вы знали, что я…

— Знала и знаю. И я рада.

Сбитое дыхание вернулось в нормальный ритм, и с лицом генерала произошло нечто странное — он улыбнулся.

— Знаете, мисс Вон, когда я был рядовым, мы в казарме все время болтали о девушках. Постоянно. И кто-нибудь иногда говорил: «Она была такая красивая — даже могла не давать, просто пообещать».

Напряжение в спине вдруг исчезло, и, хотя плечи его на полдюйма опустились, со стороны показалось, будто генерал стал на два дюйма шире в плечах.

— Вот что я чувствовал.

— Спасибо, что сказали. Вы мне нравитесь, генерал. И обещаю: когда мы в следующий раз увидимся, вы мне не разонравитесь.

— Спасибо. Просто спасибо вам… за то, что знаете и что обещаете. — Он помолчал и добавил: — Мне пора, да?

— Скоро пуск.

— Если хотите, отправлю ваше письмо.

— Спасибо.

Она передала ему конверт, он взял ее ладонь и на долю секунды задержал в своей руке. Потом

повернулся и вышел. Через несколько минут Ридра увидела, как аэроглайдер заскользил над бетоном. Его обращенная к востоку сторона ярко вспыхнула в первых лучах восходящего солнца.

Часть вторая. Вер Дорко

…И если главное – слова, то ничего, по сути, не видели мои ладони, кроме слов…

Из «Квартета»

I

На рабочем экране бежали строки заново сделанной транскрипции. Рядом с компьютерной панелью лежали четыре листа с толкованиями слов, которые она вычислила, и тетрадь, исписанная заметками о грамматике. Закусив нижнюю губу, она просмотрела таблицу частотности зажатых дифтонгов. На стене висел большой лист с тремя графами: «Возможная фонематическая структура», «Вероятная фонетическая структура» и «Неоднозначные семиотические, семантические и синтаксические явления». В последней колонке были собраны задачки, которые еще предстояло решить. По мере обнаружения ответов содержимое третьей графы перемещалось в первые две в качестве установленных закономерностей.

— Капитан!

Она развернулась в круглом кресле.

Зацепившись коленками, из входного люка свешивался Дьявало.

— Чего?

— Что прикажете на ужин?

Миниатюрному коку-альбиносу было семнадцать. Из-под спутанных белых волос торчали два косметохирургических рога. Он почесывал ухо кончиком хвоста.

Ридра пожала плечами:

— Все равно. Спроси у ребят из взвода.

— Да они что угодно слопают! Хоть жидкие органические отходы. Воображения — ноль. Может быть, жареного фазана под соусом демиглас или куропатку?

— Потянуло на дичь?

— Ну… — Он перестал держаться одним коленом и пнул стену, закачавшись вперед-назад. — Хочется чего-то птичьего.

— Если никто не возражает, давай тогда курицу в вине и картошку, запеченную с томатами «бычье сердце».

— Вот это дело!

— А на десерт, может, слоеные пирожные с клубникой?

Дьявало щелкнул пальцами и рванулся в люк. Ридра хмыкнула и снова повернулась к экрану.

— Курицу — в рислинге. К столу — майский пунш.

И мордочка с розовыми глазами исчезла.

Ридра только-только наткнулась на третий возможный случай синкопы, как кресло просело, а тетрадь бухнула в потолок. За ней последовала бы и сама Ридра, если бы не вцепилась в стол. Плечи от резкого толчка пронзила боль. Оболочка кресла порвалась, и по каюте разлетелся силикон.

Ридра обернулась: через люк ввалился Дьявало, попытался уцепиться за прозрачную стену и с треском приложился бедром.

Удар.

Она поскользнулась на влажной оболочке сдувшегося кресла. На экране интеркома заплясало лицо Капрала.

— Капитан!

— Какого черта!.. — рявкнула она.

Замигал датчик машинного отделения. Корабль опять дернулся в судороге.

— Дышать есть чем?

— Одну се… — На обрамленном черной бородой мясистом лице проступило неприятное выраже-

ние. — Да, воздух в норме. Там что-то в машинном отделении.

— Ну, если эти долбаные детишки…

Она переключилась на них.

Ответил Флоп, старший бригады обслуживания:

— Е-мое, капитан, что-то взорвалось!

— Что?

— Не знаю.

Лицо Флопа выглянуло из-за спины Капрала.

— Маневровые двигатели «А» и «Б» в порядке. «В» искрит, как салют в День независимости. А где мы вообще?

— Первый часовой перегон между Землей и Луной. Даже не прошли еще Звездоцентр-девять. Навигация?

Она снова щелкнула переключателем, и на экране возникло темное лицо Молльи.

– *Wie geht's?*[6] — спросила Ридра.

Навигатор-один выдала их вероятностную кривую и прикинула координаты между двумя неопределенными логарифмическими спиралями.

— В общем, мы на орбите Земли, — вклинился

---

[6] Примечания: 6
Как дела? *(нем.)*

Рон. — Что-то нас мощно сбило с курса. Тяги нет, летим по инерции.

— Высота орбиты? Скорость?

— Калли пытается разобраться.

— Ладно, посмотрим, что снаружи.

Она переключилась на сенсорный отсек:

— Нос, чем там пахнет?

— Ничем хорошим. Пусто. Угодили в какой-то суп.

— Ухо, ничего не слышно?

— Ни звука. Все статические течения в округе заглохли. Мы слишком близко от массивного небесного тела. Есть слабенькое эфирное журчание спектрах в пятидесяти в направлении К. Но на нем далеко не уедем, разве что по кругу. Нас сейчас несет инерция от последнего порыва ветра из земной мангосферы.

— Глаз, что видно?

— Угольная шахта, вид изнутри. Не знаю, что произошло, но надо же было в таком гиблом месте. Правда, в моем диапазоне это журчание посильнее. Может, вынесет на хорошую волну.

Вмешался Коготь:

— Прежде чем за’рыгивать, надо ’онять, куда оно течет. А для этого нужны координаты.

— Навигация?

Пауза. Потом — три лица на экране:

— Не знаем, капитан.

Гравитационное поле стабилизировалось со смещением на несколько градусов. Силиконовый наполнитель собрался в углу каюты. Малыш Дьявало тряхнул головой, поморгал; лицо его скривилось от боли.

— Что случилось, капитан? — прошептал он.

— А хрен его знает. Будем выяснять.

Ужин прошел в молчании. Весь взвод — мальчишки, не больше двадцати каждому, — старался не издавать ни звука. За офицерским столом навигаторы сидели напротив полупрозрачных сенсорных наблюдателей. Во главе стола Капрал разливал вино. Ридра с Когтем ужинали отдельно.

— Не знаю, — покачал он своей гривастой головой, крутя в лапе бокал. — Летели гладко, ’о курсу никаких ’омех. Это что-то на самом корабле.

Дьявало с наложенной на бедро шиной угрюмо принес пирожное и вернулся к взводу.

— Итак, — подытожила Ридра, — летим по земной орбите, все приборы вышли из строя, и мы даже не можем определить, где находимся.

— Оборудование для ги’ерстазиса в ’орядке, — напомнил он. — Мы только не знаем свое

место’оложение на этой стороне ’рыжка.

— А раз не знаем, откуда прыгаем, то и прыгнуть не можем. — Она оглядела столовую. — Как думаешь, Коготь, они считают, что все обойдется?

— Они надеются, что ты их с’асешь.

Она прикоснулась кромкой бокала к нижней губе.

— Если кто-нибудь не с’асет, так и будем здесь ’олгода есть Дьявалину стря’ню, пока не задохнемся. Если не ’рыгнем в ги’ерстазис, даже сигнал не сможем ’ослать: обычная рация замкнула. Я ’росил навигаторов что-нибудь ’ридумать, но черта с два. Они только ’оняли, что мы гоняем ’о кругу.

— Жаль, окон нет. Хоть бы по звездам засечь время витка. Там, наверное, пара часов, не больше.

— Да уж, — кивнул Коготь, — вот тебе и блага цивилизации. Был бы иллюминатор и старый добрый секстант — в два счета бы разобрались. Но нет — всё на электронике. Те’ерь сидим. И не выкрутишься ни фига.

— По кругу, говоришь? — Ридра поставила бокал.

— Что?

– *Der Kreis*. — Она сосредоточенно сдвинула

брови.

— Чего-чего?

– *Ratas, orbis, cerchio*. — Она прижала ладони к поверхности стола. — Это все «круг». На разных языках!

В растерянности Коготь со своими клыками-саблями выглядел устрашающе. Блестящая шерсть над его глазами встала торчком.

— Сфера, — продолжала Ридра, — *globo, gumlas*. — Она встала. — *Kule, kuglet, kring!*

— Да какая разница? Круг — он и есть кр…

Но Ридра рассмеялась и выбежала из столовой.

У себя в каюте она схватила свой перевод. Пробежала глазами страницы. Хлопнула по кнопке интеркома. На экране появился Рон, вытирающий с губ взбитые сливки:

— Слушаю, капитан. Что нужно сделать?

— Найти часы и… кулек шариков.

— Чего? — не понял Калли.

— Пирожное потом доедите. Встречаемся в Т-центре. Прямо сейчас.

— Ша-ри-ков? — с недоумением по слогам протянула Моллья. — Шариков?

— Кто-нибудь из взвода наверняка взял с собой стеклянные шарики — играть. Найдите и живо несите в Т-центр.

Она перепрыгнула оболочку кресла, взобралась в люк, свернула в радиальную шахту номер семь и понеслась по цилиндрическому коридору в сторону Т-центра. Эта пустая сферическая камера тридцати футов в диаметре, точно рассчитанный центр тяжести корабля, постоянно пребывала в состоянии свободного падения; здесь помещались чувствительные к гравитационным воздействиям приборы. Минуту спустя в люке по другую сторону камеры возникли три навигатора. Рон держал в руках сетчатую сумочку с шариками.

— Лиззи просит, если можно, вернуть их завтра после обеда. Ребята из машинного предложили матч, а она не хочет терять звание чемпиона.

— Если все получится, вернем сегодня же.

— Получится? — оживилась Моллья. — Идея? Твой?

— Да. Только она не моя.

— А чья тогда? И что за идея? — спросил Рон.

— Чья? Наверное, того, кто говорит на другом языке. В общем, надо распределить здесь шарики в виде правильной сферы, засечь время и следить за секундной стрелкой.

— Зачем? — спросил Калли.

— Чтобы посмотреть, куда они сместятся и

насколько быстро.

— Не понимаю, — сказал Рон.

— Наша орбита — это примерно большой круг с Землей в центре, так? Значит, все на корабле тоже перемещается по большому кругу и, если убрать внешние воздействия, будет выстраиваться по этой траектории.

— Ну да. И что?

— Давайте расставим шарики, — сказала Ридра. — У них железные сердечники. Намагнитьте стены камеры — прикрепим их, потом отпустим все одновременно.

Рон в недоумении пошел исполнять.

— До сих пор не понимаете? Вы же математики. Что вы знаете о больших кругах?

Калли взял пригоршню шариков и начал по одному прикладывать их — дзынь, дзынь — к сферической стене.

— Диаметр большого круга равен диаметру сферы, — сказал Рон, вернувшийся от рубильника.

— Сумма углов треугольника, образованного на сфере пересечением трех дуг больших кругов, приближается к пятистам сорока градусам. Сумма углов N-угольника, образованного на сфере пересечением N дуг больших кругов, приближается к произведению N на сто восемьдесят

градусов. — Это Моллья подвижным музыкальным голосом отчеканила определения, которые она как раз утром начала вводить в свою память на английском с помощью персонафикса. — Шарик сюда, да?

— Да, по всей сфере. По возможности на равных расстояниях друг от друга, но как получится. Про пересечения расскажите поподробнее.

— Большие круги на любой сфере, — начал припоминать Рон, — либо пересекаются, либо подобны друг другу.

— Вот как, — улыбнулась Ридра. — А есть еще окружности на сфере, которые обязаны пересекаться в любом положении?

— По-моему, все остальные окружности можно расположить так, чтобы они были равноудаленными друг от друга в каждой точке и не соприкасались. А любые два больших круга пересекаются как минимум в двух точках.

— Посмотрите теперь на эти шарики, которые летают по большим кругам. В голову ничего не приходит?

У Молльи вдруг изменилось выражение лица; она оттолкнулась от стенки, в возбуждении сцепила руки и быстро заговорила на суахили.

— Все верно, — улыбнулась Ридра и перевела

для растерянных навигаторов: — Они поплывут навстречу друг другу, и их пути пересекутся.

Калли широко раскрыл глаза:

— Точно! Ровно за четверть нашего витка они выстроятся в круг.

— …расположенный на плоскости нашей орбиты, — закончил Рон.

Моллья нахмурилась и развела руками, как бы что-то растягивая.

— Ну да, — сказал Рон, — круг с двумя вытянутыми хвостами. Так и поймем, где Земля.

— Ловко, а? — сказала Ридра и направилась в коридор. — Сперва прикинем, потом выстрелим ракетами и сместим орбиту миль на семьдесят-восемьдесят вверх или вниз. Думаю, ни во что не попадем. Далее рассчитаем протяженность орбиты и скорость. Этого хватит, чтобы вычислить координаты относительно ближайшего крупного гравитационного центра. Ну и вперед в гиперстазис. Там уже сможем запросить помощь и подлатаем что нужно на стазисной станции.

Изумленные навигаторы вышли за ней.

— Даю обратный отсчет, — сказала Ридра.

Услышав «ноль», Рон отключил ток и размагнитил стены. Шарики медленно поплыли навстречу друг другу и стали выравниваться.

— Да уж, век живи… — протянул Калли. — Честное слово, я уж думал, мы тут застряли с концами. А ведь такие вещи навигатор должен знать. Как ты догадалась?

— Увидела, как будет «большой круг» на… другом языке.

— Язык говориль слов? — спросила Моллья. — Не понимать.

— Сейчас. — Ридра достала панель-блокнот и стилус. — Я, конечно, упрощаю, но смотрите. Допустим, на этом языке «круг» будет «О». — Она сделала пометку. — Сравнительные степени в этом языке передаются тонами. Мы их запишем диакритическими значками: ˇ, ¯ и ˆ, то есть: самый маленький, обычный и самый большой. Что тогда значит «Ǒ»?

— Наименьший круг? — предположил Калли. — То есть, по сути, точка.

Ридра кивнула:

— Далее, когда речь идет об окружности на сфере, вслед за обозначением обычного круга, Ō, может идти один из двух символов. Первый показывает отсутствие соприкосновений, ||, второй — пересечение: X. Что тогда значит «ÔX»?

— Большие круги, которые пересекаются, — ответил Рон.

— А поскольку все большие круги пересекаются, в этом языке понятие «большой круг» всегда обозначается как «ÔX». То есть информация об объекте заключена уже в самом слове. Это как «вертолет» или «подкоп». Да, у нас есть словосочетание «большой круг», но в нем нет того, что помогло бы выбраться из этой переделки. Значит, надо перейти на другой язык, на котором думать о проблеме можно четче, не ходить вокруг да около и сразу увидеть ключевые для нас нюансы.

— И что это за язык?

— Как на самом деле называется, не знаю. Пока что условно — Вавилон-семнадцать. Я с ним только начала разбираться, но уже ясно: там в словах заключено больше информации о вещах, на которые они указывают, чем в соответствующих лексемах на любых четырех-пяти языках, которые я знаю, вместе взятых. Притом что слова Вавилона еще и короче.

Ридра вкратце перевела для Молльи.

— Кто говорит? — спросила та, желая по максимуму использовать свои скудные познания в английском.

Ридра прикусила губу. Когда она задавала тот же самый вопрос себе, у нее начинало сосать под ложечкой, руки сами простирались навстречу

чему-то и жгучее желание найти ответ отдавалось чуть ли не болью в горле. Так произошло и сейчас. Через несколько секунд отпустило.

— Не знаю. А очень хотелось бы. Это главная цель нашей экспедиции — узнать, кто на нем говорит.

— Вавилон-семнадцать, — повторил Рон.

Сзади раздалось покашливание. Парнишка из трубопроводной бригады.

— Что, Карлос?

Коренастый, вихрастый, с буграми ленивых мышц, Карлос напоминал молодого черненького бычка.

— Капитан, вы не могли бы посмотреть? — сказал он с легким присвистом; неловко переминаясь, он постучал о порог босой ступней, покрытой мозолями от карабканья по горячим приводным трубам. — Там, в коллекторе. Вам бы лично взглянуть.

— Тебя за мной Капрал прислал?

Карлос почесал за ухом пальцем с обкусанным ногтем:

— Аха.

— Справитесь тут без меня?

— Само собой, — ответил Калли, взглянув на шарики.

Ридра нырнула в проход вслед за Карлосом. Они спустились на лестничном подъемнике, пригнувшись, прошли по подвесному переходу.

— Сюда, — смущенно сказал Карлос и повел капитана под проложенными над головой электрическими шинами.

Дойдя до сетчатой платформы, он остановился и открыл щит на стене.

— Посмотрите. — Он вынул печатную плату. — Вот.

По пластмассовой поверхности шла тонкая трещина.

— Кто-то сломал.

— Как?

— Вот так.

Карлос взял плату обеими руками и сделал вид, что сгибает.

— Сама не могла?

— Нет. В щите она очень надежно закреплена. Кувалдой не разобьешь. Здесь все схемы для систем связи.

Ридра кивнула.

— А вот гироскопические дефлекторы поля для обычной космической навигации…

Он открыл другую дверцу и достал новую панель.

Ридра провела ногтем по еще одной трещине.

— Значит, сломал кто-то из своих. Отнеси в мастерскую. Скажи Лиззи, чтобы перепечатала и принесла мне — я сама установлю. И заодно шарики отдам.

II

Бросьте драгоценный камень в густое масло. Сияние понемногу желтеет, становится цвета янтаря, краснеет, наконец угасает. Так корабль уходит в гиперстатическое пространство.

Задумавшись над таблицами, Ридра сидела за компьютером. С начала путешествия ее словарь вырос вдвое. Половина ее сознания испытывала удовлетворение, как желудок после сытного обеда.

Слова, послушные ее пальцам, ее языку, легко собирались перед ней в логичные комбинации, открывали, определяли и снова открывали.

Но был предатель. Эти вопросы, кто, что и почему, этот вакуум, никак не желавший заполняться ответами, зиял в другой половине ее сознания пустотой, которая до боли стремилась схлопнуться. Кто-то специально испортил платы. Вот и Лиззи подтвердила. Какими словами это описать? Пе-

речень имен всех членов экипажа, и напротив каждого — вопрос.

Бросьте драгоценный камень в россыпь других камней. Так корабль выпрыгивает из гиперстазиса вблизи военных заводов Альянса в Армседже.

Ридра за пультом управления надела сенсорный шлем.

— Переведете?

Замигал подтверждающий индикатор. Бестелесные наблюдатели воспринимают нюансы гравитационных и электромагнитных флуктуаций статических течений всеми своим органами чувств на определенных волнах, каждый в своем диапазоне. Таких нюансов — огромное множество, и пилот ведет корабль по этим течениям, примерно как рулевые водили парусники по водной глади. Но сенсорный шлем позволяет капитану оценить общую матрицу, воспринять эти нюансы в упрощенном виде, без подробностей, которые мозг телесного наблюдателя не в состоянии вынести.

Она надела шлем, закрывающий глаза, уши и ноздри.

Комплекс станций и планетоидов, составляющий военные заводы, теперь плыл у нее перед глазами словно проброшенный сквозь синие

кольца и прохваченный спиралями цвета индиго. В наушниках звучал мелодичный гул, прерываемый всхрипами помех. Обонятельные излучатели выдали смесь парфюмерных запахов с горячим маслом плюс воспроизвели горький привкус жженой цитрусовой кожуры. Ощущение реальности корабля пропало, и Ридра поплыла в море чувственных абстракций. Только где-то через минуту ей удалось совладать со всеми этими ощущениями и приготовиться слушать перевод.

— Так что у меня перед глазами?

— Огни — это планетоиды и кольцевые станции заводов, — заговорил Глаз. — Синее пятно слева — радарная сеть, развернутая к Звездоцентру-сорок два. Красные всполохи в правом верхнем углу — просто отражение Беллатрикс от полуматового солнечного диска, который вращается в четырех градусах от границы твоего поля зрения.

— Что это гудит?

— Наши двигатели, — вступил Ухо. — Не обращай внимания. Если хочешь, я отфильтрую.

Ридра кивнула, и гул прекратился.

— Щелчки… — продолжил Ухо.

— …это морзянка. Узнала. Надо думать, два радиолюбителя не хотят светиться на видеоканалах.

— Точно.

— А что так воняет?

— Основной запах, — сказал Нос, — гравитационное поле Беллатрикс. Обонятельный канал у тебя не стерео, но жженая кожура — это электростанция в зеленом свечении прямо по курсу.

— Где швартуемся?

— В районе ми минора.

— В кипящем масле слева.

— Вон там, в белом кружке.

Ридра переключилась на пилота:

— Давай, Коготь, садимся.

Глайдер соскользнул вниз по пандусу. Удерживать равновесие при восьмидесятипроцентной гравитации было удобно. Сгущались искусственные сумерки, ветер раздувал волосы за спиной. Вокруг простирался главный арсенал Альянса. А ведь в границах Альянса она родилась по воле случая; появись она на свет в соседней галактике — вполне могла бы сейчас быть захватчиком. Стихи ее любили и там, и там. Неприятная была мысль, и она отмела ее в сторону. В самом сердце военных заводов Альянса думать о таких вещах было не очень умно.

— Капитан Вон, прибыли по договоренности с генералом Форестером?

Она кивнула, останавливая глайдер.

— Он сообщил, что в настоящий момент вы главный эксперт по Вавилону-семнадцать.

Она снова кивнула. Другой глайдер замер перед ней.

— В таком случае очень рад познакомиться. Готов предоставить любую посильную помощь.

Она протянула руку:

— Спасибо, барон Вер Дорко.

Его черные брови приподнялись, прорезь рта на темном лице закруглилась.

— Вы разбираетесь в геральдике?

Он указал своими длинными пальцами на герб у себя на груди.

— Да.

— Весьма похвально. В наше время все так разобщены, почти никто не общается с соседями, как будто каждый говорит на своем языке.

— Я говорю на многих.

Барон кивнул:

— Иногда мне кажется, капитан Вон, что, не случись Вторжения, если бы Альянсу не пришлось на чем-то сосредоточить все силы, наше общество совсем бы распалось. Капитан Вон… — Он запнулся, морщины у него на лице задвигались, сошлись вместе, затем вдруг расправились. —

Ридра Вон?

Она кивнула, улыбнулась в ответ, но внутри насторожилась: что дальше?

— Я не сообразил…

Он опять протянул руку, как будто заново знакомился.

— Ну конечно…

Его прежняя маска и вся манера держаться осели, как пласт песка, и, если бы она не видела этого преображения, сейчас бы искренне прониклась симпатией к этому сердечному человеку.

— Ваши книги, знаете…

Он не закончил фразы и только слегка покачал головой. Карие глаза чересчур распахнуты; улыбка чересчур смахивает на ухмылку; руки безотчетно пытаются сцепиться в замок — все это выдает слишком уж большую жажду ее присутствия, ненасытную страсть к тому, что есть или что он видит в Ридре, разгоревшийся аппетит…

— Ужин у меня дома подают в семь, — прервал он ее размышления как-то очень впопад. — Сегодня вечером вы ужинаете с баронессой и со мной.

— Спасибо. Но я хотела обсудить с командой…

— Мое приглашение распространяется на всю вашу свиту. У нас просторный дом; к вашим услугам — комнаты для совещаний, не говоря уже о

развлечениях; вам, несомненно, будет вольготнее, чем на корабле.

Этот отливающий фиолетовым язык, который мелькает за белоснежными зубами, эти коричневые губы, думала Ридра, порождают слова лениво, неспешно, словно движутся медленные жвала богомола-каннибала.

— Приходите, пожалуйста, пораньше: мы хотим вас приготовить…

Она чуть не вскрикнула — и тут же почувствовала себя по-дурацки. Он сузил глаза: заметил ее испуг, но не понял его причину.

— …к экскурсии по заводам. Генерал Форестер предложил посвятить вас во все, чем мы занимаемся для борьбы с захватчиками. Это большая честь, капитан Вон. На заводах служат немало бывалых офицеров, которые никогда не видели кое-чего из того, что увидите вы. Хотя в основном ничего увлекательного. Выйдете оттуда нашпигованной массой утомительных подробностей. Впрочем, есть и довольно остроумные вещи. Стараемся, так сказать, подогревать воображение на медленном огне.

Я с ним параноиком стану, подумала она. Не нравится он мне.

— Не хотелось бы излишне затруднять вас,

барон. И на корабле меня ждут определенные дела, которые…

— Но я прошу вас! Если примете мое приглашение, это немало облегчит исполнение вашей миссии. Кроме того, визит столь талантливой и всеми почитаемой гостьи сделает честь моему дому. А я, признаться, в последнее время изголодался… — темные губы сомкнулись на сияющих зубах, — по просвещенной беседе.

Ее челюсти невольно сжались, перед тем как произнести третий церемонный отказ. Но барон уже говорил:

— Буду ожидать вас и ваш экипаж около семи, когда вам будет удобно.

И его глайдер побежал в обратную сторону.

Ридра обернулась к «Рембо»: команда стояла у входа на пандус, на фоне искусственно вечереющего неба четко вырисовывались силуэты. Она пустила глайдер вверх.

— Ну, Дьявало, — сказала она альбиносику, которому только день назад сняли шину, — ты сегодня выходной. Капрал, экипаж пригласили на ужин. Надо ребят поднатаскать насчет этикета. Каким ножом зеленый горошек накладывают и все такое.

— Вилка для салата — маленькая с краю! — Ка-

прал щеголевато повернулся ко взводу.

— А та, что еще меньше и еще дальше, для чего? — спросила Аллегра.

— Для устриц.

— А если не будет устриц?

Флоп согнутым пальцем потер нижнюю губу:

— Наверно, тогда в зубах ковырять.

Коготь положил лапу Ридре на плечо:

— Как себя чувствуешь, капитан?

— Как поросенок на вертеле.

— Что-то ты будто в пани…

— В панировке? — вскинулась Ридра.

— В панике, — озадаченно договорил Калли.

— Может, переработала. Сегодня вечером идем на ужин к барону Вер Дорко. Надеюсь, все немного отдохнем.

— Вер Дорко? — спросила Моллья.

— Он координирует работу оборонных лабораторий.

— Это там придумывают всякие большие и страшные штуковины? — спросил Рон.

— Делают и маленькие, еще страшнее. Думаю, узнаем много нового.

— Если такой «несчастный случай», — сказал Коготь (Ридра вкратце ввела его в курс дела), — устроят здесь, вся наша оборонка может

накрыться медным тазом.

— Да уж, самый центр. Хуже — только Штаб-квартиру Альянса подорвать.

— А ты сможешь им помешать? — спросил Капрал.

Ридра пожала плечами, повернулась к мерцающим бестелесным пустотам.

— Есть кое-какие задумки. Ребята, можно вас попросить нарушить сегодня законы гостеприимства и немного пошпионить? Глаз, останься, пожалуйста, на корабле и последи, чтобы никого больше тут не было. Ухо, когда пойдем к барону, сделайся невидимым и, пока не вернемся, не отходи от меня больше чем на шесть футов. Нос, ты за связного. Не нравится мне все это. Может, конечно, воображение разыгралось.

Глаз сказал что-то зловещее. Вообще, телесные могут общаться с бестелесными — так, чтобы разговор запоминался, — только через специальные приборы. Но Ридра нашла другой выход: все, что они ей говорили, она мгновенно переводила на баскский, пока не успели разорваться синапсы. И хотя сами сказанные слова терялись, перевод оставался в памяти. «Сломанные платы — это не воображение» — так примерно прозвучала фраза на баскском.

Она оглядела экипаж, и на душе у нее заскребли кошки. Если бы у кого-то из солдат или офицеров просто были патологические деструктивные наклонности, они отразились бы в психоиндексах. Значит, тут сознательный саботаж. Мысль об этом причиняла боль, как заноза в ноге, которую никак не можешь найти, но которая при ходьбе то и дело колет. Она вспомнила, как сколотила команду за ночь. Гордость. Теплая гордость при мысли о том, как спаянно они работали, ведя ее корабль между звездами. Тепло происходило от чувства облегчения: как же хорошо, что с машиной под названием корабль не случилось всего того, что бывает, когда машина под названием экипаж работает несогласованно и нечетко. Другую часть ее сознания наполняла холодная гордость — за то, как гладко и ловко скользят отполированные до блеска детали этой машины: и ребята без жизненного и служебного опыта, и старшие, выдержавшие такие удары, что могли бы покрыться шрамами и заусенцами и начать цепляться за других. Но нет: она выбрала их мудро, сделала так, чтобы на корабле, в ее мире, было радостно ходить, жить, работать — на протяжении всей экспедиции.

Но завелся предатель.

И что-то замкнуло. «Где-то в Эдеме… — вспомнила она, вновь оглядывая своих спутников. — Где-то в Эдеме — червь, червь». Сломанные платы означали, что червь хотел погубить не только ее, но и корабль, его команду, содержимое — погубить медленно. Она вошла в темную каюту — ни лезвия во тьме, ни выстрела из-за угла, ни удавки на горле. Хватит ли Вавилона-17, чтобы выговорить на нем себе жизнь?

— Капрал, барон попросил меня прийти пораньше — посмотреть новейшие методы убоя. Приведи ребят вовремя, хорошо? А я пошла. Глаз, Ухо, присоединяйтесь.

— Будет сделано! — Это Капрал.

Бестелесные развоплотились. Она вновь вывела глайдер на пандус и заскользила вниз под взглядами салажат и офицеров, недоумевающих, что́ ее так встревожило.

III

— Это все грубо, примитивно. — Барон указал на выстроенные в ряд по размеру пластмассовые цилиндры. — Жаль даже время тратить на такую нелепость. Этот маленький бочонок уничтожает все на площади около пятидесяти

квадратных миль. Большие оставляют воронку глубиной двадцать семь миль и диаметром сто пятьдесят. Сущее варварство. Не одобряю. Вот эта штучка слева действует уже потоньше. Первого взрыва хватает, чтобы уничтожить приличных размеров здание. Но внутренний корпус под развалинами остается невредимым. А через шесть часов — второй взрыв, примерно как у средних размеров атомной бомбы. То есть у жертв как раз достаточно времени, чтобы подтянуть спасателей, тяжелую технику, экспертов для оценки ущерба, сестер Красного Креста, или как они там называются у захватчиков. А потом — бабах! Водородный взрыв, и воронка на тридцать-сорок миль. С точки зрения разрушительной силы она проигрывает даже самым маленьким из этих, зато уничтожает массу техники и активистов-хлопотунов. И все равно это детские игрушки. В личную коллекцию добавил, просто чтобы было ясно, что стандартный арсенал у нас есть.

Через арочный проход они переместились в следующий зал. Вдоль стен стояли картотечные шкафы, а в центре располагалась единственная витрина.

— А вот этим я по-настоящему горжусь.

Барон подошел к витрине, и прозрачные стен-

ки раскрылись.

— Что это?

— А на что похоже?

— Гм… на обломок камня.

— На железку, — поправил барон.

— Она что, разрывная? Или особо твердая?

— Нет, взрыва от нее не будет, — заверил барон. — Твердость чуть выше, чем у сплава стали с титаном, но есть гораздо более твердые пластики.

Ридра сделала было движение рукой, но решила сперва спросить:

— Можно взять посмотреть?

— Вряд ли у вас получится. Можете попробовать.

— А что будет?

— Посмотрите сами.

Она протянула руку, но пальцы сомкнулись дюйма на два выше матовой поверхности. Ридра нахмурилась, взяла чуть левее, но опять промахнулась мимо загадочного обломка.

— Минуточку. — Барон с улыбкой взял его в руки. — Если бы такой просто валялся на земле, вы бы и внимания не обратили, да?

— Отравленный? Или деталь от чего-то?

— Нет. — Барон задумчиво осмотрел вещицу

со всех сторон. — Просто отличается высокой избирательностью. И услужливостью.

Он поднял руку:

— Предположим, вам нужен пистолет… — В его руке вдруг оказался новейший вибралайзер, каких Ридра даже и не видела. — Или разводной ключ… — Он подкрутил винт головки. — Или мачете… — В воздухе сверкнуло лезвие. — Или компактный арбалет…

У него была пистолетная рукоятка, а плечи в длину не превышали десяти дюймов, но пружина была двойная, закрепленная болтами диаметром четверть дюйма. Барон нажал на спусковой крючок (стрелы не было), и от хлопка тетивы и протяжного звона плеч челюсти у Ридры сжались.

— Это иллюзия, да? — спросила она. — Поэтому я не могла его взять?

— Кувалда, — сказал барон.

В руках у него появился молоток с внушительной головкой. Он размахнулся и ударил по основанию витрины — раздался оглушительный лязг.

— Смотрите.

Ридра увидела круглую вмятину; в середине выделялся нечеткий рельеф герба Вер Дорко.

Она провела пальцами по выпуклому металлу: поверхность от удара еще была чуть теплая.

— Нет, не иллюзия, — сказал барон. — С сорока ярдов этот арбалет пробьет навылет трехдюймовый дубовый брус. Ну а вибралайзер — сами знаете. — Он вытянул руку (сейчас в ней снова был простой кусок металла) над витриной. — Вы не положите на место?

Она подвела свою ладонь под его, он разжал руку, она сомкнула пальцы, но предмет сам по себе оказался на подставке.

— Никаких фокусов. Только избирательность и… услужливость.

Он прикоснулся к краю демонстрационного короба, и пластмассовые створки закрылись.

— Занятная игрушка. Пойдемте дальше.

— Но как она работает?

Вер Дорко улыбнулся:

— Нам удалось так поляризовать сплавы тяжелых элементов, чтобы они существовали только в определенных матрицах восприятия. Во всех других они не поддаются обнаружению. Их можно только увидеть, — кстати, визуальный канал при желании тоже можно заблокировать. Нет ни массы, ни объема — из физических свойств остается только инерция. А значит, стоит проне-

сти такую вещь на гиперстатический корабль, и его приборы выйдут из строя. Два-три грамма таких сплавов поблизости от инерционно-стазисной системы создают огромное количество не поддающихся учету нагрузок. Вот вам и главное предназначение: если внедрить такие элементы в корабли захватчиков, о нападениях можно будет забыть… Остальное — так, детские забавы. Оказывается, поляризованное вещество обладает эффектом памяти. — Они подошли к проходу в следующий зал. — Если его отжечь в определенной форме и медленно охладить, то молекулярная структура формы запишется до мельчайших подробностей. Под любым углом к направлению поляризации у каждой молекулы абсолютная свобода движения. Но стоит встряхнуть — и вся система возвращается к первоначальной структуре, как смятая резиновая фигурка, когда разжали кулак.

Барон оглянулся на витрину.

— На самом деле довольно просто. А вон там, — он махнул рукой в сторону картотечных шкафов, — настоящее оружие. Примерно три тысячи чертежей того, во что можно превратить этот поляризованный обломок. «Оружие» — это понимание, что можно сделать с тем, что у тебя

есть. В рукопашной схватке смерть могут нести шесть дюймов ванадиевой проволоки. Если вогнать ее во внутренний угол глаза, она по диагонали прошьет лобные доли мозга. Если потом резко повернуть вниз, то проткнет мозжечок — вот и полный паралич. Если загнать целиком в глубину — размолотит сочленение спинного мозга и продолговатого мозга. Смерть. И той же проволокой можно вывести из строя систему связи «Тип двадцать семь-Кью-Икс», которая в настоящее время используется в стазисных системах у захватчиков.

У Ридры вдоль хребта пробежал холодок: отвращение, которое все это время ей удавалось в себе подавлять, накрыло с новой силой.

— Следующие экспонаты — дело рук «Борджа»! — засмеялся он. — Так я называю наш токсикологический отдел. Опять же весьма грубые вещи.

Он взял с полки на стене запечатанный стеклянный флакон.

— Чистый дифтерийный токсин. Здесь хватит, чтобы заразить водохранилище крупного города — до смертельного уровня.

— А как же обязательная вакцинация… — начала Ридра.

— Дифтерийный токсин, дорогая моя. Токсин! Раньше, когда еще были заразные заболевания, при вскрытии умерших от дифтерии обнаруживали что? Всего несколько сотен тысяч бацилл, причем только в горле, больше нигде. Будь это другие бактерии, обошлось бы легким кашлем. Годы ушли на то, чтобы понять, в чем дело. Это крошечное количество бактерий вырабатывало совсем уже микроскопическое количество вещества, которое до сих пор считается самым смертоносным органическим соединением в природе. Чтобы убить человека — да даже тридцать-сорок человек, если на то пошло, — достаточно, по сути, незаметной, не поддающейся обнаружению капли. До сих пор, несмотря на весь прогресс, получить это вещество можно было только от услужливой дифтерийной бациллы. Но «Борджа» придумал другой способ. — Он указал на другую бутылочку. — Цианистый калий. Старая гвардия! Правда, характерный запах миндаля… Вы не проголодались? Только скажите — и прервемся на коктейли.

Она быстро и решительно помотала головой.

— А это катализаторы. Деликатес! — Он водил рукой от склянки к склянке. — Дальтонизм. Слепота. Тональная глухота. Полная глухота.

Атаксия. Амнезия. И так далее. — Он опустил руку и ухмыльнулся, как голодный грызун. — И все это можно спровоцировать этим. Обычно, если нужен настолько специфический эффект, приходится вводить огромное количество вещества: десятую часть грамма и больше. Потому-то и нужны катализаторы. Можно выпить любой из этих флаконов хоть целиком, и ничего не будет… — Он взял последний в ряду контейнер и нажал на штырек, еле слышно зашипел высвобождающийся газ. — До этого момента. Совершенно безвредный пульверизированный стероид…

— Но он активизирует яды, которые вызывают у человека… такое?

— Совершенно верно, — улыбнулся барон. — Причем катализатор требуется почти в таких же микроскопических дозах, как токсин дифтерии. Если выпьете эту голубую баночку, полчаса немного поболит голова и живот, и все. Зеленую — полная атрофия головного мозга за неделю. Человек превращается в овощ. Фиолетовую — смерть. — Он повернул вверх ладони и со смехом развел руками. — Страшно проголодался. — Руки опустились. — Может быть, поднимемся к ужину?

Спроси, что вон в той комнате, сказала она сама

себе и не придала бы значения этому мимолетному всплеску любопытства, но мысль пришла в голову на баскском: сообщение от ее бестелесного телохранителя.

— Когда я была маленькая, — сказала она, подходя к нужной двери, — после прилета на Землю меня повели в цирк. Я тогда впервые увидела так много увлекательных вещей так близко и в одном месте сразу. Меня час не могли уговорить пойти домой. А что в этой комнате?

Мышцы у него на лбу чуть дернулись, выдавая удивление.

— Покажите! — улыбнулась она.

Он поклонился, изображая шутливую покорность:

— Современная война ведется на многих восхитительно разнообразных уровнях. — Он поравнялся с ней и продолжил экскурсию, как будто все так и было задумано. — Можно выиграть сражение с помощью боевых топоров и мушкетонов, которые вы видели в первом зале, а можно — удачно воткнув ванадиевую проволоку в систему связи «Тип двадцать семь-Кью-Икс». Если определенные приказы опоздают, схватка и не начнется. Оружие, экипировка плюс обучение, проживание, довольствие: за два года службы

на космолетчика приходится истратить три тысячи кредитов. Гарнизон из полутора тысяч солдат влетит в четыре с половиной миллиона. Для его размещения понадобятся три боевых гиперстатических корабля, каждый из которых с полным снаряжением потянет на полтора миллиона. Итого получается девять миллионов. На подготовку одного шпиона или диверсанта мы тратили иногда по миллиону кредитов. И это в исключительных случаях. А шесть дюймов ванадиевой проволоки стоят, если не ошибаюсь, треть цента. Война — занятие дорогое. И в Штаб-квартире Альянса, хоть и с запозданием, начинают понимать, что выгоднее действовать тонко. Сюда, мисс… капитан Вон.

И вновь они оказались в помещении с единственным демонстрационным шкафом, но только он был семь футов в высоту.

Статуя, подумала Ридра. Да нет, настоящее тело: прочерчен каждый мускул, каждый сустав. Хотя нет, не может быть: настоящее тело, мертвое или в анабиозе, никогда не выглядит таким… живым. Такого эффекта может добиться только скульптор.

— Так что, как видите, от подготовки шпионов зависит многое. — Барон из вежливости придер-

жал и без того раскрывшуюся автоматическую дверь. — Перед вами одна из самых дорогих моделей, хотя все равно гораздо дешевле миллиона. Одна из моих любимых, хоть и не без недостатков. Когда доработают отдельные нюансы, хочу ввести ее в базовый компонент арсенала.

— Модель шпиона? Это какой-то робот? Или андроид?

— Ни в коем случае.

Они подошли к стеклянному коробу.

— Мы изготовили шесть «ТВ-пятьдесят пять». Проделали огромную работу по подбору генетического материала. Сейчас благодаря медицине живет и со страшной скоростью размножается столько бездарного человеческого шлака — еще несколько столетий назад у них бы не было шансов. В общем, тщательно выбрали наших родителей, провели искусственное оплодотворение и получили шесть зигот: три мужские и три женские. Как мы над ними тряслись! Питательная среда рассчитана до мелочей. Рост подогнали гормонами и еще кое-чем. Но самое замечательное — экспериментальный импринтинг. Великолепные, здоровые создания. Вы бы знали, какой тщательный за ними уход.

— Я раз провела лето на ферме, — буркнула

Ридра.

Барон коротко кивнул:

— Мы применяли экспериментальный импринтинг и раньше, методика уже существовала. Но никогда еще не удавалось полностью смоделировать сознание шестнадцатилетнего человека. До шестнадцати мы их, кстати, дорастили за шесть месяцев. Вы только посмотрите, какой экземпляр! Рефлексы в полтора раза быстрее, чем у обычных людей в этом возрасте. Роскошная мускулатура. Даже если он полгода будет страдать от тяжелой миастении и на три дня останется без пищи, то на нужных стимуляторах все равно сможет перевернуть полуторатонный автомобиль. При этом погибнет, но все равно — КПД невероятный. Можете представить, на что способно совершенное тело, которое в любой момент работает на пределе возможностей? Даже просто с точки зрения физической силы.

— А я думала, гормонное стимулирование роста запретили. Разве от него продолжительность жизни не сокращается как-то очень резко?

— Если пользоваться в таком объеме, то сокращение составляет семьдесят пять процентов и больше. — Он улыбался так, будто наблюдал за каким-то чудны́м зверьком, вытворяющим стран-

ные штуки. — Но позвольте, мисс Вон, мы ведь делаем оружие. Если «ТВ-пятьдесят пять» проработает с предельным КПД двадцать лет, это уже на пять лет больше, чем среднестатистический крейсер. Не забывайте про экспериментальный импринтинг! Чтобы найти среди обычных людей того, кто мог бы, хотел бы стать шпионом, нужны кандидаты на грани невроза, даже психоза. А такие отклонения хотя и могут усиливать одну какую-то область, в целом всегда личность ослабляют. Когда шпион работает за пределами этой области, эффективность его снижается до опасных уровней. А захватчики тоже следят за психоиндексами, и обычный шпион никогда не попадет в те места, где он нам мог бы пригодиться. Если хорошего шпиона поймают, он для нас в десять раз опаснее плохого. Постгипнотические суицидальные установки и все такое прочее легко сбить медикаментами — никакого смысла в них нет. А «ТВ-пятьдесят пять» при интеграции выдает совершенно нормальные показатели. В него заложено примерно шесть часов светских бесед, краткое изложение новейших романов, политических событий, критических статей о музыке и живописи. По-моему, кстати, за вечер он должен упомянуть вас дважды — такой

чести удостаивается еще только Рональд Квар. Запрограммирована одна тема, на которую он способен рассуждать полтора часа оригинально и со знанием дела. У этого, если не ошибаюсь, «гаптоглобиновые комплексы у сумчатых». Если его прилично одеть, он не ударит в грязь лицом ни на посольском балу, ни в кулуарах правительственной конференции. Убийца высшей категории, превосходно обращается со всем оружием, которое вы видели, и многим другим. Способен на четырнадцати диалектах, жаргонах и с разными акцентами двенадцать часов рассказывать о любовных похождениях, карточных баталиях, потасовках и забавных и не вполне легальных затеях, которые оканчивались неизменным провалом. Если надорвать на нем рубашку, измазать лицо и надеть комбинезон, легко сойдет за самого обычного механика с одного из сотни звездоцентров или звездоверфей на той стороне Пояса. Он выведет из строя любой двигатель, систему связи, радарную установку и сигнальное устройство, которые стояли на вооружении у захватчиков за последние двадцать лет, причем всего лишь с помощью…

— Шести дюймов ванадиевой проволоки?

Барон усмехнулся:

— Отпечатки пальцев и рисунок радужной оболочки он может менять по своему усмотрению. С ним поработали наши нейрохирурги, и теперь все лицевые мышцы у него управляются сознательно. То есть при желании он может кардинально изменить структуру лица. Под кожу головы зашиты резервуары химических красителей и гормонов, так что цвет волос он может изменить за секунды. А если нужно, вообще сбросит волосяной покров и отрастит новый за полчаса. «ТВ-пятьдесят пять» — непревзойденный мастер психологии и физиологии принуждения.

— То есть пытки?

— Если угодно. Он всецело послушен людям, по отношению к которым ему внушили чувство подчиненности; всецело беспощаден к тому, что ему приказали уничтожать. В этой прекрасной голове нет и намека на супер-эго.

— Он… — сказала она и сама удивилась своим словам, — прекрасен.

Глаза с темными ресницами и веками, словно подрагивающими от желания раскрыться, широкие ладони на уровне голых бедер, полусогнутые пальцы, готовые распрямиться или сжаться в кулак. Подсветка создавала на загорелой, но почти

прозрачной коже эффект легкой дымки.

— Говорите, это не модель? Он живой?

— Более или менее. Но сейчас он в глубоком трансе, примерно как у йогов, или, как ящерица, в спячке. Могу, если хотите, его активировать — но уже без десяти семь. Не хотелось бы заставлять остальных гостей дожидаться за столом.

Она перевела взгляд с человека в стеклянном шкафу на обтянутое тусклой кожей лицо барона. За слегка впалой щекой нижняя челюсть у него непроизвольно двигалась в суставе.

— Цирк — вещь хорошая, — сказала Ридра, — но я выросла. Пойдемте.

Усилием воли она заставила себя взять его под руку — невесомую и сухую на ощупь, словно папиросная бумага. Ридре с трудом удалось не поморщиться.

IV

— Капитан Вон, как я рада!

Баронесса протянула мясистую руку розовато-серого оттенка, как бы слегка отваренную. Ее полные веснушчатые плечи вздымались под бретельками вечернего платья, пошитого со вкусом, но все же смотрящегося на разбухшем теле

довольно гротескно.

— У нас на заводах так мало развлечений, что, когда выпадает честь принимать такого блестящего гостя…

Она закончила мысль тем, что предполагалось как восторженная улыбка, но обвислые, словно обсыпанные мукой щеки изобразили нечто вздувшееся и поросячье.

Ридра продержала в своей руке мягкие, податливые пальцы кратчайшее позволенное этикетом время и улыбнулась в ответ. Она вспомнила, как в детстве ей запрещали плакать, когда ее наказывают. Но улыбаться было еще хуже. От баронессы исходила огромная, бессмысленная, задушенная тишина. Ридра привыкла, что контрапунктом к любому разговору идут сообщения от неуловимых мышечных движений собеседника, но здесь они были еле заметны под слоем жира. И хотя слова баронессы вылетали из толстых губ резкими вскриками, казалось, будто говорит она через толстое одеяло.

— Но как же ваша команда? Мы приглашали всех.

Я-то знаю, что полный экипаж — это двадцать один человек. — Она шутливо погрозила пальцем. — Тоже кое-что читаю. А вас тут только

восемнадцать.

— Я подумала, бестелесным лучше остаться на борту, — объяснила Ридра. — Чтобы с ними общаться, нужны специальные устройства. Да и другим гостям может стать не по себе. На самом деле они предпочитают общество друг друга и вдобавок не едят.

«У них на ужин жареный ягненок, а за вранье попадешь на том свете в ад», — сказала она сама себе — по-баскски.

— Бестелесные? — Баронесса поправила лакированные завитки своей сложнейшей высокой прически. — То есть мертвые? Ну конечно! Я совсем не подумала. Вот видите, как мы живем — каждый будто на необитаемом острове. Я распоряжусь, чтобы их тарелки убрали.

Ридра задумалась, не включил ли барон датчики бестелесности, но тут баронесса наклонилась к ней и конфиденциально прошептала:

— Ваши мóлодцы тут всех очаровали! Пойдемте?

Так из отделанной белым камнем прихожей они и проследовали в зал: слева Ридру вел барон (будто ее руку подвесили на пергаментную повязку); справа напирала на плечо баронесса, сырая и одышливая.

— Капитан! — гаркнул Калли и устремился к ним. — Недурное местечко, а?

Локтями он показал на заполненный гостями зал, потом приподнял бокал — продемонстрировать его размер. Выпятил кубы и одобрительно кивнул:

— Сейчас принесу тебе этих штучек. — В другой руке у него была тарелка с крошечными бутербродами, оливками, фаршированными печенкой, и рулетами из чернослива с беконом. — Где-то тут был парнишка с целым подносом.

Он опять показал локтями.

— Мэм, сэр, — перевел он взгляд с баронессы на барона, — вам, может, тоже взять?

Он закинул в рот бутерброд и прихлебнул из бокала:

— Мммагм.

— Я подожду, пока он сюда подойдет, — ответила баронесса.

Ридра с любопытством взглянула на хозяйку, но ее толстое лицо было растянуто улыбкой, на этот раз гораздо более естественных размеров.

— Как вам? Вкусно?

— Очень, — проглотив, сказал Калли; затем сморщился, оскалился и потряс головой. — Только вот эти, жутко соленые, с рыбками, — эти

мне совсем не понравились, мэм. Остальные что надо.

— Честно говоря, — баронесса наклонилась, улыбка ее перешла в утробный смешок, — мне соленые тоже никогда не нравились!

Она посмотрела на Ридру с бароном и с выражением шутливого бессилия пожала плечами:

— Что поделаешь! Поставщики провизии такие тираны.

— Я бы, — Калли решительно дернул головой, — просто сказал им больше таких не приносить!

Баронесса подняла брови:

— Знаете, вы совершенно правы. Так и сделаю! — Она бросила взгляд на стоявшего позади Ридры барона. — В следующий раз, Феликс, так и сделаю.

Подошел официант с бокалами на подносе:

— Желаете?

— Этих карликовых ей не надо, — сказал Калли, показывая на Ридру. — Принеси ей нормальный, как у меня.

Ридра засмеялась:

— Калли, ну я же сегодня дама на званом ужине.

— Глупости! — воскликнула баронесса. — Я тоже хочу пить из большого. Так, где я устроила

бар? Там вроде бы?

— Пять минут назад был там, — сказал Калли.

— Мы сегодня будем веселиться, а с такими бокальчиками какое веселье?

Она подхватила Ридру под руку.

— Феликс, не будь нелюдимым! — бросила она мужу через плечо и увлекла гостью за собой.

— Это доктор Киблинг. Крашеная блондинка — доктор Крейн. А это мой деверь Альберт, я вас познакомлю на обратном пути. Коллеги мужа. Занимаются этими ужасами, которые он вам показывал в подвале. Мне не нравится, что он свою коллекцию дома держит. Брр, даже мурашки по коже. Я всегда боюсь, как бы к нам ночью что-нибудь оттуда не заползло и головы не отрезало. По-моему, это он из-за сына. Мы ведь потеряли нашего мальчика, Найлза, — лет восемь уже как. С тех пор Феликс помешался на работе. Что-то заболталась я совсем! Вы, наверное, думаете, что мы дремучие провинциалы?

— Совсем нет.

— А как вам еще думать? Впрочем, вы ведь нас толком не знаете. Какие сюда приезжают умненькие мальчики! С таким бойким, живым воображением. А тут надо целый день сидеть и изобретать новые способы убийства. Такое в

нашем обществе умиротворение, что даже невыносимо. Оно и ясно: всю агрессию выплескивают на работе. Но все равно с людьми тут что-то происходит. Воображение нужно не для того, чтобы выдумывать, как убивать поизощреннее, вы согласны?

— Да.

Баронессу стало жаль. Но тут им пришлось остановиться из-за скопления гостей.

— Что происходит? — спросила хозяйка дома. — Сэм, что они делают?

Сэм улыбнулся, отступил назад, и баронесса вклинилась в толпу, не отпуская руки Ридры.

— Раздвинь народ!

Ридра узнала голос Лиззи. Закрывавший ей обзор человек отошел, и Ридра увидела: ребята из машинного отделения расчистили площадку футов десять в ширину и охраняли его по периметру, как юные полицейские. В середине на корточках сидела Лиззи и трое парнишек — судя по одежде, отпрыски местной знати.

— Вы поймите, — поучала она, — тут кистью надо.

Ногтем большого пальца она запустила шарик, тот стукнул по одному, отскочил от другого, а один из ударенных попал еще и в третий.

— Еще раз покажи!

Лиззи взяла другой шарик:

— В пол упираться одной костяшкой, чтобы поворачивать можно было. Но главное — кисть.

Шарик вылетел из ее руки — щелк, щелк, щелк. Пять-шесть человек зааплодировали, Ридра в том числе.

Баронесса прижала руку к груди:

— Прекрасный бросок! Загляденье! — Опомнившись, она обернулась. — Сэм, мы тебя, наверное, согнали. Ты же эксперт по баллистике.

С миной благовоспитанного смущения она уступила место и снова повела Ридру по залу.

— Вот почему я так счастлива, что вы со своими товарищами к нам пожаловали. От вашей компании такой свежий, сочный, бодрящий дух!

— Вы так говорите, будто мы яблоки! — рассмеялась Ридра.

«Аппетит» баронессы выглядел менее пугающе.

— Да, если бы вы здесь задержались, мы бы вас скушали. У вас есть то, по чему мы очень изголодались.

— Что же?

Они подошли к барной стойке, взяли бокалы. Лицо баронессы посерьезнело.

— Вот вы приезжаете… и мы сразу узнаем массу нового — о вас, а в конечном счете и о себе.

— Не понимаю.

— Взять вашего навигатора. Ему нравится пить из больших бокалов и все закуски, кроме анчоусов. А я ни про кого здесь даже таких вещей не знаю. Нальешь им виски — пьют виски. Нальешь текилы — глотают текилу. И вот только что я узнала… — она перевернула руку ладонью кверху и покачала из стороны в сторону, — что главное — кисть. Раньше и не подозревала.

— Мы привыкли друг с другом разговаривать.

— Да, но вы говорите о важном. Что вам нравится, что не нравится, как что делается. Вы действительно хотите познакомиться с этими пыльными мешками, которые убивают людей?

— Не особенно.

— Вот и я так подумала. Так что не будем тратить время. Есть тут три-четыре человека, которые вам, пожалуй, понравятся, но я еще успею вас представить до конца вечера.

И она ринулась в толпу.

Ридра задумалась о приливах и отливах. Об океанах. О течениях гиперстазиса. О перемещениях большого количества людей. Она двигалась по пути наименьшего сопротивления, выбирала

пустоты, которые то приоткрывались, то заполнялись, по мере того как люди подходили друг к другу поздороваться, тянулись за новыми бокалами, начинали и прекращали разговоры.

Вдруг в углу — винтовая лестница. Она поднялась на два витка и взглянула сверху на сборище гостей. Там, где лестница заканчивалась, были полураскрытые двойные двери, тянуло свежим ветерком. Она вышла на балкон. Сиреневое небо стало фиолетовым и было украшено изящными прочерками облаков. Скоро хромакупол планетоида перейдет в режим ночи. По перилам мягко шуршали влажные листки. С одного края белый камень полностью скрылся под ковром вьющихся растений.

— Капитан…

В самом углу, в тени вьюнов, обхватив руками колени, сидел Рон. Кожа не серебро, подумала она, но когда он так завязывается узлом — как будто клубок проволоки из белого металла. Он оторвал подбородок от коленей и откинулся на заросшие перила; теперь его серебристо-ржаные волосы оказались в венчике из листьев.

— Что ты здесь делаешь?

— Там слишком много народу.

Она кивнула, наблюдая за тем, как он опустил

плечи, как вскочили и разгладились бугорки трицепсов. Каждый его вдох превращался в песню из крошечных движений молодого жилистого тела. Примерно с полминуты Ридра слушала это мускульное пение; он же смотрел на нее не шевелясь, в окружении чарующих ноток. Наконец она спросила:

— Что-то не так у вас с Молльей и Калли?

— Да нет… просто…

— Просто что? — улыбнулась она и облокотилась на перила.

Он опять положил голову на колени:

— У них-то все нормально вроде. Но я самый молодой… и… — Вдруг его плечи вздернулись. — Да не понять вам! Конечно, вы знаете о таких вещах, но ничего вы на самом деле не знаете. Пишете о том, что видите. А не о том, как живете.

Все это он выпалил полушепотом, резкими очередями. Она слушала его слова и смотрела, как на щеке дергается, скачет и бьется зверек жевательной мышцы.

— Извращенцы, — продолжал он. — Вот что вы, таможенники, о нас думаете! Барон, баронесса, все эти люди — таращатся на нас, не понимают, как это так — три человека! И вы не понимаете.

— Рон…

Он ухватил зубами лист и оторвал его от стебля.

— Пять лет назад я сама… была в триплете.

Его лицо медленно повернулось к ней, словно растягивая пружину, затем снова запрокинулось назад. Он выплюнул лист.

— Вы все-таки из таможенных, капитан. Да, вы держитесь рядом с транспортниками, но как вы даете им пожирать себя глазами, как они таращатся на вас, когда вы проходите мимо… Вы королева. Но королева таможни. Вы не с транспорта.

— Рон, я человек публичный. Поэтому и смотрят. Я пишу книги. Да, таможенные их читают, но смотрят только потому, что им интересно, кто это все понаписал. Их писала не таможня. Когда сталкиваюсь с таможенными, они мне говорят: «Вы с транспорта». — Она пожала плечами. — Я ни то ни другое. И все-таки я жила в триплете. Я понимаю, как это.

— У таможенных не бывает триплетов.

— С двумя мужчинами. Если когда-нибудь у меня это еще случится, то лучше с мужчиной и женщиной. Так мне, наверное, будет легче. Но я жила в триплете три года. Это в два с лишним раза дольше, чем ты.

— Значит, ваш не сроссия. А наш сроссия. По крайней мере, пока была жива Кэти.

— Один погиб, — сказала Ридра. — Другого в Гиппократовской держат в анабиозе, пока не изобретут лекарство от болезни Колдера. Вряд ли я доживу, но если доживу…

Рон посмотрел на нее.

— Что?

— Кто они были? — спросил он.

— Таможенные или транспортные? — Она пожала плечами. — Ни то ни другое, как я. Фобо Ломз был капитан межзвездного корабля. Это он заставил меня пройти подготовку на капитана. На планете он занимался гидропоникой, разрабатывал методы хранения при гиперстатических перевозках. Что он был за человек? Стройный, светловолосый, удивительно нежный. Порой любил выпить; бывало даже, что после рейса напивался, ввязывался в драку и попадал за решетку — приходилось залог за него вносить. На самом деле так случалось всего два раза, но мы над ним еще год смеялись. И он не любил спать в середине: нравилось ему свешивать руку с кровати.

Рон улыбнулся; его ладони, которыми он обнимал себя за плечи, съехали вниз к запястьям.

— Он погиб в Катакомбах на Ганимеде: обрушились стены. Это было второе лето, когда мы втроем участвовали в Программе геологического обследования Юпитера.

— Как Кэти… — помолчав, сказал Рон.

— Ну а Мюэлс Эрлиндиел…

— «Звезда Империи»! — вытаращил глаза Рон. — И серия про Джо Комету! Вы были в триплете с Мюэлсом Эрлиндиелом?!

Ридра кивнула:

— Занятные были книжки, правда?

— Еще бы! — сказал Рон, разводя колени в стороны. — Да я их, наверное, все перечитал. Какой он был? Похож немножко на Комету?

— Вообще-то, Джо поначалу был списан с Фобо. Фобо ввязывался в очередную заварушку, я нервничала, а Мюэлс садился за новую повесть.

— То есть это все было на самом деле?

Она покачала головой:

— В основном это фантазии насчет того, что могло бы случиться. Или того, чего мы опасались, но что не случилось. Сам-то Мюэлс? В книжках он всегда в роли компьютера. Смуглый, темноволосый, углубленный в себя, он был человек невероятно терпеливый и невероятно добрый. Это он научил меня всему, что я знаю о предло-

жениях и абзацах (ты знаешь, что в книжках эмоциональная единица — это абзац?), показал, как отделять то, что говоришь прямо, от того, что подразумеваешь, и когда выбирать одно, а когда — другое. — Она помолчала. — Давал мне рукопись и говорил: «Что со словами не так?» И у меня никогда не возникало никаких замечаний, кроме того, что их бывало многовато. Когда Фобо погиб, я впервые всерьез занялась поэзией. Мюэлс мне всегда говорил, что, если постараюсь, из меня может получиться большой поэт: с таким-то фундаментом. Мне надо было уйти во что-то с головой, потому что без Фобо… Ну ты понимаешь. А примерно через четыре месяца у Мюэлса обнаружили Колдер. Ни тот ни другой не увидели мою первую книгу, хотя большинство стихотворений раньше видели. Может, Мюэлс еще прочитает… Может, даже напишет еще о приключениях Кометы. Пойдет в Морг, вызовет мою структуру мышления и спросит: «Ну? Что со словами не так?» Сколько, сколько всего я тогда смогу посоветовать! Только сознания моего уже не будет…

Она почувствовала, как на нее накатывают опасные эмоции. Ничего, пускай. Эмоции — хоть опасные, хоть нет — ее уже три года как не пу-

гали.

— Сколько всего…

Рон теперь сидел по-турецки, положив кисти на колени.

— «Звезда Империи», Джо Комета… Так здорово было с ними возиться! Просиживали всю ночь за кофе, обсуждали, спорили, вместе держали корректуру, в магазинах, пока никто не видит, выставляли их на полке в первый ряд.

— Я так тоже делал. Просто потому, что они мне нравились.

— Здорово было даже спорить, кто будет спать посередине.

Словно по команде, Рон снова сжался в комок, обхватил колени руками, вдавил в них подбородок.

— У меня, по крайней мере, оба живы. Должен радоваться.

— Может, и должен. Может, не должен. Они тебя любят?

— Говорят, что любят.

— А ты их?

— Ну конечно! Вот говорю я с Молльей, она пытается что-то объяснить, а по-английски у нее пока не очень, и вдруг до меня доходит, и это…

Он выпрямился и взглянул вверх, как будто

искал слово на небе.

— Чудо? — подсказала она.

— Да… — взглянул на нее Рон. — Чудо.

— Ну а как вы с Калли?

— Да что Калли! Большой добрый медведь. С ним и потолкаться можно, и дурака повалять. Только вот с Молльей у них… Он плоховато ее понимает. А думает, что раз он старше, то учиться должен быстрее меня. Но у него не выходит. И он теперь нас чурается. Я-то ничего: когда он хандрит, я с ним всегда справлюсь. А Моллья новенькая, думает, он на нее злится.

— Знаешь, что надо сделать? — сказала Ридра, подумав.

— А вы знаете?

Она кивнула:

— Раз проблема в них, то тебе, конечно, тяжелее: кажется, что помочь ничем не можешь. Но на самом деле это решить даже легче.

— Почему?

— Потому что они тебя любят.

Рон навострил уши.

— Калли хандрит, а Моллья не знает, как к нему подойти.

Рон кивнул.

— Моллья говорит на другом языке, а Калли его

не понимает.

Снова кивнул.

— Ты же хорошо общаешься с обоими. Быть между ними посредником не вариант, так никогда ничего не выйдет. Но ты их можешь научить.

— Научить?

— Что ты делаешь, когда Калли начинает капризничать?

— Дергаю его за уши. Он орет: «Прекрати!» — потом начинает хохотать. А я валю его на пол.

Ридра скептически поморщилась:

— Оригинально. Но раз помогает, то ладно. Так покажи Моллье. Она девушка крепкая. Пускай, если надо, на тебе потренируется.

— Мне не нравится, когда дергают за уши.

— Иногда приходится идти на жертвы, — улыбнулась она, хоть и пыталась сохранить серьезную мину.

Рон потер левую мочку основанием большого пальца:

— Пожалуй.

— А Калли ты должен научить словам, которые понимает Моллья.

— Да я их сам не всегда знаю. Просто догадываюсь быстрее.

— А если бы знал, помогло бы?

— Само собой.

— У меня в каюте лежит учебник суахили. Когда вернемся, возьми.

— Класс! Только… — он опять слегка вжался в темные листья, — Калли не читает особо.

— Вот ты и поможешь.

— Значит, научить?

— Именно.

— А он согласится? — спросил Рон.

— Чтобы сблизиться с Молльей? А ты как считаешь?

— Согласится. — Рон внезапно распрямился металлической пружиной. — Согласится.

— Пойдешь назад? — спросила Ридра. — Через пару минут начнется ужин.

Рон повернулся к перилам и взглянул на красочное небо:

— Красивый у них щит.

— Чтобы не сожгла Беллатрикс.

— Чтобы не думать о том, что они творят.

Ридра вскинула брови. Даже среди семейных неурядиц — разговоры о добре и зле.

— И это тоже, — сказала она и задумалась о войне.

По напрягшимся мышцам его спины она поня-

ла, что он спустится попозже, сейчас хочет еще подумать. Она направилась вниз по винтовой лестнице.

— Видел, как вы вышли, и решил дождаться.

Дежавю, что ли? Да нет, не могла она его раньше видеть. Иссиня-черные волосы, резкие, грубые черты, непривычные для молодого человека (еще нет и тридцати). Чтобы пропустить ее, он отступил назад — движение ловкое, скупое, невероятно точно просчитанное. Она взглянула на его руки, лицо: не подскажут ли что мимика и жесты? Но он наблюдал за ней, оставаясь непроницаемым. Наконец обернулся и кивнул на толпу внизу. Показал на барона, одиноко стоявшего в центре:

— А Кассий тощ, в глазах холодный блеск[7].

— Интересно, он сильно проголодался? — сказала Ридра и снова почувствовала что-то странное.

Баронесса пробивалась к мужу через толпу — верно, хотела посоветоваться, начинать ли сейчас или подождать еще пять минут или насчет еще чего-то жизненно важного.

— И как подобные люди сосуществуют друг с другом? — холодно произнес незнакомец со

---

[7] Примечания: 7

Цитата из пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь» (акт I, сц. 2), перевод М. Зенкевича.

снисходительным изумлением.

— Наверное, сравнительно легко, — сказала Ридра. — Беспокоиться приходится только друг о друге.

Вежливо-вопросительный взгляд. Поняв, что пояснений не последует, незнакомец вновь повернулся к толпе:

— У них такие занятные лица, когда они смотрят наверх и гадают, вы ли это, мисс Вон.

— Плотоядные, — буркнула она.

— Бандикуты. Вот они кого напоминают. Стаю бандикутов.

— Может, у них от искусственного неба такой нездоровый вид? — В голосе ее послышались неприязненные нотки, впрочем тщательно отмеренные.

Он рассмеялся:

— Бандикуты с талассемией!

— Что-то вроде. Вы сами не с заводов?

Для человека, живущего под искусственным небом, его цвет лица был слишком цветущий.

— Да нет, я местный.

Она удивилась и хотела было задать новый вопрос, но из динамиков донеслось: «Ужин подан!»

Они спустились вместе, но не успела Ридра смешаться с толпой, как ее спутник исчез. К столовой

она пошла одна.

Под арочным сводом ее уже дожидались хозяева. Баронесса взяла ее под руку, и тут заиграл рассаженный на помосте камерный оркестр.

— Сюда, пойдемте.

Маневрируя вдоль извивающегося С-образного стола, Ридра старалась держаться поближе к пышнотелой матроне.

— Мы сидим там.

Вдруг — слова на баскском: «Капитан, запустилась твоя машинка на корабле, стенограф». Она резко остановилась, будто в голове у нее прогремел маленький взрыв: Вавилон-17!

— Что с вами? — обернулся барон.

От непонимания, что происходит, лицо его покрылось напряженными морщинами.

— Есть у вас… какие-нибудь места, где хранится что-то особо ценное или идут важные исследования, а охраны нет?

— У нас все в автоматическом режиме. А что?

— Вот-вот начнется диверсия или уже началась.

— Откуда вы…

— Некогда объяснять. Лучше проверьте, все ли в порядке.

Напряжение разрешилось действием.

Баронесса тронула мужа за плечо и неожиданно ровным голосом сказала:

— Феликс, вот твое место.

Барон сел, бесцеремонно оттолкнул приборы. Под салфеткой скрывалась панель управления. Гости начали рассаживаться, и Ридра футах в двадцати увидела громадную блестящую фигуру Когтя; для него к столу подставили специальный гамак.

— Вы садитесь, моя дорогая. Продолжаем, как будто ничего не случилось. Так будет лучше.

Ридра села рядом с бароном, а хозяйка дома осторожно опустилась на стул слева от нее.

Барон что-то шептал в ларингофон. На восьмидюймовом экране перед ним мелькали картинки (Ридре сбоку было плохо видно). Наконец ненадолго оторвался от панели:

— Пока ничего.

— Бог с ним, — сказала баронесса. — Взгляните — у меня тут гораздо интересней.

Она положила себе на колени небольшой пульт, присоединенный к нижней поверхности столешницы.

— Отличная штучка. — Баронесса огляделась. — Вроде бы пора. Начали!

Пухлый палец нажал кнопку, и свет в зале стал

приглушенным.

— Отсюда можно управлять всем ужином. Смотрите!

Она нажала другую кнопку. В центре стола раздвинулись створки, и перед гостями явились огромные блюда с фруктами: засахаренными яблоками, обсыпанным сахарной пудрой виноградом и половинками дынь, заполненными орехами в меду.

— Вино! — сказала баронесса и вновь потянулась к пульту.

На огромном пространстве стола появились пенящиеся сосуды с чем-то искристым. Заработали фонтанные механизмы, зашипели струи.

— Подставляйте бокал. Пейте, — напомнила баронесса, наполняя свой.

Хрусталь окрасился пурпуром.

— В Арсенале, кажется, все спокойно, — сказал барон. — Оповещаю теперь спецпроекты. А эта диверсия точно уже началась?

— Или началась, или начнется в ближайшие две-три минуты. Может быть взрыв, или выйдет из строя какое-то важное оборудование.

— Да уж, конкретики маловато. Хотя наши связисты перехватили ваш Вавилон-семнадцать. Меня предупреждали, как все обычно проис-

ходит.

— Попробуйте, капитан Вон.

Баронесса положила ей четвертинку манго, которое — откусив, поняла Ридра — было вымочено в киршвассере.

Почти все гости уже заняли свои места. Ридра заметила, как неподалеку паренек из взвода, по имени Майк, ищет карточку со своим именем. А вот и незнакомец, что остановил ее на лестнице, — быстрым шагом идет к ним вдоль стола.

— Вино не виноградное — сливовое, — сказала баронесса. — Для начала тяжеловато, но с фруктами и ягодами сочетается идеально. Клубникой я особенно довольна. Да и бобы тоже. В гидропонике с ними замучаешься, но в этом году удались.

Майк нашел свой прибор и обеими руками потянулся к вазе с фруктами. Незнакомец обогнул последний изгиб стола. Калли держал в руках кубки с вином и переводил взгляд с одного на другой: пытался, наверное, определить, который побольше.

— Может, их чуть поддразнить и выставить шербет? — спросила баронесса. — Или сразу калду верде? У меня его готовят очень легким. Вот никогда не угадаешь…

Незнакомец подошел к барону, наклонился

над его плечом, взглянул на экран и что-то прошептал. Барон оглянулся на него, медленно, не убирая рук со стола, повернулся назад — и рухнул на скатерть! Из-под его щеки зазмеилась красная струйка.

Ридру словно пронзило: убийство! Мозаичная картинка в голове наконец сложилась: убийство. Она вскочила.

Баронесса хрипло выдохнула и поднялась, опрокинув стул. В истерике затрясла головой, замахала руками, начала тянуться к мужу.

Ридра крутанулась, увидела, что незнакомец выхватил из-под пиджака вибралайзер, и дернула баронессу на себя. Выстрел пришелся в пульт управления.

Выведенная из ступора, баронесса на нетвердых ногах подошла к мужу, обхватила его. Сквозь хриплые стоны прорезался голос, и она завыла. Огромная, бесформенная, как сдувающийся аэростат, она оттащила тело Вер Дорко от стола, опустилась на колени, обхватила его руками и начала легко покачивать, все это время не переставая кричать.

Гости были уже на ногах. Стоял страшный гвалт.

Пульт был испорчен, и теперь на столах, рас-

талкивая фрукты, появлялись жареные павлины, приготовленные по частям и вновь собранные в целые фигуры — с засахаренными головами и внушительными хвостами. Механизмы, отвечающие за уборку блюд, не включались, так что супницы с калду верде начали наползать на винные чаши, пока все они в итоге не перевернулись и не залили стол. Фрукты покатились на пол.

Несмотря на ор, она слышала, как шипит вибралайзер: слева, опять слева, теперь справа. Разбегающиеся люди перекрывали обзор. Еще один выстрел — доктор Крейн согнулась пополам, крашеные волосы разметались по лицу; ее в недоумении подхватил стоявший рядом человек.

Павлинов сбросили со стола появившиеся из его недр барашки на вертелах. Длинные перья замели по полу. Фонтанчики обдавали сияющую медовую корочку вином — оно шипело и превращалось в пар. Еда проваливалась назад в открытые панели и падала на раскаленные докрасна нагревательные элементы. Ридра почувствовала запах горелого. Она рванулась вперед, поймала за руку чернобородого толстяка:

— Капрал, выводи ребят!

— А я чем занимаюсь?!

Ридра метнулась в противоположную сторону,

перепрыгнула стол. Из курящейся расселины как раз поднимался прихотливый восточный десерт: горячие обжаренные бананы сперва окунались в мед, а потом должны были катиться на тарелки по горкам из толченого льда. Но только теперь искристые сласти выбрасывало прямо на пол, мед на них застывал блестящими шипами и хрустел под ногами. Люди скользили, беспомощно взмахивали руками, падали.

— Вот что называется поскользнуться на банане по-богатому! — заметил Калли. — Что будем делать, капитан?

— Бери Моллью и Рона — и живо на корабль!

Поднялись кофейники, врезались в тушки на вертелах, перевернулись, и кругом разлетелась кофейная гуща и кипяток. Прижимая к груди обваренную руку, завизжала женщина.

— Что-то настроение пропало, — сказал Калли. — Поищу ребят.

Мимо пробегал Капрал. Ридра ухватила его за руку:

— Слушай, что такое бандикут?

— Злобный такой зверек. Сумчатый, кажется. А что?

— Да, точно. Вспомнила. А талассемия?

— Ну ты нашла время спрашивать. Типа ане-

мии.

— Это я знаю. А поточнее? Ты же наш корабельный врач.

— Так, секунду… — Он прикрыл глаза. — Было про это в гипнокурсе. Ага, вспомнил. Это наследственное. Примерно то же самое, что серповидноклеточная анемия, только у европеоидов. Эритроциты разрушаются, потому что разрываются гаптоглобиновые связи…

— …гемоглобин выходит в плазму, и клетки разрывает осмотическое давление. Все ясно. Делаем ноги.

Озадаченный Капрал двинул к выходу, Ридра побежала за ним, поскользнулась на винном шербете и схватилась за Когтя, чья туша теперь поблескивала над ее головой.

— ’олегче, ка’итан!

— Давай, красавчик, сматываться надо!

— Садись — ’одвезу.

Он с ухмылкой приставил полусогнутую в локте руку к бедру; Ридра ухватилась за нее и вскарабкалась ему на спину; руками вцепилась в плечи, ногами обхватила бока. Под ней вздулись одолевшие Серебряного Дракона огромные мускулы. Их обладатель скакнул вперед, перемахнул через стол и приземлился на четыре

лапы. Гости перед саблезубым золотым чудищем бросились врассыпную. Ридра и Коготь устремились к арочному проходу.

V

В голове мутной пеной плещется исступленное изнеможение.

Пробившись сквозь эту муть, она влетела в каюту на «Рембо», включила интерком:

— Капрал, все ли…

— Весь личный состав на борту, капитан.

— Бестелесные…

— Все трое на месте.

Тяжело дыша, проход во входной люк загородил Коготь.

Она переключилась на другой канал — комнату наполнили звуки, напоминающие музыку.

— Хорошо. Еще идет.

— Это оно? — спросил Коготь.

Она кивнула:

— Вавилон-семнадцать. Пишется автоматическая стенограмма, изучу позже. Ладно, была не была.

Она щелкнула тумблером.

— Что?

— Я заранее надиктовала кое-какие сообщения. Хочу отправить. Может, пройдут.

Она закончила первое и запустила второе.

— Я пока язык так себе знаю. Самую малость. Сейчас такое чувство, будто на сцене идет Шекспир, а я кричу из зала непотребности на пиджине.

Загорелся индикатор вызова по внешней линии. Встревоженный голос заговорил:

— Капитан Вон, это Альберт Вер Дорко. Случилось большое несчастье, у нас тут страшная неразбериха. Я вас у брата не застал, но диспетчеры доложили, что вы запросили разрешение на немедленный взлет и гиперстатический прыжок.

— Я ничего не запрашивала. Только вывела экипаж в безопасное место. Вы выяснили, что происходит?

— Но мне сказали, вы уже готовитесь к взлету. У вас чрезвычайные полномочия, и я не могу отменить ваше распоряжение, но я бы хотел попросить вас задержаться, пока мы во всем не разберемся. Если, конечно, у вас нет неотложных…

— Мы не взлетаем, — перебила его Ридра.

— Еще не хватало, — влез Коготь. — Я еще и к

кораблю не ’одключился.

— Ваш автоматический Джеймс Бонд, кажется, сошел с ума. — Снова Ридра.

— Бонд? — переспросил Вер Дорко.

— Мифологическая аллюзия, извините. «ТВ-пятьдесят пять» спятил.

— Знаю. Он убил моего брата и еще четырех важнейших сотрудников. Уничтожены ключевые люди, как будто все специально спланировано…

— Так и есть. «ТВ-пятьдесят пять» кто-то взломал. Нет, не знаю как. Свяжитесь лучше с генералом Форестером в…

— Капитан, диспетчеры говорят, что вы подаете сигнал на взлет! Это вне моей компетенции, но вам следовало бы…

— Капрал, мы что, взлетаем?!

— Конечно. Ты же сама отдала приказ, экстренный выход в гиперстазис.

— Коготь еще даже не подключился, идиот!

— Но ты ведь дала добро тридцать секунд назад. Да подключился он. Я только что говорил…

Коготь, громыхая, подошел к Ридре и рявкнул в микрофон:

— Я стою рядом с ней, ту’ица! Хочешь врезаться в Беллатрикс? Или вынырнуть в центре новой? Без у’равления сносит в сторону самой большой

массы!

— Но вы только что…

Позади них что-то заскрежетало. Резкий рывок.

В динамиках голос Альберта Вер Дорко:

— Капитан Вон!

Крик Ридры:

— Идиот, вырубай генераторы стас…

Но свистящие звуки генераторов уже перекрывали фоновый рев.

Еще рывок. Она еле удержалась за край стола, увидела, как взмахнул когтем пилот.

И…

Часть третья. Джебель-Тарик

Он здесь, он грязен, чуж и чужд.
Я покажу ему слова и смыслы.
Придумаю нам всем один язык.
Не чудо белокурое
послала Мать, чтоб мучить
нас весной.
Дурные сны его терзают, он
несовершенен,
Он пьет и, может статься, не
избрал бы красивым быть…

Из «Навигаторов»

…С тобой вступила в нерушимый пакт
молчания…

Из «Песни Лиадан»

I

Абстрактные мысли в голубой комнате. Номинатив, генитив, элатив, аккузатив-один, аккузатив-два, аблатив, партитив, иллатив,

инструктив, абессив, адессив, инессив, эссив, аллатив, транслатив, комитатив. Шестнадцать падежей финского существительного. Странно: а есть языки, где только единственное и множественное. Американские индейцы обходились даже без числа. Кроме сиу, но там множественное было только у одушевленных. Голубая комната круглая, теплая, гладкая. А по-французски и не скажешь просто — теплая: либо жаркая, либо еле теплая. Если нет слова, как об этом подумать? Да даже если и есть слово, но нет нужной формы — то как? Надо же, в испанском пол есть у всего: у собаки, у стола, у дерева, у консервного ножа. А в венгерском все бесполые: он, она, оно — одно и то же слово. Ты мой друг, но вы мой король — так говорили на английском времен Елизаветы I. Но в некоторых восточных языках, где почти нет ни родов, ни чисел, вы мой друг, вы мой родитель, а ВЫ мой священник, а ВЫ мой король, а Вы мой слуга, а Вы — мой слуга, которого я завтра же рассчитаю, если Вы не возьметесь за ум, а ВЫ — мой король, с чьей политикой я совершенно не согласен, и в голове у ВАС не мозги, а опилки, а ВЫ, может, мне и друг, но если ВЫ еще раз мне такое скажете, я ВАМ такую затрещину влеплю…

И кто вы вообще такой?

Как тебя зовут? — думала она в круглой теплой голубой комнате.

Мысли без имени в голубой комнате: Урсула, Прискилла, Варвара, Мария, Мона, Натика: соответственно Медведица, Старая Дама, Болтушка, Горькая, Обезьяна и Ягодица. Имя. Имена? Что в имени?[8] В каком я имени? В земле моего отца его фамилия шла бы на первом месте: Вон Ридра. В родных краях Молльи я бы вообще носила не его фамилию, а фамилию матери. Слова — имена вещей. Во времена Платона вещи были именами идей — как еще лучше описать платоновский идеал? Но действительно ли слова — это имена вещей, или произошла смысловая путаница? Слова символизируют категории вещей, имя же выделяет одиночный объект. Имя у чего-то, для чего нужен символ, выглядит нелепо, смешно. Символическое обозначение чего-то, что требует имени, тоже нелепо. Воспоминание: порванная занавеска, его пьяное дыхание, ее негодование, скомканная одежда под обшарпанной дешевой тумбочкой. «Иди сюда, женщина!» И она шепчет, до боли в руках сжимая латунный карниз: «Мое

[8] Примечания: 8

Ср.: «Что в имени? Как розу ни зови — / В ней аромат останется все тот же» (У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт II, сц. 2. Перевод Д. Михаловского).

имя — Ридра!» Индивидуум, вещь, выделенная из своего окружения и отделенная от остальных вещей в этом окружении. Для индивидуумов символы не годились, так были изобретены имена. Меня изобрели. Я не круглая теплая голубая комната. Я — кто-то в этой комнате. Я…

Все это время глаза ее были полуприкрыты. Теперь она подняла веки, решила встать — и наткнулась на сеть. От неожиданности она задохнулась, упала назад; повернулась набок, чтобы посмотреть на комнату.

Нет.

Она не «посмотрела на комнату».

Она «что-то на что-то».

Первое «что-то» было крошечной вокабулой, которая означала непосредственное пассивное восприятие: не только визуальное, но и слуховое или обонятельное. Второе «что-то» — три такие же микроскопические фонемки разных тонов: одна сообщала, что помещение кубическое, примерно двадцати пяти футов в длину, вторая указывала на цвет и вероятный материал стен (некий голубой металл), третья служила одновременно и заполнителем, обозначающим место для отсутствующих индикаторов функции (которая пока Ридре неизвестна), и грамматической мет-

кой, позволяющей, если нужно, дать отсылку ко всей этой ситуации при помощи одного символа. Причем четыре звука пронеслись у нее в мозгу и оформились во рту быстрее, чем громоздкие три слога только одной «комнаты». Вавилон-17. Она и раньше ощущала подобное с другими языками: что-то распахивается, расширяется, принуждает сознание расти. Но сейчас, сейчас чувство было такое, будто линзу, расфокусированную с незапамятных времен, вдруг навели на резкость.

Она снова попыталась сесть. Функция?

Для чего это помещение? Медленно приподнимаясь, грудью она уперлась в сетку. Что-то вроде больничной палаты. Она посмотрела вниз на… нет, не на сеть, а на созвучие из трех гласных, каждая из которых обозначала соединение в трехточечном переплетении, причем самый низкий тон созвучия соответствовал самым слабым точкам сети. Стало очевидно, что, если разорвать нити в этих точках, вся паутина распадется. Но если просто биться и дергаться, не выберешься. Все решило название на этом новом языке. Переход от «запоминания» к «знанию» произошел, пока она была…

А где она была?

Предвкушение, восторг, страх! Она заставила

себя вновь свернуть на английский. Думать на Вавилоне-17 было все равно что вдруг глубоко-глубоко увидеть воду на дне колодца, который только секунду назад казался мелкой ямкой. У нее закружилась голова.

Через мгновение она увидела остальных. Коготь лежал в огромном гамаке у дальней стены; она заметила свешивающуюся через край лапу. Два силуэта поменьше с другой стороны — это, наверное, ребята из взвода. Во сне один повернулся, и показались блестящие черные волосы — Карлос. Третьего она разглядеть не могла. Любопытство маленьким противным кулачком сдавило какой-то важный орган у нее в животе.

И тут стена истаяла.

Ридра как раз пыталась внести в свое положение ясность. Установить если не время и место, то хотя бы некий спектр возможностей. Но с исчезновением стены эти попытки прекратились. Она наблюдала.

Верхняя часть левой от нее стены засветилась, стала прозрачной, на ее месте образовался металлический язык, который, чуть наклонясь книзу, протянулся в ее направлении.

Трое мужчин.

У первого, стоящего у входа на пандус, лицо

будто грубо и наспех высечено из коричневого камня. На нем старомодный наряд, какие носили до контурных плащей. Тоже автоматически принимает форму тела, но сделан из пористого пластика и выглядит как броня. Одно плечо и руку укутывают глубокие складки черного материала. Видавшие виды сандалии высокой шнуровкой обхватывают икры. Полоски меха на внутренней стороне ремешков — чтобы не натирали. Из косметохирургии — только искусственные серебристые волосы и отливающие металлом кустистые брови. На одной растянутой мочке висит толстое серебряное кольцо. Переводя взгляд с гамака на гамак, он прикоснулся к висящей на поясе кобуре вибралайзера.

Из-за его спины выступил второй — фантасмагорическое порождение косметохирургических фантазий. Помесь грифона, обезьяны и морского конька: в поджарое тело — которое, подумалось Ридре, когда-то напоминало кошачье — были вживлены перья, чешуя, когти и клюв. Он присел сбоку от первого на искусственно увеличенных задних лапах, тронув костяшками пальцев металлический пол. Взглянул на первого, тот машинально почесал ему за ухом.

Ридра ждала, пока они заговорят. Слово как

паспорт: гражданин Альянса или захватчик. Мысленно она приготовилась вцепиться в любой готовый зазвучать язык, выжать из него все, что она знает о мышлении его носителей, характерных логических двусмысленностях, жестких или мягких требованиях к лексической строгости, воспользоваться любой возможностью, чтобы…

Второй мужчина отошел назад, и тут она увидела третьего. Он был выше и мощнее сложен, чем остальные, но с мягкими, округлыми плечами. В кисти и пятки имплантированы петушиные шпоры — такие иногда носила шпана транспортного мира; они символизировали примерно то же самое, что в стародавние времена кастеты и кистени. Из одежды — только штаны. На недавно обритой голове отрастает темный ежик. Один бицепс опоясан красными пятнами: словно кровоподтеки или воспаленные порезы. Лет пять назад это клеймо так часто фигурировало в детективных романах, что теперь его почти повсеместно списали в утиль как набивший оскомину штамп. Отметина заключенного из Титинских рудников. Что-то звериное в его облике заставило ее отвернуться. Что-то благородное заставило приглядеться снова.

Двое первых обернулись к третьему. Ридра

ждала слов — чтобы определить, установить, идентифицировать. Они посмотрели на нее, затем направились обратно в стену. Пандус начал втягиваться.

Она поднялась на локтях, крикнула:

— Послушайте! Где мы?

Сребровласый мужчина ответил:

— Джебель-Тарик.

Стена за их спинами сгустилась.

Ридра взглянула на сеть (которая на другом языке называлась иначе), разорвала одно звено, второе. Натяжение ослабло, паутина распалась, и Ридра спрыгнула на пол. Выпрямившись, она сообразила, что второй паренек — это Кайл, который работал с Лиззи в ремонтной бригаде. Коготь завозился.

— Погоди.

Она начала надрывать нити.

— Что он тебе сказал? — спросил пилот. — Свое имя? Или сказал лечь и заткнуться?

Она пожала плечами и разорвала следующую.

— «Джебель» на старомавританском — «гора». Может быть — «Гора Тарика»[9].

Коготь выпутался из обрывков сети:

---

[9] Примечания: 9

Джебель-ат-Тарик («гора Тарика») — арабское название Гибралтара по имени бербера Тарика ибн Сеида (670–720), завоевателя Испании.

— Как ты с ней с'равилась? Я минут десять тре'ал — и ничего.

— Потом расскажу. А «Тарик», наверное, чье-то имя.

Коготь взглянул на разодранную паутину, поскреб за ухом, в недоумении потряс головой и встал на задние лапы.

— По крайней мере, это не захватчики, — сказала Ридра.

— С чего ты взяла?

— Вряд ли среди людей на той стороне оси многие слышали о маврах. С Земли туда эмигрировали только жители Америк, и это было еще до Американизии и до того, как Панафрика проглотила Европу. Кроме того, Титинские рудники находятся в туманности Цезаря.

— Ну да, — хмыкнул Коготь. — Но мало ли откуда взялся их вы'ускник.

Она взглянула на то место, где открывалась стена. Ухватить суть их положения казалось такой же бесперспективной задачей, как пробовать ухватиться за голубой металл.

— Что, черт возьми, случилось-то?

— Мы взлетели без пилота, — сказала Ридра. — Надо полагать, тот, кто вещает на Вавилоне, может передавать сообщения и на английском.

— Вряд ли мы взлетели без ’илота. А с кем тогда говорил Ка’рал? Если бы не было ’илота, мы бы не сидели здесь, а размазались бы ’о ближайшему солнцу.

— Может, это тот же, кто сломал платы. — Ридра окинула мыслью предшествующие события, и гипсовая стена бессознательного обратилась в прах. — Видимо, диверсант не хочет меня убивать. «ТВ-пятьдесят пять» мог уложить меня там же вместе с бароном.

— Интересно, ш’ион на корабле тоже говорит на Вавилоне?

— Вот и мне интересно.

Коготь огляделся:

— Это что, все? А где остальные?

— Прошу прощения.

Они обернулись.

Стена опять раскрылась. Худенькая девочка с зеленым платком на коричневых волосах держит миску.

— Хозяин сказал, что вы встали. Вот я вам принесла.

Веки на больших карих глазах заморгали, словно птичьи крылышки. Она указала на миску.

Ридра распознала в голосе искренность, но в то же время и страх перед чужаками. Однако тонкие

пальчики держат посудину крепко.

— Спасибо большое! Ты очень добрая.

Девочка слегка поклонилась и улыбнулась.

— Я знаю, ты нас боишься. Не надо.

Страх отступал, острые плечи расправлялись.

— Как зовут твоего хозяина? — спросила Ридра.

— Тарик.

Ридра выразительно глянула на Когтя.

— А мы в «Горе Тарика»? — Она взяла миску. — Как мы сюда попали?

— Он оттащил ваш корабль от центра новой Лебедь-сорок два. Вы выпрыгнули из стазиса, и у вас отказали генераторы.

Коготь зашипел (так он обычно присвистывал):

— Те’ерь ясно, ’очему мы вырубились. Если дрейфовать с такой скоростью…

От этой мысли у Ридры словно пробку из живота вышибло.

— Значит, мы и правда неслись прямо в новую. Может, все-таки не было пилота.

Коготь снял с миски белую салфетку:

— Ка’итан, ’оешь курочки.

Обжаренные куриные бедрышки были еще горячие.

— Сейчас. Надо кое-что прояснить.

Она вновь обратилась к девочке:

— То есть «Гора Тарика» — это корабль, правильно? И мы на нем?

Девочка убрала руки за спину и кивнула:

— Хороший корабль.

— Но явно не пассажирский, — продолжала Ридра. — Что за грузы вы возите?

Неудачный вопрос. Снова страх. Не просто личное недоверие к чужакам, а что-то более укоренившееся, официальное.

— Мы не возим грузы, мэм. — И тут же скороговоркой: — А вообще мне с вами говорить нельзя! Пусть вам Тарик скажет.

И девочка отступила в стену.

— Коготь, — сказала Ридра, почесывая в затылке, — космических пиратов ведь больше нет?

— Транс'ортные корабли не угоняли уже лет семьдесят.

— Так я и думала. Ну и куда мы попали?

— Без 'онятия.

Но тут на сияющих пластинах его щек зашевелились голубые отсветы. Шелковистые складки над бровями наползли на темные диски глаз.

— Оттащил «Рембо» от Лебедя-сорок два? Ясно, 'очему они его называют горой. Эта хреновина

размером, наверно, с военный корабль.

— Да, но Тарик совсем не похож на космолетчика.

— И бывших зэков в армию тоже не берут. Куда мы угодили, ка'итан?

Она вытащила из миски куриную ножку.

— Поговорим с Тариком — узнаем. — (В гамаках зашевелились.) — Только бы с ребятами все было в порядке. И почему я ее не спросила, здесь ли все остальные? — Она подошла к Карлосу. — Как мы себя чувствуем?

Тут наконец она заметила, что сеть пристегнута к нижней части гамака на кнопках.

— Голова раскалывается, — ухмыльнулся Карлос. — Кажется, похмелье.

— Когда похмелье, так не скалятся. Да и что ты знаешь о похмельях-то?

Расстегивать кнопки было в три раза дольше, чем разорвать сетку.

— На ужине винища напился, — ответил Карлос. — А что случилось?

— Когда выясню, скажу. Подъем!

Она перевернула гамак, и он скатился на пол. Смахнул челку с глаз.

— Где остальные?

— Кайл вон там. Нас тут четверо.

Коготь тем временем освободил Кайла, который сидел свесив ноги с гамака и пытался запихнуть в нос костяшки пальцев.

— Эй, дружище, — сказал Карлос, — ты как?

Кайл пальцами одной ноги провел по ахиллову сухожилию другой ноги, зевнул и в то же время пробормотал что-то неразборчивое.

— Да нет, — ответил Карлос. — Я сам проверил, когда вернулся.

М-да, подумала Ридра, есть еще языки, которые осваивать и осваивать.

Теперь Кайл чесал локоть. Вдруг надавил языком на краешек рта и взглянул вверх.

Ридра посмотрела туда же.

Из стены вновь выдвигался пандус. На этот раз он дошел до пола.

— Пройдемте со мной, Ридра Вон.

В темном проеме, вооруженный и сребровласый, показался Тарик.

— Что с остальными членами моего экипажа? — спросила Ридра. — С ними все в порядке?

— Они в других палатах. Если хотите их увидеть…

— С ними все в порядке?

Тарик кивнул.

Ридра шлепнула Карлоса по затылку. Шепнула

ему:

— До скорого!

В столовой под арочными сводами и галереями тусклые, словно сложенные из камня, стены были украшены зелеными и бордовыми гобеленами со знаками зодиака и батальными сценами. И звезды… Сперва она решила, что пустота с мигающими огоньками за подпирающими галерею колоннами, — панорамный иллюминатор. Но это была огромная, сто футов в длину, проекция окружающей корабль ночи.

Мужчины и женщины разговаривали за деревянными столами, стояли вдоль стен. Широкая лестница вела вниз к увешанному кастрюлями, сковородками и блюдами длинному окну со столом раздачи, уставленным едой и кувшинами. По другую сторону окна помещался бело-алюминиевый камбуз, где люди в фартуках готовили ужин.

Когда они вошли, все обернулись к ним. Кто поближе, приложили пальцы ко лбу, отдавая честь. Ридра вслед за Тариком поднялась на возвышение с мягкими скамьями.

Подбежал грифон:

— Хозяин, это она?

Тарик обернулся к Ридре, его каменное лицо смягчилось.

— Вот он меня развлекает, он меня отвлекает, укрощает гнев. В нем, капитан Вон, мое чувство юмора, которого, как вас заверит тут любой, у меня нет. Эй, Клик, приготовь-ка нам места! Будем совещаться.

Пернатая голова кивнула, подмигнула черным глазом, и Клик принялся взбивать подушки, на которые через минуту опустились Тарик и Ридра.

— Тарик, каким курсом идет ваш корабль?

— Мы держимся в Поясе Спечелли. — Он отбросил плащ со своего трехглавого плеча. — Каковы были ваши координаты, прежде чем вы попали в воронку новой?

— Мы… вылетели с военных заводов в Армседже.

Тарик кивнул:

— Вам повезло. Другой теневик прошел бы мимо, и вы без генераторов угодили бы прямо в звезду. Из такой бестелесности не возвращаются.

— Да уж…

При мысли об этом у Ридры засосало под ложечкой.

— Теневик? — переспросила она.

— Да. Как «Джебель-Тарик».

— Я, честно говоря, не знаю, что такое теневик.

Тарик хохотнул мягким, круглым, глубоким смешком:

— Может, оно и к лучшему. Надеюсь, вам не придется пожалеть о том, что теперь узнали.

— Я вся внимание.

— Пояс Спечелли радионепроницаемый. На относительно большом расстоянии любой корабль, даже такая гора, как «Тарик», не поддается обнаружению. Кроме того, Пояс идет вдоль гиперстатической стороны Рака.

— Эта галактика находится под захватчиками, — непроизвольно насторожилась Ридра.

— Пояс — граница Галактики Рака. Мы… ее патрулируем и делаем так, чтобы корабли захватчиков… ее не пересекали.

В его лице Ридра заметила колебание.

— Но неофициально?

Тарик снова хохотнул:

— А как иначе, капитан Вон? — Он погладил перья между лопатками Клика, шут выгнул спину. — Даже военные корабли регулярных частей, находясь в Поясе, из-за радионепроницаемости не в состоянии получать приказы. Так что в Штаб-квартире Альянса смотрят на наши дела сквозь пальцы, лишь бы мы свою роль исполняли. Они не могут отдавать нам приказы, не могут

и снабжать оружием и припасами. Приходится игнорировать некоторые правила захвата и положения о трофеях. Космолетчики называют нас мародерами. — Он пристально взглянул на нее. — Мы верные слуги Альянса, капитан Вон. Но… — Он поднял руку, сжал пальцы в кулак и ударил себя по животу. — Но если мы хотим есть, а кораблей захватчиков поблизости не видно, то что поделать? Берем, что пролетает мимо.

— Ясно, — сказала Ридра. — Значит, меня взяли?

Ей вспомнился худосочный барон, всегда словно размышляющий, не наброситься ли.

Тарик разжал кулак:

— Разве у меня голодный вид?

— Да нет, вполне упитанный, — усмехнулась Ридра.

Он кивнул:

— Месяц выдался удачный. В противном случае мы бы так любезно сейчас не беседовали. Но вы наши гости — пока что.

— Тогда не поможете отремонтировать генераторы?..

Жестом руки Тарик ее прервал.

— Пока что, — повторил он.

Пока говорили, Ридра сдвинулась к краю ска-

мьи; теперь же вновь откинулась назад.

— Подай книги, — попросил Тарик Клика.

Тот проворно нырнул в стоящий рядом с топчанами шкаф.

— Мы живем в постоянной опасности, — продолжил хозяин. — Потому, возможно, умеем жить. Ценим культуру — когда есть время. Когда увидел название вашего корабля, решил послушаться Мясника и вытащить вас. Хотя мы тут и не совсем проклятые, нечасто нас посещает поэт.

Ридра постаралась улыбнуться аллюзии как можно вежливее.

Клик принес три тома — в черных переплетах с серебряным обрезом.

— Мой любимый — второй. — Тарик взял их в руки. — Особенно меня поразили «Изгнанники во мгле». Вот вы говорите, о теневиках никогда не слышали, но вам знакомы чувства, которые «опутывают ночь, чтоб тебя связать», — так ведь у вас? Третью книгу я, честно говоря, не понял. Но там много аллюзий и пародий на современные события, а мы тут за всем следить не успеваем. — Он пожал плечами. — Первую книгу мы… изъяли из собрания капитана захватнического транспорта, который сбился с курса. Вторая… гм, вторая снята с военного корабля Альянса. Там

еще, кажется, надпись была.

Он открыл обложку и прочитал:

— «Моему Джонни по случаю первого вылета. У нее так хорошо все сказано, что я сама очень хотела сказать. Люблю очень-очень. Твоя Ленья». — Он захлопнул книгу. — Трогательно. Третью я раздобыл месяц назад. Но говорить о ней мы не будем, пока несколько раз не перечитаю. Я поражен прихоти судьбы, которой было угодно свести нас. — Он положил все книги себе на колени. — Когда вышла третья?

— Почти год назад.

— Есть ли четвертая?

Она покачала головой.

— Можно полюбопытствовать, над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас ни над чем. Написала несколько коротких стихотворений. Издательство хочет выпустить их книгой, но я планирую подождать, пока напишется большая, выдержанная поэма — чтобы уравновесить.

— Понимаю. Но ваше молчание лишает нас огромного удовольствия. Если пожелаете создать что-нибудь на борту «Джебеля», почту за честь. Во время трапез у нас звучит музыка, а артисты — под управлением хитроумного Клика — дают

драматические и комические представления. Если вам будет угодно сочинить для нас пролог или эпилог, в любой угодной вам манере, можете рассчитывать на благодарную аудиторию.

Он протянул ей коричневую твердую руку. Когда тебя ценят, чувство не теплое, поняла Ридра, а холодное; ты улыбаешься, а в спине пропадает напряжение. Она в ответ протянула свою:

— Спасибо, Тарик.

— Вам спасибо. С вашего позволения, я распоряжусь выпустить ваших людей. Могут ходить по всему кораблю свободно.

Тут взгляд его карих глаз сместился в сторону.

— Мясник.

Тарик кивнул, Ридра тоже обернулась.

Ниже на ступенях стоял тот самый осужденный, который в первый раз появился на пандусе.

— Что там за пятно в квадрате Ригеля? — спросил Джебель.

— Альянс убегает. Захватчик догоняет.

Лицо Тарика нахмурилось, затем разгладилось.

— Ничего, пускай. Этот месяц — тучный месяц. Зачем расстраивать наших гостей сценами насилия? Это Ридра…

Мясник влепил правым кулаком в свою левую

ладонь. Люди в столовой обернулись. От резкого звука Ридра вздрогнула и теперь пыталась осмыслить легкое подрагивание этих мышц, застывшее выражение полногубого лица: стремительная, но неясная враждебность, бунт против тишины, страх перед прерванным движением, безопасность в молчании, наполненном бешеной деятельностью…

Вновь заговорил Тарик, но голос его звучал уже ниже, тише, жестче:

— Ты прав. Хотя какой цельный человек не бывает по любому вопросу о двух разных мнениях, а, капитан Вон? — Он поднялся. — Мясник, идем на сближение. Они в часе от нас? Прекрасно. Сперва понаблюдаем, затем ударим, — он улыбнулся Ридре, — по захватчикам.

Руки Мясника разомкнулись, и Ридра прочитала в них облегчение (или высвобождение). Он снова задышал.

— Готовь «Джебель», а я провожу нашу гостью туда, откуда будет удобнее смотреть.

Мясник молча развернулся и пошел вниз по ступеням. Стоявшие неподалеку всё слышали, и новость разлетелась по залу. Люди поднимались из-за столов; один опрокинул свой рог для питья, и Ридра увидела, как прислуживавшая им в па-

лате девочка побежала с полотенцем вытирать.

Поднявшись на галерею, Ридра обернулась: теперь столовая была пуста.

— Пойдемте. — Тарик подозвал ее к звездной черноте за колоннами. — Корабль Альянса движется здесь. — Он указал на голубоватое облако. — Наши приборы этот туман пробивают, но там, на корабле, наверное, и не знают, что их преследуют захватчики.

Он подошел к пульту и нажал выпуклый диск. В тумане засветились две точки.

— Красная — захватчики, синяя — Альянс. Наши «пауки» будут желтые. Отсюда можете наблюдать за схваткой. Все наши навигаторы и наблюдатели, вся аналитика сенсорной информации остается на борту «Джебеля», руководство боем удаленное, чтобы не рассеивался строй. Но на своем ограниченном пространстве каждый катер сражается за себя. Славное развлечение для моих молодцов.

— Что это за посудины, капитан?

Она с удивлением отметила, что перенимает из речи Тарика архаичные нотки.

— У Альянса — военное судно снабжения. За ним по пятам идет небольшой истребитель захватчиков.

— На каком они расстоянии друг от друга?

— Контакт произойдет примерно через двадцать минут.

— И вы собираетесь ударить по захватчикам лишь через час?

Тарик усмехнулся:

— В бою с истребителем у судна снабжения шансов мало.

— Я знаю.

Ридра видела, как он, улыбаясь, ждет от нее возражений. Она прислушалась к себе, но дорогу возможным возражениям преградил пучок легчайших звуков, запевших на маленьком, меньше монеты, участке ее языка: Вавилон-17.

В этих звуках отразилось понятие абсолютно необходимого целесообразного любопытства, которое на любом другом языке потянуло бы за собой нелепую цепочку многосложных слов.

— Никогда не наблюдала за космической перестрелкой.

— Я бы вас пригласил к себе на флагман, но хоть опасность там невелика, а все же есть. Отсюда вам все происходящее будет гораздо яснее.

Она загорелась:

— Я бы хотела с вами.

Вдруг он передумает?

— Оставайтесь здесь. На этот раз со мной полетит Мясник. Если захотите понаблюдать за течениями стазиса, вот сенсорный шлем. Хотя когда работает боевое оружие, такой электромагнитный шум, что вряд ли даже редукция поможет.

На пульте побежали огоньки.

— Прошу меня извинить. Надо проверить, все ли в порядке с бойцами и с моим катером. — Он коротко поклонился. — Ваши люди пришли в сознание. Им покажут дорогу сюда, а вы уже сами им объясните, как сочтете нужным, что они теперь мои гости.

Ридра проводила взглядом Тарика и повернулась к экрану. Через пару минут ей пришла в голову мысль: «Ну и кладбище в этой громадине! Чтобы прочувствовать все диапазоны для „Джебеля“ и катеров, нужно душ пятьдесят бестелесных» — на баскском. Она оглянулась: на галерее мерцали контуры Глаза, Уха и Носа.

— Как я рада вас видеть! — воскликнула она. — Не знала, есть ли на «Джебеле» отсек для бестелесных.

— И еще какой! — ответили ей по-баскски. — Мы тебя, капитан, как-нибудь проведем по местному подземному царству. Тут каждый чуть

ли не Аидом себя считает.

Из динамка послышался голос Тарика:

— Внимание! План «Психбольница». Повторяю: план «Психбольница». Пациенты — равнение на Цезаря. Психотикам приготовиться у шлюзов К. Невротикам собраться у шлюзов Р. Маньякам приготовиться к выходу через шлюзы Т. Ну, смирительные рубашки долой!

В нижней части стофутового экрана появились три сгустка желтых огоньков — три группы катеров, которым предстоит напасть на захватчиков, когда те догонят судно Альянса.

— Невротики, вперед. Не терять контакта с действительностью.

Средняя группа стала осторожно выдвигаться. Из вспомогательных колонок зазвучали приглушенные, пробивающиеся через помехи голоса пилотов, переговаривающихся с навигаторами «Джебеля».

Держи курс, Киппи. Веди ровнее!

Ладно, Хок. С рапортом не затягивай.

Полегче! У меня шутиху клинит. Какой идиот приказал вылетать без ремонта?

Ладно вам, девочки. Хоть сегодня давайте поласковей.

Эй, Копыто, тебя как запускать, по высокой

или низкой?

По низкой. Жестко и быстро.

Как слышно?

Отчитываться не забывай, красавчик.

В главном динамике Тарик сказал:

— Охотник догнал добычу…

Красная и голубая точки на экране замигали. Сзади подошли Калли, Рон и Моллья.

— Что тут тво… — начал было Калли, но Ридра жестом его оборвала:

— Красная точка — корабль захватчиков. Скоро нападаем. Наши — вот эти желтые.

Этим объяснением она решила ограничиться.

— Удачи, наши, — сухо сказала Моллья.

Через пять минут голубой точки не осталось. За это время к компании, прогрохотав по ступеням, присоединился Коготь.

Снова голос Тарика:

— Охотник стал добычей. Маньяки, распсиховаться!

Левая группа желтых огоньков выдвинулась вперед и начала рассосредотачиваться.

Захватчик здоровый, зараза. А, Хок?

Ничего.

Придется повозиться.

Черт, не люблю вкалывать!

Рапорт мой получил? Добро.

Копыто, вали оттуда. Перекрываешь луч Букашке!

Ладно, ладно, ладно!

Кто-нибудь проверял тягачи девять и десять?

Вот сейчас самое время, да?

Просто спросил.

Красивые спиральки, а?

И снова Тарик:

— Невротики, включить манию величия. Наполеон Бонапарт, ты первый. Иисус Христос, идешь последним.

Корабли справа выстроились ромбовидным строем.

— Симулируем тяжелую депрессию. Необщительность. Подавленная враждебность.

Позади послышались молодые голоса: Капрал вел по лестнице взвод. Вблизи исполинского ночного экрана ребята притихли. Комментариями о ходе сражения обменивались уже шепотом.

— Начинаем первый психоз.

Желтые огоньки побежали вперед в черноту.

Видимо, захватчики наконец их заметили, потому что корабль начал ускоряться. Но убежать от катеров такая махина не могла, а чтобы перескочить на другое течение, не хватало сво-

бодного пространства. Три группы желтых точек — одна в боевом порядке, другая бесформенная, третья рассосредоточенная — нагоняли. Через три минуты захватчики решили принять бой. На экране вдруг появилась россыпь красных огней: вражеские «пауки», которые тоже разделились на три стандартные атакующие группы.

— Смысл жизни рассеялся, — объявил Тарик. — Не впадать в уныние!

Пусть эти сосунки только сунутся!

Давай, Киппи: низко, жестко и быстро!

Если сдрейфят и нападут первыми, им крышка!

Тарик:

— Приготовиться к преодолению враждебных защитных механизмов. Так. Выписать успокоительное!

Но катера захватчиков построились не в наступательном порядке. Одна треть рассеялась веером в горизонтальной плоскости; вторая группа курсировала в плоскости, смещенной относительно первых на шестьдесят градусов; третья отклонилась еще на шестьдесят. Таким образом, головной корабль оказался в трехсегментной защитной решетке. «Пауки» доходили до конца своей траектории и двигались в об-

ратном направлении, насыщая оборону, плетя вокруг корабля что-то вроде паутины.

— Осторожно. Противник усилил защитные механизмы.

Что за строй такой?

Ладно, пробьемся. Боишься?..

По одному каналу вдруг зашипели помехи.

Твою мать! Попали в Копыто!

Киппи, выводи нас. Вот так. Копыто, слышишь меня?

Как они его? Уходим.

— Применить активную терапию на правом фланге! Усилить внушение! По центру — принцип удовольствия. Левый фланг — к чертям.

Ридра неотрывно следила за тем, как желтые огоньки пытаются пробить гипнотически пульсирующую красную решетку, паутину, сеть…

Сеть! Картинка в ее уме вдруг перевернулась, и в таком ракурсе появились все недостающие штрихи. Эта решетка по строению была идентична той трехточечной сетке, которую она пару часов назад разорвала над гамаком. Только добавилась еще переменная времени. Вместо нитей были траектории кораблей, но принцип был тот же. Она схватила с пульта микрофон:

— Тарик!

По сравнению со звуками, которые сейчас плясали у нее в сознании, эта последовательность переднеязычного взрывного, дрожащего и велярного тянулась целую вечность.

— Калли, Моллья, Рон! — рявкнула она. — Координаты зоны боя, живо!

— А? — удивился Калли. — Хорошо.

И начал настраивать на ладони циферблат космометра. Как медленно, подумала она. Как медленно они все движутся. Она знала, что́ нужно, необходимо сделать, и теперь наблюдала за развитием событий.

— Ридра Вон, Тарик занят, — раздался суровый голос Мясника.

— Координаты: три-Б, сорок один-Ф и девять-К, — вынырнул Калли из-за ее левого плеча. — Быстро мы, а?

Ридре показалось, что запросила она их час назад.

— Мясник, записал координаты? Так, через… двадцать семь секунд катер пройдет через точку… — Она назвала три координаты. — Пусть ближайшие невротики по нему ударят.

Пока ждала ответа, сообразила, куда надо бить дальше.

— Через сорок секунд от этого — три, два, один

— момента через точку… — она назвала другие координаты, — пройдет другой катер. Весь огонь по нему. Первый вывели из строя?

— Да, капитан Вон.

Колоссальное изумление и облегчение. По крайней мере, Мясник прислушался. Она назвала координаты еще трех кораблей в сети.

— Теперь избавьтесь от них, и все развалится!

Раздался голос Тарика:

— Приготовиться к групповой терапии!

Желтые «пауки» вновь рванулись в ночь. На месте, где должны были быть катера захватчиков, теперь зияли дыры; там, откуда должно было прийти подкрепление, теперь царил хаос. Сперва один, потом другой красный огонек отступил с позиции.

Желтые пробились за оборонительный кордон. Красную точку головного корабля встряхнуло от виброудара.

Держась за плечи Карлоса и Флопа, Ратт запрыгал верх-вниз.

— Ура, мы победили! — заорал маленький инженер-реконверсионщик. — Мы победили!

Взвод начал перешептываться, а Ридре показалось, будто она где-то далеко-далеко. Они все говорят так медленно, тратят такую уйму време-

ни, чтобы выразить вещи, которые укладываются в несколько простых…

— Ты как, ка'итан? — Коготь положил желтую лапу ей на плечо.

Она попыталась ответить, но из губ вырвался только низкий всхлип. Она повисла на его руке.

Подошел Капрал:

— Как себя чувствуешь?

— Т-т-т-т… — начала она и поняла, что не знает, как это будет на Вавилоне-17, — тошнит. Черт, меня тошнит.

Стоило ей это выговорить, головокружение прошло.

— Может, тебе прилечь? — спросил Капрал.

Она отрицательно мотнула головой. Напряжение в плечах и спине, тошнота отступали.

— Да нет, все нормально. Перевозбудилась, наверное.

— 'рисядь, — сказал Коготь, предлагая ей опереться на пульт.

Но она выпрямилась:

— Не надо. Мне правда полегчало. — Она глубоко вдохнула. — Видите? — Высвободилась из-под руки пилота. — Прогуляюсь. Приду в себя.

И Ридра, все еще пошатываясь, зашагала по галерее. Она чувствовала, что остальные опасаются

ее отпускать, но ей вдруг захотелось оказаться в другом месте.

Когда добралась до верхних уровней, дыхание нормализовалось. От перекрестка расходились шесть коридоров с пандусами и спускались на другие уровни. Она остановилась, соображая, куда дальше, затем обернулась на звук.

По коридору шли несколько человек из экипажа «Джебеля», в том числе Мясник. Он облокотился на закраину шлюзового проема, ухмыльнулся Ридре и, видя ее замешательство, указал вправо. Говорить не хотелось, так что она просто улыбнулась в ответ и отдала ему честь. Пока она шла к правому пандусу, до нее дошел смысл его ухмылки. Да, в ней сквозила гордость их общей победой (благодаря чему можно было обойтись и без слов) и непосредственное удовлетворение тем, что он оказался ей полезен. Но и всё. Не хватало вполне ожидаемой иронии по адресу заблудившегося человека. Эта ирония ее бы не обидела, но ее отсутствие приятно удивляло. Впрочем, оно хорошо согласовывалось с полученными ранее впечатлениями о нем: жесткость, брутальность и в то же время невероятная животная пластика.

Когда Ридра дошла до столовой, на лице у нее все еще блуждала улыбка.

II

Ридра нагнулась над перилами, наблюдая за происходящим на изогнутой площадке грузового шлюза.

— Капрал, гони ребят вниз, пусть помогут с транспортными лебедками. Тарик говорил, нужна помощь.

Капрал привел взвод к подъемнику, опускавшемуся в недра «Джебеля».

— Так, спу́ститесь — подойдете к тому человеку в красной рубашке. Он вам работу назначит. Да, работу. Чего так вылупился, болван? Кайл, застегни ремни, а? Тут высота двести пятьдесят футов; свалишься — головка заболит. Вы двое, отставить! Не важно, кто первый начал. Марш вниз — и за дело…

Ридра смотрела, как демонтажные бригады снимают с останков кораблей — дружественного и вражеского — и их многочисленных катеров оборудование, органические припасы, передают их принимающим, как в погрузочной зоне растут штабеля рассортированных ящиков.

— Катера скоро будем сбрасывать за борт. К сожалению, «Рембо» тоже. Если хотите, капитан,

можете что-нибудь оттуда забрать.

Она обернулась на голос Тарика.

— Мне нужно будет взять кое-какие важные бумаги и записи. Оставлю взвод здесь, сходим с офицерами.

— Прекрасно. — Тарик встал рядом с ней у перил. — Как только закончим здесь, отправлю с вами бригаду. Если понадобится принести что-нибудь тяжелое.

— В этом нет необ… — начала было она. — Понимаю. Вам ведь нужно топливо.

Тарик кивнул:

— И стазисное оборудование, и запчасти для катеров. Но мы ничего не тронем, пока вы не закончите.

— Что ж, справедливо.

— На меня произвело большое впечатление, — сменил тему Тарик, — как вы пробили оборону захватчиков. Такой их строй всегда вызывал у нас определенные трудности. А Мясник сказал, вы управились буквально за пять минут. Причем потеряли мы только одного «паука». Это рекорд. Я не знал, что вы не только поэт, но и вдобавок искушенный стратег. У вас много талантов. Повезло еще, что Мясник решил вам довериться. Мне бы не хватило проницательности разом отбросить

сомнения и последовать вашим указаниям. Если бы не столь похвальные результаты, я бы спросил с него по всей строгости. Хотя признаю: от его решений я еще никогда внакладе не оставался.

Тарик посмотрел вниз. Бывший заключенный вальяжно расположился на зависшей по центру шлюза платформе и молча присматривал за работами.

— Загадочный он человек, — сказала Ридра. — За что его посадили?

— Я не спрашивал, — приподнял подбородок Тарик, — а он сам не говорил. На «Джебеле» много загадочных людей. Но в таком маленьком мирке свобода от посягательства на частную жизнь очень ценится. Да-да, через месяц вы убедитесь, какая крошечная на самом деле наша «Гора».

— Прошу прощения. Не стоило любопытствовать.

По огромному, двадцати футов в ширину, снабженному зацепами конвейеру ползла носовая часть развороченного взрывом катера захватчиков. По бокам зависли вооруженные пробойниками и точечными лазерами рабочие. Краны подцепили гладкий корпус и начали его медленно поворачивать.

Вдруг демонтажник, расположившийся около

стыковочного люка, вскрикнул и резко качнулся вбок. Его инструменты с грохотом попадали. Люк откинулся, из него с высоты двадцати пяти футов выпрыгнула фигура в серебристом облегающем одеянии, упала на ленту, прокатилась между зацепами, спрыгнула с десятифутовой высоты на пол и побежала. С ее головы слетел капюшон, и длинные, по плечи, каштановые волосы дико взметнулись, когда она отпрыгнула в сторону, чтобы не угодить в змеящийся по полу грязевой поток. Двигалась она быстро, но неловко. И тут Ридра догадалась: захватчица была не полновата, а как минимум на седьмом месяце беременности. Механик швырнул в нее гаечный ключ, она увернулась, так что он задел только бедро. Она устремилась к проходу между ящиками с припасами.

Воздух прорезало вибрирующее шипение — захватчица остановилась. Вновь шипение — она с размаху села на пол, завалилась вбок, лягнула ногой, затем еще раз.

Мясник на платформе убрал вибралайзер в кобуру.

— Ну зачем? — сказал Тарик с поразительной мягкостью в голосе. — Разве нельзя было…

Но как закончить мысль — он, судя по всему,

не знал. На его лице читались боль и любопытство. Боль, как догадалась Ридра, происходила не из-за двойной смерти на нижней палубе, а от досады джентльмена, которого застали за чем-то недостойным. С любопытством же он ждал ее реакцию. И отреагировать на это ощущение скручивания в животе было необходимо: от этого могла зависеть ее собственная жизнь. Он приготовился заговорить, и Ридра сказала его фразу за него:

— Отправляют на военные корабли беременных. У них рефлексы острее.

Ну что, так лучше? Ридра увидела, как напряжение Тарика начало спадать.

А Мясник тем временем поднялся на лифте и шел к ним, нетерпеливо похлопывая кулаком по напружиненному бедру.

— Прежде чем затаскивать на разборку, надо все просвечивать. Не слушают. Уже второй раз за два месяца, — проворчал он.

Внизу люди с «Джебеля» и из Ридриного взвода сгрудились над телом.

— В другой раз послушают, — тихо, мягко и холодно сказал Тарик. — Мясник, тобой тут капитан Вон интересовалась. Спрашивала меня, что ты за человек, а я и не нашелся, что сказать. Может

быть, объяснишь, почему тебе пришлось…

— Тарик, — перебила Ридра; ее глаза, пытаясь заглянуть в глаза капитана, зацепились за мрачный взгляд Мясника, — можно сейчас сходить на наш корабль, пока вы не начали?

Тарик выдохнул остаток воздуха, который он так и держал в легких с момента выстрела.

— Разумеется.

— Да нет, Коготь, он не чудовище. — Она отперла дверь в капитанскую каюту «Рембо» и зашла. — Просто так было целесообразнее. Это как…

И она ему начала объяснять, пока пилот не ухмыльнулся своей распяленной клыками пастью и не покачал головой:

— Ты на английском говори, ка'итан. Не 'онимаю.

Она взяла с пульта управления словарь и положила на стопку таблиц.

— Прости. Коварная штука. Когда освоишь как следует, она все так упрощает. Вытащи пленки из рекордера, хочу послушать.

— Что на них? — спросил Коготь, подавая ей записи.

— Разговоры на Вавилоне-семнадцать, перехваченные на военных заводах до нашего взлета.

Она запустила первую пленку.

По кабине растекся мелодичный поток звуков, ее захлестнули волны десяти- и двадцатисекундных всплесков, смысл которых был ей ясен. План взлома ТВ-55 вырисовывался со сверхъестественной отчетливостью. Тут начался фрагмент, который она не разбирала, и ей показалось, будто она бьется о стену некоммуникации. Пока она слушала, пока понимала, словно перемещалась среди психоделических видений. Но смысл ушел — и как будто резким ударом выбили из легких воздух. Ридра заморгала, затрясла головой, даже прикусила язык, пока наконец не пришла в себя и снова не смогла воспринимать действительность.

— Капитан Вон.

Голос Рона. Она повернула к нему занывшую голову.

— Капитан Вон, не хотел вас отвлекать.

— Ничего страшного. Что случилось?

— Вот. Нашел в рубке.

Он показал небольшую катушку с пленкой. Коготь все еще стоял у двери.

— Какого черта эта хреновина у меня там лежала?

У Рона на лице изобразилась сложная гамма

чувств.

— Мы сейчас с Капралом прослушали. Там капитан Вон — или кто-то еще — запрашивает у диспетчеров в Армседже разрешение на взлет и говорит Капралу приготовиться к взлету.

— Ясно, — сказала Ридра и взяла катушку. Затем нахмурилась. — Это одна из моих катушек. Я принесла трехкулачковые катушки из университета. А все остальные устройства на корабле работают с четырехкулачковыми. Эта катушка от машины в моей каюте.

— Значит, кто-то забрался к тебе и за'исал, 'ока тебя не было.

— Когда меня нет, тут все заперто — бестелесная блоха не проползет. — Она покачала головой. — Не нравится мне все это. И не знаешь, откуда ждать пакости в следующий раз. Что ж, — сказала она, вставая, — хотя бы теперь понятно, что делать с Вавилоном-семнадцать.

— Что? — спросил Коготь.

К тому времени к каюте подошел Капрал и заглядывал через плечо Рона с цветущей розой.

Ридра оглядела офицеров. Неловкость или недоверие — что хуже?

— Сами понимаете, теперь сказать не могу. Вот так вот. — Она направилась к двери. — Я

бы с удовольствием. Но после всего этого будет глуповато.

— Но мне надо поговорить с Тариком!

Шут Клик взъерошил перья и пожал плечами.

— Госпожа, ваше желание значит для меня больше желания любого другого человека на «Горе», кроме воли самого Тарика! Но сейчас вы идете против его воли. Он велел его не беспокоить. Он прокладывает курс «Джебеля» на следующий временной цикл. Необходимо тщательно обдумать все течения и даже принять в расчет массы ближайших звезд. Занятие это требует огромного напряжения и…

— Хорошо, тогда где Мясник? Спрошу у него, хотя лучше бы напрямую…

Шут указал зеленым когтем:

— Он в биологическом театре. Пройдете через столовую и подниметесь на первом лифте на двенадцатый уровень. Театр сразу по левую руку.

— Спасибо, — сказала Ридра и пошла к лестнице.

На двенадцатом уровне она обнаружила огромную дверь в виде ирисовой диафрагмы и нажала на входной диск. Лепестки раскрылись, и она моргнула от зеленого света.

Его круглая голова и чуть сгорбленные плечи

выделялись на фоне булькающего резервуара, в который было помещено крошечное тело. Поднимающиеся со дна пузырьки отскакивали от ног, искрились на скрещенных полусогнутых руках, струились вдоль склоненной головы и вспенивали жидкость вокруг грудничковых волос, которые завивались в крошечных водоворотах.

Мясник обернулся, увидел ее и сказал:

— Умер. — Резко и воинственно тряхнул головой. — Еще пять минут назад был живой. Семь с половиной месяцев. Должен был выжить. Был сильный!

Левый кулак, как тогда в столовой, впечатался в правую ладонь. Задрожавшие мышцы успокоились. Он показал большим пальцем на операционный стол, где лежало тело захватчицы — вскрытое.

— В катере ее сильно поломало. Внутренние органы ни к черту. Некроз по всей брюшной полости.

Он повернул руку так, что большой палец теперь указывал ему за спину на плавающего в жидкости гомункулуса, и жест, изначально показавшийся грубым, обрел изящество точного расчета.

— И все равно. Должен был выжить. — Он

выключил подсветку резервуара, и бульканье прекратилось. Встал из-за стола. — Что госпоже угодно?

— Тарик рассчитывает курс «Джебеля» на следующие месяцы. Ты не мог бы попросить его… — Она осеклась. И спросила: — Зачем?

Мускулы Рона, подумала она, это натянутые струны, которые звенят и выпевают то, что хотят сказать. У этого же мускулы — щит, который не пускает окружающий мир внутрь, а человека — наружу. И что-то там внутри вскакивало снова и снова, билось о щит изнутри. Шевельнулся бугристый живот, сжалась грудь после выдоха, лоб расправился и вновь покрылся морщинами.

— Зачем? — повторила она. — Зачем ты пытался спасти ребенка?

Его лицо исказила гримаса, левая рука потянулась к отметине каторжника на правом бицепсе, словно она заныла. Затем с отвращением выговорил:

— Умер. Нет смысла. Чего хочет госпожа?

То, что билось у него внутри, затихло, затаилось — Ридра поступила так же.

— Хотела спросить, не отвезет ли меня Тарик в Штаб-квартиру Альянса. У меня есть важные сведения, касающиеся Вторжения. Мой пилот

сказал, что Пояс Спечелли подходит к Штаб-квартире на десять гиперстатических единиц: это расстояние можно преодолеть на катере, а сам «Джебель» останется в радионепроницаемом пространстве. Если Тарик захочет сопроводить меня до Штаб-квартиры, я гарантирую ему безопасность и беспрепятственное возвращение в глубину Пояса.

Он пристально на нее посмотрел:

— До конца Драконова Языка?

— Да, Коготь сказал, конец Пояса называется так.

— Безопасность гарантирована?

— Да. Могу показать мой патент от генерала Форестера из руководства Альянса, если…

Но он жестом остановил ее.

— Тарик! — сказал он в настенный микрофон.

Динамик был направленным, поэтому ответов она не слышала.

— На первом цикле направь «Джебель» по Драконову Языку.

На другом конце задали вопрос или возразили.

— Пройди по Языку, все будет нормально.

В ответ на неразборчивый шепот он кивнул и сказал:

— Он умер. — Выключил интерком. — Хорошо.

Тарик отведет «Джебель» к Штаб-квартире.

Она сперва не могла поверить своим ушам, но теперь была поражена. Поразиться она должна была бы еще раньше, когда он без вопросов принял ее тактику в бою с захватчиками, но Вавилон-17 таких чувств не допускал.

— Спасибо, конечно, — начала она, — но ты меня даже не спросил…

Тут она решила выразиться по-другому. Но Мясник сжал кулак:

— Зная, какие корабли уничтожать, и корабли уничтожены. — Он ударил кулаком в грудь. — Теперь идти по Драконову Языку, «Джебель» пройдет по Драконову Языку.

Он вновь хлопнул себя по груди.

Ридра хотела задать вопрос, но взглянула на мертвый плод в темной жидкости и сказала:

— Спасибо, Мясник.

Выходя из театра, она начала прокручивать в голове их разговор, пытаясь составить какое-то объяснение его действий. Даже эта грубая форма, в которую он облекал свои слова…

Его слова!

Ошеломленная догадкой, она прибавила шагу.

III

— Коготь, он не может произнести «я»!

Она перегнулась через стол в возбуждении, подогретом удивлением и любопытством.

Пилот ухватил когтистой лапой рог для питья. Деревянные столы как раз накрывали к ужину.

— «Меня», «мне», «мной», «мой» — этого всего тоже, скорее всего, не может. Ни сказать, ни помыслить. Откуда он такой взялся?

— Ты знаешь язык, где нет слова «я»?

— Есть парочка, где оно редко используется. Но не знаю ни одного, где даже понятия такого нет. Хотя бы в виде глагольного окончания.

— И значит?..

— Странный человек, который странно мыслит. Не знаю почему, но он как-то перешел на мою сторону, стал моим союзником, посредником между мной и Тариком. Хочу разобраться, чтобы не сделать ему больно.

Она оглядела столовую, где вовсю готовились к ужину. Девочка, которая приносила им курицу, посматривала на нее с интересом, но все еще и с опаской; потом страх переплавился в любопытство, и она подобралась на два стола ближе; затем

любопытство испарилось, оставив после себя осадок безразличия, и она отправилась к буфету принести еще ложек.

Ридра задумалась, что будет, если перевести информацию, которую ей сообщают движения и сокращения мышц, на Вавилон-17. Теперь она понимала, что это не просто язык, но гибкая матрица аналитических возможностей, где одно и то же «слово» характеризует и переплетение нитей фиксирующей сети на госпитальной койке, и оборонительное построение космических кораблей. А что, если таким же образом проанализировать напряжение и тоску на человеческом лице? Может, подрагивание века или движение пальцев превратится в бессмысленную математику? А может… Пока она размышляла, мозг ее сам собой переключился на неудержимый, емкий Вавилон-17. Она повела глазами в сторону… голосов.

Они крепчали, определяли себя друг через друга, сплетались в узлы — не сами голоса, а внутренние монологи у людей в головах. Ридра поняла, что вот сейчас в зал вошел убитый горем брат Копыта, а еду ему принесла влюбленная девушка, которая сохнет по мертвому юноше из бестелесной команды, тот же смущает и делает весьма пикантными ее сны…

То, что она сидит в огромной столовой, что идет ужин, занимало лишь малую часть ее сознания.

...мысли большинства крутятся вокруг голода, у одного это засевшее в животе чудище с зубами, у другого — ленивый омут; а вот — знакомая подростковая какофония чувств: это ввалились молодцы из ее взвода с «Рембо» под присмотром озабоченного Капрала; и дальше, и дальше среди всей этой взбудораженности, голода, любви — страх! Он гонгом прозвенел по столовой, окрасил фиолетовую волну в багровое, и она поискала глазами Тарика и Мясника, чьи имена читались в этом страхе, но обнаружила не их, а щуплого человечка по имени Джеффри Корд, в мозгу которого искрили и шипели оголенные провода *Смерть от ножа, который у меня привязан к ноге* и *Языком пробиться на самый пик «Джебеля»*, а вокруг него массы других сознаний чего-то ищут, страдают от голода, бубнят, шутят, обижаются, немножко любят, ищут чего-то еще, все мысли перекрещиваются: с одной стороны, облегчение, что несут еду, с другой — предвкушение, что́ там этот выдумщик Клик сегодня покажет; сознания актеров пантомимы настроены на спектакль, а сами тем временем осматривают зрителей, с

которыми еще только недавно вместе работали и спали; один пожилой навигатор с геометрической головой спешит дать девушке, которой в спектакле предстоит играть влюбленность, серебряную пряжку, которую он сам отлил и надписал: а вдруг она согласится сыграть влюбленность в него…

Ей поставили приборы, принесли сперва кувшин, затем — хлеб, она заметила и улыбнулась, но ее взгляду было открыто куда больше; вокруг нее люди сидели, отдыхали, прислуживавшие торопились к окну выдачи, где дымилось жаркое и жареные фрукты.

…но мозг ее упорно взял курс назад на тревогу Джеффри Корда, действовать надо сегодня вечером, когда начнут представление, и, не в состоянии сосредоточиться на чем-либо, кроме его отчаянных мыслей, она наблюдала, как он внутри кипит и мечется, замышляя подбежать вперед в начале пантомимы, как будто чтобы вместе с другими разглядеть получше, подобраться к столу Тарика, сунуть лезвие ему меж ребер, змеиный клык, бороздчатый металл, напитанный паралитическим ядом, потом раздавить во рту фальшивый зуб с гипнотическим наркоти-

ком, чтобы решили, будто им управляли извне, наконец выдать дикую историю, внедренную за много мучительных часов под персонафиксом на неподконтрольный гипнозу уровень о том, что контролировал его Мясник; остаться с Мясником наедине, укусить его за руку или за ногу, заразить тем же самым наркотиком, который отравлял его рот, и сделать могучего каторжника беззащитным и послушным ему, а когда в конце концов после убийства Мясник станет на «Джебеле» главным, Джеффри Корд станет его правой рукой, как сейчас Мясник — правая рука Тарика, и, когда «Джебель-Тарик» станет «Джебелем Мясника», Джеффри будет командовать Мясником, как сейчас Мясник, судя по всему, командует Тариком, и наступит правление суровое, и всех чужаков изгонят с горы и приговорят к смерти через вакуум, и «Джебель» обрушится на все корабли в Поясе: равно на космолетчиков, захватчиков и теневиков, и Ридра оторвалась от него сознанием и скользнула по поверхности Тарика и Мясника, не заметила ни следов гипноза, ни ожидания предательства, зато увидела свой запоздалый страх, который уводил ее от того, что она чувствовала, от аккомпанемента сдвоенных и ополовиненных голосов… (ее страх оторвался

от ее колоссального слововоззрения, и она почувствовала раскалывающую ярость этого человека, но превозмогла ее и обнаружила, что его страх полон дыр, полон дыр, как губка), и нет, да, идя к сцене, она могла найти слова и образы, которые спровоцируют его на предательство… (и нет, да, отскочив от удара его страха, она вернулась и подобралась к нему поближе)… к одной строчке, которая вилась сквозь восприятие и действие, сквозь речь и коммуникацию, слившиеся воедино, она выискивала самые убедительные звуки, пользуясь этим эффектом замедленного времени, который давал ей…

Ее взгляду было открыто гораздо больше, чем лишь то, что инфернальный шут на сцене говорил: «Перед началом представления я хотел бы попросить нашу гостью, капитана Вон, сказать несколько слов или, может быть, прочитать что-то из своих произведений». И очень маленькой частью сознания — да больше и не требовалось — она поняла, что настал момент разоблачения. Эта мысль на мгновение заслонила собой все остальное, но тут же обрела нормальные пропорции: Ридра знала, что не может позволить Корду помешать ей добраться до Штаб-квартиры, так что она встала и пошла к сцене, на ходу

высматривая в его сознании смертоносное лезвие, которое можно было бы мгновенно заточить и загнать в разлом ума Джеффри Корда…

…и она подошла к платформе, где стоял великолепный зверь Клик, и поднялась, слушая голоса, певшие в тишине зала, и пращой своего звонкого голоса метнула свои слова, и они повисли в воздухе, и она смотрела на них и смотрела за тем, как смотрит он; их ритм, немудрящий для большинства из тех, кто собрался в столовой, его истязал; согласованный с частотой его психофизических процессов, он раздражал их, шел поперек…

— Ну что, Корд, думаешь, смел и горд? Убийством брюхат, в сердце дрожь и ад. Но чтобы стать царем черной горы, придется вылезать из шакальей норы.

Разожми пальцы и рот, сможет править лишь тот, кто силу поймет.

Честолюбие жжет твой мозг, как жидкий рубин, из матки злой воли — плод убийства; будущий господин, ты зовешь себя жертвой, когда в чашу боли превращен твой череп, и ты лакаешь жадно смрадное пойло. Пальцы тянутся к стали в ножнах, давно осторожно привязаны ножны к ноге, такой ты задумал план, дрожащий тиран.

Пока они бились, пока новым мирам дивились, ты забился, как крыса, под колпак персонафикса, впитывал ложь, тебя голой рукой не возьмешь. Кровавый спорт, хочешь побить рекорд. В сердце им целю — горе «Джебелю»!

Лелеешь кривой клинок с бороздчатым клыком, но стих мой прям и силен, им влеком, ты не знаешь, что думать; где был кураж, теперь только мираж, смущен, смятен, ты слышишь не тот аккорд.

Душегуб, с твоих губ…

…и она удивилась, что он продержался так долго. Она взглянула прямо на Джеффри Корда. Джеффри Корд взглянул прямо на нее и завопил…

От вопля что-то перещелкнуло. До этого она думала на Вавилоне-17 и выбирала английские слова с его помощью. Но теперь она снова думала по-английски.

Джеффри Корд дернул головой вбок (вздрогнули темные волосы), опрокинул стол и помчался, одержимый яростью, к ней. Отравленный нож, который она до этого видела только в его мыслях, был обнажен и нацелен ей в живот.

Когда он запрыгнул на сцену, она отскочила назад и попыталась ударить его ногой по руке

с ножом, промахнулась, но попала по лицу. Он упал на спину и прокатился по полу.

Золотое, серебряное, янтарное: Коготь несся с одного конца зала, сребровласый Тарик в раздувающемся за спиной плаще — с другого. Но Мясник уже был на месте, уже закрыл ее от распрямляющегося Корда.

— Что происходит? — грозно спросил Тарик.

Не выпуская ножа из рук, Корд поднялся на колено. Его темные глаза перескакивали с дула вибралайзера на другое дуло, затем на когти пилота. Он замер.

— Нападений на своих гостей я не потерплю.

— Этот нож был приготовлен для вас, Тарик, — тяжело дыша, выговорила Ридра. — Проверьте архивы джебелевского персонафикса. Он собирался вас убить, Мясника подчинить гипнозом и прибрать к рукам власть на «Джебеле».

— А, — сказал Тарик, — один из этих. — Он обернулся к Мяснику. — Как раз пора, да? У нас такие случаи примерно раз в полгода. Я вновь вам признателен, капитан Вон.

Мясник выхватил у Корда, чье тело словно застыло, а глаза плясали, нож и стал его рассматривать. Повисло молчание, время которого отмеряло только дыхание Корда. Утонувшее в

тяжких пальцах Мясника лезвие было сделано из печатной стали. Семидюймовая костяная рукоять была покрыта выступами, испещрена бороздами покрашена под орех.

Свободной рукой Мясник схватил Корда за черные волосы. Затем не торопясь погрузил нож до упора в правый глаз предателя — рукоятью вперед.

Вопль сменился бульканьем. Руки заметались и опали с Мясниковых плеч. Те, кто сидел неподалеку, вскочили на ноги.

Сердце у Ридры дважды ударило о грудную клетку так, будто хотело сломать ребра.

— Но вы даже не проверили… Вдруг я ошиблась… Может, там было еще что-то… — жалко трепыхаясь, бессмысленно протестовал ее язык.

Может быть, ее сердце остановилось.

Мясник, с обагренными кровью руками, холодно на нее посмотрел:

— Он на «Джебеле» с ножом шел на Тарика или на госпожу, и он умер.

Правый кулак ввинтился в левую ладонь; красная смазка сделала жест беззвучным.

— Мисс Вон, — сказал Тарик, — судя по тому, что я увидел, у меня почти нет сомнений, что Корд был опасен. Полагаю, что нет их и у вас. Вы

весьма ценный союзник. Я перед вами в долгу. Надеюсь, что наш полет по Драконову Языку окажется удачным. Мясник мне только что сказал, что мы туда отправились по вашей просьбе.

— Спасибо, но…

Сердце ее вновь застучало. Она попыталась было повесить на неловко засевший у нее во рту крючок «но» какую-нибудь фразу. Вместо этого ее вдруг страшно затошнило, в глазах померк свет, и она качнулась вперед. Мясник подхватил ее красными ладонями.

Снова круглая теплая голубая комната. Но теперь она одна, и наконец-то есть возможность осмыслить происшествие в столовой. Это было не то, в чем она столько раз пыталась убедить Моки. Это было то, о чем Моки столько раз говорил ей, — телепатия. Но, судя по всему, телепатия зародилась в недрах старого таланта и стала новым способом мышления. Она открыла новые миры восприятия, действия. Но почему ей стало так плохо? Она вспомнила, как под действием Вавилона-17 время замедляется, а умственная деятельность набирает ход. Если соответственно ускоряются и физиологические процессы, возможно, организм не выдерживает перегрузок.

Из записей с «Рембо» она поняла, что следую-

щая диверсия будет в Штаб-квартире Альянса. Она хотела добраться дотуда с разгаданным языком, передать им словарь, описание грамматики и уйти на покой. Она уже почти смирилась с тем, что придется отказаться от поисков загадочного носителя. Но еще не совсем, что-то еще оставалось, предстояло еще что-то услышать и сказать…

Изнемогая, падая, она ухватилась за окровавленные пальцы, пробудилась резким рывком. Безличностная суровая натура Мясника, уплощенная чем-то неизвестным до состояния прямолинейного, сверхпримитивного, была, несмотря на весь свой ужас, все же человеческой. С ним, даже несмотря на кровавые руки, чувствуешь себя безопаснее, чем в откорректированном мире лингвистической точности. Что можно сказать человеку, который не знает слова «я»? Что он может сказать ей? Добрые и злые прихоти Тариковой воли существовали в понятных границах цивилизации. Но эта багровая звериность — ошеломляла ее!

IV

Она вылезла из гамака, на этот раз отстегнув удерживающую сетку. Ей полегчало почти час назад, но все это время она лежала и думала. К ее ногам опустился пандус.

Когда стена палаты за ней сомкнулась, она помедлила в коридоре. Поток воздуха пульсировал, как дыхание. Низ ее полупрозрачных брюк, колыхаясь на сквозняке, поглаживал босые щиколотки. Широкий ворот черной шелковой блузки ниспадал на плечи.

Пока она приходила в себя, на «Джебеле» уже давно началась ночная вахта. В периоды активной деятельности перерыв на сон делали по очереди, но, если корабль просто шел от точки к точке, выдавались часы, когда спала почти вся команда.

Вместо того чтобы направиться в столовую, она свернула в незнакомый тоннель, который вел вниз. Идущий от пола рассеянный белый свет через пятьдесят футов стал янтарным, потом — оранжевым. Она остановилась и посмотрела на отсвечивающие оранжевым руки. Еще через сорок футов оранжевый сменился красным. Да-

лее — голубой.

Пространство вокруг нее расступилось: стены отклонились в стороны, потолок ушел в недоступную зрению высь.

От смены цветов наполненный легкой дымкой воздух перед глазами замигал и пошел кляксами. Ей пришлось обернуться, чтобы сориентироваться.

На фоне красного входа в зал очертился мужской силуэт.

— Мясник?

Он подошел к ней, кивнул. Черты лица в голубом тумане казались нечеткими.

— Стало получше, и решила пройтись, — объяснила она. — Что в этой части корабля?

— Бестелесный отсек.

— Могла бы догадаться.

Они пошли рядом.

— Тоже гуляешь?

Он мотнул тяжелой головой:

— Рядом с «Джебелем» проходит инопланетный корабль. Тарик просил взять сенсорные векторы.

— Наши или захватчики?

Мясник пожал плечами:

— Только знать, что это не человеческий корабль.

В семи обследованных галактиках было девять видов существ, освоивших межзвездные перелеты. Три присоединились к Альянсу. Четыре — к захватчикам. Два ни с кем не объединились.

Они зашли в бестелесный сектор так далеко, что вещи утратили материальность. Стены превратились в голубой туман без углов. Отдававшийся эхом треск энергетических переносов сопровождался далекими зарницами, перед глазами обманчиво мелькали образы полузабытых духов, которые каждый раз как будто только-только прошли мимо.

— Сколько нам еще идти? — решив составить ему компанию, спросила Ридра, но тут же подумала: «Если он не знает слова „я“, догадается ли, что значит „нам“?»

Как бы там ни было, он ответил:

— Скоро. — Посмотрел на нее темными глазами из-под мощных надбровных дуг и спросил: — Зачем?

Таким тоном, что стало ясно: этот вопрос не имеет отношения к репликам, которыми они только что перебросились. Она постаралась припомнить, что такого она сделала в последнее время, что могло его озадачить.

Он повторил:

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем спасать Тарика от Корда?

В его словах не было возражения, только любопытство этического свойства.

— Потому что он мне нравится, и потому что он везет меня в Штаб-квартиру, и потому что мне бы стало не по себе, если бы я… — Она запнулась. — Ты знаешь, кто я?

Он отрицательно мотнул головой.

— Откуда ты, Мясник? На какой планете ты родился?

Он пожал плечами.

— Сказали, — сказал он, помолчав, — что-то не так с головой.

— Кто?

— Врачи.

Между ними проплывал голубой туман.

— Врачи на Титине? — предположила она.

Он кивнул.

— Тогда почему тебя отправили в тюрьму, а не в больницу?

— Мозг не сумасшедший, сказали они. Эта рука, — он поднял левую, — убить четырех человек за три дня. Эта рука, — он поднял правую, — убить семерых. Взорвать термитом четыре здания.

Нога, — он ударил по левой, — пробить голову охраннику в банке «Телехрон». Там было много денег. Все не унести. Брать немного — примерно четыреста тысяч кредитов.

— Ты украл из «Телехрона» четыреста тысяч кредитов!

— Три дня, одиннадцать человек, четыре здания — всё за четыреста тысяч кредитов. Но на Титине, — лицо его исказила гримаса, — было невесело.

— Да уж, наслышана. Долго тебя искали?

— Шесть месяцев.

Ридра присвистнула:

— Снимаю шляпу. Надо же — столько времени прогулять на свободе после ограбления банка! А ты еще и в биотике разбираешься: сделал сложное кесарево сечение, извлек живой плод. В этой голове кое-что есть.

— Врачи говорят, мозг не глупый.

— Послушай, нам с тобой надо поговорить. Но сперва я должна научить… мозг одной вещи.

— Какой?

— Что такое «я» и «ты». Ты ведь слышишь эти слова по сто раз на дню. Неужели неинтересно, что они значат?

— Зачем? Обычно понятно и без них.

— А поговори на языке, на котором ты говорил в детстве.

— Нет.

— Почему? Может, я что-то о нем знаю.

— Врачи говорят, с мозгом что-то не так.

— Хм. А что именно, не сказали?

— Афазия, алексия, амнезия.

— Да уж, целый букет, — нахмурилась она. — Это случилось до или после ограбления?

— До.

Она попыталась подытожить:

— То есть с тобой что-то произошло, из-за чего ты потерял память и не мог ни говорить, ни читать. И после этого первым делом ты ограбил банк «Телехрон». Кстати, какой именно?

— На Рее-четыре.

— А, маленький. Но все равно. И потом ты еще полгода скрывался. Нет мыслей насчет того, что было до потери памяти?

Мясник пожал плечами.

— Они наверняка проверили версию, что ты работал на кого-то под гипнотиками… Не знаешь, на каком языке ты говорил раньше? Видимо, сейчас в твоей речи отражается как раз этот прежний язык. Иначе ты бы уже разобрался с «я» и «ты», перенял бы у других.

— Почему эти звуки должны что-то значить?

— Потому что ты задал вопрос, но я не могу на него ответить, если ты их не понимаешь.

— Нет. — В его голосе послышалось смущение. — Ответ есть. Просто слова ответа должны быть проще.

— Мясник, есть такие понятия, которые выражаются в определенных словах. Если ты не знаешь слов, ты не владеешь понятиями. А если ты не владеешь понятиями, то не получаешь и ответа.

— Три раза слово «ты», да? И все равно ничего неясного. И «ты» ничего не значит.

Она вздохнула:

— Это потому, что я использовала это слово в фатической функции, как бы по привычке, без смыслового наполнения… просто как оборот речи. Слушай, я задала тебе вопрос, на который ты не смог ответить.

Мясник нахмурился.

— Видишь, ты не можешь понять, что я сейчас сказала, если не знаешь значения этих слов. Язык лучше всего учить со слуха. Так что слушай. Когда ты, — она указала на него, — сказал мне, — она указала на себя, — «Зная, какие корабли уничтожать, и корабли уничтожены. Теперь идти по

Драконову Языку, „Джебель“ пройдет по Драконову Языку», кулак дважды, — она дотронулась до его левой руки, — ударил в грудь.

Она подняла его руку к груди. Кожа была гладкая и прохладная на ощупь.

— Этот кулак пытался что-то выразить. А если бы ты сказал «я», не пришлось бы стучать кулаком. На самом деле ты хотел сказать: «Ты знала, какие корабли уничтожать, и я уничтожил эти корабли. Ты хочешь идти по Драконову Языку, я проведу „Джебель“ по Драконову Языку».

— Да, кулак что-то выразить.

— Вот видишь: иногда ты хочешь что-то сказать, но у тебя нет в голове нужного понятия, а для нужного понятия нет слова. В начале было слово. Так это когда-то объясняли. Пока что-то не названо, его не существует. А ведь мозгу нужно, чтобы оно существовало, иначе бы ты не хлопал себя в грудь и не бил кулаком в ладонь. Мозг хочет, чтобы оно существовало, так давай я научу тебя этому слову.

Тяжелая сосредоточенность на его лице стала еще мрачнее. В эту секунду туман рассеялся. В усыпанной звездами черноте поблескивала какая-то хлипкая на вид конструкция. Они подошли к сенсорному порту, который работал на

частотах близких к обычному видимому свету.

— Там, — сказал Мясник, — инопланетный корабль.

— Он с Сирибии-четыре. Они дружественны Альянсу.

Мясник удивился, что Ридра их узнала.

— Очень странный корабль.

— Да, по нашим меркам выглядит забавно. Тарик ведь не знал, откуда он?

Мясник покачал головой.

— Я таких с детства не видела. С тех пор как в Совет внешних миров прилетала делегация с Сирибии. Моя мама там работала переводчицей. — Рассматривая корабль, она облокотилась на поручень. — Так трясется, кажется: вот-вот развалится. И не скажешь, что такая штука вообще может летать и совершать гиперстатические прыжки. А вот может.

— У них есть это слово, «я»?

— На самом деле у них целых три формы: «я-холоднее-шести-градусов-Цельсия», «я-между-шестью-и-девяноста-тремя-градусами-Цельсия» и «я-горячее-девяноста-трех».

У Мясника на лице изобразился вопрос.

— Это связано с репродуктивными процессами, — объяснила Ридра. — Когда температура

ниже шести градусов, они стерильны. Зачать могут только между шестью и девяноста тремя, но, чтобы родить, им надо быть горячее девяноста трех.

Сирибийский корабль проплывал по экрану, как растрепанный пучок перьев.

— Давай объясню по-другому. Летать по галактикам умеют девять видов существ, каждый из них по численности не уступает людям. Технологический уровень и сложность экономического устройства у них вполне как у нас. Семь участвуют в той же войне, что и мы. И несмотря на это, мы почти не встречаемся с ними, как и они с нами и друг с другом; контакты бывают так редко, что даже опытный космолетчик вроде Тарика не может опознать их корабли. Как думаешь, почему?

— Почему?

— Показатель коммуникативной совместимости чрезвычайно низкий. Взять тех же сирибийцев: им хватает знаний, чтобы летать между звездами на своих трехжелточных яйцах в мешочек, но при этом у них нет слова «дом», «жилище». «Мы должны защищать наши семьи и наши дома». Когда в Совете внешних миров готовили проект договора с сирибийцами, на то, чтобы выговорить это предложение на сирибий-

ском, ушло сорок пять минут. Вся их культура основана на тепле и температурных изменениях. Нам еще повезло, что они знали, что такое семья: у них единственных, кроме людей, есть семьи. Но, чтобы передать идею дома, пришлось описывать… «некое огороженное пространство, которое поддерживает температуру, отличную от температуры окружающей среды на столько-то градусов, которое создает комфортные условия обитания для существ с постоянной температурой тела девяносто восемь и шесть по Фаренгейту, которое способно понижать температуру в течение жаркого времени года и повышать — в течение холодного времени года; место, где органические продукты питания можно охлаждать и тем самым сохранять впрок или нагревать до температуры, значительно превышающей точку кипения воды, чтобы таким образом удовлетворять вкусовые предпочтения обитателей, которые в силу традиций, сложившихся на протяжении миллионов жарких и холодных сезонов, привыкли прибегать к подобным устройствам изменения температуры…», и так далее, и тому подобное. В итоге можно хоть как-то дать им понять, что такое «дом» и почему его стоит защищать. Зато дай им схему вентиля-

ции или центрального отопления — и понимание гарантировано. Есть огромный комплекс переработки солнечной энергии, который обеспечивает электричеством весь Совет. Одно только оборудование обогрева и охлаждения там занимает места больше, чем есть на «Джебеле». Так вот, один сирибиец может проползти по всему комплексу и описать его сородичу, который никогда там не был, и этот второй может построить точную копию даже со стенами такого же цвета (на самом деле был прецедент: они решили, что один контур там интересно устроен, и захотели сами испытать такой же); описать так, что будет ясно, где находится какая деталь и какого она размера, в общем, описать все-все-все — в девяти словах. Причем довольно коротких.

Мясник отрицательно покачал головой:

— Нет. Комплекс переработки солнечной энергии слишком сложный. Эти руки разбирать такой недавно. Слишком большой. Не…

— Да, Мясник. Девять слов. На английском пришлось бы написать две книги с кучей чертежей и перечнями электротехнических и архитектурных параметров. А у них есть девять подходящих слов. Которых нет у нас.

— Невозможно.

— А это возможно? — Она показала на сирибийский корабль. — Но оно есть и летает.

Она увидела, как высокоразвитый, но увечный мозг погрузился в раздумье.

— Если есть правильные слова, — продолжила Ридра, — все происходит быстрее и легче.

Помолчав, он спросил:

— Что такое я?

— Во-первых, это очень важная вещь, — улыбнулась она. — Гораздо важнее всего остального. Мозг готов списать в утиль много чего, лишь бы жило «я». Потому что мозг — это часть «я». Книга — она, Вселенная — она, корабль — он, Тарик — он, но я, как ты, наверное, заметил, — это я.

Мясник кивнул:

— Да, но что я такое?

На экран набежал туман, смазав очертания звезд и сирибийского корабля.

— На этот вопрос можешь ответить только ты.

— Ты, наверное, тоже очень важная, — задумчиво проговорил Мясник. — Мозг слышал, что ты такая.

— Умница!

Вдруг он прикоснулся правой рукой к ее щеке. Петушиная шпора слегка задела ее нижнюю губу.

— Ты и я, — сказал Мясник, наклоняясь к ней. — Больше здесь никого нет. Только ты и я. Но кто есть кто?

Она кивнула (щека потерлась о его пальцы):

— Ты начинаешь понимать.

Грудь его была на ощупь прохладная, от лежащей на щеке руки шло тепло. Она накрыла его руку своей:

— Иногда ты меня пугаешь.

— Меня — это я, правильно? — спросил Мясник. — Разница только морфологическая? Мозг уже раньше это понять. Почему ты меня пугает?

— Пугаешь. Опять морфология. Ты меня пугаешь, Мясник, потому что ты грабишь банки и втыкаешь людям в глаза рукоятки ножей!

— Ты так делаешь? — на мгновение удивился он. — Хотя да, делаешь. Ты забыл.

— Но я не забыла.

— Почему это пугает я? Точнее, меня.

— Потому что я такого никогда не делала, никогда не хотела и никогда не смогла бы сделать. А ты мне нравишься. Мне нравится твоя рука у меня на щеке. И если бы ты вдруг решил воткнуть рукоятку ножа мне в глаз, то…

— А! Ты никогда не воткнешь рукоятку ножа мне в глаз. Мне не надо беспокоиться.

— Ты можешь передумать.

— Ты не можешь. — Он пристально посмотрел на нее.

— Я не думаю, что ты и вправду меня убьешь. Ты это понимаешь. Я это понимаю. Дело в другом. Давай я тебе расскажу про другой случай, когда я сильно испугалась. Может, ты увидишь, в чем сходство, и лучше поймешь. Мозг не глупый.

Он опустил руку со щеки на шею, в его озадаченных глазах показалась тревога. С таким выражением он смотрел на мертвого ребенка в биологическом театре, пока не обернулся к ней.

— Как-то раз… — начала она медленно, — была птица.

— Птицы пугают меня?

— Нет. Но эта птица напугала. Я была еще ребенок. Ты ведь не помнишь себя ребенком? Для большинства людей то, какой ты сейчас, во многом зависит от того, каким ты был в детстве.

— И какой я сейчас тоже?

— Да, и я. Мой врач решил подарить мне птицу, майну. Они умеют говорить, но не понимают, что говорят. Они просто повторяют звуки, как магнитофон. Только я об этом не знала. Часто я угадываю, что́ люди хотят мне сказать. Знаешь, Мясник, я раньше этого не понимала, но с тех пор,

как попала к вам, убедилась, что тут есть что-то от телепатии. В общем, эту майну учили так: когда она произносила правильные слова, давали червячков. Ты знаешь, какого размера червяк?

— Такой?

— Верно. А бывают и на несколько дюймов больше. Сама эта птица в длину восемь-девять дюймов. То есть длина червяка примерно пять шестых самой майны — вот что важно. Птичку научили говорить: «Привет, Ридра. Хороший сегодня денек. Мне так весело». Но в ее голове весь этот набор звуков сводился к комплексу неясных визуальных и обонятельных ощущений, приблизительный смысл которых: «Сейчас будет еще червяк». И когда я зашла в теплицу, сказала птичке привет и она ответила: «Привет, Ридра. Хороший сегодня денек. Мне так весело», — я сразу поняла, что она врет. И я почувствовала, что сейчас будет еще червяк, я его видела, чувствовала его запах, и он был толстый и в длину пять шестых от моего роста. И мне его надо было съесть. У меня началась истерика. Врачу я об этом никогда не рассказывала, потому что сама поняла только сейчас. Но когда вспоминаю, до сих пор трясусь.

Мясник кивнул:

— Когда ты убежал с Реи с деньгами, в конце концов схоронился в пещере на Дисе, в ледяном аду. На тебя напали черви двенадцати футов в длину. Вылезали из-под камней, на коже — кислотная слизь. Ты был напуган, но ты их убивал. Ты взял аккумулятор от реактивных саней и соорудил электрическое заграждение. Ты их убил, и когда ты понял, что ты сильнее, ты больше не боялся. Ты их не ел только потому, что от кислоты мясо у них ядовитое. Хотя до этого ты три дня ничего не ел. Вот что было с тобой.

— Со мной? То есть с тобой?

— Ты не боится того, чего боится я. Я не боится того, чего боится ты. Это хорошо, да?

— Наверное.

Он мягко дотронулся лбом до ее лба, потом отклонился назад и внимательно взглянул ей в лицо.

— А чего ты боишься? — спросила Ридра.

Он мотнул головой, но не в знак протеста, а как бы собираясь с мыслями; она видела — он подбирает слова.

— Ребенок умер, — сказал он. — Мозг боится, боится за тебя, что ты будет один.

— Сильно боится, Мясник?

Он опять покачал головой:

— Одиночество не хорошо.

Она кивнула:

— Мозг это знает. Долго не знал, но потом понял. На Рее тебе было одиноко, даже с деньгами. На Дисе еще хуже, а на Титине, хотя и с другими заключенными, было хуже всего. Никто не понимал, когда ты с ними говорил. И ты их плохо понимал. Может, потому, что они все время говорили «я» и «ты», а ты только сейчас узнаёшь, насколько важны ты и я… Ты хотел сам воспитать ребенка, чтобы он вырос и… говорил на том же языке, что и ты? Или, по крайней мере, говорил по-английски так же, как ты?

— Тогда оба не одинокие.

— Понятно.

— Он умер, — сказал Мясник с глухим рыком.

— Но теперь ты не так одинок. Я тебя научу понимать остальных. Ты не глупый, ты быстро учишься.

Он посмотрел ей прямо в лицо, положил кулаки ей на плечи и серьезно проговорил:

— Я тебе нравится. Когда я еще только попал на «Джебель», что-то во мне тебе понравилось. Я думал, что ты делал нехорошие вещи, но я тебе нравился. Я тебе сказал, как уничтожить защитную сеть захватчиков, и ты ее уничтожил. Для

меня. Я тебе сказал, что мне нужно в Драконов Язык, и ты сделал так, чтобы я туда попал. Ты делает все, что я прошу. Важно, чтобы мне это было известно.

— Спасибо, Мясник, — сказала она в изумлении.

— Если ты еще раз ограбишь банк, ты отдашь мне все деньги.

— Ну спасибо! — рассмеялась Ридра. — Такого мне еще не предлагали. Но надеюсь, тебе не придется…

— Ты убьешь любого, кто попытается сделать мне больно. Убьешь страшнее, чем кого-либо раньше.

— Не надо…

— Ты убьешь весь «Джебель», если он захочет разлучить тебя и меня и сделать нас одинокими.

— Ох… — Она отвернулась и прижала кулак к губам. — Да уж, учитель из меня! Ты ничего не понял из того, что я… я говорила.

Удивленный голос, медленно:

— Я не понимаю тебя, ты думаешь.

Она вновь посмотрела ему в лицо:

— Но я понимаю! Мясник, я тебя понимаю. Ты поверь. Но только тебе нужно еще кое-чему научиться.

— Ты веришь мне, — твердо сказал он.

— Тогда слушай. Пока что мы застряли на полдороге. Я толком не объяснила тебе про тебя. Мы придумали свой собственный язык и на нем говорим.

— Но…

— Каждый раз, когда ты последние десять минут говорил «ты», надо было сказать «я». А всякий раз, когда ты говорил «я», ты имел в виду «ты».

Он посмотрел вниз. Потом снова поднял глаза, но не ответил.

— Когда я говорю про что-то «я», для тебя это — «ты». И наоборот. Понятно?

— Это что, одно и то же слово об одной и той же вещи? Они взаимозаменяемые?

— Да нет… хотя да, они называют примерно одно и то же. В каком-то смысле они одинаковые.

— Тогда ты и я одинаковые.

Несмотря на двусмысленность фразы, она кивнула.

— Я так и подозревал. Но ты, — он показал на нее, — научила меня. — Он коснулся себя.

— Вот почему ты не должен убивать людей направо и налево. По крайней мере, сперва надо как следует все обдумать. Когда ты разговариваешь с Тариком, я и ты все равно существуем. Когда ты

смотришь на кого-нибудь на корабле или даже видишь на мониторе, я и ты никуда не деваемся.

— Мозг должен об этом подумать.

— Ты должен об этом подумать. И не только мозгом.

— Если должен, я подумаю. Но мы — одно. Больше, чем остальные. — Он снова дотронулся до ее лица. — Потому что ты научила меня. Потому что со мной тебе не надо ничего бояться. Я только сейчас научился и с другими могу ошибаться; если какой-то я убивает тебя, не подумав как следует, — это ошибка, так? Я сейчас правильно говорю?

Она кивнула.

— С тобой я не сделаю ошибок. Это было бы слишком ужасно. Я буду делать как можно меньше ошибок. А когда-нибудь научусь окончательно. — Он улыбнулся. — Правда, будем надеяться, никто не рискнет сделать ошибку со мной. А то мне такого человека будет очень жаль. Я, скорее всего, тогда тоже сделаю ошибку с ним — очень быстро и без долгих раздумий.

— Неплохо для начала, — сказала Ридра и взяла его руки в свои. — Я рада, что ты и я вместе.

Тут его руки поднялись и прижали ее к его телу, она уткнулась лбом ему в плечо.

— Я благодарю тебя, — прошептал он. — Я благодарю и благодарю тебя.

— Ты теплый, — сказала он ему в плечо. — Давай еще немножко так постоим.

Когда он ее отпустил, она сквозь голубой туман взглянула ему в лицо и похолодела.

— Мясник, что случилось?!

Он сгреб ее лицо в ладони и наклонился так близко, что янтарные волосы коснулись ее лба.

— Помнишь, я сказала, что угадываю мысли? Вот сейчас я чувствую, что что-то не так. Ты сказал, мне не надо тебя бояться, но ты меня пугаешь.

Она приподняла его голову. В глазах у него стояли слезы.

— Послушай, ты ведь испугаешься, если со мной что-то случится. А если что-то случится с тобой, страшно испугаюсь я, и надолго. Ну в чем дело?

— Не могу, — сказал он хрипло. — Не могу тебе сказать.

И она поняла, что для него, теперь так много узнавшего, это и есть самое страшное. Она видела, как он борется с собой, и сама вступила в борьбу.

— Мясник, может, я сумею помочь? Я бы попробовала проникнуть в мозг и выяснить, что случилось.

Он отступил на шаг и покачал головой:

— Не надо. Не надо так со мной. Пожалуйста.

— Хорошо, я н-не буду…

Она смутилась:

— Я т-тогда… не буду.

Смущение стало болезненным.

— Мясник… я… я не буду!

Во рту затрепыхалось подростковое заикание.

— Я… — начал он, тяжело дыша, но потом вздохнул мягче, — я давно был один и не я. Я должен еще немного побыть один.

— П-понимаю.

Возникло очень маленькое, вполне устранимое подозрение. Оно вклинилось между ними, когда он отступил назад. Такова уж человеческая природа.

— Мясник, ты что, читаешь мои мысли?

Он удивился:

— Нет. Я даже не понимаю, как ты читаешь мои.

— Ну ладно. Я подумала, вдруг ты что-то разглядел у меня в голове и испугался.

Он покачал головой.

— Хорошо. А то, черт возьми, мало приятного, если кто-то заглядывает тебе в череп. Могу представить.

— Я тебе сейчас скажу, — сказал он, вновь приближаясь. — Я и ты — одно, но я и ты очень разные. Я видел многое, чего ты никогда не узнаешь. Ты знаешь о том, что я никогда не увижу. Ты меня сделала не одиноким, немного. В мозге, моем мозге, есть много всего о том, как причинять боль, убегать, драться и — хотя меня отправили на Титин — как побеждать. Если тебе будет угрожать опасность, настоящая, когда кто-то вот-вот сделает с тобой ошибку, заглядывай в мозг, смотри, что там есть, бери, все что нужно. Прошу только — в качестве крайней меры. Сперва перепробуй все остальное.

— Как скажешь, Мясник.

Он протянул ей руку:

— Пойдем.

Она взяла его руку так, чтобы не задеть шпоры:

— Нет смысла смотреть стазисные течения вокруг их корабля, если они дружественны Альянсу. Ты и я еще немного побудем вместе.

Она шла сквозь насыщенный призраками сумрак, прижавшись плечом к его руке.

— Друг, враг… Все это Вторжение иногда кажется таким идиотским. Правда, там, где я живу, в таком духе высказываться запрещено. Здесь,

на «Джебель-Тарике», вы такими вопросами не задаетесь. Завидую.

— Ты хочешь попасть в Штаб-квартиру из-за Вторжения, да?

— Да. Но, когда сделаю дело, не удивляйся, если вернусь назад. — Через несколько шагов она вновь взглянула вверх. — Есть еще одна вещь, которая не дает мне покоя. Захватчики убили моих родителей, из-за второго эмбарго чуть не погибла я. Двое моих навигаторов в стычке с захватчиками потеряли первую жену. И все же Рон сомневался, хорошими ли вещами занимаются в Армседже. Никому не нравится Вторжение, но оно не заканчивается. И оно такое огромное, что раньше мне и в голову не приходило от него сбежать. Занятно здесь видеть массу людей, которые — пускай странным и, может, деструктивным способом — взяли и сбежали. Может, и не надо мне в Штаб-квартиру? Сказать Тарику, чтобы разворачивался — и в самую толщу Пояса?

— Захватчики, — сказал Мясник почти меланхолично, — вредят многим людям, тебе, мне. Они и мне навредили.

— Да?

— Мозг больной. Я говорил тебе. Это захватчики.

— Что они сделали?

Мясник пожал плечами:

— Помню только с того момента, как сбежал из Нуэва-Нуэва-Йорка.

— Это ведь огромный портовый терминал в скоплении Рака?

— Точно.

— Тебя поймали захватчики?

Он кивнул:

— И что-то со мной сделали. Может, экспериментировали, может, пытали. — Он пожал плечами. — Не важно. Не помню. Но когда я сбежал, я сбежал без всего: без памяти, голоса, слов, имени.

— Может, ты был военнопленный или даже занимал какой-то важный пост…

Он наклонился и прижался щекой к ее губам, чтобы она замолчала. Потом выпрямился, грустно улыбнулся.

— Мозг некоторых вещей не знает, но может догадаться. Я всегда был вор, убийца, преступник. И я был не я. Захватчики меня поймали. Я сбежал. Альянс сослал меня на Титин. Я сбежал…

— Ты сбежал с Титина?

Он кивнул:

— Не исключено, что снова поймают. Так в

этой Вселенной обычно бывает с преступниками. Может, опять сбегу. — Он пожал плечами. — Но может, и не поймают. — Он посмотрел на нее с удивлением, но по поводу чего-то в себе самом. — Раньше я был не я. Но теперь есть причина быть на свободе. Меня снова не поймают. Есть причина.

— Какая, Мясник?

— Потому что я — это я, — сказал он тихо, — а ты — это ты.

V

— Заканчиваешь словарь? — спросил Коготь.

— Вчера закончила. Стихотворение пишу. — Она закрыла блокнот. — Приближаемся к оконечности Языка. Мясник утром сказал, что сирибийцы нас провожают уже четвертый день. Коготь, не знаешь, чего они…

Усиленный динамиками голос Тарика:

— Срочно приготовить «Джебель» к обороне! Повторяю: срочно приготовиться к обороне!

— Да что ж такое опять?! — вскрикнула Ридра.

Все вокруг них в столовой вскочили в едином порыве.

— Собирай команду и гони всех к стартовым

шлюзам.

— Это откуда вылетают «’ауки»?

— Точно.

— Что, дадим жару, ка’итан?

— Если придется, — бросила на ходу Ридра.

Она прибежала к шлюзам за минуту до своего экипажа и застала у люка Мясника. Джебелевские бойцы в упорядоченном беспорядке спешили по коридору.

— Что происходит? Сирибийцы напали?

Он мотнул головой:

— В двенадцати градусах от галактического центра захватчики.

— Так близко от Штаб-квартиры?

— Да. И если «Джебель-Тарик» не ударит первым, пиши пропало. Их корабль больше нашего, и мы несемся прямо на них.

— «Джебель» собирается атаковать?

— Да.

— Тогда вперед. Будем атаковать.

— Пойдешь со мной?

— Я же спец по стратегии, забыл?

— «Джебель» в опасности. Будет страшный бой. Ты такого еще не видела.

— Тем более, дорогой, пригодятся мои таланты. К тебе в катер поместится полный экипаж?

— Да. Но навигацию и сенсорные данные нам передают с «Джебеля».

— Все равно давай возьмем всех. Вдруг придется срочно менять стратегию. Тарик с тобой полетит?

— Нет.

Из-за угла вышел Капрал, за ним — Коготь, навигаторы, полупрозрачная призрачная троица и взвод.

Мясник оглядел всю эту компанию и повернулся к Ридре:

— Хорошо, пошли.

Она поцеловала его в плечо: до щеки не дотянулась. Мясник открыл люк и махнул рукой:

— Залезайте, ребята!

Подойдя к трапу, Аллегра вцепилась Ридре в руку:

— На этот раз будем драться, капитан?

На веснушчатом лице восторженная улыбка.

— Вполне возможно. Боишься?

— Ага, — улыбаясь, сказала Аллегра и полезла в темный люк.

Ридра и Мясник зашли последними.

— Если придется взять управление на себя, они разберутся?

— Этот катер на десять футов короче «Рембо».

Бестелесный отсек тесноват. А так — все то же самое.

Ридра подумала: «Подумаешь, теснота! Мы както раз отслеживали сенсорику на сорокафутовом шлюпе с одним генератором». На баскском.

— Капитанская каюта другая, — добавил Мясник. — А управление огнем — оттуда. Наделаем ошибок.

— Проповедовать будешь потом, — сказала Ридра. — Сейчас надо биться за «Джебель-Тарик» изо всех сил. Но если вдруг всех сил не хватит, придется делать ноги. Как бы все ни повернулось, мне надо попасть в Штаб-квартиру.

— Тарик спрашивал, будут ли сирибийцы сражаться за нас. Они по-прежнему висят по курсу Т.

— Они, скорее всего, будут наблюдать, не особенно понимая, что происходит. Разве что их атакуют напрямую. Тогда они вполне смогут постоять за себя. Но если мы нападем первыми, вряд ли они к нам присоединятся.

— Жаль, — сказал Мясник. — Помощь бы пригодилась.

— План «Мастерская». План «Мастерская», — раздался из динамиков голос Тарика. — Повторяю: «План „Мастерская“».

Там, где у нее на «Рембо» висели таблицы, здесь всю стену занимал экран, уменьшенная копия стофутовой проекции на «Джебеле». Вместо пульта с записывающими устройствами — многоярусные шкалы, циферблаты и рычаги управления бомбами и вибробластерами.

— Это все, конечно, грубо, примитивно, — сказала она, садясь на выгнутое амортизационное сиденье, расположившееся там, где у нее стояло кресло, — но, наверное, весьма эффективно. Если знаешь, что делаешь.

— Что? — спросил Мясник, пристегиваясь рядом с ней.

— Перефразировала покойного оружейника из Армседжа.

Мясник кивнул:

— Займись своими. А я пока проверю системы.

Ридра включила интерком:

— Коготь, ты подсоединился?

— Да.

— Глаз, Ухо, Нос?

— Ну и пылища тут, капитан. Когда они последний раз прибирали это кладбище?

— Плевать на пыль. Все работает?

— А, это. Ну да, работает… — Фразу оборвал призрачный чих.

— Будь здоров. Капрал, что у вас?

— Все на местах, капитан! — Затем вполголоса: — Уберешь ты эти шарики наконец?!

— Навигаторы?

— В порядке. Калли с Молльей осваивают дзюдо, но я здесь. Как понадобится, их вызову.

— Будьте начеку.

Мясник наклонился к ней, погладил по волосам и засмеялся.

— Да, они все мне тоже нравятся, — сказала Ридра. — Но надеюсь, обойдемся без них. Среди них один — предатель, который дважды пытался меня угробить. Не хочу давать третий шанс. Хотя, если придется, думаю, на этот раз с ним справлюсь.

Голос Тарика из колонок:

— Плотники, равнение на тридцать два градуса от галактического центра. Ножовки — к шлюзам К. Лобзики — к шлюзам Р. Рубанки — к шлюзам Т.

С щелчком раскрылись стартовые «лапы». В каюте погасло освещение, и на мониторе замерцали звезды и далекие газовые облака. На оружейной панели вспыхнула россыпь красных и желтых сигнальных огоньков. Из вспомогательных динамиков зазвучал радиообмен между экипажами

катеров и навигационной командой «Джебеля».

Достанется нам сегодня. Ты его видишь, Иосафат?

Прямо передо мной. Здоровенный, зараза.

Надеюсь, нас пока не засекли. Аккуратнее там, Киппи.

— Перфораторы, циркулярки и станки, смазать детали и подключить питание.

— Это нам, — сказал Мясник.

Его пальцы в полутьме пробежали по органам управления.

Что это там такое? Какие-то три мячика для пинг-понга в москитной сетке.

Тарик сказал, сирибийский корабль.

Если он за нас, пусть летает, я не против.

— Электроинструментам начать работу. Ручному инструменту нанести отделочную разметку.

— Пуск, — шепнул Мясник.

Ридра почувствовала, как катер рванулся вперед. Звезды пришли в движение. Десять секунд спустя перед ними замаячил тупорылый корабль захватчиков.

— Вот уродина, — сказала Ридра.

— «Джебель» выглядит примерно так же, только он поменьше. А когда мы вернемся, он покажется прекрасным. Нельзя все-таки сделать

так, чтобы сирибийцы помогли? «Джебелю» придется ударить прямо по шлюзам, вывести из строя как можно больше. Но много все равно не получится. Потом атакуют они. И если у них все равно вылетит больше «пауков», чем у нас, и эффект неожиданности не очень сработает, то… — в темноте раздался удар кулака о ладонь, — конец.

— А нельзя просто сбросить на них грубую, примитивную атомную бомбу?

— У них есть дефлекторы. Откинут ее прямо на «Джебель».

— Тогда хорошо, что взяла с собой команду. Может, придется срочно отчалить в Штаб-квартиру.

— Если нам дадут, — мрачно сказал Мясник. — Какая будет стратегия?

— Скажу, когда начнется бой. Есть у меня один метод, но им нельзя злоупотреблять: последствия серьезные.

Она вспомнила, как плохо ей было после случая с Джеффри Кордом.

Тарик отдавал приказы, бойцы переговаривались с «Джебелем», катера скользили в ночной черноте. И все началось так внезапно, что она этот момент чуть не пропустила. Пять ножовок подобрались к захватчикам на сто ярдов и одновременно ударили по стартовым шлюзам — по

бокам черного свиноподобного корабля полетели красные жуки. Через четыре с половиной секунды открылись неповрежденные шлюзы и изрыгнули первую порцию «пауков». Но Ридра уже думала на Вавилоне.

Войдя в состояние замедленного времени, она поняла, что помощь им действительно нужна. А сформулировав потребность, получила и ответ.

— Мясник, меняем тактику. Управлять будет мой экипаж. Возьми еще десять катеров.

Как же долго выговариваются эти английские слова! Запрос Мясника — «Киппи, посади нам на хвост ножовки и держи рядом» — показался магнитофонной записью, прокрученной с четырехкратным замедлением. Но ее ребята уже взяли управление на себя. Она в микрофон прошипела, куда лететь.

Коготь бросил их перпендикулярно общей волне, и на секунду на экране промелькнули следующие за ними ножовки. Резкий разворот, и они оказались позади первой линии вражеских катеров.

— Поджарь им задницы!

Рука Мясника зависла над пусковой кнопкой.

— Гнать их к «Джебелю»?

— Еще не хватало. Стреляй, дорогой!

Он открыл огонь, и ножовки последовали его примеру.

Через десять секунд стало понятно, что она была права. «Джебель» остался в стороне, по направлению Р. А прямо перед ними вырисовывались яйца в мешочек, москитная сетка, хлипкий перьевидный корабль сирибийцев. Сирибия входила в Альянс, и по меньшей мере кто-то из захватчиков об этом знал: из одного катера в сторону зависшей в космосе диковинной конструкции вылетел столб зеленого пламени, но до сирибийцев он так и не дошел. А катер обратился в раскаленный белый дым, который почернел и рассеялся. Потом пропал другой катер. Потом еще три. И еще три.

— Коготь, уходим!

Их «паук» взмыл и круто развернулся.

— Это что… — начал Мясник.

— Тепловой луч сирибийцев. Но применяют они его, только если на них нападают. Это один из пунктов договора, подписанного в Совете в сорок седьмом. Ну что, повторим?

— Мы готовы, ка’итан.

Она снова думала по-английски, в любую секунду ожидая приступа тошноты, но, видимо, адреналин все перебивал.

— Мясник, — раздался голос Тарика, — вы что делаете?

— Но ведь получилось.

— Да, но у нас в обороне теперь дыра на десять миль.

— Скажи, что мы ее через минуту заделаем, только следующую партию загоним.

Видимо, Тарик ее услышал.

— А что, любезная девушка, прикажете делать ближайшие шестьдесят секунд?

— Биться насмерть.

И сирибийский луч испепелил еще одну партию вражеских катеров.

Тут из вспомогательных динамиков понеслось:

Слышь, Мясник, они теперь охотятся за тобой.

До них дошло, что это ты все подстроил.

Мясник, у тебя на хвосте шесть. Уходи от них!

— Я от них легко оторвусь, — подал голос Коготь. — Они все на дистанционном у'равлении. У нас больше свободы.

— Еще один заход — и обеспечим Тарику перевес.

— У Тарика уже больше катеров, чем у них, — сказал Мясник. — Надо стряхнуть с хвоста колюч-

ки. — Он наклонился к микрофону. — Ножовки, рассредоточиться и разогнать «пауков» за нами!

Сделаем! Держитесь крепче, парни.

Слышь, Мясник, один к тебе прицепился и ни в какую.

Тарик:

— Спасибо, что вернули нам ножовки, но один, по-моему, хочет с вами врукопашную.

Ридра взглянула вопросительно.

— Герои, мать их, — прорычал Мясник. — Хотят взять нас на абордаж.

— С нашим детским садом на борту? Еще не хватало! Коготь, развернись и возьми их на таран. Ну или хоть напугай, пусть решат, что мы спятили.

— Можем сломать ’ару ребер…

Катер заложил крутой вираж, их с силой вдавило в ремни безопасности.

В интеркоме какой-то паренек восторженно завопил:

— У-и-и-и!

Вражеский катер на экране свернул вбок.

— Если возьмут на абордаж, у них хорошие шансы, — сказал Мясник.

— Они не знают, что у нас на борту полная команда. У них-то, наверное, всего два…

— Осторожно, ка’итан!

«Паук» заполнил собой весь экран. «Бамммм!» — отдалось по корпусу.

Мясник сорвал с себя привязные ремни и ухмыльнулся:

— Значит, врукопашную. А ты куда?

— С тобой.

— У тебя есть вибралайзер?

Он затянул ремень кобуры.

— Само собой, — сказала она и сдвинула клапан свободной блузки. — А вот что еще есть. Ванадиевая проволока. Шесть дюймов. Страшная штука.

— Пошли.

Он дернул рычаг гравитационного поля в максимальное положение.

— Зачем?

Они были уже в коридоре.

— Сражаться в скафандре — идиотская затея. А так вокруг кораблей футов на двадцать еще будет держаться атмосфера. Ну и тепло останется… какое-никакое.

— Никакое — это какое?

Она зашла вслед за ним в лифт.

— Там снаружи примерно минус десять.

С того момента, как они встретились на кладбище «Джебеля», Мясник распрощался даже со штанами. Теперь из одежды на нем была только

кобура.

— Видимо, мы туда ненадолго, пальто не понадобятся.

— Поверь, кто там задержится больше чем на минуту, погибнет. И не от холода, — сказал он, пролезая в люк, и уже другим, серьезным тоном: — Если не уверена, держись сзади.

Тут он наклонился, задев своими янтарными волосами ее щеку.

— Но ты уверена. И я уверен. Нам надо все сделать как следует.

Он распрямился и тем же движением отдраил люк. Дохнуло холодом. Но Ридра его не почувствовала. От Вавилона-17 ускорялся обмен веществ, который, словно кокон, оберегал ее от физических раздражителей. Над головой что-то пролетело. Хорошо отработанный рефлекс заставил обоих пригнуться. Это «что-то» взорвалось — стало быть, граната, которая едва не попала в люк. Вспышка выбелила лицо Мясника, он вскочил, и гаснущий свет стек по его телу.

Ридра двинулась за ним; под влиянием Вавилона все происходящее казалось замедленным кино, и это придавало ей спокойствия. Она прыгнула и в полете начала разворачиваться. За десятифутовым выступом стабилизатора кто-то

прятался. Тщательно прицелившись (благо замедленность позволяла), она выстрелила и, не любопытствуя проверить, попала ли, продолжила вращательное движение. Мясник направлялся к абордажной мачте вражеского корабля — колонне с поперечником футов десять.

Корпус катера, напоминающего краба с тремя клешнями, косо уходил в ночь. В направлении К виднелась сплющенная спираль родной галактики. Тени на гладких корпусах казались вырезанными из копировальной бумаги. Со стороны К ее было не разглядеть, разве что она заслонит какую-нибудь шальную звезду или окажется на фоне самого Пояса Спечелли.

Она вновь прыгнула — в этот раз на корпус вражеского корабля. В какой-то момент стало гораздо холоднее. Но тут она приземлилась возле абордажной мачты и быстро сгруппировалась. Внизу в сторону их люка опять полетела граната: нападавшие еще не сообразили, что они с Мясником выбрались наружу. Отлично. Она выстрелила. С той стороны, где, видимо, находился Мясник, тоже раздалось шипение.

Смутное движение внизу в темноте. Вдруг в металл рядом с ее рукой впился луч вибралайзера. Стреляли из люка их собственного корабля,

и Ридра потратила четверть звука на то, чтобы обдумать и отбросить предположение о том, что к захватчикам присоединился таинственный шпион из ее команды. Тут другое. Враги сперва пытались не дать им выйти из катера и забросать гранатами у люка. Раз это не вышло, они теперь сами укрылись в люке и палили оттуда. Она выстрелила, еще и еще. Мясник вел огонь из-за другой мачты.

От беспрестанных выстрелов кромка люка раскалилась докрасна. Тут послышался знакомый голос:

— Мясник! Хорош! Ка'итан, вы их завалили.

Коготь зажег свет в шлюзовом отсеке и встал во весь рост. Ридра полезла вниз по абордажной мачте. Опустив оружие, Мясник выступил из своего укрытия.

Освещенный снизу, Коготь выглядел еще более жутко, чем обычно. В каждой лапе у него болталось по фигуре.

— Этот, кстати говоря, мой. — Он потряс правую. — Хотел улизнуть назад на корабль. 'ришлось насту'ить ему на голову. — Пилот сбросил два обмякших тела на обшивку корпуса. — Не знаю, как вы, а я замерз. Я чего сюда зашел-то: Дьявало 'росил сказать, что, когда захотите 're-

рваться на кофе, он вам сделает с ирландским виски. Или вам лучше горячего грогу с ромом? Да ’ошли уже! Оба синие!

Около подъемника ее мозг переключился на английский, и ее затрясло. Иней на волосах Мясника начал таять, и надо лбом у него повисли блестящие капельки. Рука заболела в том месте, рядом с которым ударил луч вибралайзера.

— Слушай, Коготь, — сказала она, когда все вышли в коридор, — если ты здесь, кто на хозяйстве остался?

— Ки’’и. Мы опять ’ерешли на дистанционное у’равление.

— Рому, — сказал Мясник. — Не горячего и без грога. Просто рому.

— Наш человек, — кивнул Коготь.

Одной лапой он обхватил за плечи Ридру, другой — Мясника. Дружеский жест, но она сообразила, что он еще и почти несет их обоих.

Что-то громко лязгнуло.

Пилот взглянул на потолок:

— Это наши. Захваты отрезали.

Он провел их в капитанскую кабину и, когда они рухнули на сиденья, включил интерком:

— Дьявало, живо сюда! Напои этих вусмерть, ’онял? Заслужили.

— Коготь! — Она схватила его за руку, прежде чем он успел выйти. — Ты можешь нас отсюда провести к Штаб-квартире?

Он почесал ухо.

— Ну что, мы на самом конце Языка. Я ’ояс знаю только ’о картам, но сенсорщики говорят, мы вроде как в начале течения Генезис-бета. Оно вытекает из ’ояса, и на нем можно долететь до ’отока Атласа, а там до Штаб-квартиры рукой ’одать. Часов восемнадцать-двадцать.

— Полетели.

Ридра взглянула на Мясника, тот не возразил.

— И ’равильно, — сказал Коготь. — А то ’олови-на «Джебеля» те’ерь, гм… бестелесная.

— Захватчики победили?

— Нет. Сирибийцы в конце концов сообразили, что к чему, ’оджарили этого хряка и отчалили. Но к тому времени в «Джебеле» уже была ’робоина размером в три катера. Если их в длину вытя-нуть. Ки”и говорит, удалось загерметизировать четверть корабля, живые остались только там. Но нет электричества.

— А Тарик? — спросил Мясник.

— Погиб.

Во входном люке показалась белесая голова Дьявало:

— Пожалуйста.

Коготь взял у него бутылку и стаканы.

Захрипел динамик:

— Мясник, мы сейчас видели, как вы отцепили их «паука». Ты там живой?

Мясник подался вперед и схватил микрофон:

— Мясник здесь, капитан.

— Везет же некоторым. Капитан Вон, напишите в мою честь элегию.

— Тарик? — Она села рядом с Мясником. — Нам срочно надо в Штаб-квартиру. Вызовем к вам помощь.

— Если вас не затруднит, капитан. У нас тут, правда, тесновато.

— Мы отправляемся.

Коготь уже побежал на свое место.

— Капрал, как ребята?

— Все в наличии. Капитан, вы же никому не давали разрешения проносить на борт хлопушки?

— Не припомню такого.

— Ясно. А ну-ка, Ратт, на два слова…

Ридра улыбнулась.

— Навигация?

— Мы готовы, — ответил Рон.

На заднем плане голос Молльи: «Nilitaka kulala,

nilale milele…»[10]

— Некогда спать вечным сном, — сказала Ридра. — Стартуем.

— Моллья нам читает стихи на суахили, — объяснил Рон.

— Вот как. Сенсорщики?

— Апчхи! Я всегда говорил: держи кладбище в чистоте, пригодится. Взять, к примеру, «Джебель». Мы готовы, капитан.

— Скажи Капралу, пусть пришлет кого-нибудь со шваброй. Коготь, ты подключился?

— Я готов.

Завыли генераторы стазиса, и она откинулась на сиденье. Наконец-то можно расслабиться.

— Не думала, что выберемся. — Она обернулась к Мяснику, который сидел на краешке своего сиденья и смотрел на нее. — Знаешь, я всегда паникую, как кошка. И что-то мне нехорошо. Черт возьми, опять!

Стоило ей скинуть с себя напряжение, как тошнота, которую до поры удавалось отгонять, начала растекаться по телу.

— У меня такое чувство, будто вот-вот разлечусь на мелкие куски. Знаешь, когда во всем

---

[10] Примечания: 10

«Хотела заснуть вечным сном…» *(суахили).*

сомневаешься, не доверяешь своим ощущениям. Мне кажется, я уже не я…

Дыхание отдалось резью в горле.

— Я — это я, — сказал он мягко, — а ты — это ты.

— Только ты мне почаще об этом напоминай. А то начинаю сомневаться. У меня в экипаже диверсант. Я ведь тебе говорила? А вдруг это Коготь? Вдруг опять швырнет нас прямо в звезду?

В потоке тошноты надувался пузырь истерики. Тут он лопнул, и она выбила бутылку у Мясника из рук:

— Не пей! Может, Д-дьявало нас отравить хочет!

Пошатываясь, она встала с сиденья. Все перед глазами застилала красная пелена.

— …Или к-кто-нибудь из мертвых. Как… б-бороться с призраком?

По животу резанула боль, и Ридра отшатнулась, как от удара. Вместе с болью пришел страх. Под поверхностью его лица шевелились эмоции, но даже их она сейчас не могла разобрать.

— …Убить… уб-бить… нас! — прошептала она. —

…Ч-чем-то убить… чтобы никакого т-ты и никакого я…

Она на это решилась, чтобы убежать от боли, которая означала опасность, и от опасности, которая означала молчание. Он же сам сказал: «Если тебе будет угрожать опасность… загляды-вай в мой мозг, смотри, что там есть, бери все, что нужно».

В мозгу вспыхнула картинка без слов. Однажды они с Мюэлсом и Фобо были в баре на Танторе, и там началась потасовка. Ей врезали в челюсть. Оглушенная, она попятилась назад, и тут кто-то сорвал со стены за барной стойкой зеркало и швырнул в нее. Она увидела, как на нее летит перекошенное от ужаса, распяленное криком ее собственное лицо и разбивается о ее вытянутую руку. И сейчас, когда она сквозь боль и Вавилон-17 смотрела в лицо Мясника, та сцена словно повторилась…

Часть четвертая. Мясник

...зашевелился в мозге, хочет пробудиться,
глаза на проводах, распялены суставы.
Он просыпается, распяленные пальцы
искрят, он подавился языком.
Мы просыпаемся, глядим.
Распластан на полу,
хребет вращается, зияет грудь,
воздуховоды, провода шипят, а от ногтей
взлетают искры, рикошетят с потолка.
Он кашляет, кричит.
Близнец в глазницах кашляет, кричит.
Темный близнец, сложившись на полу,
свой проглотил язык.

Отброшен в брызгах в черный
полюс за глазами,
темный близнец, хребет осво-
бодив, рукою
стучит по потолку. Летят за-
ряды-бусины.
А наэлектризованная крыша
бьет в лицо металлом.
Срывает кожу. Ломает ребра.
Срывает мышцы загнутым ме-
таллом,
за ранами черно и запеклось —
То порванные губы. Еще.
Бьют в пол лопатки, ягодицы,
осклизлые, зеленые от слизи.
Они проснулись.
Мы просыпаемся, глядим.
Он кровью харкает, глядит,
родившийся на залитом полу…

Из «Темного близнеца»

I

— Ка’итан, вылетели из ’ояса. Вы там как? На’ились уже?

Голос Ридры:

— Нет.

— Что ж вы так. Но в себя-то ’ришли?

Голос Ридры:

— Мозг хорошо. Тело хорошо.

— Что? Мясник, на нее что, о’ять накатило?

Голос Мясника:

— Нет.

— Говорите вы как-то странно. Может ’рислать Ка’рала на вас взглянуть?

Голос Мясника:

— Нет.

— Ну хорошо. Дальше дорога легкая, может, еще на ’ару часов раньше ’рилетим. Что скажете?

Голос Мясника:

— Что сказать?

— На’ример: «С’асибо». Я тут вкалываю как ’роклятый, уже хвост отваливается.

Голос Ридры:

— Спасибо.

— Хм, ’ожалуйста. Ладно, отключаюсь. Извини-

те, если ’омешал.

II

Мясник, я не знала! Даже не могла бы подумать! И в головах у них эхом раздался сдвоенный крик. Не могла бы, не могла. Этот свет…

Я ведь сказала Когтю! Я ему сказала, что ты, похоже, говоришь на языке, в котором нет слова «я», и что я такого языка не знаю; но на самом-то деле он все время был под носом — Вавилон-17!..

Конгруэнтные синапсы симпатически завибрировали, образы схлопнулись воедино, и из себя самой она создала, увидела его…

…В камере одиночного заключения на Титине, на выкрашенной зеленой краской стене, он своей шпорой поверх палимпсеста из нацарапанных тут за два столетия непристойностей начертил карту; когда он сбежит, они погонятся за ним по этому маршруту и он заведет их не в ту сторону. Она смотрела, как он три года мечется по этой клетке длиной в четыре фута, пока его мощное высокое тело не съежится до ста одного фунта и не рухнет под тяжестью цепей голода.

На трехпрядной веревке из слов выбралась она из ямы: голод, молод, молот, упасть, напасть,

украсть, цепь, щель, цель.

Он забрал в кассе свой выигрыш и по бордовому ковру пошел к выходу из казино «Космика», но путь преградил негр-крупье.

— Не рискнете сыграть еще раз, сэр? — сказал он, улыбаясь и посматривая на распухший от денег портфель. — Во что-нибудь достойное такого искусного игрока.

И его подвели к роскошной трехмерной шахматной доске с фигурами из глазурованной керамики.

— Играете против нашего компьютера. Теряете фигуру — с вас тысяча кредитов. Берете фигуру — получаете столько же. За шах — плюс или минус пятьсот. Кто поставит мат, получает сумму всех денег на кону, помноженную на сто.

Ясно: хотят отбить его крупный выигрыш. А выиграл он в тот день и правда по-крупному.

— Я забираю деньги и иду домой, — сказал он крупье.

Тот улыбнулся:

— Казино настаивает, чтобы вы сыграли.

Ридра с изумлением смотрела, как Мясник пожимает плечами, поворачивается к компьютеру и ставит детский мат за семь ходов. Они отдали ему миллион кредитов — и, пока он шел к выхо-

ду, трижды попытались его убить. Безуспешно, зато он получил удовольствие, даже большее, чем от игры.

Ридра наблюдала, как он действует и думает в этих ситуациях, и ее сознание трепетало внутри его, изгибалось в унисон то его боли, то удовольствию, переживало его чувства — странные, лишенные идеи самости, бессловесные, волшебные, соблазнительные, таинственные. *Мясник…*

Ей удалось выскочить из этого стремительного водоворота.

…если ты все это время мог говорить на Вавилоне, вихрились вопросы в ее взбудораженном мозгу, *почему ты его использовал так бессмысленно? Обыграл казино, ограбил банк, а на следующий день все потерял и даже не постарался сохранить что-то для себя?*

Какого «себя»? Никакого «я» не было.

Она вошла в него, словно совершая какой-то странный, обратный сексуальный акт. Она ощущала его вокруг себя и чувствовала его боль. *Свет — это ты делаешь! Ты делаешь!* Его вопль ужаса.

Мясник, спросила Ридра, более привычная к тому, чтобы облекать душевные бури в словесную оболочку, *как выглядит мое сознание внутри твоего?*

Яркое, яркое движение, взвыл он. Аналитическая точность Вавилона оказалась слишком грубой, как неотесанный камень, чтобы выразить сплав их сущностей, многообразие изменчивых форм, которые они принимали.

Просто я поэт, объяснила она. И эта косвенная связь на мгновение пронзила поток. *«Поэт» по-гречески значит «творец, строитель».*

Вот! Появилась форма. А-а-а-а! Как ярко! Глаза!

Всего-то из-за одной простой семантической связи? Она была поражена.

Но греки были поэтами три тысячи лет назад, а ты поэт сейчас. Ты выхватываешь слово из такой дали, бросаешь его кометой к другому, и их яркие хвосты меня слепят. Твои мысли — пламя над формами, которые я не могу схватить. Они как звуки музыки — чудовищно низкие, они меня сотрясают.

Просто раньше ты не испытывал сотрясений. Но спасибо за комплимент.

Ты во мне такая большая, я боюсь разорваться. Вижу форму под названием Преступник и художественное сознание встречаются в одной голове с общим языком на двоих…

Да, я думала в таком духе…

А по бокам — формы под названием Бодлер *— Ааа! — и* Вийон.

Это старинные французские по…

Слишком ярко! Слишком ярко! «Я» во мне слишком слабое, оно их не удержит. Ридра, когда я смотрю на ночь и звезды, это пассивное действие, но ты даже смотришь активно, от твоего взгляда вокруг звезд разгорается пламя.

То, что мы воспринимаем, мы изменяем. Но сперва надо воспринять.

Надо — но свет. В центре тебя вижу зеркало и движение, сплавленные воедино. Все картинки переплетены, все вращается, во всем — выбор.

Мои стихи! Ей стало неловко, будто она голая.

Определения «я», и каждое — откровение, каждое — в точку.

Она подумала: Я / Яд / Явь — эго, смерть, действительность.

Он начал: *Ты…*

Ты / Тыл / Рты — альтер эго, опора войска, органы речи.

…ты зажигаешь в моих словах значения, которые от меня ускользают. Что такое я окружаю? Что такое я, окружающий тебя?

Теперь перед ее глазами проносилось, как он грабит, убивает, сеет ужас, и все потому, что в

разорванных синапсах погибло смысловое наполнение «моего» и «твоего».

Мясник, я прислушалась к тому, о чем поют твои мускулы, и поняла, что это от одиночества ты сделал так, чтобы Тарик подцепил «Рембо». Тебе хотелось, чтобы рядом оказался еще кто-то, кто говорит на этом аналитическом языке. Ты ведь поэтому и ребенка спасти пытался, прошептала она.

В ее сознании замелькали образы.

Высокие стебли травы шепчут у запруды. Луны Алеппо затуманивают вечер дымкой. Равнинoход гудит, и с отработанной нетерпеливостью он левой шпорой переключает рубиновую эмблему на руле. Лилл, смеясь, оборачивается к нему:

— Знаешь, Мясник, если Босс узнает, что ты меня сюда привез в такой романтический вечер, будет не в духе. А ты правда, когда закончишь с делами, возьмешь меня в Париж?

Безымянное тепло мешается в его душе с безымянным нетерпением. Ее плечо под его ладонью на ощупь влажное, губы — красные. Волосы цвета шампанского она собрала в хвост и заколола над ухом. Поворачиваясь к нему, она воспользовалась случаем и изогнула тело, словно по нему пробежали волны.

— Если ты насчет Парижа просто трепался, все Боссу расскажу. Была б я умная девочка, сперва бы уехали и только потом уж стала бы с тобой… дружить.

Ее дыхание в горячем вечернем воздухе источает аромат духов.

— Мясник, забери меня с этой душной, мертвой планеты! Болота, пещеры, дожди! Я боюсь Босса. Мясник, увези меня от него в Париж, а? Чтобы взаправду. Мне так хочется с тобой.

Она опять смеется, но только губами:

— Да уж… Видно, не умная я девочка.

Он прикладывается ртом к ее рту — и одним быстрым движением ломает ей шею. С открытыми глазами она оседает. Ампула с иглой, которую она готовилась всадить ему в плечо, выскальзывает у нее из руки, катится по приборной панели и падает под педали. Он относит ее тело к воде, бросает в запруду и возвращается по пояс в грязи. Включает радио:

— Готово, Босс.

— Очень хорошо. Я все слышал. Деньги можешь забрать утром. Вот дурочка: подставить меня ради пятидесяти штук.

Равниноход набирает скорость, теплый ветерок подсушивает грязь у него на руках, длинная

трава шелестит под полозьями.

Мясник!..

Да, Ридра, было и такое.

Я понимаю, но…

С Боссом пришлось сделать то же самое, только две недели спустя.

Куда ты его пообещал отвезти?

В пещеры-казино Миноса. А один раз мне пришлось спасаться…

…хотя в зеленом свете Крето, затаившись, сидело на корточках его тело и именно его широко открытый рот старался дышать беззвучно, чувство напряженного ожидания и обузданный страх были ее. Грузчик в красном комбинезоне останавливается и вытирает лоб платком. Быстрый шаг вперед, рука у него на плече. Грузчик удивленно оборачивается, и тут же — резкий жест, шпоры вспарывают грузчиков живот, его содержимое расплескивается по платформе, и начинает выть сирена. Бежит, перепрыгивает через мешки с песком, хватает швартовочную цепь и хлещет по лицу стоящего на другой стороне охранника, который от удивления только разводит руками…

…вырвался на открытое пространство и ушел, сказал он ей. *Маскировка следа сработала, и за*

лавовыми шахтами следопыты меня потеряли.

Я тебя вскрываю, Мясник.

Бег, погоня, вскрывает меня?

Это больно? Это помогает? Я не знаю.

Но у тебя в голове не было слов. Даже Вавилон-семнадцать звучал просто как щелканье компьютера, который проводит синаптический анализ.

Да. Теперь ты понимаешь…

…Он стоит в гулких пещерах Диса, дрожит. Эмбрионом схоронившись здесь, он за девять месяцев съел всю еду, собаку Лонни, а потом и самого Лонни, который насмерть замерз на ледяной круче. Вдруг планетоид вышел из тени Циклопа, и в небе вспыхнула огненная Церера. Через сорок минут он стоит по пояс в талой воде. К тому моменту, когда удается освободить аэросани, вода уже теплая, а с него градом катится пот. Он врубает максимальную скорость и берет курс на теневую полосу. Включает автопилот и валится с ног от жары и головокружения. За десять минут до Гёттердеммерунга[11] он лишается чувств.

Мясник, я должна тебя найти, еле различимого

---

[11] Примечания: 11

Götterdämmerung (*нем.* «Гибель богов», «Сумерки богов») — опера Р. Вагнера, завершающая тетралогию «Кольцо нибелунга»; впервые поставлена в 1876 г.

во тьме твоей утраченной памяти. Кем ты был до Нуэва-Нуэва-Йорка?

И он обернулся к ней, полный нежности.

Ты боишься, Ридра? Как в тот раз…

Нет, не как в тот раз. Благодаря тебе я узнаю вещи, которые меняют все мои представления о мире и о себе. Я в тот раз думала, что боюсь, потому что не способна на то, на что способен ты. Белое пламя стало голубым, заботливым и задрожало. *Но на самом деле я испугалась потому, что как раз оказалась способна, и не как ты, без причины, а по моим собственным причинам. Потому что я — это я, а ты — это ты. Оказалось, я гораздо сильнее, чем сама думала, Мясник, и я даже не знаю, благодарить тебя за это или проклинать.* И что-то внутри заплакало, забилось, затихло. В молчаниях, которые она взяла у него, она в страхе повернулась, и в этих молчаниях что-то ждало, хотело, чтобы она заговорила, одна, в первый раз.

Посмотри на себя, Ридра.

Отражаясь в нем, она увидела, что среди лучей ее света расширяется бессловесная тьма, наполненная только шумом, — и становится все больше! При мысли о ее имени и форме она вскрикнула.

Сломанные платы! Мясник, а эта катушка, которую можно было записать только на моей машине и при мне! Ну конечно!..

Ридра, мы с ними справимся, если их назовем.

Но как?! Нам придется сперва назвать себя. А ты ведь не знаешь, кто ты такой.

Может, помогут твои слова? Ридра, можно твоими словами выяснить, кто я?

Нет, Мясник, моими словами не выйдет. Может, твоими? Может, Вавилоном?

Нет…

Я — это я, прошептала она, *это правда, Мясник. А ты — это ты.*

III

— Подлетаем к штаб-квартире, капитан. Посмотри в сенсорный шлем. Эти радиосети выглядят как фейерверки, а пахнуть должно, как говорят телесные, яичницей с тушенкой. Кстати, спасибо, что у нас прибрались. У меня при жизни всегда от пыли начиналась аллергия и до сих пор никак не пройдет.

Голос Ридры:

— Экипаж сойдет с корабля вместе с капитаном и Мясником. Экипаж отведет их к генералу Форе-

стеру. Разлучать их запрещается.

Голос Мясника:

— В каюте капитана лежит на столе катушка с грамматикой Вавилона-семнадцать. По прибытии Капрал сразу же отправит ее на Землю доктору Маркусу Т’мварбе спецпочтой. Затем свяжется с доктором Т’мварбой по космофону и проинформирует его о катушке, времени отправления и содержании записи.

— Коготь, Капрал! Что-то случилось! — Голос Рона перекрыл сигнал из капитанской каюты. — Вы когда-нибудь слышали, чтобы они так говорили? Капитан Вон, в чем дело?..

Часть пятая. Маркус Т’мварба

Спускаюсь вниз по ноябрю смиренно.
Стремится год к пределу, близится к теперь —
к асимптоте. Хрустальный сон природы:
иду под леса белым сводом,
круша останки листьев бренных.
В их робком хрусте слышен страх потерь.
Я спрашиваю: «Что дает свободу?»
Мне шепчет солнце: «Память», ветер: «Перемены».

Из «Электры»

I

Катушка с пленкой, категорическое предписа-

ние генерала Форестера и взбешенный доктор Т'мварба добрались до кабинета Данила Д. Эпплби с разницей примерно в тридцать секунд.

Он как раз открывал плоскую коробочку, когда из-за перегородки послышался шум, и он поднял голову.

— Майкл, — спросил он через интерком, — что происходит?

— Какой-то сумасшедший говорит, что он психиатр!

— Я не сумасшедший, — громогласно заявил доктор Т'мварба, — но я знаю, сколько времени посылка идет от Штаб-квартиры до Земли. Ее должны были положить под дверь сегодня утром, но не положили. Из чего я заключаю, что ее задержали, а значит, она где-то у вас. Дайте войти!

Дверь распахнулась, грохнув о стену, и он вошел.

Майкл высунулся из-за его бедра:

— Дэн, прости, сейчас вызову…

Доктор Т'мварба показал на стол и сказал:

— Это мое. Отдайте.

— Ничего, Майкл, не надо, — сказал таможенник, и дверь захлопнулась. — Добрый день, доктор Т'мварба. Садитесь, пожалуйста. Это ведь вам посылка? Не удивляйтесь, что я вас узнал.

Я еще психоиндексы проверяю, а весь наш отдел знаком с вашими блестящими трудами по шизоидным расстройствам. Очень рад познакомиться.

— Почему мне не отдают мою посылку?

— Секундочку. Сейчас выясним.

Пока он распечатывал предписание, Т'мварба схватил коробочку и сунул ее в карман.

— А вот теперь объясняйте.

— Тут сказано, — начал Эпплби, вжавшись коленом в стол, чтобы хоть немного спустить раздражение, — что вы можете взять… гхм… оставить у себя пленку, при условии что сегодня же вечером вылетите в Штаб-квартиру Альянса на «Полуночном соколе» и возьмете ее с собой. Билет вам уже куплен, и вас заранее благодарят за понимание. С уважением, генерал Экс-Джей Форестер.

— Зачем?

— Он не написал. Боюсь, доктор, если не согласитесь, посылку придется у вас забрать.

— Это мы еще посмотрим. Что, по-вашему, им надо?

Таможенник пожал плечами:

— Вы ведь ее ждали. От кого она?

— От Ридры Вон.

— Вон? — Эпплби, прижавший к столу уже оба колена, опустил пятки на пол. — От поэтессы? Вы ее тоже знаете?

— Я ее консультирую по психиатрическим вопросам с двенадцати лет. А вы кто?

— Меня зовут Данил Д. Эпплби. Да знай я, что вы друг Ридры, сам бы вас сюда привел! — Первоначальное раздражение превратилось в трамплин, оттолкнувшись от которого Эпплби сразу перепрыгнул к задушевности. — Если вы улетаете на «Соколе», у вас ведь еще есть время со мной прогуляться? Я все равно собирался уйти пораньше. Надо еще заглянуть… кое-куда в транспортном районе. Что ж вы раньше не сказали, что вы ее знаете? Там рядом есть отличное местечко, колоритное. Можно неплохо перекусить, выпить стаканчик. Вы любите борьбу? Многие думают, ее запретили, но там проводят бои. Сегодня — Рубин и Питон. Если сперва зайдете со мной по делам, можем потом заглянуть. Вам наверняка понравится. И к вылету успеем.

— Кажется, я это место знаю.

— Там еще сперва вниз по лестнице, а под потолком огромный пузырь, где дерутся, да?.. — Он в восторге подался вперед. — Это Ридра меня туда в первый раз сводила.

Т’мварба усмехнулся.

Эпплби хлопнул рукой по столу:

— Ну и ночка была! Оторвались по полной! — Он сузил глаза. — Никогда к вам не подкатывали эти… — Он пощелкал пальцами. — Из Бестелесного сектора? Вот это действительно запрещено. Но как-нибудь вечерком зайдите туда.

— Пойдем, — с улыбкой сказал психолог. — Ужин с выпивкой — это лучшая мысль за сегодняшний день. Ужасно проголодался, а хорошей борьбы уже месяца четыре не видел.

— Я сам там раньше никогда не был, — сказал таможенник, когда они спустились с монорельса. — Позвонил записаться, но они сказали, можно просто так зайти. Работают до шести. Решил: была не была, улизну с работы пораньше.

Они пересекли дорогу и прошли мимо газетного киоска, к которому то и дело подходили обтрепанные небритые грузчики взять расписание прибывающих рейсов. Обхватив друг друга за плечи, по тротуару профланировали трое космолетчиков в зеленой форме.

— Вообще, — сказал Эпплби, — я долго себя уламывал. Хотя загорелся сразу, когда в первый раз сюда попал. Да что там, еще с тех пор, как увидел в кино. Правда, откровенная экзотика на работе

не пройдет. Но тут я подумал: может, что-то попроще? Чего под одеждой не заметно? Пришли.

Он распахнул в дверь под вывеской «Пластиплазм Плюс» («Приложения, дополнения и примечания к прекрасному телу»).

— Знаете, всегда хотел спросить у специалиста: если хочется чего-то такого — это отклонение?

— Ни в коем случае.

Девушка с голубыми глазами, губами, волосами и крыльями сказала:

— Можете сразу пройти. Или сперва каталог посмотрите?

— Да нет, я определился, — заверил ее таможенник. — Сюда?

— На самом деле, — продолжил Т'мварба, — человеку психологически важно чувствовать, что он хозяин своего тела. Что он может его изменять, лепить. Ведь если полгода посидеть на диете или как следует накачать мускулы, ощущаешь удовлетворение. Тот же эффект дает новый нос, подбородок или чешуя с перьями.

Они вошли в помещение с белыми операционными столами.

— Чего бы вы хотели? — с улыбкой спросил хирург-полинезиец в голубом халате. — Прилягте, пожалуйста.

— Я только за компанию, — сказал Т’мварба.

— Мне, пожалуйста, номер пять тысяч четыреста шестьдесят три по каталогу. Вот сюда, — ответил Эпплби и хлопнул себя по правому плечу.

— Отличный вариант. Мне самому нравится. Секундочку.

Врач открыл крышку тумбы рядом со столом. Заблестели инструменты. Потом прошел к дальней стене, где в холодильной камере за покрытыми изморозью стеклянными дверями смутно угадывались причудливые фигуры из пластиплазмы. Вернулся, неся на подносе массу загадочных фрагментов, из которых опознать можно было только переднюю часть миниатюрного дракона с глазами-рубинами, яркой чешуей и мерцающими опаловыми крыльями. Фрагмент был менее двух дюймов в длину.

— Когда подсоединим к нервной системе, можно будет приказывать ему свистеть, шипеть, рычать, хлопать крыльями, плевать искрами. Правда, надо несколько дней подождать, пока впишется в телесный ландшафт. Если поначалу будет только рыгать и кривить пасть, ничего страшного. Снимите, пожалуйста, рубашку.

Таможенник расстегнул воротник.

— Так, отключаем чувствительность руки…

порядок. Не больно? Это? Местное средство для закупорки вен и артерий. Чтобы все у нас было чисто. А теперь разрежем по… если неприятно, не смотрите. Вот с другом вашим пообщайтесь, через пару минут закончим. Оп-па! В животе, наверное, защекотало? Ничего. Еще разок. Отлично. Вот ваш плечевой сустав. Ага! Правда странно, рука просто так болтается? Теперь вставляем прозрачную пластиплазменную клетку. Моторика точно такая же, как у сустава, но мышцы мешать не будут. Видите — даже есть бороздки под артерии. Подбородок сюда, пожалуйста. Если хотите смотреть, то в зеркало. Отлично. Теперь прижмем по краям. Эту виваленту пару дней не снимайте, пока все не срастется. В принципе, если избегать резких нагрузок, шов разойтись не должен, но на всякий случай. Осталось подсоединить этого красавчика к нерву. Будет больно…

— Ммммм! — Таможенник даже привстал.

— Тише, тише! Все в порядке. Вот тут защелка — посмотрите в зеркало — открывать клетку. Вы его потом научитесь выпускать, чтобы он делал всякие штуки, но на это уйдет время. Так что немного терпения. Так, включаю чувствительность.

Хирург отсоединил электроды, и Эпплби при-

свистнул.

— Покалывает? Через час примерно пройдет. Если вдруг покраснеет или начнется воспаление, сразу приходите. Вообще, у нас тут все стерильно, но раз в пять-шесть лет кто-нибудь все же подцепляет инфекцию. Рубашку можете надеть.

На улице таможенник подвигал плечом:

— Говорят, рука будет работать точно так же, как раньше. — Он поморщился. — Что-то в пальцах ощущение странное. Может, он нерв защемил?

— Вряд ли, — ответил Т'мварба, — а вот вы сейчас защемите, если будете так крутить. И вивалента сползет. Пойдемте лучше поедим.

Эпплби потрогал плечо:

— Так странно. Там дырка в три дюйма, а рука работает.

— Стало быть, — сказал Т'мварба, отпивая из кружки, — это Ридра привела вас сюда впервые.

— Да. На самом деле мы встречались только раз, вот тогда. Она улетала по государственному делу и набирала экипаж, а меня взяла с собой, чтобы я просто проверял индексы. Но в тот вечер во мне что-то перевернулось.

— Что же?

— Я познакомился со странными, дикими людь-

ми, каких я в жизни не видел. Они по-другому думали, вели себя, даже по-другому занимались любовью. И благодаря им я тогда и смеялся, и злился, и радовался, и грустил, и блаженствовал, и даже чуточку влюбился. — Он посмотрел на сферу под потолком. — И они уже не казались мне такими странными и дикими.

— То есть с коммуникацией в тот вечер трудностей не было?

— Нет. Я понимаю, с моей стороны нахально называть ее просто Ридра. Но у меня такое чувство, будто она… мой друг. Я одинокий человек в городе одиноких людей. И когда находишь место, где… нет трудностей с коммуникацией, хочется вернуться и проверить, не получится ли снова.

— И как?

Данил Д. Эпплби перевел взгляд с потолка и начал расстегивать рубашку.

— Давайте будем ужинать. — Он сбросил рубашку на спинку стула и поглядел на запертого в руке дракона. — Как бы там ни было, а вернуться хочется.

Он взял рубашку со спинки стула, аккуратно сложил и убрал вниз.

— Доктор Т'мварба, вы не знаете, зачем вас зовут в Штаб-квартиру?

— Наверное, по поводу Ридры и этой записи.

— Просто вы сказали, вы ее врач, и я очень надеюсь, что дело не в этом. Если с ней что-то случилось, это ужасно — то есть ужасно для меня. За один тот вечер она мне столько всего объяснила, и так легко. — Он усмехнулся и провел пальцем по краю клетки. Изнутри раздались булькающие звуки. — Причем, когда она все это говорила, в мою сторону по большей части и не смотрела.

— Надеюсь, с ней все в порядке, — ответил Т'мварба. — Очень надеюсь.

II

Еще до посадки он упросил капитана «Полуночного сокола» разрешить ему переговорить с диспетчерской.

— Можно узнать, когда прилетел «Рембо»?

— Минуточку. Он вообще, кажется, не прилетал. По крайней мере, за последние полгода. Могу поднять архивы…

— Да нет, я спрашиваю про последние несколько дней. «Рембо» точно не прилетал? Под командованием Ридры Вон?

— Вон? Она прибыла вчера, если не ошибаюсь. Но не на «Рембо», а на военном корабле

без опознавательных знаков. Еще разбираться пришлось: серийные номера с труб спилены напильником, даже заподозрили, что он в угоне.

— Как было самочувствие капитана Вон?

— Кажется, она передала командование своему…

Голос оборвался.

— Ну?

— Простите, сэр. На этот отчет поставили гриф «секретно». Я наклейку сразу не заметила — а подшили по ошибке в обычную папку. Больше сообщить ничего не могу. Информация только для лиц с допуском.

— Я доктор Маркус Т'мварба! — авторитетно произнес ученый, понятия не имея, произведет ли это какое-нибудь впечатление.

— А, тут о вас написано. Но допуска у вас нет.

— Так что написано-то, барышня?

— Что, если вы будете спрашивать, направить вас прямо к генералу Форестеру.

Через час он вошел в кабинет генерала:

— Что с Ридрой?

— Где запись?

— Раз Ридра отправила ее мне, значит так надо. Захотела бы передать вам — послала бы вам. Так что пока у меня побудет.

— Знаете, доктор, я надеялся на вашу помощь.

— А я и помогаю: прилетел же. Но если вам что-то от меня нужно, я сперва должен четко понять, что происходит.

— Невоенная у вас логика, — сказал Форестер, выходя из-за стола. — Что-то в последнее время сталкиваюсь с ней все чаще. Не очень она мне нравится. Хотя и не то чтобы совсем не нравится.

Космолетчик в зеленой форме присел на край стола, потрогал пальцами звезды на воротнике, задумался.

— Мисс Вон — первый человек за долгое время, которому я не мог сказать: делай то, делай это, а будешь задавать вопросы — пожалеешь. Когда мы в первый раз встретились по поводу Вавилона, я думал, дам ей запись, а она мне вернет ее на английском. Но она отрезала: нет! Сперва расскажите подробнее. Впервые за четырнадцать лет мне кто-то приказал что-то сделать. Да, было неприятно, но я ее зауважал.

Он опустил руку на колени, словно защищаясь. (Защищаясь? Это Ридра научила его так интерпретировать этот жест? — задумался Т'мварба.)

— Так легко бывает застрять в своем маленьком мирке. И когда к тебе пробивается голос из другого мира, это важно. Ридра Вон…

Генерал замолк, а на его лице застыло выражение, от которого у Т'мварбы, наученного Ридрой, по спине пробежал холодок.

— Как она, генерал Форестер? Она здорова?

— Не знаю, — ответил генерал. — У меня в задней комнате сидит женщина — и мужчина. Даже не знаю, можно ли считать эту женщину Ридрой Вон. Одно ясно: это не та женщина, с которой я на Земле разговаривал о Вавилоне-семнадцать.

Но Т'мварба уже подскочил к двери, распахнул ее.

Сидящие в комнате мужчина и женщина подняли на него взгляд. Мужчина — мощный, атлетически сложенный, с волосами янтарного цвета — каторжник, понял врач по отметине на руке. Женщина… Он уперся руками в бока.

— Так, что я сейчас собираюсь тебе сказать?

— Непонимание, — ответила она.

Ритм дыхания, форма сложенных на коленях рук, линия плеч, все подробности, чью важность она ему показывала тысячи раз, — за страшное время, протянувшееся между вдохом и выдохом, он осознал, как на самом деле много они значат. На миг он пожалел, что она ему столько всего объяснила, потому что все эти знакомые мелкие черточки исчезли, и их отсутствие в привычном

теле пугало куда больше, чем шрамы и увечья.

Он придал своему голосу особую, Ридрину, интонацию, к которой он частенько прибегал, когда хотел ее похвалить или сделать выговор:

— Я собирался сказать, если это шутки такие, то я тебя, голубушка… отшлепаю.

Голос сорвался, и фразу Т'мварба закончил совсем другим тоном, для чужих: тоном для торговых агентов и не туда попавших. Это его обескуражило.

— Если ты не Ридра, кто ж ты такая есть?

— Непонимание вопроса, — ответила она. — Генерал Форестер, этот человек — доктор Маркус Т'мварба?

— Да.

— Слушайте. — Т'мварба повернулся к генералу. — Вы ведь наверняка взяли отпечатки пальцев, сделали снимки радужной оболочки, замерили метаболизм…

— Это тело Ридры Вон.

— Хорошо: гипноз, экспериментальный импринтинг, имплантация коркового вещества с подготовленными синапсами… есть еще способы пересадить человеку чужое сознание?

— Есть. Семнадцать. Но их следов не обнаружено. — Генерал подошел к двери. — Она дала

понять, что хочет поговорить с вами наедине. Я подожду за дверью.

И с этими словами он вышел.

— По крайней мере, ясно, кто ты не есть, — сказал Т'мварба, помолчав.

Женщина моргнула и произнесла:

— Послание от Ридры Вон. Передается дословно. Непонимание его значения.

Вдруг лицо ее оживилось, стало знакомым. Она сцепила руки и подалась вперед:

— Моки, я так рада, что ты прилетел! Надолго меня не хватит, так что слушай. Вавилон-семнадцать — это почти то же самое, что вкл./выкл., алгол, фортран. Да, у меня и правда есть телепатические способности, но я научилась ими управлять только сейчас. С вавилонскими диверсиями я… то есть мы покончили. Но мы сами попались. Если хочешь нас вытащить, забудь, кто я, — послушай, что́ в конце этой записи, и узнай, кто он! — Она указала на Мясника.

Оживление улетучилось, на лице вновь застыла безучастная маска. От таких разительных перемен у Т'мварбы перехватило дыхание. Он потряс головой, втянул ноздрями воздух, потом пошел к генералу.

— А кто этот зэк? — спросил он как бы невзна-

чай.

— Устанавливаем. Должны были с утра доложить.

На столе замигала какая-то лампочка.

— Ага. Вот и оно.

Генерал откинул узкую крышку и вытащил из отсека стола запечатанный конверт. Начал было взрезать, но остановился.

— Не расскажете, что такое вкл./выкл., алгол и фортран?

— Ясно, подслушиваем под дверью.

Т'мварба вздохнул и опустился в кресло перед столом:

— Это древние языки двадцатого века, искусственные, их создали специально, чтобы программировать компьютеры. Вкл./выкл. был самым простым. Там все сводилось к сочетанию двух слов, «включить» и «выключить», к двоичной системе. Остальные два посложнее.

Генерал кивнул и вскрыл конверт до конца:

— Этот бугай прилетел с ней на угнанном катере. Мы хотели их развести по разным комнатам, но команда подняла шум. Что-то там телепатическое. — Он пожал плечами. — Решили не рисковать. Оставили вместе.

— А где команда? Они вам ничего не расска-

зали?

— Они? Это все равно что разговаривать с ночными кошмарами. Транспортники. Кто может с таким народом общаться?

— Ридра могла. И я бы хотел попробовать.

— Как скажете. Мы их разместили в Штаб-квартире. — Он открыл конверт, поморщился. — Странно. Тут довольно подробно изложено про последние пять лет его жизни. Сперва мелкие кражи, потом участие в разборках, пара заказных убийств. Ограбление банка… — Генерал причмокнул губами и уважительно кивнул. — Отсидел два года в штрафных пещерах на Титине, сбежал — ловкий парень! Скрылся в Поясе Спечелли, где либо погиб, либо попал на теневик… Гм, явно не погиб. Но такое впечатление, что до декабря шестьдесят первого его вообще не существовало. Называет себя Мясником.

Вдруг Форестер сунулся в другой ящик и выхватил другую папку.

— Крето, Земля, Минос, Каллисто, — прочитал он, затем хлопнул по папке тыльной стороной ладони. — Алеппо, Рея, Олимпия, Парадиз, Дис!

— Что это? Маршрут Мясника до Титина?

— Оказывается, да. Но это еще и места, где начиная с декабря шестьдесят первого происходили

несчастные случаи. До недавнего времени в связи с Вавилоном рассматривали только последние «аварии». Но недавно обратили внимание и на эти инциденты прошлых лет, и обнаружилось, что там было то же самое: похожий радиообмен. Как думаете, мисс Вон нашла нашего диверсанта?

— Может быть. Но только там у вас сидит не Ридра.

— Пожалуй, вы правы.

— А значит, можно предположить, что человек, который с ней, не Мясник.

— Кто же он?

— Пока не знаю. Но думаю, что очень стоило бы выяснить. — Он встал с кресла. — Как найти Ридрин экипаж?

III

— Местечко что надо! — сказал Калли, когда они вышли из лифта на верхнем этаже Башен Альянса.

— Теперь хорошо, — сказала Моллья. — Можно разминать ноги.

По виверровому ковру к ним подошел метрдотель в белом костюме, чуть покосился на

Когтя:

— Это все с вами, доктор Т'мварба?

— Да, у нас забронирована ниша у окна. Напитки можно принести сразу. Я уже заказал.

Официант кивнул и повел их к высокому арочному окну, выходящему на площадь Альянса. Несколько посетителей обернулись им вслед.

— В Штаб-квартире можно очень недурно провести время, — улыбнулся Т'мварба.

— Если деньги есть, — сказал Рон.

Он посмотрел, запрокинув голову, на черно-синий потолок со светильниками, составленными в созвездия, как они видятся с Раймика, и легонько присвистнул:

— Читал я про такие места, но никогда не думал, что своими глазами увижу.

— Жаль, ребятишек не взяли, — протянул Капрал. — Если они у барона в такой восторг пришли, то здесь…

В нише официант подставил Моллье стул.

— Вы про барона Вер Дорко из Арсенала?

— Ага, — ответил Калли. — Жареный ягненок, сливовое вино, а павлины такие — за последние два года лучше не видел! Только попробовать не пришлось.

Он покачал головой.

— Что раздражает в аристократии, — ухмыльнулся Т'мварба, — по любому поводу ударяются в местный колорит. Но вообще нас мало осталось, и большинству хватает такта свои титулы не выпячивать.

— Про покойного барона, — уточнил Капрал.

— О его гибели я читал. Ридра там была?

— Мы все там были. Заварушка 'олучилась та еще.

— Что именно произошло?

Коготь тряхнул головой:

— В общем, ка'итан Вон от'равилась раньше остальных…

Когда он закончил рассказ, по мере которого остальные вставляли подробности, Т'мварба откинулся на спинку стула:

— А в газетах писали по-другому. Оно и понятно. А что такое этот «ТВ-пятьдесят пять»?

Коготь пожал плечами.

В ухе доктора раздался щелчок: включился аппарат для связи с бестелесными.

— Это человек, которого с рождения столько раз обрабатывали, что он перестал быть человеком, — сказал Глаз. — Я был с капитаном, когда барон его ей показывал.

Т'мварба кивнул:

— Еще чем-нибудь поделитесь?

Капрал, который все это время пытался устроиться поудобнее на стуле с жесткой спинкой, навалился животом на край стола:

— Зачем?

Все быстро притихли.

Толстяк окинул взглядом товарищей:

— Зачем мы ему все это рассказываем? Он пойдет и все передаст космолетчикам.

— Конечно, — сказал Т'мварба. — Вдруг что-то из этого подскажет, чем помочь Ридре.

Рон опустил свой стакан газировки со льдом:

— Знаете, доктор, космолетчики обошлись с нами не очень-то приветливо.

— Да уж, по роскошным ресторанам не водили, — сказал Калли, засовывая угол салфетки за цирконовое ожерелье, которое он нацепил по торжественному случаю.

Официант поставил на стол глубокую миску картошки фри, потом принес блюдо с гамбургерами.

Моллья взяла высокую красную бутылку и начала ее в недоумении рассматривать.

— Кетчуп, — подсказал Т'мварба.

— А-а-а-а! — выдохнула Моллья и вернула бутылку на камчатую скатерть.

— Сюда бы Дьявало, — проговорил Капрал и перестал буровить глазами Т'мварбу. — Он, конечно, с белковым автоматом и карбосинтезатором на «ты» и всегда придумает, чем ораве космических бродяг набить брюхо: изобразит какого-нибудь фаршированного фазана или филе луциана под крейонезом, но такие деликатесы… — Он вдумчиво намазал булку горчицей. — Дай ему фунт настоящего фарша, и он от страха пулей вылетит с камбуза.

— Что с ка'итаном? — сказал Коготь. — Все както боятся с'росить.

— Не знаю. Но если вы мне расскажете все, что припомните, может, удастся ей помочь.

— Еще 'ро одну вещь все молчат, — продолжил Коготь. — Один из нас не хочет, чтобы вы ей 'омогали. Но мы не знаем кто.

Снова все замолчали.

— На корабле был ш'ион. Мы все об этом знали. Два раза он 'ытался уничтожить корабль. Мне кажется, то, что случилось с Ридрой и Мясником, его рук дело.

— Мы все так думаем, — подтвердил Капрал.

— И космолетчикам вы этого не сообщили?

Коготь кивнул.

— Расскажи ему про сломанные платы и лож-

ную команду на взлет, когда мы оказались на «Джебеле», — сказал Рон.

Коготь объяснил.

— Если бы не Мясник, — снова включился аппарат для бестелесной связи, — мы бы выскочили в нормальное пространство прямо в новой звезде Лебедя. Это Мясник убедил Тарика подцепить «Рембо» и взять нас на борт.

— Значит, — доктор Т'мварба обвел взглядом присутствующих, — один из вас шпион.

— Может, кто-то из ребят, — сказал Капрал. — Необязательно кто-то из нас.

— Даже если из вас, — сказал Т'мварба, — обращаюсь тогда к остальным. У генерала Форестера ничего от вас добиться не вышло. А Ридре нужна помощь. Все просто.

Коготь первым прервал затянувшееся молчание:

— Захватчики уничтожили мой корабль. Я 'отерял целый взвод, более 'оловины офицеров. Да, я хорошо боролся, и пилот из меня не'лохой, но любой другой ка'итан обошел бы меня за милю. Когда так нарвешься на захватчиков, транс'ортники думают: с тобой лучше не связываться, чего доброго, 'ритянешь беду. Ридра Вон не из нашего мира, у нее свои 'ринципы, и она сказала: «Мне

нравится, как ты работаешь, я тебя беру». Я ей благодарен.

— Она столько всего знает, — сказал Калли. — У меня такого безумного рейса еще не было. Один мир, другой, третий. Вот, точно: она как будто прошивает миры насквозь и тебя берет за компанию. Кто бы еще меня позвал на прием к барону — с ужином и шпионажем? На другой день — ужинаю с пиратами. А теперь вот здесь сижу. Конечно, я помогу.

— Кто о чем, а Калли про еду, — перебил Рон. — На самом деле она заставляет тебя думать. Благодаря ей я задумался о Моллье и Калли. Вы ведь знаете, что она была в триплете с Мюэлсом Эрлиндиелом, который «Звезду Империи» написал? Наверняка знаете, раз вы ее врач. В общем, с ней начинаешь думать, что люди, которые живут в других мирах — вот как Калли сказал, — где пишут книги и делают оружие, что, может, они и в самом деле существуют. А если веришь в них, то и в себя немножко легче поверить. И когда человеку, который такое для тебя сделал, нужна помощь, берешь и помогаешь.

— Доктор, — сказала Моллья, — я была мертвая. Она сделала меня живой. Что мне для нее сделать?

— Расскажите все, что знаете, — сказал он, наклоняясь вперед и сцепляя пальцы, — о Мяснике.

— О Мяснике? — переспросил Коготь.

Остальные тоже удивились.

— А что о Мяснике? Мы ничего не знаем. Только что ка'итан с ним близко сошлась.

— Но вы же с ним провели на корабле три недели. Что-нибудь заметили?

Они переглянулись, в молчании повис вопрос.

— Может, удалось догадаться, откуда он?

— С Титина, — сказал Калли. — У него клеймо на руке.

— Да нет, где он был раньше? По крайней мере за пять лет до Титина? Дело в том, что Мясник сам не знает.

Недоумение у них на лицах усилилось. Потом Коготь произнес:

— Что-то там с его языком. Ка'итан сказала, раньше он говорил на языке, в котором нет слова «я».

Т'мварба нахмурился еще больше, но тут опять щелкнула загробная связь.

— Она научила его говорить «я» и «ты». Они вечером гуляли по кладбищу, а мы зависли над ними и слышали, как они друг другу о себе рас-

сказывали.

— «Я»? Уже что-то, — хмыкнул Т'мварба, откидываясь на спинку стула. — Занятно. Ведь я, кажется, знаю о Ридре все, что только можно. И все-таки…

— Вы не знаете про майну, — раздалось из телефона.

— Как не знаю? — удивился Т'мварба. — Я сам там был.

Бестелесные тихонько засмеялись:

— Но она вам никогда не рассказывала, чего она так испугалась.

— Это была истерическая реакция, спровоцированная прежним состоянием…

Вновь призрачный смех:

— Да нет, доктор Т'мварба, все дело в червяке. Сама птица ни при чем. Ридру испугала телепатическая картинка: огромный червяк, который ползет к ней. Червяк, которого воображала себе майна.

— Она вам об этом рассказала…

…А мне не рассказала — таково было продолжение его мысли, которая началась с легкого возмущения и закончилась изумлением.

— Другие миры, — повторили призраки. — Иногда другие миры находятся прямо под носом,

а вы не замечаете. Пускай в этом ресторане будет полным-полно духов, вы все равно этого не почувствуете. Даже остальные за этим столом сейчас толком не знают, что мы говорим. А капитан Вон умела общаться с нами без телефона. Она прорезала границы миров, но не только — она же их и соединяла. И миры становились больше.

— Тогда кто-то должен сообразить, откуда, из какого мира — вашего, моего или ее — появился Мясник.

Тут на него нахлынуло воспоминание, будто музыкальная пьеса разрешилась каденцией, и он засмеялся. Остальные взглянули на него вопросительно.

— «Где-то в Эдеме — червь, червь…» Одно из первых ее стихотворений. А я и не догадывался.

IV

— И что, я должен радоваться? — спросил Т’мварба.

— Вы должны заинтересоваться, — ответил генерал Форестер.

— Вы посмотрели на гиперстатическую карту и обнаружили, что, хотя места, где в последние полтора года происходили диверсии, разбросаны

в нормальном пространстве по всей галактике, все они находятся в пределах гиперстатического прыжка на катере из Пояса Спечелли. Вы также обнаружили, что, пока Мясник был на Титине, никаких «несчастных случаев» не происходило. Иными словами, вы обнаружили, что — если судить хотя бы по его перемещениям — во всей этой кутерьме, возможно, виноват Мясник. Нет, меня это совсем не радует.

— Почему?

— Потому что он очень важен.

— Важен?

— Да… для Ридры. Мне ее экипаж сказал.

— Он? — И тут до генерала дошло. — Этот?! Не может быть! Чтобы такой подонок… Да нет! Измена, саботаж, а одних убийств… Да этот тип…

— Вы как раз не знаете, что он за тип. И если все эти диверсии устроил действительно он, перед нами человек не менее выдающийся — в известном смысле, — чем Ридра. — Т'мварба поднялся с кресла. — Так как? Дадите мне испробовать мою идею? Ваши я слушаю все утро. А моя, может быть, и сработает.

— Но я так и не понял, чего вы хотите.

Т'мварба вздохнул:

— Во-первых, я хочу, чтобы нас с вами и Ридру с

Мясником отвели в самую секретную, глубокую, укрепленную и защищенную темницу, какая только есть в Штаб-квартире…

— Но у нас нет темн…

— Да ладно вам, — мягко сказал доктор. — Война ведь, если не забыли.

Генерал поморщился:

— К чему такие предосторожности?

— Этот парень уже такого натворил!.. А то, что я хочу попробовать, ему не понравится. Честно говоря, мне было бы спокойнее, если бы меня прикрывали все вооруженные силы Альянса. Хоть был бы реальный шанс.

Ридра и Мясник сидели привязанные ремнями к пластмассовым сиденьям, вмонтированным в противоположные стены камеры. Т'мварба проводил взглядом устройства, которые рабочие выкатывали из помещения.

— А говорите, ни темниц, ни пыточных застенков, а, генерал? — Он опустил глаза на каменный пол, на засохшее бурое пятно рядом с носком его ботинка, и покачал головой. — Честно говоря, лучше бы тут все сперва промыли кислотой и продезинфицировали, но я понимаю, мы так неожиданно…

— У вас все оборудование с собой, доктор? —

спросил генерал, игнорируя издевку. — Если хотите, я вам за пятнадцать минут созову лучших специалистов.

— Места не хватит, — сказал Т'мварба. — У меня девять специалистов вот тут. — Он положил руку на компьютер, который установили в углу рядом с другими приборами. — В общем, я бы и без вас обошелся. Но вы все равно не уйдете, так что попрошу не мешать.

— Вы сказали, — продолжил Форестер, — что нужно максимально усилить охрану. Могу вызвать сюда несколько мастеров айкидо, тяжеловесов.

— У меня у самого черный пояс по айкидо. Думаю, нас двоих вполне хватит.

Генерал удивленно приподнял бровь:

— Сам я каратист. Айкидо мне как-то никогда не давалось. У вас правда черный пояс?

Т'мварба поправил какую-то громоздкую штуковину и кивнул:

— И у Ридры тоже. Но я не знаю, что может выкинуть Мясник, так что на всякий случай пусть обоих привяжут покрепче.

— Хорошо, — ответил генерал и что-то нажал в углу косяка.

В дверном проеме начала медленно опускаться

металлическая пластина.

— Мы здесь пробудем пять минут.

Пластина доползла донизу, и ее край слился с поверхностью пола.

— Теперь мы законопачены наглухо. Вокруг — двенадцать уровней защиты, ни один из которых преодолеть невозможно. Никто даже не знает, где это место находится, и я в том числе.

— После всех этих лабиринтов, через которые мы шли, еще бы, — ответил Т'мварба.

— На случай если вдруг кто-нибудь нарисует карту, эту камеру автоматически сдвигают каждые пятнадцать секунд. Он не выберется. — Генерал показал на Мясника.

— И сюда никто не заберется, правильно? — сказал Т'мварба и что-то нажал.

— Объясните еще раз.

— Врачи на Титине говорят, у Мясника амнезия. Значит, его сознание ограничено синапсами, которые образовались не ранее шестьдесят первого года. То есть оно как бы привязано к одной конкретной зоне коры. Эта штука… — взглянув на Ридру, он надел на Мясника металлический шлем, — будет создавать в этой зоне определенный дискомфорт, пока сознание не выйдет за ее пределы.

— А если между этой зоной и остальным мозгом вообще нет связи?

— Если дискомфорт будет достаточно сильным, Мясник эти связи создаст.

— Даже не представляю, — сказал генерал, — какой нужен дискомфорт, чтобы пронять такого деятеля.

— Вкл./выкл., алгол, фортран, — сказал Т'мварба, налаживая аппаратуру. — В обычном мозгу можно было бы создать иллюзию ямы со змеями. Но на мозг, не знакомый с понятием «я» или который долго без него обходился, запугивание не подействует.

— А что подействует?

— Алгол, вкл./выкл. и фортран. С помощью брадобрея и того обстоятельства, что сегодня среда.

— Доктор Т'мварба, я, конечно, только бегло посмотрел на ваши психоиндексы…

— Да не сошел я с ума. В этих компьютерных языках тоже нет слова «я». А значит, невозможны заявления в духе «я не могу решить эту задачу», или «мне не интересно», или «я бы лучше потратил время на что-нибудь другое». Генерал, в испанских Пиренеях есть деревушка, где живет только один брадобрей. Этот брадобрей бреет всех мужчин деревушки, которые не бреются

сами. Вопрос: бреется ли брадобрей?

Генерал нахмурился.

— Вы мне не верите? Но я всегда говорю правду. За исключением сред. По средам все, что я говорю, — ложь.

— Но сегодня среда! — воскликнул генерал в легкой растерянности.

— Удачно. Но ничего страшного, генерал. Только смотрите: прежде чем нервничать, дышите глубже.

— Я не собирался нервничать!

— А я и не говорил, что собираетесь. Но ответьте прямо: вы перестали бить жену?

— Черт возьми! Да как можно ответить на такой вопрос…

— В общем, пока думаете о жене и решаете, дышать ли глубже, скажите мне, учитывая что сегодня среда, кто бреет брадобрея?

Смущение на лице генерала сменилось улыбкой и смехом.

— Ясно! Стало быть, собираетесь загрузить его мозг парадоксами?

— Проделаешь это с компьютером — и он сгорит, если только не запрограммирован в таких случаях отключаться.

— А вдруг Мясник решит покинуть тело?

— Думаете, бестелесность меня остановит? — Т'мварба показал на другой прибор. — Как раз для таких случаев.

— Последний вопрос. Откуда вы знаете, какие парадоксы в него загружать? Те, которые вы мне рассказали, наверняка не…

— Конечно нет. Тем более что они работают только в английском и некоторых других языках, где аналитическая сторона хромает. Парадоксы возникают из особенностей языков, на которых они сформулированы. В случае с брадобреем и средой все дело в словах «все» и «всё». Союз «прежде чем» создает двусмысленность. В примере про жену некорректная формулировка вопроса. На катушке, которую мне отправила Ридра, записаны грамматика и лексика Вавилона-семнадцать. Потрясающе. Это самый аналитически точный язык, какой только можно себе представить. Но достигается это за счет того, что смысл гибок, а за каждым словом стоит огромное число понятий, упакованных в единообразные парадигмы. И поэтому парадоксов на Вавилоне возможно великое множество. Ридра отобрала те, что поизящнее, и забила ими всю вторую половину пленки. Если в них угодит мозг, привязанный к Вавилону, он либо выгорит, либо даст сбой…

— …либо сбежит в другую часть сознания. Ясно. Давайте начинать.

— Я уже начал. Две минуты назад.

Генерал посмотрел на Мясника:

— Что-то незаметно.

— Пока да. — Т'мварба что-то подкрутил. — Мои парадоксы должны сперва расползтись по всей сознательной части мозга. Пока все синапсы включатся-выключатся, пройдет время.

Вдруг суровое лицо оскалилось.

— Ну вот, — сказал доктор.

— А что с мисс Вон?

На лице у Ридры изобразилась та же гримаса.

— Я надеялся, что обойдется без этого, — вздохнул Т'мварба, — но опасался. Они в телепатической связи.

Резкий треск со стороны Мясника. Удерживающий голову ремень был затянут не до конца, и он ударил затылком по спинке стула.

Какой-то звук со стороны Ридры, затем надсадный стон, оборвавшийся так, словно ей сдавили горло. Ее удивленные глаза дважды моргнули, и она всхлипнула:

— Ай, Моки! Больно!

На подлокотнике Мясника порвался один из ремней, и в воздух взметнулся кулак. Тут белый

индикатор рядом с пальцем Т'мварбы стал янтарным, и палец нажал на кнопку. С телом Мясника что-то произошло, он обмяк.

— Покинул те… — начал было генерал.

Но Мясник громко втянул воздух.

— Моки, выпусти меня! — Это голос Ридры.

Т'мварба скользнул пальцами по микротумблеру, и ремни, удерживавшие ее лоб, щиколотки, кисти и плечи, с громкими хлопками отстегнулись.

Она побежала к Мяснику.

— Его тоже?

Ридра кивнула.

Т'мварба нажал второй микротумблер, и Мясник рухнул ей на руки. Под его тяжестью она опустилась на пол и тут же начала костяшками пальцев массировать одеревеневшие мышцы у него на спине.

Генерал Форестер взял их на прицел вибралайзера.

— Так, откуда взялся этот тип и кто он?

Мясник опять чуть не упал, но вовремя уперся ладонями в пол.

— На… — заговорил он. — Я Найлз Вер Дорко.

Из голоса его исчезло каменное громыхание. Теперь он звучал почти на кварту выше, а звуки

стали по-аристократически растянутыми.

— Я родился… в Армседже. И я… убил своего отца!

Дверная пластина поднялась. В помещение ворвался дым, пахнуло горячим металлом.

— Что за вонь?! — рявкнул генерал. — Ее не должно быть.

— Полагаю, — ответил Т'мварба, — первые шесть уровней защиты взломали. Продержись он еще несколько минут, нас бы уже, наверное, тут не было.

Загрохотали шаги. В проем ввалился вымазанный сажей космолетчик.

— Генерал Форестер, вы не пострадали? Внешняя стена взорвалась, потом кто-то закоротил радиозамки на двойных шлюзах, и чуть не разрезали керамические заграждения. Кажется, работали лазером.

Генерал страшно побледнел:

— Кто сюда пробивался?

Т'мварба посмотрел на Ридру.

Опираясь на ее плечо, Мясник встал на ноги:

— Пара изделий моего отца, усовершенствованные сородичи «ТВ-пятьдесят пять». Здесь, в Штаб-квартире, работает примерно шесть таких; занимают неприметные, но весьма важные

должности. Впрочем, больше из-за них можете не переживать.

— Тогда буду признателен, — сквозь зубы сказал Форестер, — если вы все пройдете в мой кабинет и объясните, что за хреновина тут происходит.

— Только вы не думайте, генерал, что мой отец был предатель. Он просто хотел сделать из меня самого опасного спецагента Альянса. Но дело в том, что убивает не оружие, а умение им пользоваться. И умение это оказалось у захватчиков — в виде Вавилона-семнадцать.

— Хорошо. Предположим, вы Найлз Вер Дорко. Но тогда я вообще ничего не понимаю. Даже то, что час назад вроде понимал.

— Ему бы сейчас лучше говорить поменьше, — вмешался Т'мварба. — Когда нервная система проходит через такое…

— Ничего, доктор. У меня имеется полный запасной комплект. Кроме того, уровень рефлексов у меня гораздо выше среднего, и я контролирую весь свой автономный контур, вплоть до скорости роста ногтей. Папа работал на совесть.

Генерал пнул каблуком сапога свой стол:

— Пусть говорит. Если через пять минут не будет нормального объяснения, всех вас придется изолировать.

— Когда отец только начал эксперименты с индивидуально настроенными шпионами, ему пришла в голову идея. Он сделал из меня идеального бойца и заслал на территорию захватчиков. Чтобы я им устроил переполох. Я и правда там много всего повредил, пока меня не схватили. Но папа понимал, что, если шпионская программа будет развиваться так же стремительно, в конце концов эти ребята намного меня превзойдут. Это, кстати, правда: я «ТВ-пятьдесят пять» в подметки не гожусь. Но почему-то — наверное, фамильная гордость — он решил, что контроль за их действиями должен остаться у нашей семьи. Каждый армседжский шпион способен принимать радиокоманды, зашифрованные особым способом. У меня под продолговатым мозгом вживлен гиперстатический передатчик — в основном из электропластиплазмы. Предполагалось, что я буду командовать всеми шпионами — и нынешних, и будущих поколений. За последние годы к захватчикам были переброшены несколько тысяч таких бойцов. Пока меня не поймали, мы действовали довольно эффективно.

— Почему вас не убили? — спросил генерал. — Или они все поняли и перенаправили армию шпионов против нас?

— Они действительно догадались, что я — оружие Альянса. Но при определенных условиях мой гиперстатический передатчик самоуничтожается и выводится из организма вместе с другими отходами. Новый вырастает примерно через три недели. В общем, что я управляю остальными, они не догадались. Но у них к тому времени появилось свое секретное оружие — Вавилон-семнадцать. В итоге мне устроили глубокую амнезию, не оставили других средств общения, кроме Вавилона, и разрешили сбежать из Нуэва-Нуэва-Йорка на территорию Альянса. Мне не давали инструкций устраивать у вас диверсии. Что у меня такие возможности и прямая связь с другими шпионами, я понял не сразу и с большими мучениями. Так я стал диверсантом, выдающим себя за преступника. Как и почему — до сих пор не понимаю.

— А я, кажется, понимаю, — вмешалась Ридра. — Компьютер можно запрограммировать на ошибки. И для этого можно не перепаивать провода, а кое-что подправить в языке, на котором он «думает». Если нет понятия «я», нет и процесса рефлексии. Нет даже способности воспринимать символическую природу вещей — а ведь мы только так разграничиваем действительность и

ее отражение.

— Что?

— Взять шимпанзе, — заговорил Т'мварба. — У них достаточно координации, чтобы водить машину, и достаточно мозгов, чтобы отличить красный сигнал светофора от зеленого. Но как их ни учи, на дорогу все равно выпускать нельзя. Если горит зеленый, он даст газу, даже если впереди стена. Если красный — остановится хоть в середине перекрестка, если даже сбоку будет лететь грузовик. Они не понимают символов. Для них красный — «стой», зеленый — «вперед».

— В общем, — продолжила Ридра, — Вавилон — это что-то вроде программы, которая и сделала из Мясника преступника и диверсанта. Если потерявшего память человека, который помнит только слова, обозначающие детали машин и инструменты, завезти в чужую страну, ничего удивительного, если в итоге он устроится в автосервис. А если оставить ему другие слова, можно сделать из него моряка или художника. Вдобавок Вавилон-семнадцать такой точный аналитический язык, что, если говоришь на нем, практически любую техническую проблему решаешь мгновенно. А раз нет «я», то до человека и не доходит, что, помимо такого взгляда на дей-

ствительность, пускай и весьма практичного, возможны и другие.

— То есть этот язык может настроить человека против Альянса? — спросил генерал.

— Начать с того, — продолжила Ридра, — что «альянс» на Вавилон переводится словом, которое буквально означает «захвативший, вторгшийся». Ну и дальше все в таком духе. Туда много такой дьявольщины встроено. Когда думаешь на Вавилоне, кажется логичнейшей вещью уничтожить собственный корабль, а приготовления замаскировать самогипнозом, чтобы вовремя не опомниться и не остановиться.

— Идеальный шпион! — вставил Т'мварба.

Ридра кивнула:

— Вавилон «программирует» в его носителе автономную вторичную личность, которая подпитывается самогипнозом. Причем это не настораживает, потому что все остальное в этом языке кажется абсолютно «правильным», тогда как любой другой язык звучит страшно неуклюже. Эта «личность» ощущает потребность любой ценой уничтожить Альянс, но в то же время хочет остаться скрытой от остального сознания, пока не сможет захватить его целиком. Так и с нами случилось. Пока Мясник не вспомнил свою

жизнь до плена, нам не хватало сил эти «личности» полностью перебороть, хотя мы не давали им сделать ничего деструктивного.

— Но почему они вас не подмяли полностью? — спросил Т'мварба.

— Они не знали о моем «таланте», Моки. Я его проанализировала на Вавилоне, и все оказалось просто. Наша нервная система испускает радиошум. Правда, чтобы уловить в нем достаточно информации и что-то разобрать, понадобилась бы антенна площадью несколько тысяч квадратных миль. На самом деле единственный приемник такой площади — это нервная система другого человека. И все мы в известной степени телепаты. Просто у некоторых людей вроде меня получается эту способность лучше контролировать. Эти вторичные личности не такие уж сильные, а я вдобавок могу немного управлять тем радиошумом, который от меня исходит. В общем, я их все это время глушила.

— И что теперь прикажете делать с этими ренегатами у вас в головах? Сделать вам лоботомию?

— Нет. Чтобы починить компьютер, половину проводов не отрезают. Надо подправить язык, ввести недостающие элементы и ликвидировать двусмысленности.

— Основные недостающие элементы мы ввели еще на «Джебеле», на кладбище, — сказал Мясник. — Остальное тоже почти готово.

Генерал медленно встал со стула:

— Нет, так не пойдет. Т'мварба, где запись?

— Где и раньше — у меня в кармане, — сказал доктор, доставая катушку.

— Отнесу в криптографический отдел, и мы еще раз пройдемся с самого начала. Кстати, а вас придется пока запереть.

Он вышел, и все трое переглянулись.

V

— ...Конечно, надо было ожидать. Естественно, если кто-то почти пробился в наш сверхсекретный бункер и чуть не вывел из строя военпром в половине галактики, он и из моего запертого кабинета выберется. Нет, я не идиот, но я думал... Я понимаю, что вам наплевать, но они... Нет, мне не пришло в голову, что они могут угнать корабль. Да, конечно... Нет, я ничего такого не думал. Да, один из самых мощных. Но они оставили... Нет, они не собираются нападать на наши... Понятно, что не могу, но они оставили записку и сказали... Да, записку. У меня на столе... Конечно, сейчас

зачитаю. Я ведь все это время как раз пытаюсь…

VI

Ридра вошла в просторную рубку военного корабля «Хронос»; на закорках у нее сидел Ратт. Когда она спустила его на пол, Мясник оторвался от приборов и обернулся:

— Как там внизу?

— Все разобрались с новыми приборами? — спросила Ридра.

Парнишка потянул себя за мочку уха:

— Даже не знаю, капитан. Здоровенный корабль.

— Надо только долететь до Пояса, а там отдадим его Тарику и его ребятам. Коготь говорит, если вы не подкачаете, он нас туда доставит.

— Да мы стараемся. Но столько приказов со всех сторон сразу… Мне, вообще-то, уже надо быть внизу.

— Через минуту пойдешь, — сказала Ридра. — Хочешь, сделаю тебя почетным квипукамаёкуной?

— Кем?

— Это тот, кто разбирает все поступившие приказы и распределяет по исполнителям. Твои же

прадеды были индейцы?

— Да. Семинолы.

Ридра пожала плечами:

— Квипукамаёкуны были у майя — почти то же самое. Они записывали приказания в виде узлов на веревках, а у нас перфокарты. Ладно, беги работай.

Ратт отдал честь и побежал.

— Как думаешь, что генерал решил по поводу твоей записки? — спросил Мясник.

— Не важно. Главное — ее прочитает все начальство, они крепко задумаются, этот вариант западет им в голову, а это уже полдела. Тем более что у нас есть отредактированный Вавилон-семнадцать, практически Вавилон-восемнадцать, а с его помощью что угодно можно сделать правдой.

— Плюс еще моя бригада помощников. Полугода должно хватить. Хорошо, что у тебя тогда приступы были не из-за ускоряющегося метаболизма. Мне еще странным показалось. Если бы дело было в нем, ты бы отключалась, еще не выйдя из Вавилона.

— Да, это вторая личность пыталась взять верх. Ладно, закончим все дела с Тариком — и оставим записочку для главнокомандующего армией

захватчиков, этого Майлоу. Прямо на столе у него в Нуэва-Нуэва-Йорке. «Война окончится через шесть месяцев», — процитировала она. — Ничего в прозе лучше не писала. Но придется поработать.

— Зато у нас такие инструменты, каких ни у кого больше нет, — сказал Мясник.

Он подвинулся, и Ридра присела рядом.

— А когда инструменты подходящие, и работа спорится. Чем займемся в свободное время?

— Я, наверное, напишу поэму. А может, роман. Многое хочется высказать.

— А я ведь до сих пор преступник. Что можно зло искупить добром — это только оборот речи, и многие на этом заблуждении прогорали. Тем более когда добро еще только в планах. На мне по-прежнему ответственность за убийства.

— Но идея о том, что неправый якобы не может поступить правильно, — такое же лингвистическое заблуждение. Если уж так хочешь, возвращайся, пиши явку с повинной, пусть тебя судят, оправдают, и ты наконец займешься чем-нибудь важным. Мной, например.

— Да, но кто сказал, что меня оправдают?

Ридра со смехом склонилась к нему, взяла в руки его ладони и прижалась к ним лицом:

— Так защищать тебя буду я! Ты же знаешь: я и без Вавилона уболтаю кого угодно.

От переводчика

Игра с языком, лингвистические тонкости и в принципе сущность естественной коммуникации нередко привлекают внимание писателей-фантастов как материал, из которого можно сделать завязку для фабулы или просто добавить произведению интересной фактуры. И здесь мы даже не говорим о всевозможных вымышленных и полувымышленных языках, на которых изъясняются выходцы из других миров.

Герой одного рассказа Шекли не может заключить юридически безупречный договор с жителями другой планеты, потому что их язык каждый день меняется, порождая все новые слова, оттенки значений и грамматические правила. Герой другого, желая покорить любимую девушку красноречием и посвятив несколько лет изучению инопланетного языка любви, понимает, что его чувство может быть точно описано только словами: «Ты мне очень нравишься». В цикле «Волшебник Земноморья» Ле Гуин важную роль играет «истинная речь», волшебные слова которой обладают силой действия (сказал — «и стало так»). У Пелевина многие сюжетные построения

основаны на каламбурах. Оруэлловский «новояз» стал именем нарицательным.

Однако, думается, не так много найдется научно-фантастических произведений большого формата, которые, как «Вавилон-17», почти целиком были бы построены на лингвистике. Можно сказать, что перед нами лингвистическая фантастика.

В основу романа, написанного в 1966 году, легла так называемая «Гипотеза Сепира — Уорфа» — сформулированная в 20–30-х годах прошлого века, хотя и не совместно, Эдуардом Сепиром и Бенджамином Уорфом концепция лингвистической относительности, согласно которой мышление человека во многом находится под влиянием условностей его родного языка. В последующие десятилетия лингвисты пришли к выводу, что строгого детерминизма тут нет и носители разных языков воспринимают действительность примерно одинаково, а различия в картинах мира объясняются не столько разным устройством языков, сколько несовпадениями в культуре, быте и т. п. Однако и сегодня среди как обывателей, так и специалистов находится немало желающих перекинуть мостик между любопытными культурными феноменами и,

например, особенностями видо-временных форм или системой залога в языке, на котором говорят представители этой культуры.

Некоторое влияние, безусловно, есть. Так, говорящим на языке с разветвленной системой маркеров вежливости постоянно приходится думать о различиях в социальных статусах, а тем, чей язык требует указаний на географические особенности местности, не обойтись без пространственного мышления. Правда, что тут первично — язык или опять же культура и быт, — вопрос открытый.

Впрочем, писатель волен пользоваться материалом по своему усмотрению, и в романе «Вавилон-17» мы встречаемся с самой сильной версией «Гипотезы Сепира — Уорфа», когда особый язык не только определяет отношение носителя к себе (человек вообще не воспринимает себя как личность) и другим (создает представление о другой половине Вселенной как о врагах), но и помогает мыслить сверхъестественно быстро и проницательно.

Есть в романе и обратный пример, когда язык и мышление испытывают сильнейшее влияние экзотических условий жизни. У сирибийцев, чья жизнь и интересы вращаются вокруг измене-

ний температуры, нет слова «дом», «жилище», и приходится объяснять для них понятное любому землянину понятие «дом» длиннейшим описанием места, где можно поддерживать комфортную температуру для жизни, а также охлаждать продукты в холодильнике и нагревать еду на плите.

Вопросами взаимовлияния языка и мировоззрения автор «Вавилона-17» в своих лингвистических опытах не ограничивается, заставляя переводчика то радоваться увлекательной задаче, то хвататься за голову.

Слова и облик бестелесных персонажей живым людям не запоминаются, мгновенно испаряясь из памяти. Поэтому в сцене разговора таможенника с суккубом (довольно лиричной и элегантно задуманной) предполагаемые слова женщины-призрака опущены. Как и все указания на то, как она выглядела: «Она подошла ближе, волосы пахнут чем-то вроде… И острые полупрозрачные черты напоминают о…»

В другой сцене Ридра пытается объяснить Мяснику, который под воздействием Вавилона не воспринимает людей как личностей, смысл местоимений «я» и «ты». Мясник поначалу не может уловить их дейктическую, указательную функцию и считает, что «я» — это постоянное

наименование его собеседницы, Ридры, а «ты» — обозначение его самого, Мясника. В результате диалог обретает причудливый характер за счет того, что, говоря, например, «Ты забыл», Мясник имеет в виду «Я забыл», а вопрос «Птицы пугают меня?» означает «Птицы пугают тебя?». В переводе осложняет ситуацию то, что в русском, в отличие от английского, местоимение «ты» склоняется, а глагольные сказуемые при «я» и «ты» в настоящем времени изменяются по лицам, а в прошедшем — по родам.

Есть и много других очаровательных нюансов. Коготь из-за искусственно вживленных клыков не в состоянии сомкнуть губы, а значит, и произнести звук [п]. (Строго говоря, [б] при таком речевом аппарате тоже не выговорить, но мы решили не убирать букву «б», чтобы некоторые слова не принимали совсем уж нечитабельный вид.) На негодяя, задумавшего убийство капитана, поэтесса Ридра воздействует «боевым НЛП» в виде рифмованного речитатива. А чего стоит телепатический диалог Ридры и Мясника или стихотворные эпиграфы, позаимствованные у Мэрилин Хакер, супруги Дилэни в 1960–1970-х.

Хотелось бы надеяться, что читатели русского перевода смогут вполне оценить не только сю-

жет и идеи автора, но и его особое обращение с языковыми феноменами.

Д. Бузаджи

Звезда империи

Решив плыть в Атлантиду,
Узнаешь в свой черед,
Что лишь Корабль Дураков
В этом году плывет,
Не упускай из виду
Бури и будь готов
К безумствам, чтоб в пути
За Парня Крутого сойти,
И сделай вид, что ловок
И выпить не дурак,
Ни шума, ни потасовок
Не избегай, ни драк.

У. Х. Оден[12]

Правда – лишь точка зрения.

---

[12] Примечания: 12

Стихотворение Уистена Хью Одена (1907–1973) «Атлантида» (1945) цитируется в переводе В. Топорова.

***Марсель Пруст*[13]**

[13] Примечания: 13

В произведениях Пруста данную фразу найти не удалось. Схожее по смыслу изречение приписывают Ипатии Александрийской — философу, астроному и математику, жившей в Египте в III–IV вв. н. э.; несмотря на свое высокое положение, Ипатия была растерзана толпой во время политического конфликта.

1

Он имел:

светлую косу по пояс;

тело смуглое и тонкое, «кошачье» — говорили те, кто видел, как он спит вполглаза, свернувшись в поле Нового Цикла, освещенный дрожащим светом сторожевого костра;

окарину;

черные сапоги и перчатки, в которых мог лазать по стенам и потолку; серые глаза, великоватые для его звериной мордочки;

медные когти на левой лапе, которыми убил в дозоре уже трех диких кепардов, пролезших в прореху электрограды;

(и еще: в дурашной драке с Билли Джеймсом один удар прилетел слишком быстро и сильно, и все вдруг стало взаправду, и он тогда тоже убил; но это было два года назад, и он не любил об этом думать);

восемнадцать лет тугой жизни в пещерах спутника под названием Джинри́с; спутник мотался на орбите гигантского красного солнца Тау Кита, а он батрачил на подземных полях;

тягу забрести подальше от Родных пещер и гля-

деть на звезды; за эту тягу ему в последний месяц влетело четырежды, за нее же он четырнадцать лет носил прозвище Джо Комета;

дядю Клеменса, которого недолюбливал.

Потом, все потеряв, кроме чудом уцелевшей окарины, он думал о том, что имел вначале. И что оно значило, и как вылепило ему юность, и как плохо подготовило к жизни большой и мужской.

Но прежде чем начал терять, он приобрел еще две вещи, которые, как окарину, сохранил до конца. Коточертика по имени Чертыш и меня. Я — Яхонт. У меня мультиплексное сознание. Это значит, что я вижу вещи с разных сторон. Такой вот обертонный ряд в гармонии моего внутреннего строя. Поэтому я часто буду выступать в роли так называемого всезнающего рассказчика.

Тау отпечатала на западных утесах малиновые пощечины, Шина, огромная, как Юпитер Солнечной системы, черным выгибом закрыла четверть неба, а Глаз — белый карлик — серебрил скалы на востоке. Джо Комета, с пшеничными волосами, шагал вслед двум своим теням: длинной серой и коренастой рыжей. Он закинул голову и смотрел на первые звезды в небе, по которому красным вином быстро растекался вечер. В длиннопалой правой руке с обгрызенными, по мальчишескому

обычаю, ногтями он держал окарину. Он знал, что не должен тут шляться, что пора домой: подлезть под край сумерек — и дальше в сияющий кокон Родной пещеры. Он не должен хамить дяде Клеменсу, не должен драться с парнями в полевом дозоре. А сколько всего он должен вдобавок к этому…

Звук. Повздорили камень и не-камень.

Он припал на корточки. Левая лапа, тонкая, когтистая и смертоносная, вскинулась прикрыть лицо: кепарды бьют по глазам. Но это был не кепард. Джо опустил лапу. Из расщелины, балансируя на пяти ногах из восьми, вылез коточертик и зашипел. Он был в длину сантиметров тридцать, с тремя рожками и серыми глазищами цветом ровно как у Джо. Он хихикнул, что у коточертят означает грусть. Надо думать, отбился от родичей. Взрослые коточерти и коточертовки имеют в длину пятнадцать метров и совершенно безвредны, если только случайно на тебя не наступят.

— Тчо стрясло? — спросил Джо. — Ма-па потерял?

Коточертик снова хихикнул.

— Да тчо такое? Беда?

Чертик кивнул через левое плечо и зашипел.

— Ща глянем, — кивнул Джо. — Пшли.

Он сдвинул брови и зашагал вперед. Среди камней движения его голого тела были так же текучи, как его речь — груба. Джо соскочил с выступа на комковатую красную землю — в прыжке волосы взвились светлой тучей, потом упали на лицо. Он встряхнул головой. Коточертик потерся о его ногу, хихикнул, дернул вперед и исчез за большим валуном.

Джо обошел валун, но вдруг отпрянул и вжался в него спиной. Когти левой и огрызки правой заскребли по граниту. Он разом взмок. Большая вена на шее колотилась бешеным пульсом, мошонка съежилась, как чернослива. Из земли трехметровым гейзером била, пенилась и полыхала зеленая жижа. В ее пылающей гуще — он не видел, но чувствовал — корчились, беззвучно кричали, умирали в ужасной муке какие-то существа. Одно из них отчаянно рвалось наружу. Коточертик, не подозревая об их агонии, важно прошагал к подножию гейзера, презрительно сплюнул в жижу и так же важно вернулся.

В ту секунду, как Джо осмелился вдохнуть, существо вырвалось из жижи. Дымясь, оно нетвердо двинулось вперед. Оно подняло серые глаза. Ветер подхватил и откинул с плеч его длинные

пшеничные волосы, и в движениях его мельком проглянуло что-то кошачье. Потом существо простерло вперед руки и стало валиться ничком. Под страхом, оказывается, залегало что-то еще, и оно толкнуло Джо навстречу. Когтистая лапа вцепилась в руку, рука — в лапу. Только теперь, упав на колени и охватив плечи тяжко дышащего существа, Джо понял, что это его двойник.

В голове его что-то взорвалось, и от контузии, помимо прочего, развязался язык:

— Ты кто?

— Ты должен добраться… — начал двойник, но закашлялся, и черты его на секунду расплылись. — Добраться и передать…

— Тчо? Тчо передать?

Все было непонятно и жутко.

— …до Звезды Империи. — Двойник говорил на интерлинге, ровно и четко, как говорят звездные странники. — Передай им…

— Тчо?

— Доберись и скажи… — снова кашель, — как бы долго ни пришлось…

— Доберусь, а тчо скажу-то? — добивался Джо.

И тут он вспомнил все, о чем надо было спросить сначала:

— Ты откуда? Куда? Тчо стрясло?

Двойник изогнулся и в какой-то судороге вырвался у него из рук. Джо хотел было разжать ему рот, чтобы не подавился языком, но не успел дотронуться, как двойник начал таять.

Он бурлил и испарялся, исходил дымом и пеной.

Тем временем жижа со всеми, кто был в ней, утихла, уменьшилась до размеров лужи и едва плескала в траве. Коточертик подошел к ее краю, понюхал и что-то выловил лапкой. Лужа замерла и стала быстро высыхать. Чертик взял свою находку в зубы, подошел, мигая глазами, и положил ее у колен Джо. Потом уселся и принялся мыть и приглаживать свою пушистую розовую манишку. Джо взглянул на то, что лежало перед ним. Оно было многоцветно, многогранно и мультиплексно. Оно было я. Я — Яхонт.

2

Долго же мы летели, Норн, Кай, Марибка и я, чтобы все так внезапно и плачевно закончилось. Я, конечно, предупреждал их, когда наш корабль сломался и мы пересели в биокапсулу неподалеку от S. Золотой Рыбы. Все шло прекрасно, пока мы двигались в довольно пыльных окрестностях Магеллановых Облаков, но, когда вышли в разреженную Родную Спираль, генератор оболочки остался без катализаторов.

Мы собирались обогнуть Тау Кита и двинуться к Звезде Империи с грузом вестей, добрых и дурных, с перечнем наших побед и поражений. Но внешняя оболочка распалась, и мягкая капсула, как ошалелая амеба, шлепнулась на поверхность спутника Джинрис. Это был конец. Кай погиб. Марибка рассыпался на множество безмозглых компонентов, которые копошились и умирали в облепившем нас питательном желе. Мы с Норном быстро посоветовались и включили не слишком надежный логос-локатор, задав ему радиус в полтораста километров. Капсула уже приступила к самоуничтожению. В ее примитивном сознании виновниками аварии были

мы, и она жаждала мести. Логос-локатор показал маленькую колонию землян, растящих плиазил в гигантских подземных пещерах. В тридцати километрах к югу была маленькая транспортная станция: плиазил отправляли в Галактический центр, а оттуда распределяли по звездам. Сама же колония оказалась невероятно отсталой.

— Общество разумное, но симплексное до предела, — сказал Норн. — На всей планете лоцирую не больше десяти сознаний, знакомых с другими солнечными системами. И все они на транспортной станции.

— Да. И у них там добротные, неорганические корабли. Они не трескаются, как яйцо, и не нападают на экипаж, — вставил я. — А мы теперь оба погибнем и до Звезды не долетим. Надо было неорганический брать. Все эти биокапсулы — чушь!

Протоплазма сделалась неприятно горячей.

— Тут где-то поблизости ребенок, — сказал Норн. — И еще… Погоди, а это что за экземпляр?

— Земляне называют их коточертиками, — ответил я, считав нужные данные.

— Вот этот далеко не симплекс!

— Но и не мультиплекс… Хотя уже что-то. Может он передать весть?

— У него интеллект ниже кретинского, — отрезал Норн. — Земляне хоть серое вещество имеют. Вот если заставить их действовать сообща... Мальчик неглуп — но такой симплекс! У зверька сознание комплексное: если не передать, то доставить весть он в состоянии. Ладно, попробуем. Подмани их сюда. Если ты кристаллизуешься, то на время оттянешь смерть, так?

— Так, — неохотно согласился я. — Но я не хочу полной пассивности. Не хочу быть просто точкой зрения. И не знаю, выдержу ли.

— Даже в пассивном состоянии ты будешь весьма полезен, особенно этому симплексному мальчику. Если он согласится, ему придется трудно.

— Ну ладно, кристаллизуюсь. Но знай, что я не в восторге. А ты выйди пока, попробуй поговорить с ними.

— Проклятье, — проворчал Норн. — Не люблю умирать и не хочу. Хочу жить. Добраться до Звезды и все им рассказать.

— Поторопись. Время теряем.

— Иду, иду. Какую бы мне форму принять?

— Парень — симплекс. Он только одну форму воспримет всерьез и не спишет на кошмар завтра утром.

— Ладно. Работаем. До свидания, Яхонт.

— До свидания, — ответил я и приступил к кристаллизации.

Норн стал прорываться наружу. Вот кипящее желе осело, и он вышел туда, где среди камней замер симплексный парень. «Кис-кис-кис!» — телепатировал я чертенку. Он оказался весьма покладист.

3

Джо Комета шел обратно к пещерам, наигрывал на окарине медленные напевы и думал. Самоцвет (то есть Яхонт, то есть я) лежал у него в поясной сумке. Коточертик то цапал зубами светлячков, то останавливался вытащить колючки из присосок на лапах. Потом вдруг перекатился на спину и зашипел на звезду, но тут же вскочил и помчался за Джо. Да, это был далеко не симплекс. Джо дошел до выступа Сахарной горы, заглянул за край — и увидел в дверях пещеры очень сердитого дядю Клеменса. Джо пошарил во рту языком в поисках крошек от обеда. Ясно было, что спать придется без ужина. Над головой прозвенел голосок:

— Ау, дуралей! Дядь-Клем зол-перезол!

Джо глянул вверх. Там, на выступе повыше, висела Лили, его четвероюродная кузина. Джо помахал ей, и она спустилась. Ее коротко стриженные волосы торчали щетинкой — в этом Джо всегда завидовал девчонкам.

— Это тчо? Твой чертик? Как звать?

— Не мой… Ага! А это кто разрешил?

На Лили были черные сапоги до колен и перчатки до локтей, что Харона подарила ему на его

двенадцать лет.

— Я хотела тебя дождать, сказать, что Клем взъярил. А висеть же надо, чтоб тебя засечь. Ну и вот.

— Жупа с два. Просто выпендрить захотела. Отдай. Дай, говорю. Тебе нельзя.

Лили нехотя стянула перчатки:

— Ну и жуп с тобой… Нельзя, значит? — проговорила она, выскальзывая из сапог.

— Нет.

— Ладно. — Она обернулась и вдруг завопила: — Дядь-Клем!

— Ты тчо?! — опешил Джо.

— Дядь-Клем, Комета приканал!

— Заткни! — прохрипел Джо и кинулся наутек.

— Дядь-Клем! А он опять в бега намылил…

Тут коточертик воткнул два рожка Лили в щиколотки, цапнул сапоги с перчатками и припустил вслед за Джо — очень мультиплексный поступок, особенно если учесть, что ему никто ничего не говорил. Четверть часа спустя, когда испуганный и злой Комета сидел среди освещенных звездами камней, наземь перед ним плюхнулась его собственность.

— Ух ты! — выдохнул Джо, разглядев коточертика в бордовой темноте. — Спасибо.

Обулся, натянул перчатки, встал:

— Харона! К Хароне надо.

Потому что это Харона подарила ему сапоги, Харона никогда на него не сердилась и, наверное, знала, что это такое — Звезда Империи. Он пошел было, потом остановился и задумчиво посмотрел на коточертика. Коточерти, как известно, существа независимые и, в отличие от собак, поноску людям не носят.

— Коточерт, — произнес Джо. — Котик-чертик. Котыш-чертыш. Чертыш — это имя. Слышь, Чертыш, хочешь со мной?

На удивление не симплексно. По крайней мере, я удивился.

Джо зашагал вперед, Чертыш — за ним.

4

Ближе к рассвету пошел мелкий дождь, обслюнил ему лицо, блестками налип на ресницы. Джо, как ленивец, висел под выступом скалы и смотрел вниз, на ворота Транспортной зоны. В гамаке его живота поместился Чертыш.

В краснеющем свете утра между скал медленно пробирались два грузовика с плиазилом. Через минуту Харона выйдет их впустить. Закинув голову так, что мир перевернулся, Джо видел каменистую низину, протянутый над нею двурогий Бруклинский мост и дальше — погрузочные платформы, над которыми в дымке красного рассветного дождя балансировали межзвездные корабли. Вот грузовики выехали из-под навеса кусачих лоз, закрывшего часть дороги, и Харона прошла к воротам. Впереди нее бежал ТРИпес и через решетку лаял на машины. Коточертик нервно переступил с лапки на лапку. В неприязни к собакам он напоминал настоящего кота. Харона потянула рычаг, и прутья ворот поднялись.

Грузовик загромыхал во двор, а Джо заорал со своей скалы:

— Харона! Погодь, не закрывай!

Она подняла лысую голову, нахмурила морщинистое лицо:

— Это кто таков там?

ТРИпес гавкнул.

— А ну, посторони! — Джо отцепился от камня и перекувырнулся в воздухе. Вместе с Чертышом колесом скатился по склону и, раскинув руки, возник перед ней, легко приземлившись на ноги, обтянутые волшебными сапогами.

— Хорош! — засмеялась она и сунула руки в большой карман на животе. Ее серебристый обтягивающий комбинезон лоснился от дождя. — Хорош и ловок отменно. Где гулять изволил? Уж скоро месяц, как глаз не кажешь.

— В дозоре был. В Новом Цикле. — Джо широко улыбнулся. — Вот, видишь? Подарок твой.

— Вижу и рада, что пришлись впору. Теперь войди, дитя, и дай мне закрыть ворота.

Джо поднырнул под опускающиеся прутья и вместе с Хароной зашагал по мокрой дороге.

— Харона, Звезда Империи — это тчо? И где? И как мне туда?..

Не сговариваясь, они свернули с дороги и двинулись по грубой земле низины, залегавшей под металлическим языком Бруклинского моста.

— Это великая звезда, дитя. Твои земные пра-

щуры прозвали ее Возничий. Отсюда она лежит в семидесяти двух градусах относительно центра галактики. Гиперстатическое расстояние до нее — пятьдесят пять и девять десятых. Достижимо, но старая максима гласит: близок локоть, да не укусишь.

— Почему?

Харона рассмеялась. ТРИпес забежал вперед и гавкнул на Чертыша, который выгнул спину и начал было задираться на чертячьем, но передумал и с достоинством удалился.

— Конечно, здесь можно попроситься пассажиром на транспортный корабль, и дальше в том же роде, но тебе это, увы, недоступно.

Комета нахмурился:

— Это с чего? — Он снес когтями голову какому-то сорняку. — Да я захочу — счас прямо улечу!

Харона приподняла складку голой кожи на месте бровей:

— Да ты и вправду с планеты вон собрался!.. За четыреста лет впервые слышу здесь такие речи. Вернись к дяде, Джо Комета, и примирись с обитателями Родной пещеры.

— Вот жуп! — Джо поддал ногой камушек. — Почему нельзя, раз я хочу?

— Симплекс, комплекс и мультиплекс… —

начала Харона, и я пробудился в своей сумке. Похоже, надежда еще была. Если она ему объяснит, это облегчит путь.

— Ты, Джо, живешь в симплексном обществе. Межзвездные странствия ему ни на что не надобны. Кроме водителей с плиазилом да смышленых юнцов вроде тебя, никто из ваших никогда не бывал здесь, за этими воротами. А минет год, и ты запропадешь и все это позабудешь. Разве что не так суров будешь к новым мальчишкам, что повадятся бегать к воротам и притаскивать в пещеры волшебные безделушки с дальних звезд. Кто желает странствовать меж миров, Джо, тот должен знаться с существами хотя бы комплексными, а лучше — мультиплексными. А ты и ступить как надо не сможешь на звездном корабле. Получаса не пройдет, как повернешь к дому и бросишь навсегда свою затею. Это благо, что ум у тебя симплексный: ты живешь на Джинрисе и не знаешь бед. И хоть ты бываешь здесь, тебе не страшно «разлагающее влияние», даже если бы ты ходил в транспортную зону или видел иногда вещи звездного происхождения. Вот как эти сапоги и перчатки, что я тебе подарила.

Похоже было, что Харона с этой темой закончила. Я огорчился: объяснение было никудышное, а

Джо, как я теперь видел, намеревался лететь.

Но тут он сунул руку в поясную сумку, отпихнул окарину, взял меня и на раскрытой ладони показал Хароне:

— Видала такое?

Над остриями Кометиной лапы, над лицами, нависшими сверху и темными в сумерках, по лиловому черным прочертился Бруклинский мост. Лежа на ладони, я спинной гранью чувствовал исходящее от нее тепло. Прохладная капелька упала на мои лицевые грани, и лица надо мной расплылись.

— Неужто?.. Нет, быть не может… Где ты обрел его, дитя?

Джо пожал плечами:

— Так, нашел. Тчо это?

— Семью солнцами готова поклясться, что это кристаллизованный тритовианец.

Она была, конечно, права, и я понял, что Харона — бывалая звездная странница. Нас, тритовианцев, нечасто встретишь в кристаллической форме.

— Мне его надо… мне надо с ним к Звезде.

Харона о чем-то задумалась, затаившись за морщинистой маской лица. По обертонам я слышал, что мысли ее мультиплексны. В них мелькали

видения космоса, звезд на черном фоне галактической ночи, странных ландшафтов, незнакомых даже мне. Четыреста лет, что она прослужила привратницей Транспортной зоны, притупили ее разум почти до симплексного состояния. Но вот ожили его мультиплексные грани.

— Что ж, Комета, попробую растолковать тебе азы. Ответь мне, что самое важное?

— Жуп, — выпалил он и осекся, увидев, что она хмурится. — То бишь плиазил. Это я случайно скверное слово сказал.

— Слова не задевают меня, Джо. Меня всегда забавляло, что твой народ придумал для плиазила «скверное» слово. Впрочем, мне бы следовало вспомнить «скверные» слова своего мира… У нас под запретом было слово «вода». Ее было очень мало, и в научной беседе мы осмеливались называть лишь ее химическую формулу. И то, конечно, не перед лицом учителя. А на Земле во времена наших пращуров непристойным считалось слово, означающее пищу, прошедшую через желудок и исторгнутую кишечником.

— Еда и вода — тчо тут скверного?

— А почему «жуп» — это скверна?

Джо оторопел, услыхав от Хароны такое слово, но потом вспомнил, с кем она имеет дело. Води-

тели и грузчики ругаются как дышат и ни к чему уважения не имеют — так говорит дядя Клеменс.

— Не знаю, — ответил он.

— Это органический пластик. Он паразитирует на цветах мутантного штамма некой злаковой культуры. Эти цветы распускаются только в темных пещерах, от излучения, идущего из сердца Джинриса. Здесь он никому не нужен, разве как отвердитель для пластиковых смесей. И все же единственное назначение твоей планеты во Вселенском замысле — добыча этого самого пластика для всей остальной галактики. Ибо есть планеты, где он нужен. На Джинрисе каждый или добывает его, или обрабатывает, или перевозит. Вот и все. Где же тут скверна?

— Ну… вот лопнул мешок с ним — и всё на землю. Скверна не скверна, а… грязь, беспорядок.

— Если пролить воду или уронить еду, тоже будет грязно. Но по сути они чисты.

— Просто нельзя про такое — с приличными людьми. Так дядя Клем говорит.

Джо наконец нашел прибежище в давно затверженных правилах:

— И раз жуп — самое важное, значит о нем надо… С уважением надо, вот!

— Это ты сказал, а не я. Потому что ум у тебя

симплексный. Если ты войдешь во вторые ворота и попросишься на корабль — капитаны народ славный, надо думать, не откажут, — ты попадешь в другой мир. Плиазил там идет по сорок кредитов за тонну и ценится много ниже латки, жракций, хлопсов и бойша. За них ты выручишь не меньше пятидесяти и можешь горланить о них сколько угодно, тебя сочтут лишь крикуном.

— Горланить я не буду, — заверил ее Комета. — Симплекс я или еще что, а вести себя умею, не то что некоторые… Не всегда, правда, веду… но хотя бы умею.

Харона рассмеялась. ТРИпес подбежал и потерся головой о ее бедро.

— Объясню на языке техническом, хоть ты, увы, и не поймешь, покуда не увидишь сам. Остановись и посмотри наверх.

Оба встали на каменистом склоне и подняли головы.

— Видишь дырочки? — спросила Харона.

В настиле моста тут и там, как следы от прокола, виднелись светлые точки.

— Кажется, будто они рассеяны случайно, так? — продолжала она.

Комета кивнул.

— Это — симплексный взгляд. Теперь иди и не

отрывай от них глаз.

Джо зашагал, глядя вверх. Одни точки гасли, другие загорались тут и там, и снова гасли, и снова загорались — или это опять становились видны те, первые?

— Над полотном моста поднимаются фермы. Это они заслоняют кое-где свет и не дают тебе увидеть узор целиком. Но ты уже смотришь комплексно: ты знаешь, что точек больше, чем можно увидеть, стоя на месте. Теперь — беги и смотри.

Джо побежал по острым камням. Огоньки замигали быстрее и вдруг сложились в шестиконечные звезды, пересеченные диагоналями в семь дырочек каждая. Только теперь, когда свет мерцал так часто, можно было увидеть узор целиком…

Тут он споткнулся и упал, проехавшись на четвереньках.

— Видел узор?

— Уфф… Да.

Джо помотал головой. Ладони в перчатках горели, одно колено было содрано в кровь.

— Это был мультиплексный вид.

ТРИпес нагнулся и стал лизать ему лицо.

Чертыш неодобрительно наблюдал за этим из

развилки трезубого куста.

— Но ты познал сейчас и одну из бед, стерегущих симплекса на пути к мультиплексному разуму. На этом пути ты можешь упасть, дитя, как упал только что. Не знаю, переживешь ли ты такую науку. Но ты молод. Бывало, ее постигали люди и старше тебя. Я желаю тебе удачи. На первых перегонах ты еще сможешь повернуть назад. Повидав одну только Крысонорь, ты уже изведаешь больше, чем большинство живущих на Джинрисе. Но чем дальше ты зайдешь, тем труднее будет вернуться.

Джо отпихнул ТРИпса и встал. Следующий его вопрос происходил как от страха перед предстоящим делом, так и от боли в сбитых ладонях.

— Бруклинский мост, — проговорил он, все еще глядя вверх. — Почему его так зовут?

Это было сказано словно в пустоту, и будь Джо под силу выразить настоящую суть вопроса, то вопрос прозвучал бы так: «Зачем тут эта штука? Зачем она мутит мне голову?»

Но Харона ответила:

— На Земле есть похожее сооружение, хотя и поменьше. Оно соединяет два острова. Такие сооружения называются мостами. Тот мост ведет в место под названием Бруклин, потому имя ему

— Бруклинский. Первые колонисты привезли имя с собой и дали его здешнему мосту.

— Выходит, есть причина?

Харона кивнула.

Вдруг у Джо в голове резко дернулась с места мысль, завернула за угол и заколотилась, загремела в висках:

— А я Землю увижу?

— До Земли оттуда крюк невеликий.

— И Бруклинский мост?

У Джо даже пальцы на ногах зашевелились.

— Четыреста лет назад я его видела, он все еще стоял.

Джо вскочил и замолотил кулаками в небо — великолепный, комплексный жест, давший мне еще больше надежды. Потом он рванулся вперед, подскочил к опоре моста и взбежал по ней метров на тридцать — из чистого восторга.

На середине опоры он остановился и глянул вниз:

— Харона, слышь! Я на Землю полечу! Я, Джо Комета, полечу на Землю и увижу Бруклинский мост!

Там, внизу, привратница улыбнулась и погладила ТРИпса по голове.

5

Когда дождь кончился, они перебрались через парапет и по черному от воды термакадаму двинулись ко вторым воротам.

— Уверен? — снова спросила Харона.

Джо кивнул, но несколько нервно.

— А что сказать дяде, когда он придет искать тебя? Ибо он, разумеется, придет.

При мысли о дяде Клеменсе Джо напрягся еще больше:

— Скажи: был да сплыл.

Харона кивнула и потянула рычаг. Прутья ворот поднялись.

— А его возьмешь? — Она указала на Чертыша.

— Возьму, а тчо?

С этими словами Джо решительно зашагал вперед. Чертыш поглядел направо, потом налево и побежал за ним. Харона, конечно, сама отвела бы их к кораблям, но тут замигал сигнальный огонек: ее вызывали на пост. Лишь взглядом проводила она Джо, за которым уже снова закрывались ворота. Потом пошла по мосту обратно.

Раньше Джо лишь сквозь прутья смотрел на

бокастые корабли, на погрузочные ангары, на автокраны и глайдеры-волокуши, снующие по дорожкам Транспортной зоны. Миновав вторые ворота, он огляделся, ожидая встретить совсем другой мир — тот, о котором предупреждала Харона. Но понятие о «другом» у него было симплексное, и десять шагов спустя Джо Комета ощутил разочарование. Еще десять шагов, и на смену разочарованию пришло обычное любопытство. Навстречу по дорожке скользил похожий на блюдце аэроглайдер, и кто-то высокий направлял его скупыми и точными движениями. Внезапно оказалось, что машина надвигается прямиком на Джо. От неожиданности и страха внутри случился маленький взрыв. Но тут машина остановилась.

На диске стояла женщина, но он не сразу это понял: волосы у нее были длинные, как у мужчины, собранные в какую-то невиданную, сложную прическу. На ней было блестящее красное платье, сшитое из материй разного рельефа. Платье то облегало ее, то струилось вслед за влажным утренним ветерком. Джо вдруг сообразил, что и волосы, и губы, и ногти у нее тоже красные. Это было странно.

Женщина глянула на него сверху:

— А ты красивый юноша.

— Тчо? — ответствовал Комета.

— Я говорю, ты красивый.

— Ни жупа себе… Ой, то есть… я…

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Только вот с волосами непорядок.

Джо нахмурился:

— Это еще чо значит?

— Значит то, что я имею в виду. Где ты научился интерлингу? Или это я улавливаю условный телепатический эквивалент твоей речевой деятельности?

— Чо?

— Не важно. Ты все равно красивый юноша. Я дам тебе гребень и несколько уроков риторики. Приходи ко мне на корабль. Ты полетишь на моем корабле: другие отправляются не скоро. Как придешь — спроси Сан Северину.

Она развернула диск и заскользила прочь.

— Эй, ты куда? — закричал Джо.

— На вот, причешись, и на уроке мы все обговорим.

Она отсоединила что-то от платья и бросила ему.

Джо поймал, разжал руку и посмотрел. Это был красный гребень.

Он перекинул гриву со спины на плечо: после

ночного побега все перепуталось и скаталось в колтуны. Джо пару раз ударил гребнем по волосам, надеясь, что он какой-то особый и сам все распутает. Не тут-то было. Минут десять ушло у него на вычесывание колтунов, и чтобы подольше не повторять таких мучений, он ловко заплел косу набок. Потом сунул гребень в поясную сумку и достал окарину.

Проходя мимо штабеля коробок, Джо увидел на вершине парня немногим старше его самого. Парень сидел, обняв колени, и глядел на Джо. У него не было ни обуви, ни рубашки, а в шлевки обтрепанных штанов вместо ремня была продета веревочка. Волосы средней, какой-то бесполой длины и сваляны куда похуже, чем было у Джо. Парень был грязен, как прах, и при этом улыбался во все лицо.

— Эй, — окликнул Джо, — где тут на корабль подсесть?

— Т'чапубна, — ответил парень, указывая на ту сторону зоны. — В'т жуп и'Ллл.

Джо слегка оторопел: единственное слово, что он понял, было ругательное.

— Мне на корабль надо, — повторил Джо.

— Т'чапубна. — Парень снова ткнул пальцем вдаль, а затем поднес руки ко рту, словно тоже

играл на окарине.

— Хошь попробовать? — предложил Джо и тут же раскаялся: уж очень парень был грязен.

Но тот с улыбкой покачал головой:

— Бегунок. Музыку не умею.

Ну, это было хоть кое-как понятно.

— Ты откуда? — спросил Джо.

— Бегунок я. — На сей раз он навел палец туда, где над горизонтом повисла розовая Луна-на. — Туда-сюда, туда-сюда, больше никуда.

Он снова улыбнулся. Джо хмыкнул и улыбнулся в ответ, не зная, что еще сделать. Было неясно, узнал он сейчас что-то вообще или нет. Он заиграл на окарине и пошел дальше.

На этот раз двинулся напрямик к кораблю. Выбрал тот, где шла погрузка.

Робогрузчиками руководил какой-то мясистый здоровяк. В руках у него был список, в котором он ставил галочки. Не просохшую от дождя засаленную рубашку он завязал узлом на волосатом пузе, и теперь оно выпирало и сверху, и снизу.

Еще один парень, на вид почти ровесник Джо, стоял, прислонившись к анкерному тросу, протянутому от корабля. Он тоже был грязный, без рубашки и босой. Одна штанина обрывалась у него на уровне колена, а штаны удерживались

на бедрах благодаря проволоке. Лицо, успевшее загрубеть от непогоды, отказывалось даже улыбнуться, как у того, первого. Парень медленно высунулся из-за спины здоровяка и так же медленно стал поворачиваться, следя за Джо. Тот подошел было к здоровяку, но тут оказалось, что робот не так сложил штабель, здоровяк стал исправлять, и Джо решил на шаг отступить. Он снова посмотрел на парня, чуть улыбнулся и кивнул ему. Не очень-то хотелось ему вдаваться в беседы, но парень скупо кивнул в ответ, а здоровяк, судя по всему, застрял с роботом надолго.

— Ты бегунок? — начал Джо.

Кивок.

— Туда-сюда летаешь? — Джо указал на диск Луна-ны.

Опять кивок.

— А могу я к вам на корабль подсесть до… до чего-нить?

— Можешь, если готов поработать.

Джо не ожидал такого чистого выговора.

— Готов. Поработаю, чо там…

Парень ухватился за трос и снова выпрямился:

— Элмер!

Здоровяк оглянулся, перещелкнул рычажок наручной панели управления, и все роботы за-

мерли. «Ну, это просто», — подумал Джо.

— Зачем звал? — Здоровяк повернулся к ним, утирая пот со лба.

— Вот тебе второй бегунок. Сам пришел, работы ищет.

— Славно! Ты за ним и приглядишь. Малец смазливый и в кости тонок, но на добрых харчах с работой справится — помяни мое слово! — Элмер осклабился и опять повернулся к своим роботам.

— Вот ты и зачислен на борт, — сказал парень. — Меня зовут Рон.

— А я Джо. Джо Комета меня кличут.

Рон с громким смехом пожал ему руку:

— Вот ведь загадка! Полгода уж я гоняю по статическим течениям, и все бывалые странники зовутся попросту Боб, Хэнк или Элмер. А едва ступишь на какую-нибудь темную планетку или попадешь к симплексам, только и знающим, что свой единственный товар, — и каждый тут Тим Звездолуч, Билл Протуберанец или Джо Комета. — Он хлопнул Джо по плечу. — Не сочти за обиду, но поверь: с прозвищем ты у нас расстанешься скоро.

Джо не обиделся в основном потому, что не до конца понял. Но все же улыбнулся:

— Ты откуда?

— Отпросился на год из Центаврианского университета. Нашла причуда поболтаться меж звезд. Понадобятся деньги — нанимаюсь куда-нибудь. Теперь месяца два уж в этой части спирали бегаю. Примечаешь, как говорю? Как заправский звездный странник. От Элмера нахватался.

— А тот парень… ну, который там? Тоже из этого?.. Университета?

— Хэнк? Темный зероплекс, что сидел на коробках? — Рон рассмеялся.

— Зероплекс? — Джо связал это слово со слышанными раньше. — Это как симплекс и другие еще?

Рон, видимо, понял, что Джо спрашивает всерьез:

— Зероплексов не бывает. Хотя на иного взглянешь и усомнишься. Для Хэнка, например, есть только два порта: Джинрис и Луна-на. Его родители нищие, как церковные не-скажу-кто. Он, думаю, ни читать, ни имя свое толком нацарапать не умеет. Ты заметишь со временем, что бегунки по большей части из бедных. От планеты до планеты и обратно — как бегунок на молнии. Больше они ничего не видят и не ведают. Я вот, как видишь, тоже на побегушках. Но я-то хочу до конца Полуцикла стать помощником капитана.

Вернусь в университет с набитым кошелем, а пока начинаю с мелочей. А ты далеко лететь намерился?

— До Звезды Империи. Ты это… ведаешь, где она?

— Ты, я вижу, уже пытаешься говорить, как странник. Не бойся, сам не заметишь, как будешь болтать по-здешнему… Звезда Империи? Это градусов семьдесят — семьдесят пять относительно центра Галактики.

— Семьдесят два, — поправил Джо. — Расстояние пятьдесят пять и девять.

— Зачем тогда спрашиваешь?

— Затем. Не понимаю я, чо это все значит.

Рон снова рассмеялся:

— Ясно. Ты еще не бывал в космосе?

Джо помотал головой.

— Все ясно, — повторил Рон и рассмеялся еще громче. — Что ж, обещаю: скоро ты начнешь кое-что понимать!

Тут он увидел Чертыша:

— Твой?

Джо закивал:

— Можно с собой? Да?

— Элмер капитан, его и спрашивай.

Джо посмотрел на капитана, яростно гонявше-

го роботов вокруг неустойчивого штабеля.

— Спрошу.

Он направился к Элмеру:

— Элм…

Рон вцепился ему в плечо. Джо подскочил:

— Жуп! Ты чо?..

— Вот зероплекс! Подожди, пока он закончит.

— Но ты же…

— Я одно, а ты — другое, — пояснил Рон. — К тому же тогда он не пытался уравновесить погрузчик. Если его зовут по имени, он должен остановиться. Его могло сейчас раздавить этим грузом.

— Ясно. А как его звать тогда?

— Капитаном. Во-первых, он и есть капитан, а во-вторых, тогда он не должен непременно останавливаться. Элмером зови его только в крайних случаях. — Тут Рон покосился на Джо и добавил: — Хотя знаешь-ка, про случай пускай лучше другие решают. А ты зови капитаном, пока он сам не велит иначе.

— А когда ты его позвал — крайний случай был?

— Ему нужен был еще один бегунок. И потом, он ничего опасного не делал… Вообще, друг мой, тебе еще учиться и учиться.

Джо приуныл.

— Выше нос, — сказал Рон. — Ты хорошо играешь на своей итальянской окарине. У меня в каюте гитара, я вынесу ее, поиграем вместе?

Он уцепился за трос, взобрался по нему на одних руках и исчез в люке. Джо смотрел вслед круглыми глазами: у Рона даже не было перчаток.

И тут послышался голос капитана Элмера:

— Эй, парень! Котенка можешь взять, а сапоги с перчатками оставь тут.

— Чего? Почему?

— Потому что я приказал. Рон!

Рон выглянул из люка с гитарой в руках:

— Что?

— Растолкуешь ему про культурно опасные предметы.

— Так точно.

Рон соскользнул вниз, помогая себе ногами и одной рукой:

— Снимай-ка.

Джо неохотно начал стягивать сапоги и перчатки.

— Нам предстоит иметь дело с комплексными культурами, — объяснял Рон. — У них технология гораздо слабее, чем у тех, кто сделал эти сапоги. Если в комплексном обществе станет известно

о чем-то подобном, может нарушиться его развитие.

— Мы тоже не можем такие делать, — сказал Джо, — а Харона мне их все равно дала.

— Это потому, что вы симплексы. Ваше развитие ничем не нарушишь, разве что переселить вас всех в другую среду. Да и тогда вы, надо думать, останетесь прежними. А комплексная культура — вещь хрупкая. Мы сейчас летим на Генезис, там сгрузим большую партию жупа, а потом повезем Ллл дальше на Крысонорь. Там ты, если хочешь, можешь подсесть на корабль до Земли. Ты ведь хочешь увидеть Землю? Ее все хотят увидеть.

Джо кивнул.

— А уж с Земли можно улететь куда угодно. Если повезет, то в один перелет доберешься до Звезды. Тебе, собственно, что там нужно?

— Весть передать.

— Весть? — Рон принялся настраивать гитару.

Джо залез в сумку на поясе и вынул меня. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он не показывал меня всем подряд. Были те, кто не обрадовался бы моему появлению даже и в кристаллической форме.

— Вот. Вот это надо туда.

Рон внимательно на меня посмотрел:

— Понимаю. Пожалуй, это удачно, что ты полетишь с партией Ллл.

Я улыбнулся про себя. Рон был мультиплексно образованный юноша. Страшно подумать, что было бы, если бы Джо показал меня Хэнку. Тот попытался бы на что-нибудь меня выменять, и это была бы катастрофа.

— А что такое Ллл? Это тоже важней жупа?

— Разумеется! Ты еще не видел Ллл?

Джо покачал головой.

— Так пойдем. Потом сыграем. Брось сапоги с перчатками и полезай в люк.

Джо оставил все лежать на земле и стал карабкаться по тросу. Это оказалось проще, чем он думал, но к концу он все равно взмок. Чертыш же просто поднялся по обшивке на своих лапках-присосочках и теперь ждал его, высунув мордочку из люка.

Рон повел Джо по коридору, потом через люк и вниз по короткой лестнице. Они остановились перед другим люком.

— Ллл — там.

Рон, так и державший за гриф гитару, свободной рукой открыл люк. Джо почувствовал, как что-то вцепилось ему в живот и крутануло. Глаза залились слезами, рот приоткрылся, дыхание

замедлилось — почти замерло.

— Сильно, да? — негромко сказал Рон. — Войдем.

Джо было страшно, и с каждым шагом в полутемноте сердце куда-то проваливалось. Все было застлано слезами. Он сморгнул, но они набежали снова.

— Вот они, Ллл, — проговорил Рон.

Джо обернулся: обветренное лицо Рона тоже было мокро от слез. Потом взглянул перед собой.

Они были прикованы к полу за руки и за ноги. Семеро, сосчитал Джо. Большие зеленые глаза мигают в синем свете трюмного фонаря. Спины горбатые, головы покрыты мохнатой шерстью, в мышцах — неимоверная сила.

— Что это… — У Джо что-то сжалось в горле, звук хрипнул и оборвался. — Что это со мной? — прошептал он, потому что теперь мог только шептать.

— Тоска, — ответил Рон.

Чувство было названо, и теперь Джо узнал его: огромная, непобедимая тоска обездвижила ему тело, высосала радость из глаз.

— Это из-за них — тоска? Почему?

— Они рабы, — сказал Рон. — И зодчие. Прекрасные, волшебные зодчие. Здесь каждый стоит

целого состояния. Они выстроили половину Империи, даже больше. Империя их таким образом оберегает.

— Оберегает?

— Каждый, кто к ним приблизится, чувствует эту тоску.

— Кто же их тогда покупает?

— Покупателей немного, но достаточно, чтобы цена держалась огромная.

— Почему их не отпустят? — Вопрос превратился в крик.

— Экономика.

— Кто может думать про экономику, когда внутри такое?

— Мало кто, — сказал Рон. — Для Ллл это тоже защита.

Джо кулаками вытер глаза:

— Пошли отсюда.

— Останься, — сказал Рон. — Мы им сыграем.

Он сел на ящик, пристроил на коленях гитару и, взяв модальный аккорд, дернул струны:

— Начинай, а я подстроюсь.

Джо начал было, но дыхания хватило лишь на половину дрожащей ноты. Нота умерла.

— Я… я не хочу!

— Это твоя работа, бегунок, — просто сказал

Рон. — Пока груз на борту, ты за него в ответе. Ллл любят музыку, она их развеселит.

— А… а меня?

— А тебя нет.

Джо поднес окарину к губам, набрал воздуха в легкие и выдохнул. Длинные ноты протянулись во все концы трюма, а Джо закрыл глаза, и слезы растопили мрак у него под веками. Он выманивал из окарины мелодию, а Рон обвивал ее своим облигато. Каждая нота пахла чем-то терпким, каждая отдельно являла себя перед Джо, а он, с сомкнутыми истекающими глазами, играл. Новый Цикл, когда не уродился плиазил. Похороны Билли Джеймса. Минута, когда он хотел поцеловать Лилли за генератором у ограды, а Лилли только рассмеялась. День, когда убитых кепардов положили на весы и его добыча потянула на пять кило меньше, чем у Иль Одик, а она на три года его младше, и все только и делают, что ее нахваливают. Джо играл, доверяя окарине все беды и горести своего симплексного бытия.

Через полчаса они вышли из трюма. Рон запер люк. Тоска отхлынула, как волна, а Джо остался стоять, обессиленный и дрожащий.

— Ну что, трудная работенка? — улыбнулся Рон. Слезы прочертили дорожки в грязи, покры-

вавшей его лицо.

Джо молчал, стараясь не разреветься всерьез: хотелось все бросить и вернуться домой — так хотелось, что горло перехватило. «Ты всегда можешь вернуться», — сказала Харона. И он уже было двинулся восвояси, когда из динамика донеслось:

— Красивый юноша, пройдите на занятие по интерлингу.

— Это Сан Северина, — пояснил Рон. — Наша единственная пассажирка. Ллл принадлежат ей.

У Джо внутри смешалось все сразу: гнев, страх, любопытство. Любопытство победило.

— Иди сейчас прямо по коридору, за первым поворотом — ее каюта.

Джо пошел. Как ей хватало духа владеть этими невероятными существами?

6

— Ну вот, так намного лучше, — сказала Сан Северина, когда он открыл дверь. — Ты не понимаешь, как мне хватает духа владеть этими невероятными существами.

Она сидела в полусфере роскошного подвесного кресла, от шеи до щиколоток облаченная в синюю ткань. Губы, ногти и волосы тоже были синие.

— Да, это непросто, — продолжала она.

Джо вошел. Одну из стен каюты занимали переполненные книжные полки.

— Ты, по крайней мере, подвержен тоске только в их присутствии. Я, как их владелица, ощущаю ее все время. Таково условие купчей.

— И сейчас тоже?

— Да, и сильней, чем ты. Мой диапазон чувствительности много шире твоего.

— Но… зачем?

— Это необходимо. Я должна отстроить заново восемь миров, пятьдесят две цивилизации и тридцать две тысячи триста пятьдесят семь самобытных и полноценных этических систем. Без Ллл это невозможно. Три мира выжжены дотла, там нет ни капли воды. Один наполовину покрыт

застывшей лавой, нужно полностью заменить ему почву. Еще один потерял большую часть атмосферы. Остальные три хотя бы пригодны для жизни.

— Почему так? — недоверчиво спросил Джо.

— Война. Война сегодня гораздо страшней, чем тысячу лет назад. Из шестидесяти восьми миллиардов пятисот тысяч двухсот пяти человек выжили всего двадцать семь. Нам оставалось лишь сложить последние крупицы наших состояний и купить партию Ллл. Теперь я везу их обратно, с остановкой на Земле.

— Ллл, — повторил Джо. — Кто они?

— Разве ты не спросил своего недавнего спутника?

— Да, но…

Сан Северина улыбнулась, и он замолчал.

— Что я слышу! Начатки комплексного мышления. Ты получил один ответ и уже ищешь второго. Очень хорошо. Я дам тебе второй ответ. Они — позор и трагедия мультиплексной вселенной. Пока они в рабстве, никто из нас не свободен. Пока их продают и покупают, любой из нас может быть продан, как вещь, — была бы цена хороша… А теперь урок интерлинга. Подай мне, пожалуйста, вон ту книгу.

Послушно, хоть и оторопело Джо принес ей книгу со стола.

— А зачем мне эту лингу учить?

— Чтобы тебя понимали. Тебя ждет долгий путь, в конце которого ты должен будешь передать весть, и передать ее точно и внятно. Если тебя недопоймут, случится трагедия.

— Да я сам не знаю, что это за весть!

— Будешь знать — когда придет пора передать ее. А пока учись.

Джо с опаской посмотрел на книгу:

— А нет у вас такой штуки, чтоб я сразу все усек? Во сне или под гип… под гипнозом? — Он вспомнил свое разочарование с гребнем.

— Сейчас нет, — грустно сказала Сан Северина. — Я думала, тот юноша объяснил тебе. По пути мы столкнемся с довольно примитивными комплексными обществами. Мы не можем везти с собой культурно опасные предметы. Придется тебе учиться по старинке.

— Жуп! Я и так уже домой хочу.

— Прекрасно, но тебе придется подсесть на корабль на Крысонори. Мы уже в двухстах сорока шести тысячах километров от Джинриса.

— Что?

Она встала и подняла жалюзи, закрывавшие

одну стену. За стеклом был мрак, звезды и красный обод Тау Кита.

Джо замер с открытым ртом.

— А по дороге мы тебя пообтешем.

Красный обод становился все меньше.

7

Работа на корабле оказалась уж точно не тяжелей, чем на подземных плиазиловых полях. Ко всему, кроме Ллл, он вскоре привык и работал почти в удовольствие. Острый ум и обаяние Сан Северины делали уроки высшей точкой и без того неплохого дня. Однажды она весьма удивила и Джо, и меня. Он как-то особенно упрямился, снова спрашивал, зачем ему сдался этот интерлинг, и Северина ответила: «Подумай, какой неуклюжей покажется твоя речь читателям».

— Кому? Я, похоже, ослышался…

Джо уже научился, хоть и с трудом, договаривать возвратные глаголы.

— Ты взял на себя важное и большое дело, и я уверена, что со временем кто-то запечатлеет его на бумаге. Если ты не выправишь речь, то лишишься читателей еще раньше тридцатой страницы. Советую тебе не лениться, потому что впереди у тебя много приключений, и жаль будет, если твою книгу бросят на полпути из-за твоей чудовищной грамматики и выговора.

Ее Мультиплексность Сан Северина, конечно, засекла мою скромную персону. На четвертый

день пути Элмер сидел и посвистывал, глядя в иллюминатор на созвездие Кита, а Джо внимательно за ним наблюдал. Окончательно убедившись, что капитан не занят ничем таким, что нельзя прервать без угрозы для жизни, Джо спрятал руки за спину и рискнул:

— Элмер?

Тот обернулся:

— Что тебе?

— Элмер, почему тут все больше знают про мое дело, чем я сам?

— Они дольше на корабле проработали.

— Не про работу. Про то, куда я лечу, про весть, про остальное.

— А, ты вот о чем… — Элмер пожал плечами. — Есть симплексные люди, есть комплексные, а есть мультиплексы.

Джо привык, что те же три слова суют ему вместо ответа почти всегда, когда он чего-то не понимает. Но на сей раз он не успокоился:

— Мне нужен другой ответ.

Элмер подался вперед, крепко потер нос и нахмурился:

— Ты сказал, что должен лететь к Звезде и передать весть об Ллл. Поэтому мы…

— Погоди, откуда ты знаешь, что весть — про

Ллл?

Элмер удивился:

— А разве нет?

— Я сам не знаю.

— Гм. А я вот уверен. Что там именно — это ты позже поймешь, но дело в Ллл, можешь не сомневаться. Поэтому Рон их тебе сразу показал. Поэтому и Сан Северина так с тобой носится.

— Но как вы можете знать, если я не знаю?

— Ты летишь к Звезде Империи, — терпеливо начал Элмер. — Ллл оберегает Империя.

Джо кивнул.

— Империя в большой тревоге за них, и неспроста. Мы все тоже. Ты везешь с собой кристаллизованного тритовианца, а они — главные борцы за освобождение Ллл. Скоро тысяча лет этой борьбе. Поэтому, скорей всего, весть твоя об Ллл.

— А… понятно. Но ведь Сан Северина знает такое, чего ни видеть, ни отгадать не могла…

Элмер поманил Джо поближе:

— А ты подумай: шутка ли — выжить в войне, оставившей двадцать семь человек от шестидесяти восьми миллиардов! Для этого надо кое в чем смыслить. Глупо удивляться, что Сан Северина малость поумней нас с тобой. Не только глупо, но и симплексно до невероятия. Теперь ступай

работать.

Джо Комета молча признал симплексность своего вопроса и пошел ворочать бойш и панкреатировать жраксы. От игры на окарине можно было пока отдохнуть: в следующий раз он идет к Ллл только после обеда.

Два дня спустя приземлились на Крысонори. Сан Северина отвела Джо на уличный базар и купила ему контурный плащ из черного бархата, расшитого серебром. Узор вышивки менялся под давлением света, в котором его рассматривали. Потом пошли в салон пригожества. За время перелета Джо покрылся грязью не хуже других бегунков.

— Вот, прихорошите-ка. — Она шутя взяла Джо за ухо и передала хозяину в белом халате.

— Что имеете в планах?

— Сперва Земля, потом дальние странствия.

Когда цирюльники закончили с Джо, его косы не было и в помине, когти были аккуратно подстрижены, а сам он сиял чистотой с головы до пят.

— Ну что, нравишься себе? — Северина накинула ему на плечи плащ.

— На девчонку похож, — хмуро отвечал Джо, проводя рукой по коротким светлым волосам.

Осмотрел короткие когти. — Надеюсь, у вас тут кепарды не водятся. — Потом снова повернулся к зеркалу. — А вот плащ отличный.

Когда они вышли на улицу, Чертыш взглянул на хозяина, моргнул, не веря глазам, и от расстройства дохихикался до икоты. Пришлось Джо взять его на руки и всю дорогу до Транспортной зоны чесать ему пузо для успокоения нервов.

— Жаль только, что я обратно изгваздаюсь, — вздохнул Джо. — Что поделаешь, работа грязная.

Сан Северина рассмеялась:

— Мой милый симплексный мальчик! Остаток пути до Земли ты проделаешь в роли моего пажа.

— А Рон с Элмером?

— Они уже улетели. Ллл перевезли на другой корабль.

Это было неожиданно и грустно. Потом проснулось любопытство.

— Сан Северина?

— Да?

— Почему ты так со мной возишься?

Северина поцеловала его в щеку и танцевальным па уклонилась от рожек Чертыша, который был слишком разнежен щекоткой, чтобы бодаться всерьез.

— Потому что ты очень красивый мальчик. И у тебя очень важная роль.

— А… гм.

— Понимаешь?

— Нет.

Они пошли дальше — туда, где их ждал корабль.

Неделю спустя Джо и Северина стояли на каменистом возвышении и смотрели, как сравнительно небольшой солнечный диск закатывается позади Бруклинского моста. Струйка воды червячком пробиралась по иссохшей черной канаве — в путеводителях это до сих пор называлось рекой Ист-Ривер. За спиной у них шептались джунгли, а на той стороне «реки» конец моста на паутинных тросах погружался в белые пески Бруклина.

— Поменьше, чем у нас дома, но все равно красивый, — сказал Джо.

— Разочарован?

— Мостом? Нет!

— Грустно, что я тебя здесь оставлю?

— Ну… Я сказал бы «да», чтобы тебе было приятней, но не хочу врать.

— Правда всегда мультиплексна, — сказала Сан Северина, — а тебе нужно привыкать к мульти-

плексности. Что тебя тревожит?

— Помнишь, я как-то сказал, что до сих пор все ко мне по-доброму относились? А ты ответила, что на Земле от людей доброты ждать не приходится? Вот от этого мне страшно.

— Я тогда сказала еще, что будет нечто подобрее людей.

— Но «люди» — значит «любые разумные формы жизни независимо от вида и класса». Ты сама меня так учила. Что же еще может быть, кроме людей?.. — Джо вдруг вцепился ей в руку. — И ты меня здесь бросишь одного! И я, может, никогда тебя больше не увижу!

— Это так, но на произвол судьбы я тебя все же не оставлю. Вот тебе мой совет: найди Ком.

— И… и где мне его искать? — Джо опять впал в замешательство.

— Для Земли он слишком велик. В последний раз я его видела на Луне: сидел и дожидался нового приключения. Может, ты и есть это приключение? Со мной он всегда был добр, думаю, и тебя не обидит.

— Он что, не «люди»?

— Нет. Ну вот, совет я тебе дала, пора прощаться. У меня много дел, а ты хоть отчасти представляешь, что за муку я терплю, пока они

не закончены.

— Сан Северина!

Она остановилась и ждала.

— Помнишь Крысонорь? Мы купили плащ, и ты еще смеялась и говорила, что я милый симплексный мальчик… Тебе было весело, когда ты смеялась?

Северина с улыбкой покачала головой:

— Ллл всегда со мной. А теперь я пойду.

Глядя на него, она отступала назад, пока листья не зашелестели по ее серебряному платью, губам, волосам. Тогда она пошла прочь, неся на плечах невыразимую печаль того, кто владеет Ллл. Джо проводил ее взглядом, а потом повернулся и стал смотреть, как тает на песке последнее солнечное пятнышко.

8

Когда он добрался до Транспортного терминала, стояла ночь. Земля популярна у туристов, и под мерцающим потолком терминала всегда толкутся люди. Джо даже и не начинал пока думать о том, как доберется до Луны. Он просто шел, с бесцельным любопытством глядя по сторонам, когда его остановил полный, изящно одетый джентльмен:

— А вы, юноша, я вижу, давно тут? Корабля ждете?

— Нет.

— Я видел вас днем с такой красивой молодой дамой, и вот вечером опять вы... Меня зовут Оскар.

Он протянул руку.

— Джо Комета, — сказал Джо, отвечая рукопожатием.

— Куда же вы направляетесь, Джо?

— На Луну хочу попасть. Я с Джинриса добираюсь на перекладных.

— Надо же, как далеко! И на каком корабле летите?

— Не знаю. В терминале ведь на корабль не под-

сядешь? Надо искать стоянку частных кораблей?

— Да, в терминале только по билетам. Хотя, если Альфред так и не явится, вы могли бы, наверное, взять его билет. Он пропустил уже два корабля, и я, разумеется, тоже. Не знаю, зачем я его дожидаюсь. С другой стороны, был уговор, мы хотели лететь вместе…

— На Луну?

— Да.

— Тогда надеюсь, что он не придет! — радостно выпалил Джо и тут же смутился: — Симплексно вышло, да?

— Правда всегда мультиплексна, — значительно произнес Оскар.

— Да, и она так же говорила!

— Та красивая дама?

Джо кивнул.

— А кто она, собственно?

— Сан Северина.

— Знакомое имя. Что же ей понадобилось в этом рукаве галактики?

— Она недавно купила несколько Ллл. Ей нужно кое-что сделать.

— Несколько Ллл? Неплохо, клянусь богом!.. И она не дала тебе денег на билет? Уж ей-то можно было не скупиться. Билет до Луны — всего сто

пять кредитов.

— Она очень щедрая, — возразил Джо. — И не думайте о ней плохо, потому что она их купила. Каждый, кто владеет Ллл, мучится тоской.

— Будь у меня столько денег, уж я бы тосковать не стал. «Несколько Ллл»! Сколько же она купила?

— Семь.

Оскар схватился за голову и присвистнул:

— Их цена растет в геометрической прогрессии! Два Ллл стоят в четыре раза дороже, чем один. И она не оставила тебе на проезд?

Джо покачал головой.

— Неслыханно! Невероятно! Ты представляешь себе, сколько у нее денег?

И снова Джо покачал головой.

— Ты, я вижу, не гений?

— Я не спрашивал, сколько они стоят. А она не говорила. Я ведь был просто бегунком у нее на корабле.

— Бегунком? Интересная работа. Я в юности сам мечтал о чем-то подобном, но мне все не хватало духу. — Толстяк с озабоченным видом оглядел терминал. — Вот что. Альфред, видимо, уже не придет. Полетишь по его билету. Пойди вон к той стойке и попроси, чтобы дали билет.

— Но ведь нужны его документы…

— Не нужны. Он их и с собой никогда не носит. То бумажник потеряет, то еще что. Когда я для него что-то заказываю, то сразу предупреждаю, что он будет без документов. Просто скажи, что ты Альфред Дуглас. И поторопись.

— Ладно…

Лавируя между пассажирами, Джо добрался до стойки:

— Извините. У вас тут должен быть билет для Альфреда Дугласа.

Служащий за стойкой перелистал бумаги.

— Да, вы у меня записаны. — Он улыбнулся. — Неплохо вы на Земле отдохнули!

— Что?

— Билет вас три дня дожидается.

— Ну, я немного перестарался с отдыхом. Не хотел в таком виде родителям показываться.

Мужчина понимающе закивал и подмигнул ему:

— Получите ваш билет.

Джо поблагодарил и пошел обратно к Оскару.

— Поторопись. Уже объявили посадку, — сказал Оскар. — Альфред пускай разбирается сам.

Уже на корабле Джо спросил:

— Вы не знаете, Ком еще на Луне?

— Должен быть. Он, сколько я знаю, никуда не летает.

— А трудно его найти?

— Не сказал бы. Посмотри, какой красивый вид.

Лунный терминал остался за спиной, а Оскар все рассказывал очередную пикантную историю. К таким историям Джо у себя на Джинрисе как-то не привык. Полумесяц солнечного света озарял пластиковый купол, выгибавшийся в километре над их головами. Справа круглились лунные горы, позади зеленоватой покерной фишкой висела Земля.

Вдруг раздался крик:

— Вон они!

Какая-то дама взвизгнула и попятилась.

— Взять их!

— Это безобра… — возмущенно забрызгал слюной Оскар.

Джо обернулся, вскинул по привычке левую руку, но когтей больше не было. А людей было четверо: спереди, сзади и по бокам. Джо увернулся от одного и врезался в Оскара. А Оскар распался на куски, и куски Оскара заскакали по полу. Четверо взорвались — осколки закрутились в воздухе, загудели, зажужжали вокруг

Джо, постепенно сгущаясь, заслоняя изумленные лица других пассажиров. Потом вдруг слились воедино, и Джо Комета очутился в дрожащей темноте. У него подкосились ноги, он упал, и тут зажегся свет.

— Бози! — истошно заорал кто-то. — Бози!

Оказалось, что Джо упал в круглое подвесное кресло в очень тесной комнатке, которая, похоже, куда-то двигалась.

Голос Оскара провозгласил:

— Первое апреля!

— Жуп! — Джо вскочил. — Что за ж… Что это такое?!

— Первое апреля! — повторил голос. — Мой день рождения. А ты неважно выглядишь. Неужели мой розыгрыш так тебя расстроил?

— Я чуть со страху не помер. Что это и кто ты такой?

— Я Ком, — сказал Ком. — Я думал, ты знаешь.

— Что?

— Ну, про поэта Оскара и его друга Альфреда по прозвищу Бози. Я думал, ты подыгрываешь.

— Чему? И где это я?

— На Луне, разумеется. Я подумал, что будет забавно доставить тебя на Луну таким образом. Сан Северина ведь денег тебе не оставила. Навер-

но, решила, что я заплачу. Ну а коли я плачу, я и взрывы заказываю. Так ты не понял?

— Что?

— Аллюзию. Я люблю играть с аллюзиями.

— Смотри не заиграйся. Что ты вообще такое?

— Коммуникативный обучаемый мультиплекс. Для краткости — Ком.

— Ты вроде компьютера?

— Ну, более или менее.

— И что теперь будет?

— Это ты мне должен сказать, — ответил Ком. — Мое дело помогать тебе.

— Ясно…

Из-за кресла послышался смешок. Чертыш решительно вышел из укрытия, уселся перед Джо и стал смотреть с укором.

— И куда ты меня везешь?

— Туда, где у меня пульт управления. Отдохнешь там, соберешься с мыслями. А пока сядь и расслабься, через три минуты будем на месте.

Джо сел. Расслабляться не стал, но вынул окарину и играл, пока в передней стене не открылся люк.

— Дом, который построил Ком, — объявил голос. — Заходи, будь гостем.

9

— Я… — он швырнул плащ на пульт, — тут… — запустил поясной сумкой в стеклянную стену, — больше не могу!

Финальным движением хотел в прыжке поддать Чертышу, но тот увернулся, и Джо еле устоял на ногах. Его трясло.

— Кто тебя держит? — отвечал Ком.

— Иди ты в жуп, — проворчал Джо. — Я три недели тут сижу. И каждый раз, как соберусь идти, ты меня втягиваешь в дурацкую беседу на целый день, а потом у меня уже сил нет двигаться.

Он взял с пульта плащ:

— Ну хорошо, я дурак, темный зероплекс. Но что ты мне этим в нос тычешь? Виноват я, что я такой?

— Ты не зероплекс, — возразил Ком. — У тебя сейчас вполне комплексный взгляд на вещи, хоть ты и испытываешь понятную ностальгию по прежним симплексным понятиям. Иногда ты нарочно за них цепляешься, чтобы поспорить. Например, когда мы обсуждали ограничивающие психологические факторы, связанные с

предчувствием иллюзорности настоящего, ты настаивал…

— Э, нет! Хватит! Больше я на это не куплюсь. — Он подобрал поясную сумку у дальней стены. — Я ухожу. Чертыш, пошли.

— Ты, — голос Кома прозвучал непривычно повелительно, — ведешь себя глупо.

— Ладно, пускай я симплекс. Я все равно ухожу.

— Интеллект ничего общего не имеет с типом сознания.

— Ты четыре дня учил меня управлять кораблем. Вон он стоит дожидается. — Джо ткнул пальцем в стекло. — Ты в первый же вечер установил мне гипноимплантат с маршрутом. Что мне мешает лететь?

— Ничего, — ответил Ком. — И если бы ты выбил из головы мысль, что тебе что-то мешает, то успокоился бы и вел себя как разумный человек.

Джо в отчаянии повернулся к десятиметровой стене из микропроводов и логических блоков, мигающей индикаторными лампами и кнопками преобразователей кодов:

— Ком, мне тут нравится. Ты хороший друг, честно. Но я тут все получаю готовое: еду, упражнения. И я на стену лезу. Думаешь, это так просто

— взять и уйти от тебя?

— Не нужно так эмоционально, я на это не запрограммирован.

— Знаешь ты, что с тех пор, как я сошел с корабля, я работал меньше, чем в любое другое время?

— Ты и изменился с тех пор больше, чем в любое другое время.

— Постарайся понять, Ком.

Джо бросил плащ и подошел к пульту управления, вделанному в большой стол из черного дерева. Отодвинул стул, залез под стол, сел там, обняв колени.

— Мне кажется, ты не понимаешь. Послушай. Вот ты — тебя знают во всех библиотеках и музеях в нашей части галактики. У тебя куча друзей, таких как Сан Северина и прочие. Постоянно кто-то прилетает тебя проведать. Ты пишешь книги, сочиняешь музыку, рисуешь картины. Был бы ты счастлив в мире, где все производят один продукт, где в субботу нечего делать, кроме как напиться, где только один телетеатр и ни одной библиотеки? Где из всех людей, может, четверо учились в университете, но ты их никогда не видел, потому что они богатые, а ты нет? Где каждый в твою жизнь лезет? Был бы ты счастлив?

— Нет.

— Ну так вот. А я был счастлив.

— Зачем же ты покинул свой мир?

— Ну, во-первых, весть. Во-вторых, меня там не сказать, чтобы все устраивало. Но я был не готов к тому, что вовне. Ты бы не мог быть счастлив у нас. А я мог. Вот. Только и всего, но мне кажется, что ты этого до конца не понимаешь.

— Понимаю, — ответил Ком. — И надеюсь, что тебе будет неплохо в подобных мирах, потому что из них-то и состоит бóльшая часть Вселенной. Тебе предстоит немало их повидать, и жаль будет, если ты не сможешь найти в них что-то хорошее.

Чертыш заглянул под стол и вскарабкался к Джо на колени. Под столом было на десять градусов теплее, чем везде, и два теплокровных существа, человек и чертокотик, постоянно забирались сюда то поодиночке, то вместе.

— А теперь ты послушай, — сказал Ком.

Джо прислонился головой к боковине стола. Чертыш спрыгнул с его колен, выбрался наружу и через минуту вернулся, волоча в зубах пластиковую поясную сумку. Джо открыл ее и достал окарину.

— Есть вещи, о которых я могу тебе рассказать, и я уже почти все рассказал. А есть те, о которых

ты должен спросить сам. Ты почти ничего не спросил. Я о тебе знаю много больше, чем ты обо мне. Если мы хотим стать друзьями — а это очень важно для нас обоих, — нужно что-то менять.

Джо опустил окарину:

— Ты прав, Ком. Я тебя почти не знаю. Откуда ты?

— Меня создал умирающий Ллл как вместилище для своего отделившегося сознания.

— Ллл?

— Ты о них почти забыл, да?

— С чего ты взял?

— Понимаешь, мое сознание — сознание Ллл.

— Но с тобой я не чувствую тоски…

— Я наполовину Ллл, наполовину машина. Я отказался от защиты.

— Ты — Ллл? — недоверчиво переспросил Джо. — Мне бы и в голову не пришло… А теперь ты мне сам сказал. От этого что-то изменится?

— Не думаю. Но если ты сейчас заявишь, что у тебя лучший друг тоже Ллл, я буду меньше тебя уважать.

— В смысле?

— Забудь. Аллюзия на черно-белое прошлое.

— Слушай, Ком, а полетим вместе! — неожиданно предложил Джо. — Я-то лечу — это дело

решенное. Давай и ты со мной.

— Прекрасная идея. Я уж думал, ты никогда не предложишь. Впрочем, иначе тебе отсюда и не выбраться. Конечно, мы полетим к мирам, которые весьма враждебны к свободным Ллл. В самое сердце Империи. Она защищает Ллл и косо смотрит на тех, кто отказывается от защиты, чтобы быть свободным на своих условиях. Весьма некрасивые вещи случаются порой в Империи.

— А ты, если кто спросит, говори, что ты компьютер. Я бы, например, и не догадался, что ты…

— Я не собираюсь прятаться, — твердо сказал Ком.

— Ну тогда я им скажу, что ты компьютер. Только давай уже полетим, а то опять на полдня застрянем. Я прямо чувствую, что сейчас дискуссия начнется.

Джо вылез из-под стола и направился к люку.

— Джо?

Он остановился и глянул через плечо:

— Что? Только не говори, что передумал!

— О нет, я совершенно точно лечу с тобой. Но вот… Только сейчас не ври… Вот если бы я просто взял и пошел переваливаться по улице — что бы люди сказали? Что вот, мол, идет коммуникативный обучаемый мультиплекс? Они бы не

подумали, что я Ллл?

— Я бы если что и сказал, то про мультиплекс.

— Хорошо. Тогда давай в трубу и на Таймс-сквер. Встретимся там через сорок минут.

По растресканной и пыльной лунной равнине Джо бежал к яйцевидному кораблю. За ним на всех восьми лапках поспешал Чертыш.

Трубой назывался искусственный статический поток, быстро выносивший корабли за орбиту Плутона. В этой точке можно было покинуть Солнечную систему, не боясь урона от солнечной пыли. Гигантский пластиковый прямоугольник со сторонами километров по пятнадцать был застроен, имел собственную атмосферу и несколько развлекательных зон. Джо припарковал корабль в переулке. Было прохладно, на площади шли занятия по строевой подготовке.

— Зачем это они? — спросил он у человека в военной форме, сидевшего в стороне.

— Это пехотная бригада Имперской армии, — отвечал тот. — Долго они тут не пробудут, через пару дней выдвигаются.

— Да я не против, мне просто любопытно.

Военный хмыкнул и замолчал.

— А куда они выдвигаются? — подумав, поинтересовался Джо.

— Послушайте, юноша, — начал военный тоном, каким говорят с настырным ребенком. — В Имперской армии все, что не видно невооруженным глазом, составляет военную тайну. Если передвижения бригады вас не касаются — забудьте о них. В противном случае обратитесь за разъяснениями к принцу Нактору.

— Нактору?

— Вон он. — Военный указал на смуглого человека с острой бородкой, возглавлявшего один из батальонов.

— Вообще-то, передвижения меня не касаются, — признался Джо.

Военный с отвращением оглядел Джо, поднялся и ушел. Солдаты быстро и четко выполнили поворот в движении, разом качнулись черные плащи.

И тут среди зрителей началось волнение. Люди закричали, стали указывать в небо.

С неба, вращаясь и отблескивая на солнце, падало нечто. Оно имело примерно кубическую форму и невероятный размер, который увеличивался с каждой секундой. Грани попеременно вспыхивали на свету, но, когда у Джо наконец сработало чувство пропорции, он сообразил, что сторона у куба должна быть не меньше четырех-

сот метров.

Потом куб врезался в площадь. Люди попадали наземь, где-то рухнул небоскреб. Вспыхнула паника, взвыли сирены, кто-то бежал к кубу, кто-то от него.

Джо ринулся к кубу. Благодаря слабому притяжению все было быстро. По площади и дальше расползались глубокие трещины. Перепрыгивая одну из них, Джо увидел под собой звезды и похолодел.

Приземлившись на другой стороне, выдохнул и дальше побежал осторожней. Куб при ближайшем рассмотрении оказался покрыт чем-то вроде кипящего желе. Джо показалось, что он все это уже где-то видел, — но где? Сквозь слегка дымящуюся массу Джо разглядел, что ближайшая к нему грань сделана из стекла. За стеклом мутно виднелись в слабом свете трансплутоновой ночи микропровода, логические блоки, мерцающие индикаторные лампы…

— Ком! — завопил Джо и кинулся к нему.

— Тсс! — Желе заглушало голос Кома. — Я стараюсь не привлекать внимания.

Мимо маршировали солдаты.

— Что это за штука такая? — спросил один.

— Ком. Коммуникативный обучаемый мульти-

плекс, — ответил второй.

Первый оглядел огромную грань куба и поскреб в затылке:

— Ком — это мало сказано. Прямо глыба какая-то!

Третий сказал, рассматривая край трещины:

— Такое залатать — это надо уродцев Ллл сюда везти.

— Вот пусть только попробуют мне это в лицо сказать! — прошипел Ком. — Пусть только…

— Уймись! — фыркнул Джо. — А то не видать тебе моей белокурой дочки, как ушей своих.

— Это еще что?

— Аллюзия. Я тут кое-что подчитал, когда ты лег вздремнуть на прошлой неделе.

— Очень смешно. Обхохочешься прямо, — проворчал Ком.

Солдаты удалялись.

— Никаких Ллл сюда не пригонят, — заметил один, почесывая ухо. — Опять нам отдуваться. Тут все строительство на нас. А хорошо было бы хоть одного-то иметь…

Под слоем желе несколько индикаторных ламп поменяли цвет.

— Что это ты весь в каком-то жупе перемазан? — спросил Джо, отодвигаясь.

— Это мой корабль. Органическая летная капсула. Для неодушевленных объектов вроде меня они гораздо удобнее. А ты разве никогда не видел биокапсулу?

— Нет… То есть да! Видел, на Джинрисе видел. В ней тритовианец прилетел и те, кто был с ним.

— Странно, — заметил Ком. — Тритовианцы обычно на органике не летают. В целом-то они ведь одушевленные.

Вкруг собиралась толпа. Вой сирен приблизился.

— Давай-ка уже ноги делать, — сказал Джо. — Ты как, ничего?

— Терпимо, — ответил Ком. — Только с площадью некрасиво получилось.

— Ясно. В крови, но не согбен. Тоже аллюзия, привет господину Хенли[14]. Дальше встречаемся на орбите Тэнтемаунт.

— Договорились. Отойди, я взлетать буду.

Желе забурлило и мощно втянуло воздух — так, что Джо едва устоял на ногах. Снова послышались крики.

Джо вернулся на свой корабль. Чертыш, прикрыв голову лапками, прятался под панелью

---

[14] Примечания: 14

Стихотворение Уильяма Эрнста Хенли (1849–1903) «Непокоренный» (1875) цитируется в переводе В. Рогова.

управления. Джо нажал кнопку самозапуска, и за дело взялся автопилот. Площадь с ее испуганной суетой мгновенно осталась внизу, точно провалилась. Джо проверил настройки выхода в гиперстазис и дал сигнал к скачку. Стазисные генераторы заработали на полную мощность. Корабль почти уже выскользнул в гиперстазис, но вдруг резко дернул в сторону и замер. Джо сперва швырнуло на панель управления, потом откинуло назад. Запястья болели: он принял удар на руки. Чертыш что-то проверещал.

— Смотреть нужно, куда летите, — раздался голос из колонок.

10

От удара клыки вонзились в нижнюю губу, и Джо с трудом разжал челюсти.

— Вы тут не в шахматы играете. Если вторгнетесь на мою клетку, я никуда не исчезну. В другой раз будьте осторожнее.

— Гнннннннг, — ответил Джо, потирая рот.

— Спасибо, и вам того же.

Джо помотал головой, надел сенсорный шлем. Пахло старым жупом, звуки слышались такие, будто гидропрессом давили металлолом. Зато взгляду было на чем задержаться: висячие магистрали мягкими изгибами текли к зданиям, раскрывающимся небу, словно цветы. На концах тонких шпилей, как из лопнувших почек, вырастали металлические фигуры. Хрупкие астрономические купола возносились вверх на изящных пилонах.

— Вам неплохо бы выйти и посмотреть, что вы нам тут попортили, — заметил голос.

— Ой! Да, конечно.

Джо уже отпер было люк, но заметил, что до сих пор горит тревожная лампочка. Он обернулся к переговорному устройству:

— Эй, там снаружи воздуха нет!

— Я полагал, что вы сами об этом позаботитесь. Одну секунду.

Лампочка погасла.

— Спасибо, — сказал Джо и потянул рычаг люка. — Что у вас тут?

По одной из магистралей ему навстречу спускался лысеющий мужчина в белом халате.

— Вы, юноша, чуть было не разнесли Геодезическую наблюдательную станцию. — Без усилителя его голос заметно утратил внушительность. — И войдите, пожалуйста, в силовое поле, пока мы не лишились атмосферы. Что вы вообще пытались сделать?

— Заканчивал гиперстатический прыжок, собирался на орбиту Тэнтемаунт. Симплексно вышло, да?

Вслед за мужчиной в халате Джо двинулся вверх по магистрали. Его спутник пожал плечами:

— Я не позволяю себе подобных суждений. Какая у вас специальность?

— Да вроде никакой.

Мужчина нахмурился:

— Инженер-синтезатор нам сейчас не нужен. Они, как правило, живут долго.

— Я знаю все о выращивании и хранении плиазила, — сказал Джо.

Мужчина улыбнулся:

— К сожалению, это нам не пригодится. Мы пока на томе сто шестьдесят семь: от бба до ббааб.

— Плиазил еще по-простому называют «жуп».

— До «Ж» нам пока далеко, — проговорил мужчина с той же добродушной улыбкой. — Если будете живы лет через пятьсот-шестьсот, приходите с заявлением.

— Спасибо, конечно, — сказал Джо, — но мне, наверное, не судьба.

— Ну что ж, тогда прощайте.

— А как же мой корабль?! Вы что, не посмотрите повреждения? У меня было разрешение на вход в поток, а вас тут вообще быть не должно.

— Молодой человек, во-первых, у нас приоритет. Во-вторых, если вам не нужна работа, значит вы злоупотребляете нашим гостеприимством и зря переводите наш кислород. В-третьих, сейчас идут подготовительные исследования по анатомии — человеческой. Если будете мне докучать, я отправлю вас куда следует в качестве образца и там вас препарируют. Поверьте, я не шучу.

— Я весть несу! — возмутился Джо. — Лечу к Звезде Империи, чтобы передать весть, касаю-

щуюся Ллл. Это важно, я тороплюсь, потому в вас и врезался.

Мужчина недобро уставился на него.

— Однажды, — произнес он ровным голосом, — мы завершим нашу работу, и накопленных знаний хватит, чтобы использование Ллл стало экономически невыгодным. Масштабное строительство станет возможно и без них. Если вы желаете помочь Ллл, я велю немедленно наделать из вас препаратов. Отец сейчас занимается аденоидами. Предстоит огромная работа по изучению малых коренных зубов. С прямой кишкой мы только в начале пути, а двенадцатиперстная до сих пор для нас загадка. Если хотите передать весть, передайте ее мне.

— Но я не знаю, о чем она! — Джо понемногу пятился к границе силового поля. — И вообще, мне пора.

— У нас есть компьютер для решения подобных проблем… И я вас никуда не отпущу с полными легкими нашего воздуха! — внезапно рявкнул исследователь и кинулся на Джо.

Джо видел, куда он метит, и сделал так, чтобы там не быть. Неприятель промахнулся, а Джо выскочил вон через податливую силовую преграду. Запрыгнул в корабль и резко захлопнул люк.

Меньше чем через секунду зажглась тревожная лампочка. Джо включил задний ход и молился, чтобы автопилот смог разобраться в потоках и уйти на более глубокий стазисный уровень. Корабль не подвел и, подергавшись, лег на курс. Геодезическая станция постепенно таяла на экранах сенсорного шлема, брошенного на панели управления.

Джо легко нашел Кома на орбите Тэнтемаунт. Это планета из замерзшего метана. Из-за сильнейшей вулканической деятельности ее поверхность то и дело трескается и взрывается. Тэнтемаунт — единственная дочь раскаленного белого карлика, и с орбиты они похожи на два глаза: один роскошно мерцающий, другой серебряно-серый, зорко шпионящий за окрестной ночью.

— Ком, я домой хочу. На Джинрис. Хочу все это бросить.

— Это еще почему? — донесся из динамиков изумленный голос компьютера.

Джо сидел, уперев локти в панель, и мрачно глядел на окарину.

— Эта мультиплексная вселенная не по мне. Не нравится. И я хочу от нее подальше. Если я теперь комплексный, то это плохо и неправильно. Если я когда-нибудь вернусь на Джинрис, то все силы

положу, чтобы опять стать симплексом. Честное слово.

— Что на тебя нашло?

— Мне здесь люди не нравятся. Только в этом и дело, по-моему. Ты слышал о Геодезической наблюдательной станции?

— Слышал, конечно. Ты что, на нее напоролся?

— Угу.

— Это неприятно. Ну что ж, в мультиплексной вселенной встречаются порой и прискорбные явления. Одно из них — симплексность…

— При чем тут она?

— …а ты должен радоваться, что сумел настолько приблизиться к мультиплексному видению мира. Иначе ты бы от них живым не ушел. Я слышал, к ним попадали другие симплексы. Обратно никто не вернулся.

— Они что, сами симплексные?

— Бог мой, ну разумеется! Разве ты не понял?

— Но они же собирают разные данные. И сама станция такая красивая. Будь они дураками, они бы ее не построили.

— Во-первых, бóльшую часть станции построили Ллл. Во-вторых, как я не раз уже говорил, интеллект и тип сознания не обязательно связаны.

— Но я-то как мог догадаться, что они такие?

— Пожалуй, ты прав. Нужно поговорить о симптомах. Они тебе задали хоть один вопрос?

— Нет.

— Вот — первый симптом, хотя и не определяющий. Они смогли установить, кто ты такой?

— Нет, решили, что я работу ищу.

— Это означает, что им все же следовало задать тебе пару вопросов. Человек с мультиплексным сознанием всегда задает вопросы.

— Я помню. — Джо опустил окарину. — Когда Харона пыталась мне все это объяснить, она спросила меня, что самое важное. Если бы я их спросил, они бы ответили, что это их дурацкий словарь, или энциклопедия, или как его там еще…

— Именно. Любой, кто способен дать неотносительный ответ на этот вопрос, — симплекс.

— А я тогда сказал «жуп», — удрученно признался Джо.

— Они каталогизируют все знания во Вселенной.

— Это будет поважнее жупа…

— С комплексной точки зрения — возможно. А с мультиплексной — то и другое примерно равнозначимо. Во-первых, они взяли на себя довольно

сложное дело. Последний раз, что я о них слышал, они занимались буквой «б», а я уверен, что у них нет статьи про Аааааааааааааавдккс.

— А что значит Аааа… в общем, то, что ты сейчас сказал?

— Это название для довольно сложного набора детерминистских моральных оценок, рассмотренного под углом релятивистского подхода к динамическому моменту. Я его в свое время изучал.

— Я такого слова и не слышал никогда…

— Это потому, что я его только что выдумал. Но то, что оно обозначает, вполне реально и достойно словарной статьи. Думаю, оно им не по уму. Но с этой минуты я буду использовать термин «Аааааааааааааавдккс», а раз его теперь знают двое, значит он имеет место быть.

— Кажется, я понял.

— К тому же каталогизировать все знания — пусть даже только доступные знания — идея благородная, но… симплексная. Иначе не скажешь.

— Почему?

— Можно познать все, что нужно. Можно познать все, что хочешь. Но чтобы нужно было познать все, что хочешь, — а у них на станции де-

ло обстоит именно так — это нелепо даже с точки зрения семантики. А что у тебя с кораблем?

— Это тоже станция. Я в них врезался.

— Не нравится мне его вид.

— На старте немного болтало.

— О том и речь. Его вид мне не нравится. Особенно учитывая, сколько нам еще лететь. Перебирайся-ка лучше сюда, полетим вместе. Биокапсула — восторг, и я, кажется, почти освоил взлет и посадку.

— Ну, если я спину не сломаю при твоей посадке…

— Обещаю, будешь цел и невредим. Я сейчас приоткроюсь, а ты подлетай слева, бросай свой тарантас и забирайся внутрь.

Корабли осуществили контакт.

— Джо, — начал Ком, когда гибкая труба присоединилась к его переходному шлюзу, — если ты правда хочешь, можешь вернуться. Но приходит момент, когда вернуться трудней, чем двигаться вперед. Ты прошел особенную школу, Джо: не только мы с Сан Севериной пытались что-то в тебя вложить, ты сам учился — еще тогда, на Джинрисе.

Джо глядел на него сквозь трубу:

— Домой хочу.

На подходе к рубке управления Джо замедлил шаг.

— Знаешь, Ком, даже симплекс нет-нет да и спросит себя: кто я такой? Ну хорошо, ты говоришь, что на Геодезической станции засели симплексы. Мне от этого полегче стало. Но все равно я — самый обычный парень. И я хочу обратно на жуповое поле и, может, с кепардами подраться, чтоб неповадно было. Вот кто я есть, вот что я знаю.

— Если бы ты сейчас вернулся домой, тебе все показались бы похожими на людей со станции. Ты покинул дом, Джо, потому что был несчастен. А почему ты был несчастен — помнишь?

Джо дошел до рубки управления, но остановился, уцепившись обеими руками за горловину люка:

— Жуп! Еще бы не помнить. Мне казалось, что я другой, чем все. Потом возникла весть, и я решил, что это доказательство: мол, я особенный. Иначе бы мне ее не доверили. Разве ты сам не видишь, Ком? — Джо подался вперед, не отпуская рук. — Будь я особенным — то есть будь я в этом уверен, — я бы не мучился из-за всякой чуши вроде Геодезической станции! Но ведь я большую часть времени ничего не понимаю, только маюсь

и чувствую, что никакой я не особенный.

— Ты — это ты, Джо. Ты — это ты плюс все, что тебя составляет: от привычки часами смотреть на Чертыша, когда задумаешься всерьез, до того, что синие объекты ты замечаешь на секунду быстрей, чем красные. Ты плюс все твои мысли и все надежды. И все, что ты ненавидел, тоже. И все, что ты узнал. А ты много узнал в последнее время, Джо.

— Но я хочу быть уверен, что все это — мое, Ком! Хочу быть уверен, что весть важная и что я единственный, кто может ее передать. Если бы я знал точно, что вся эта наука пошла впрок, что я… ну, особенный, я полетел бы к Звезде. Жуп, да я счастлив был бы полететь!

— Ты — это ты, Джо. А насколько это важно, решать тебе.

— А может, в этом и суть, Ком? Если и есть ответ на мой вопрос, то он именно такой: надо знать, что ты — это ты, и больше никто.

Джо сделал шаг в рубку управления, и тут из динамиков переговорного устройства послышался шепот. Джо оторопело оглядывался, а шепот рос.

— Что это, Ком?

— Не знаю.

Люк закрылся, труба отпала, и помятый корабль

Джо медленно поплыл прочь. Джо посмотрел ему вслед сквозь мутный слой органического желе.

В динамиках кто-то засмеялся.

Чертыш почесал лапкой ухо.

— Оно движется вон оттуда, и движется с чудовищной скоростью, — сказал Ком.

Смех стал еще громче, перерос в истерический хохот, до самого потолка наполнил рубку. Что-то промелькнуло мимо Комовой стеклянной стены, внезапно развернулось и, не долетев, зависло перед ней метрах в семи. Смех оборвался, послышалось загнанное дыхание. Нечто повисшее снаружи было похоже на гигантский валун с отполированной передней стороной. Ком немного сместился в яростном свете Тэнтемаунт, белый свет передвинулся по валуну, и Джо увидел, что передняя сторона у него прозрачная. К стеклу, уперев руки над головой и широко расставив ноги, приник какой-то человек. Даже на расстоянии Джо видел, как его грудь трудно вздымается в такт дыханию, метавшемуся по рубке.

— Ком, будь добр, убавь звук.

— Ой, прости.

Чужое дыхание покинуло его голову, превратилось в обычный звук и отдалилось на почтительное расстояние.

— Ты с ним будешь говорить или я?

— Давай ты.

— Кто вы? — спросил Ком.

— Ни Тай Ли. А ты кто и как смеешь быть таким интересным?

— Я Ком. Я слышал о тебе, Ни Тай Ли.

— А я о тебе никогда, Ком. Но знаю, что стоило бы. Почему ты такой интересный?

— Кто это? — прошептал Джо.

— Тсс! Потом скажу… Что это ты делал сейчас, Ни Тай Ли?

— Летел вон к тому солнцу, смотрел на него и думал, что оно прекрасно. И хохотал, потому что оно прекрасно и оно убьет меня и останется прекрасным, и я сочинял стихи о том, как прекрасно солнце и планета, что ходит вокруг него… А потом я нашел дело поинтереснее: узнать, кто вы такие.

— Тогда прошу на борт. Узнаешь еще больше.

— Мне уже известно, что ты коммуникативный обучаемый мультиплекс, построенный на основе сознания Ллл. Есть еще что-то, что мне нужно узнать, прежде чем я возьму курс на пламя?

— Тут со мной юноша твоих лет, о котором ты не знаешь ровно ничего.

— Значит, иду к вам. Выпускай свою трубу.

Корабль-валун приблизился.

— Как он понял, что ты Ллл? — спросил Джо.

— Не знаю, — отвечал Ком, — Некоторые сразу видят. Но это лучше, чем когда час с тобой говорят, а потом наконец решатся спросить. Только вот я думаю, ему неизвестно, какой именно я Ллл.

Труба присоединилась к кораблю Ни. Через минуту открылся люк. Зацепив большими пальцами карманы штанов, Ни Тай не спеша вошел в рубку и стал осматриваться. На Джо до сих пор был плащ, что Сан Северина купила ему на крысонорском базаре. Ни походил на хорошо отмытого бегунка. Он был бос и без рубашки. На колене линялых рабочих штанов красовалась проплешина. Слишком длинные волосы, белокурые с серебряным отливом, были заколоты надо лбом и ушами. Азиатские глаза уголками вниз блестели антрацитом на скуластом лице.

Увидев Джо, он улыбнулся, шагнул к нему, протягивая руку:

— Привет!

Здороваясь, Джо заметил у него когти на левой руке.

Ни склонил голову набок:

— Я напишу стихи о выражениях, что сейчас промелькнули на твоем лице. Ты с Джинриса. Ты

работал на жуповых полях, спал свернувшись у костра в Новом Цикле и убивал кепардов, когда те пролезали сквозь ограду. — Договорив, Ни издал негромкий, удивленно-печальный звук. — Ну вот, Ком. Теперь я про него все знаю. Мне пора.

Он уже отворачивался от них, собираясь уходить.

— Ты был на Джинрисе? Правда был? — спросил Джо.

Ни обернулся:

— Был. Три года назад. Добрался на перекладных, бегунком подрабатывал. На седьмом поле батрачил. Там и когтями обзавелся, — добавил он, показывая руку.

У Джо в горле забилась пульсом глухая боль, которой не было с тех пор, как он впервые играл для Ллл.

— Я тоже работал на седьмом, пока меня не перевели в Новый Цикл.

— И как там теперь? Джеймс-смотритель не вколотил ума в своего сынка? Я обычно лажу с людьми, но этот столько на себя брал, что я с ним четыре раза дрался. Чуть не убил его, было дело.

— Его потом я… — прошептал Джо.

— Вот как… — Ни растерянно моргнул, потом добавил: — Хотя этим и должно было кончиться.

Но глаза у него остались растерянные.

— Скажи, ты правда там был или мысли мои читаешь?

— Был во плоти. Три с половиной недели.

— Недолго, — заметил Джо.

— А я и не говорил, что долго.

— Но ты там был.

— Вселенная тесна, мой друг. Жаль, что у вас такая симплексная культура, а то я мог бы больше о тебе рассказать и остаться подольше.

Он пошел к выходу.

— Погоди! — крикнул Джо. — Я хочу… Мне нужно с тобой поговорить.

— Правда?

Джо кивнул.

Ни Тай снова сунул руки в карманы:

— Давненько я никому не был нужен. Это интересно, из этого могут получиться стихи. — Вразвалку прошел к пульту управления и уселся на стол. — Ладно, останусь ненадолго. О чем тебе нужно поговорить?

Джо молчал, мысли играли в чехарду.

— Из чего сделан твой корабль? — выдал он наконец.

Ни Тай возвел глаза к потолку:

— Слушай, Ком! На кой ему знать, из чего ко-

рабль? Он меня что, дурит? Если так, то я пойду. Меня постоянно дурят, я уже все про это знаю, и мне неинтересно.

— Ему надо духу набраться перед важными вопросами, — объяснил Ком. — Прояви терпение.

Ни Тай снова посмотрел на Джо:

— А ты знаешь, он прав. Я вот пишу слишком быстро, и мои стихи подтекают: тут слово, там строфа. От этого их никто не понимает. И терпеть я не очень-то умею. Между прочим, все это может оказаться очень любопытным. Это твоя окарина?

Джо кивнул.

— Я раньше играл на такой. — Ни поднес окарину к губам и выдул быструю, светлую мелодию, внезапно замедлившуюся к концу.

У Джо сжалось в горле еще сильней. Эта мелодия была первая, что он выучил на окарине.

— Только это я и знаю, — сказал Ни. — Надо было мне подольше поучиться. Теперь ты сыграй. Может, как раз духу наберешься.

Джо только головой покачал.

Ни Тай пожал плечами, повертел в руках окарину, потом спросил:

— Больно?

— Да, — помолчав, ответил Джо.

— Я не виноват. Просто я уже много всего попробовал.

— Позволите вмешаться? — подал голос Ком.

Ни снова пожал плечами:

— Давай.

Джо просто кивнул.

— Когда ты начитаешься побольше, Джо, ты поймешь: есть писатели, которые словно пережили все, что ты пережил, открыли все, что открыл ты. Был такой древний фантаст, Теодор Старджон, он меня насквозь просвечивал каждой своей книгой. Он видел все, что видел я: каждый отблеск в окне, каждую тень листка на сетчатой двери. Он так же играл на гитаре, так же пришвартовался на две недели в теплой бухте у техасского городка Арансас-Пасс. А ведь он был писатель — то есть сочинитель — и жил четыре тысячи лет назад… И еще ты будешь встречать людей совсем на тебя не похожих, и они у того же писателя будут находить — себя. Такие писатели встречаются редко. Ни Тай Ли — один из них. Я прочел много твоих стихов, Ни Тай. Если бы я решил выразить тебе свое восхищение, то, думаю, лишь смутил бы тебя неумеренностью похвал.

— Ух ты, спасибо. — Ни Тай просиял улыбкой, которую не смог скрыть, даже склонив голову и

упершись взглядом в колени. — Только я самые лучшие стихи теряю. Или не записываю. Жаль, что я не могу их тебе показать. Там есть стоящие.

— Да, жаль, — ответил Ком.

— Погоди-ка. — Ни Тай поднял голову и посмотрел на Джо. — Ты ведь чего-то хотел от меня. А я даже забыл твой вопрос…

— Про корабль, — подсказал Джо.

— Ну, я просто выдолбил изнутри кусок непористого метеора, а сзади прикрутил кайзоновый двигатель.

— Именно! — воскликнул Ком. — Именно так это и делается! Прикрутил реверсным ключом. Там же левая резьба, да? Давно это было, а помню: отличный получился кораблик!

— Насчет резьбы ты прав, — сказал Ни Тай. — Только у меня вместо ключа были плоскогубцы.

— Не важно. Главное, что ты тоже его строил. Я же говорил тебе, Джо, у некоторых писателей есть этот дар! Просто невероятно…

— Беда только в том, — возразил Ни, — что я ни к чему не прикипаю душой и ничего не знаю как следует. Увижу, опишу в стихах одной строчкой — и дальше, дальше. Это, наверное, страх во мне. Пишу обо всем, потому что сам ничего не могу…

Тут мне стало не по себе. Именно это я сказал

Норну за час до того, как мы рухнули на Джинрисе. Мы говорили о моей последней книге. Помните меня? Я — Яхонт.

— Но ты же не старше меня, — вымолвил наконец Джо. — Как же ты успел все это пережить и описать?

— Ну… я… сам не знаю, честно-то говоря. Просто так получается. Наверное, я много чего не сделаю в жизни, потому что все время пишу.

— Еще раз вмешаюсь, — сказал Ком. — Ты не обидишься, если я расскажу ему, как все было?

Ни Тай покачал головой.

— Это было как у Оскара и Альфреда… — начал Ком.

Во взгляде Ни Тая что-то смягчилось.

— Как у Верлена и Рембо, — подхватил он.

— Как у Кокто и Радиге, — в такт отвечал Ком.

— Как у Виллара и его Колетт…

— В литературе это повторяется, — сказал Ком. — Писатели. Двое. Один старше, другой — или другая — моложе, часто почти ребенок. И трагедия. И что-то прекрасное рождается в мир. Так — каждые полвека или четверть века со времен романтизма.

— Кто был старший писатель? — спросил Джо.

Ни Тай опустил глаза:

— Мюэлс Эрлиндиел.

— Не слышал о таком.

— Странно. Я думал, эта некрасивая история всем известна.

— Интересно было бы с ним встретиться… — сказал Джо, стараясь загладить неловкость.

— Вряд ли это возможно, — сказал Ком. — Между ними произошла большая трагедия.

— Эрлиндиел был Ллл. — Ни Тай перевел дыхание и продолжал: — Мы много путешествовали вместе.

— Ты путешествовал вместе с Ллл?

— Он был только наполовину… — Ни Тай осекся. — Это сильнее меня. То, что я сделал, — сильнее меня.

— Тогда ты знаешь, что такое тоска?

Ни кивнул:

— Знаю. Я его продал. Я был в отчаянии, позарез нужны были деньги. Он сам согласился.

— Ты продал его? Но зачем?..

— Экономика.

— Ясно…

— Продал и купил другого Ллл, подешевле: нужно было восстановить мир, который мы разрушили. Мир был маленький, и все закончилось быстро, но я знаю тоску, и я знаю, каково это

— владеть Ллл. Пару дней назад я рассказал все это Сан Северине, и она расстроилась: она сама продает и покупает Ллл, она отстраивает…

— Ты знаешь Сан Северину?

— Да. Она давала мне уроки интерлинга, когда я был бегунком.

— Нет! — крикнул Джо.

Ни Тай покачал головой и прошептал:

— Это сильнее меня! Честное слово, это сильнее…

— Нет! — Джо закрыл уши руками, шатко опустился на корточки.

— Ком! — крикнул Ни Тай. — Ты говорил, я ему нужен!

— Да. И ты даешь ему именно то, в чем он нуждается.

Джо резко обернулся:

— Уходи!

Ни Тай с испуганным лицом соскользнул со стола.

— Это моя жизнь! Моя! — Джо ухватил Ни Тая за когтистую руку. — Я от нее отказался, да. Но это не значит, что ты можешь ее себе взять!

Ни Тай сглотнул и быстро проговорил, отодвигаясь куда-то вбок:

— Это уже неинтересно. Я это сто раз прохо-

дил.

Джо выкрикнул в ответ:

— А я ни разу! — Что-то в нем было поругано и кипело яростью. — Ты вор, ты мою жизнь украл!

Вдруг Ни Тай толкнул его, и Джо беспомощно соскользнул на пол. Ни Тай стоял над ним и дрожал крупной дрожью.

— А с чего ты взял, что она твоя? Может, это ты у меня украл! Почему я ничего не могу до конца довести? Почему, как только появится у меня дело, любовь, ребенок, меня сразу с места срывает, и опять я в каком-то дерьме, и надо все заново? Может, это твои штучки? Может, ты их себе забрал — все жизни, что я когда-то начал? Целую тысячу прекрасных жизней!

Он вдруг закрыл глаза и закинул левую, когтистую, руку на правое плечо.

— Господи, — выдохнул он куда-то вверх, — я столько раз уже это говорил. Мне скучно! Чудовищно скучно!

Он резанул когтями по коже, пять струек крови сбежали ему на грудь — и на одну ужасную секунду Джо снова пережил, как бежал тогда от смеха Лили, как стоял зажмурившись, запрокинув голову, а потом разодрал когтями плечо. Джо тряхнул головой, вытрясая воспоминание,

и вдруг округлил глаза: там, где Ни Тай провел свежие алые полосы, плечо было перетянуто толстыми старыми шрамами.

— И все возвращается, и все повторяется опять, опять и опять! — крикнул Ни Тай.

Он шатаясь пошел к выходу.

— Постой!

Джо перевернулся на живот, с трудом поднялся на колени, рванулся следом:

— Ты что задумал?

Прилип к Ни Таю, одной рукой обхватил его, другой загородил проем люка. Ни Тай сжал его предплечье колючей левой. Джо покачал головой: когда Билли Джеймс преградил ему путь от канала, он схватил Билли за руку точно так же, как сделал сейчас Ни. С этого все и началось.

— Я вернусь на корабль, — ровным голосом проговорил Ни Тай, — развернусь лицом к солнцу и вдавлю педаль в пол. В первый раз я летел, смеясь. В этот, наверное, буду плакать. Очень надеюсь, что будет интересно.

— Но зачем?

— Затем, что однажды, — лицо Ни Тая исказилось, он говорил с усилием, — однажды кто-то еще вот так же полетит к серебряному солнцу, сперва смеясь, потом плача. Но где-то в его памя-

ти уже будут мои стихи об этом. И он вспомнит их и вдруг поймет… неужели тебе не ясно? Он поймет, что он не один…

— Но никто же не прочтет твои стихи, если ты…

Ни Тай оттолкнул его руку и побежал по трубе, едва не сбив Чертыша, который двигался в обратном направлении с какими-то листками во рту.

Труба отсоединилась от корабля Ни, люк рубки закрылся, и органическая масса снова стянулась поверх него. Джо увидел Ни Тая, склоненного над пультом управления. Потом прижался к стеклянной стене и смотрел, как полый метеор на автопилоте несется навстречу яростному свету. Щурясь провожал его взглядом, пока не защипало веки. Голос Ни рыдал в динамиках еще с минуту после того, как корабль пропал из виду. Джо потер лоб и отвернулся от стекла. Чертыш сидел на своих листках и жевал отогнутый уголок.

— А это что?

— Стихи Ни Тая, — отвечал Ком. — Последние, над которыми он работал.

— Чертыш, ты что, украл их? — строго спросил Джо.

— С таким человеком, как Ни, иначе нельзя. Приходится отнимать стихи, пока он их не уни-

чтожил. Так и было собрано все, что мы имеем из его работ. Это ведь случалось и раньше, — устало пояснил Ком.

— Но Чертышу-то откуда было знать про это? — Джо повернулся к котенку и как мог сердито изрек: — Воришка!

— Ты недооцениваешь своего чертокотика, — сказал Ком. — У него далеко не симплексный разум.

Джо нагнулся и выдернул из-под Чертыша листки. Чертыш нехотя перекатился на спину и пару раз цапнул лапкой его руку. Сжимая листки, Джо забрался под стол.

11

Десять часов спустя Джо вылез из-под стола, медленно подошел к стеклянной стене и стал снова прищурясь смотреть на белого карлика. Потом отвернулся, выдул три ноты из окарины и устало уронил руку:

— У Ни Тая самое мультиплексное сознание из всех, кого я встречал.

— Возможно, — сказал Ком. — Но значит, теперь и у тебя такое же.

— Надеюсь, он не врежется в солнце.

— Не врежется, если встретит на пути что-то более интересное.

— Там же почти ничего нет.

— Ему много и не нужно.

— Помнишь, ты говорил про мультиплексный разум и множество точек зрения? Ты прав, мою точку зрения он перехватил полностью. Даже не верится, что так бывает!

— Осознать мультиплексность чужого сознания можно, лишь будучи мультиплексом. Логично, да?

— И я знаю, как он это сделал. Чтобы понять мою жизнь, он смотрел на нее через призму соб-

ственной.

— Вообще, он эти стихи написал еще до встречи с тобой.

— Правильно. И от этого еще страннее.

— Друг мой, ты выстроил силлогизм с точностью до наоборот. Это ты использовал свой опыт, чтобы понять его.

— Правда?

— Ты много пережил и узнал за последнее время. Расположи пережитое в мультиплексной матрице, и все станет намного яснее. А то, что останется неясным, выступит четче, и ты сможешь задать правильные вопросы.

Джо помолчал, расставляя пережитое по местам. Потом спросил:

— А как звали Ллл, чье сознание теперь в тебе?

— Мюэлс Эрлиндиел.

Джо отвернулся к стеклянной стене:

— Значит, все это уже было.

Помолчали еще минуту, потом Ком сказал:

— Ты ведь знаешь, что последний отрезок пути тебе придется проделать без меня.

— Только что начал понимать, — сказал Джо. — Когда мультиплексно все расставил.

— Хорошо…

— Мне будет страшно до чертиков.

— Бояться не нужно.

— Почему это?

— У тебя в сумке кристаллизованный тритовианец.

Ком, конечно, говорил обо мне. Надеюсь, вы про меня не забыли, ибо если забыли, то дальнейшее повествование не имеет смысла.

12

— И что мне с ним делать? — спросил Джо.

Он выложил меня на стол, подстелив кусок бархата. Лампы на высоком потолке горели тускло, и в легком тумане от оросителей воздуха у каждой был нимб.

— Какой самый мультиплексный поступок в ситуации, когда ничего не ясно?

— Задавать вопросы.

— Так задавай.

— А он ответит?

— Есть более простой способ это узнать.

— Секунду, — сказал Джо. — Я выстраиваю свои представления по мультиплексной схеме. Могу не сразу сообразить. Я пока не привык.

Недолго помолчав, он решился:

— Зачем мне нужно вступить в армию Империи и служить принцу Нактору?

— Превосходно! — одобрил Ком. — Меня самого это интересует.

«Затем, — транслировал я, — что армия движется в том же направлении, что и вы».

Снова обретя речь, я почувствовал большое облегчение. Но один из недостатков кристал-

лического состояния в том, что можно лишь отвечать на прямые вопросы. К слову, между моментом, когда Джо сказал: «Я пока не привык», и моментом, когда он задал свой вопрос, с ревом ожило радио, и принц Нактор объявил, что все люди в пределах слышимости подлежат немедленному призыву. «Ну вот и решилась твоя проблема», — сказал Ком. Так что в вопросе Джо не было никакой мистики. Для тех, кто следил за развитием темы, хочу подчеркнуть, что мультиплексность как явление лежит строго в границах логики. Я опустил эпизод с радио, поскольку не хотел отвлекать читателя и полагал, что суть происшедшего можно вывести из вопроса Джо. Мультиплексный ум легко с этим справится. Я уже делал так несколько раз на протяжении моего рассказа.

— А почему я не могу просто передать весть и пойти своей дорогой?

В кристаллическом состоянии доступна еще одна подмена деятельности: риторический вопрос.

«Ты готов передать весть?» — транслировал я.

Джо обоими кулаками ударил по столу. Я покачнулся, и комната вокруг заплясала.

— Жуп! Надо же узнать, о чем весть. О чем она?

«Грядет существо, которому суждено освобо-

дить Ллл».

Джо поднялся, и тревога углубила первые морщины на его лице.

— Это очень важная весть. — Тревога сказалась в нахмуренных бровях. — Когда я буду готов ее передать?

«Когда она станет правдой».

— Но раз я столько пролетел… — Джо осекся. — Получается, это я? Я должен освободить их? Я, может, и готов передать весть, но как я узнаю, что готов их освободить?

«Если не знаешь, значит весть не об этом».

Джо стало стыдно: он окончательно запутался.

— Но ведь она должна быть об этом.

Он не задавал вопросов, и я не мог ему ничего транслировать. Но Ком сказал за меня:

— Весть именно об этом. Но ты ее не понял. Найди другое толкование, непротиворечивое.

Джо отвернулся.

— Я вижу не все, а только часть, — сказал он уныло.

— Иногда, чтобы видеть, надо смотреть глазами другого, — сказал Ком. — Думаю, теперь тебе весьма полезен будет взгляд Яхонта.

— Почему?

— Твоя жизнь все теснее связывается с Ллл

и нашей борьбой за освобождение. Из прочих существ в ней деятельнее всех участвуют тритовианцы. Вот тебе и ответ. К тому же это очень поможет твоей военной карьере.

— А разве можно так сделать, чтобы у меня был его взгляд? — спросил Джо.

— Это очень простая операция, — отвечал Ком. — Ты сам ее и произведешь. Пойди возьми его.

Джо вернулся к столу и взял меня с бархата.

— Теперь оттяни наверх правое веко.

Джо сделал, как сказал Ком. Последовали новые указания, и через минуту Джо закричал от боли, повернулся волчком и упал на колени, закрывая руками лицо.

— Боль скоро пройдет, — спокойно сказал Ком. — Если очень жжет, могу дать капли.

Джо покачал головой:

— Боль ни при чем. Я теперь вижу. Вижу тебя, себя, Чертыша, Яхонта. Только я нас вижу всех сразу. И военный корабль вижу, он ждет меня. Вижу даже принца Нактора. Но корабль отсюда в двухстах семидесяти километрах, Чертыш у меня за спиной, ты вокруг меня, а Яхонт во мне. И я — больше не я…

— Ты пока попривыкни ходить с таким зре-

нием, — сказал Ком. — На винтовых лестницах поначалу особенно трудно. Хотя нет, лучше привыкни просто сидеть и думать. Потом перейдем к более сложному.

— Я больше не я… — тихо повторил Джо.

— Поиграй на окарине.

Джо увидел себя: вот он взял окарину из поясной сумки, вот поднес к губам, закрыл глаза. Левое веко опустилось над живым глазом, правое — над сияющей сущностью, заменившей глаз. Он услышал, как выводит долгую, медленную мелодию, и с закрытыми глазами увидел, что Чертыш несмело подошел к нему и ткнулся носиком ему в колено.

Довольно скоро Джо сказал:

— Знаешь, Ком, я не думаю, что разговор с Яхонтом мне сильно помог.

— Разумеется, смотреть через него много полезнее.

— Я до сих не понимаю, что значит моя весть.

— Ты должен сделать скидку: когда человек встает на путь войны, самое мультиплексное сознание притупляется до симплекса. Но сердце у Яхонта хорошее. И он достаточно много тебе объяснил, если взглянуть на это мультиплексно.

Джо увидел, как на его собственном лице про-

ступило сосредоточенное выражение. Забавно, подумал он мельком, — вроде замороченной белобрысой белки с алмазным моноклем.

— Весть — это слова «Грядет существо, которому суждено освободить Ллл». А я должен быть готов освободить Ллл. Но освобождать их буду не я.

Он ждал от Кома подтверждения, но Ком молчал. Тогда Джо продолжил:

— Жаль, что не я. Но наверное, этому есть причины. Я должен быть готов передать весть. Значит, сперва мне нужно убедиться, что это загадочное существо готово к своей роли.

— Совершенно верно, — одобрил Ком.

— Тогда где мне его найти и как убедиться?

— Возможно, именно тебе и придется его подготовить.

— Мне?

— Ты прошел за последние месяцы неплохую науку. И ты передашь ее такому же симплексу, каким сам был в начале пути.

— И потеряю те остатки себя, которые пощадил Ни Тай?

— Да.

— Тогда я отказываюсь.

— Ты рассуждаешь несерьезно.

— А ты сам подумай, Ком: прежнюю мою жизнь

у меня украли. Теперь я и новую должен кому-то другому отдать? Я не хочу.

— Это эгоизм…

— И потом, я кое-что знаю о симплексных культурах. С армией к ним соваться бессмысленно: чтобы разбудить одного-двоих, остальных придется уничтожить. Я в этом участвовать не буду.

— Так ты и до этого додумался?..

— Додумался. Это был бы ужас.

— Ужас и уничтожение будут независимо от того, полетишь ты или нет. Единственная разница: ты не сможешь передать весть.

— А без меня это существо никак не обойдется?

— В том-то и суть, что тебе это неизвестно.

— Ничего, рискну, — сказал Джо. — Я сваливаю. Буду надеяться, что все сложится и без меня.

— Ты не представляешь, о каком риске идет речь. Погоди немного, время еще есть. Давай прогуляемся. Покажу тебе кое-что. Может, сумею переубедить.

— Ком, наблюдать страдания порабощенных Ллл у меня сейчас попросту нет сил. Ты ведь к ним хотел прогуляться?

— В случае с Ллл страдаешь ты, а не они, — сказал Ком. — Для вас невозможно увидеть страдание Ллл их глазами. Империя оберегает

Ллл и от осознания их собственной участи. Даже сами они не могут прийти к согласию о том, что именно ужасно в их положении. Но единомышленников среди нас достаточно, так что поверь мне на слово. Есть стены, непроницаемые для мультиплексного сознания. Иногда их можно взорвать, но это весьма трудно. На их месте остаются глубокие шрамы. Признать их непроницаемость — значит сделать первый шаг к их разрушению. Я покажу тебе нечто, что ты сможешь прочувствовать на любом уровне, начиная с симплексного. Мы поговорим с Сан Севериной.

13

— Этот мир она отстроила с Ллл? — спросил Джо, оглядывая серебряные улицы пустого города, а за ними — цепочки лесистых холмов, бегущие к озеру, слегка волнуемому ветерком.

— Да. Самый первый. Его заселят последним.

— Почему?

Джо перешагнул чугунный сток, протянутый вдоль тротуара. Голубоватое солнце горело в окне, единой спиралью обвившем высокую башню по левую руку от них. Справа был великолепный фонтан без воды. Джо на ходу провел пальцами по сухому граниту двенадцатиметровой фонтанной чаши.

— Потому что она здесь.

— Много еще работы осталось?

— Все миры отстроены. Восстановлено сорок шесть цивилизаций. Остались этические системы, но на них нужно время, еще с полгода. — Оскар указал на черную металлическую дверь в медных заклепках. — Пришли.

Джо взглянул на шпили грандиозных строений:

— Красиво. Очень. Теперь понятнее, зачем она

все это затеяла.

— Входи, — сказал Оскар.

Джо перешагнул порог.

— Вниз по лестнице.

Эхо отразило их шаги в просторном и тусклом лестничном колодце.

— Теперь сюда. — Оскар толкнул дверь поменьше в серой каменной стене.

Едва войдя, Джо наморщил нос:

— Чем это пах…

Она была голая.

Прикована к полу за руки и за ноги.

Серое лезвие света опустилось ей на горбатую спину, и она рванулась, натягивая цепи. Завыла, страшно ощерила рот — раньше он не замечал, что у нее такие зубы. Вой перешел в резкий хрип и оборвался.

Джо смотрел на нее.

Джо смотрел на самого себя, смотрящего на нее, потом увидел, как попятился к приоткрытой двери, ткнулся в нее спиной, и она захлопнулась, щелкнув замком.

От постоянного напряжения мышцы у нее на плечах отвердели углами. На шее проступили жилы, свалявшиеся волосы висели, закрывая половину лица. «Гребень, — мелькнула дурац-

кая мысль. — Проклятие, красный гребень!» Он увидел, как заплакал его живой глаз. Второй, бесслезный, покрылся каким-то сухим налетом.

— Теперь ее держат здесь, — сказал Оскар. — Цепи короткие, чтобы она не могла себя убить.

— Кто ее?..

— Там еще двадцать шесть остальных — помнишь? О, она давно миновала стадию, на которой могла бы отпустить Ллл. Но остальные держат ее здесь, вот такую. И ее Ллл продолжают строить.

— Это подло! — выкрикнул Джо. — Почему ее никто не отпустит?

— Она знала, на что идет. Знала границы своих возможностей. Заранее сказала остальным, что ее придется посадить на цепь. — Оскар болезненно поморщился. — Семеро. До нее никто не владел одновременно столькими Ллл. Это выше человеческих сил. И тоска растет по мере того, как они строят. В геометрической прогрессии. Как цена.

Джо смотрел на нее, и ужас мешался с восхищением и болью.

— Ты хотел поговорить с ней, — сказал Оскар. — Говори.

Джо робко пошел к ней и видел со стороны, как идет.

У нее были язвы на запястьях и щиколотках.

— Сан Северина?

Она отпрянула с каким-то задыхающимся, давящимся звуком.

— Сан Северина, мне нужно с тобой поговорить.

Тонкая струйка крови змейкой сползла по натянутым связкам ее левой кисти.

— Ты можешь говорить? Сан Северина…

Она бросилась на него, звеня цепью, и впилась бы в ногу, не отскочи он назад. Щелкнула зубами, прокусила себе язык. Брызжа кровью изо рта, с визгом повалилась на каменный пол.

Потом Джо видел только, как колотит в дверь и — минуту спустя — как Оскар удерживает его. Оскар наконец справился с запорным механизмом в ручке, и они вывалились обратно на дно лестничного колодца. Стали подниматься наверх. Оскар тоже задыхался.

— Мне было ее почти что жаль, — сказал он, когда дошли до середины.

Джо резко повернулся к нему:

— Ты же не?..

— Мне жаль Ллл. Я один из них — ты не забыл?

Джо увидел, что Джо двинулся дальше, неся в

сердце сумятицу.

— А мне ее жалко, — сказал он наконец.

— Достаточно, чтобы вступить в армию?

— Жуп! Достаточно.

— Я на это надеялся.

Когда вышли из первой двери на улицу, Джо прикрыл глаза от яркого света.

— Ни Тай, — начал он, помолчав, — Ни Тай сказал, что говорил с ней несколько дней назад.

Оскар кивнул.

— Здесь? Он ее видел такую?

Снова кивок.

— Значит, он тоже…

Джо смотрел прямо перед собой:

— Надеюсь, он тогда долетел до солнца…

…

— И они не погрузили ее в сон, не загипнотизировали, — непонимающе проговорил Джо, глядя в стеклянную стену рубки управления.

— Когда она спит, Ллл перестают строить, — объяснил Ком. — Это одно из условий купчей. Чтобы Ллл работали, обладание ими должно быть осознанным — постоянно.

— Так я и догадывался. Но сознает ли она что-то внутри… внутри того чудовища? Может кто-то до нее достучаться?

— То чудовище — ее защита. Ты готов лететь?

— Готов, насколько это возможно.

— Тогда возьми в дорогу комплексное утверждение, нуждающееся в мультиплексной оценке. В любом обществе единственно важными являются творческие и криминальные элементы — лишь они, ставя под сомнение ценности общества, могут заставить его измениться.

— Это правда?

— Не знаю. Я не подходил к этому с мультиплексной точки зрения. Но тебе предстоит изменить общество. А у тебя нет преимуществ Ни Тая, который может обратиться к творчеству.

— Я тебя понял, Ком. А куда движется армия?

— К Звезде Империи. Ты уже знаешь, какое будет твое первое преступление?

Джо на секунду задумался.

— Вообще, пока ты не сказал, куда предстоит лететь, я хотел начать с самовольной отлучки. Теперь не знаю.

— Хорошо. До свидания, Джо.

— До свидания, Ком.

14

Армия не понравилась Джо практически сразу. Он всего три минуты пробыл с другими новобранцами на трехкилометровом линкоре со стеклянной обшивкой, когда мимо прошел принц Нактор. Все расступились, и принц увидел Чертыша. Чертыш увлеченно маршировал по палубе и что-то чирикал. Джо хотел его забрать, и принц спросил:

— Твой?

— Так точно.

— На борту ему не место.

— Слушаюсь. Немедленно приму меры.

Со своим новым зрением он без труда высмотрел на корабле место, где спрятать Чертыша. Корабль недавно модернизировали, старое оборудование заменили на новое, более компактное. Наблюдательный отсек с контактным фоторегенератором стал не нужен, его сперва превратили в склад ненужных вещей, а позже опечатали.

Джо ускользнул из толпы рекрутов, прихватил из технического шкафа кротеновый ключ и нашел опечатанный люк. Оторвал ключом защитные полоски металла, подтолкнул Чертыша

в темноту и закрыл было люк, но тут ему пришла идея. Вернулся к шкафу, взял буквенный трафарет, банку желтой краски и кисть. На люке вывел надпись: «ВХОД ДЛЯ ПЕРСОНАЛА С ЛИЧНЫМ КОДОМ „ДЖ-О“».

На верхнюю палубу он вернулся как раз вовремя: выдавали форму и снаряжение. Выдали и ему. Взамен вещей начальник снабжения потребовал с него какой-то талон. Джо сказал, что у него нет талона. Начснаб удалился орать на управляющий компьютер, а Джо вернулся к люку и вошел внутрь. Внутри оказался коридор, такой низкий, что его желтоволосая макушка собирала пыль с потолка. Потом зазвучала музыка.

Такой инструмент он уже слышал — очень давно, когда был бегунком. Это была гитара Рона. Только здесь гитара играла гораздо быстрее. И голос — такого голоса он не слыхал никогда. Он тек медленно и густо, как мелодия его окарины. Джо ждал. Тянуло посмотреть, но он вытерпел. Песня кончилась и тут же зазвучала снова. Он взял окарину и стал подыгрывать голосу. Голос умолк. Умолкла гитара. Джо доиграл до конца и вышел на свет. Она сидела на полу, а за спиной у нее высилась груда кристаллических блоков. Стеклянная обшивка пропускала белое сияние

планеты Тэнтемаунт. Она подняла взгляд от гитары, и ее лицо — прекрасное, смуглое, с тонкими чертами, обрамленное тяжелыми каштановыми волосами, перекинутыми на сторону, — исказилось немым ужасом.

— Что ты тут делаешь? — спросил Джо.

Она вжалась спиной в кристаллические блоки. Ее рука, плоско лежащая на светлом дереве гитары, соскользнула вниз, оставив на лаке переливчатые следы.

— Ты Чертыша не видела? Это коточертик — вот такого размера примерно, восемь лап, три рога. Минут пятнадцать назад сюда зашел.

Она резко покачала головой — так резко, что он понял: отрицание относится не к котенку, а ко всему вообще.

— Кто ты? — спросил Джо.

И в эту секунду из-за блоков высунулся Чертыш. Подскакал к девушке, завалился на спину, замельтешил лапами в воздухе, показал язычок — в общем, проявил обаяние. Джо протянул ногу и почесал ему пузико босым пальцем. Он так и был голый после первичного медосмотра, а форма висела у него через руку. На девушке была белая блузка с высоким стоячим воротником и черная юбка чуть ниже колен. То, что напугало

ее, казалось, пряталось где-то под формой: она смотрела так, словно хотела разглядеть что-то сквозь ткань. Джо прочел в ее подвижном лице нарастающее смятение.

— Ты красиво поешь, — сказал он. — Меня зовут Джо. Что ты тут делаешь?

Девушка зажмурилась, уронила гитару на колени и закрыла руками уши.

— Пою, — быстро проговорила она. — Просто пою. Ведь пение — самое важное. Я никому не мешаю. Нет! Не говори мне ничего. Я отказываюсь отвечать на вопросы.

— Ты лучше сама меня о чем-нибудь спроси, а то вид у тебя какой-то растерянный.

Она покачала головой и втянула ее в плечи, словно боясь удара. Джо нахмурился, скосил рот на одну сторону, потом на другую, покусал губу и наконец сказал:

— Не верю я, что ты такой уж симплекс.

Девушка еще сильней вжалась в блоки.

— Я, вообще-то, не солдат вовсе, — добавил Джо.

Она подняла глаза:

— Тогда зачем тебе форма?

— Ну вот, первый вопрос!

— Ой! — Она резко выпрямилась и закрыла

ладошкой рот.

— Форма затем, что я почти стал солдатом. Но она нужна, только когда я на виду. Если она тебя пугает, я ее уберу. — Джо зашвырнул форму на блоки.

Девушка с облегчением расправила плечики.

— Так, значит, ты прячешься от солдат? — медленно проговорил Джо. — Если они тебя тут накроют, лучше притворись симплексом. Ты тоже летишь к Звезде?

Она кивнула.

— Кто ты?

Она взяла гитару:

— Я бы не хотела себя называть. Не то что я тебе не доверяю… Просто чем меньше людей на корабле знают, тем лучше.

— Как скажешь. Но еще кое-что можно спросить?

— Да. Все это войско с Нактором во главе летит к Звезде, чтобы убить меня. Поэтому я должна попасть туда раньше, чем они.

— Я не об этом собирался спросить.

Девушка ужасно смутилась.

— Но все равно спасибо, — улыбнулся Джо.

Она протянула руку и стала чесать Чертышу животик.

— Когда-нибудь я освою этот фокус: отвечать раньше, чем спросят. Когда угадываешь, получается очень эффектно. Я думала, ты спросишь, что тут происходит.

Джо сперва озадаченно уставился на нее, а потом рассмеялся:

— Ты прячешься от солдат прямо у них под носом! Вот это мультиплекс!

Он уселся на пол, скрестив ноги. Теперь они сидели напротив, а в середине лежал Чертыш.

— К тому же если я лечу с ними, то, вероятней всего, они меня не опередят. В худшем случае мы прилетим одновременно. — Она задумчиво поджала губки. — Но мне нужно сообразить, как их обогнать.

Джо тоже почесал Чертыша, и его рука задела костяшками руку девушки. Или наоборот. Джо улыбнулся:

— Вообще, я хотел спросить, откуда ты летишь. Куда ты движешься и где ты сейчас, мне уже известно.

— Ой, извини. Ты знаешь пансион мисс Собира́кс?

— Это кто?

— Не кто, а что. Пансион мисс Собиракс — заведение для благородных девиц.

— А что это?

— Не что, а откуда. Пансион — это откуда я лечу. Жуткое местечко: набирают примерных девушек из лучших семей и учат казаться симплексными до невероятия.

— То-то я тебе и не поверил.

Она рассмеялась:

— Я — педагогическая ошибка мисс Собиракс. Вообще, в каком-то смысле там неплохо: теннис, волейбол в невесомости, водное поло, вертикальный велотрек, трехмерные шахматы. Изредка к нам проникали учителя, которые и впрямь кое-что знали. Но я больше люблю петь и играть на гитаре — этому пришлось учиться самой.

— У тебя здорово выходит.

— Спасибо.

Она сняла со струн длинную нить исходящих аккордов, приоткрыла губы и выдохнула мелодию. Мелодия медленно подымалась с какими-то удивительными, непривычными интервалами и каждый раз будила созвучные струны у него внутри: блаженство, тоску, радость, какой он не знал с тех пор, как играл для Ллл.

Она замолчала.

— Это песня Ллл. Одна из моих любимых.

— Красивая. — Джо заморгал, словно просыпа-

ясь. — Спой дальше.

— Это все, — сказала она. — Песня очень короткая: только эти шесть нот. Она делает то, что ей суждено, и умолкает. Ллл никогда не создают ничего лишнего.

— Понятно… — Мелодия, как нефтяная радуга, растекалась внутри, смиряла волнение.

— Я спою другую…

— Нет, — сказал Джо. — Не надо. Дай мне сперва подумать об этой.

Она улыбнулась и беззвучно накрыла ладонью струны. Джо задумчиво водил рукой по брюшку Чертыша. Коточертик тихонько похрапывал.

— Почему принц Нактор хочет тебя убить?

— Мой отец тяжело болен. Он может умереть в любую минуту. Потому меня и вызвали из пансиона: когда отец умрет, я должна буду принять бразды правления. Но если я опоздаю, власть в Империи захватит принц Нактор. Это гонка на время.

— Так ты — принцесса Империи?

Она кивнула.

— Получается, ты важная персона, — удивленно сказал Джо.

— Если не обгоню Нактора, то не буду никем. Он всю жизнь ждал этого случая.

— А почему именно ты должна принять эти бразды, а не он?

— Во-первых, я освобожу Ллл. Нактор планирует оставить их под своей защитой.

— Понятно, — кивнул Джо и охватил руками колени. — Но как ты это сделаешь и почему Нактор не хочет их освободить?

— По экономическим причинам. Меня поддерживают двадцать шесть богатейших людей Империи. Они знают, что я подойду к делу мультиплексно. Мы еще только летим, а они уже на месте, ждут, чем закончится моя гонка с Нактором. Они отказались помогать ему, и у него осталась только армия. У Нактора достаточно мультиплексное сознание, но он признает один путь: силу. А когда человек не видит других путей, он все равно что симплекс. И вот мои союзники ждут меня в Зале совета с его медными колоннами, и витражи бросают многоцветные отблески на синие плиты, пока в дальних покоях на хрустальном ложе умирает мой отец…

— Жуп… — выдохнул впечатленный Джо.

— Я там никогда не была. Только читала в романе Мюэлса Эрлиндиела. Мы в пансионе Собиракс прочли всю его политическую трилогию. Ты читал?

Джо покачал головой.

— Ты знаешь… — начал он.

— Что?

— Мне кажется, я несу им весть — тем, кто ждет тебя в Зале совета.

— Правда?!

— Я потому и лечу к Звезде. Я должен передать весть, и, по-моему, я почти к этому готов.

— О чем же она?

Джо выпрямился:

— Ты о себе рассказать не спешила, вот и я, пожалуй, приберегу весть для Зала совета.

— Ясно. — Она пыталась казаться равнодушной, но любопытство пересиливало.

— Но кое-что я тебе скажу, — усмехнулся Джо. — Весть связана с Ллл.

— Ясно, — уже медленнее проговорила она. Потом вдруг поднялась на колени и оперлась на гитару. — Слушай, давай договоримся! Без меня ты в Зал не попадешь…

— Почему это?

— Без меня никто туда не попадет. Радужное око у дверей узнает только двадцать восемь сознаний. Двадцать шесть человек уже вошли в Зал. Отец умирает, думаю, его сознание теперь неузнаваемо. Остаюсь я. И я помогу тебе попасть

в Зал, если ты поможешь победить Нактора.

— Хорошо, — сказал Джо. — Согласен. Это по-честному. Как тебе помочь?

— Ну… — Она снова уселась на пол. — У тебя есть форма, ты можешь ходить по всему кораблю…

Джо кивнул и стал ждать продолжения, но она лишь пожала плечами. Потом вопросительно взглянула на него:

— Это ведь уже немало?

— Ясно: остальное я должен вычислить сам. Ладно. Тебе уже кто-то помогал?

— У меня есть маленький компьютер…

— Может быть, я и маленький, — донесся голос из-под формы, закинутой на блоки, — но я еще изрядно подрасту.

— А? — не понял Джо.

— Это Ком, — сказала девушка, — Коммуникативный…

— …обучаемый мультиплекс, — закончил Джо. — Я знал одного такого.

До него только сейчас дошло, что сваленные грудой кристаллические кубы — это логические блоки. Но их было на удивление мало. Он привык видеть, как они покрывают двадцатиметровую стену рубки управления.

— Это Ком придумал пробраться на корабль.

Джо кивнул и поднялся на ноги:

— Ну, может, вместе мы и разберемся с этим делом. Хотя выглядит все не слишком понятно. Кстати, я хотел спросить: к какой из планет в системе Звезды мы летим?

Девушка удивленно молчала.

— Ну не внутрь же самой Звезды?..

— Похоже, он и правда не знает, — сказал Ком. — Тебе нужно больше читать Эрлиндиела, Джо.

— Да, похоже, что не знает. — Девушка озабоченно прикусила костяшку пальца. — Что делать? Объяснить ему?

— Я сам.

— Вы хотите сказать, что в Звезде живут люди? — вмешался Джо.

— Жизнь там возможна, — начал Ком. — Температура поверхности у Возничего меньше тысячи градусов по Цельсию. Возничий — очень тусклая звезда, и в принципе нетрудно было бы разработать охлаждающую систему, чтобы добиться приемле…

— Внутри звезды никто не живет, — перебила девушка. — Но и планетной системы у нее нет.

— Тогда где?..

— Позволь, я все же сам, — вмешался Ком. — Возничий крупнейшая звезда в галактике — в сотни раз тяжелее Солнца и в тысячи раз больше. Но он не только звезда, он…

— На это нужно смотреть комплексно… — начала было девушка.

— Мультиплексно. Возничий — двойная затменная звезда, так считается от начала веков. Но их там семь. По меньшей мере семь гигантских звезд — гигантских в сравнении с Солнцем — танцуют друг с другом довольно сложный, но красивый танец[15].

— И все они движутся вокруг одной точки. Она и есть центр Империи.

— Незыблемая точка мировращения. (С этим тебе прямиком к Элиоту, Джо[16].) Там — гравитационный центр всего этого огромного мультиплексного скопления материи. Центр имперской власти.

— Бразды правления.

— Можешь представить себе, какое невероят-

---

[15] Примечания: 15

Возничий — созвездие, латинское название которого *Auriga*. Невооруженным глазом в нем можно различить около 90 звезд.

[16] Примечания: 16

Поэма «Бёрнт-Нортон» (1935) из «Четырех квартетов» Т. С. Элиота (1888–1965) цитируется в переводе С. Степанова.

ное напряжение испытывают в этой точке время и пространство? Волокна времени расходятся. Темпоральное настоящее и пространственное время сливаются с возможным будущим, и все перетекает одно в другое. Только самому мультиплексному разуму под силу отыскать оттуда обратный путь. Все прочие входят в среду, а выходят в четверг — только сто лет назад и в другой галактике.

— Это разрыв в пространстве и времени, — объяснила девушка. — Пока он во власти Совета, Совет остается у власти. Сам подумай: можно сперва увидеть будущее, а потом исправить прошлое, чтобы в будущем все было так, как ты хочешь. Практически вся вселенная у тебя в кармане!

— Практически, — сказал Джо. — А сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— На два года моложе меня. И сколько раз ты проходила через разрыв?

— Ни разу, — удивленно ответила она. — Я до сих пор нигде, кроме пансиона, не была. Я только читала.

Джо кивнул.

— Скажи, — указал он на логические блоки, — а

этот Ком основан не на сознании Ллл?

— Ну, знаете ли!.. — вскипел Ком.

— Это бестактность, — заявила девушка и гордо выпрямилась. — Нет никакой разницы…

— Никакой, — со вздохом согласился Джо. — Только вот мне кажется, что все это уже не раз было, и потому мне надо вам много чего сказать.

— Например?

— Да, о чем это он? — подхватил Ком.

— Слушайте, — начал Джо. — Прямо сейчас Ллл освободить не удастся. Тебе, принцесса, еще придется владеть ими и познать невыразимую тоску.

— Я ни за что…

— Придется, — грустно повторил Джо. — У тебя их будет столько, сколько не было ни у кого. Видимо, только так ты сможешь потом освободить их. — Он недоуменно покачал головой. — Будет война. Многое, что ты считаешь важным и прекрасным, погибнет.

— Война? С кем?

Джо пожал плечами:

— Может, с Нактором.

— Даже если война, я все равно никогда… Ком, ты же знаешь, что я никогда…

— Погибнет множество людей. И видимо, по

экономическим причинам ты вместе с Советом решишь, что единственный способ все восстановить — это купить Ллл. И ты их купишь. И понесешь на плечах тоску и то, что еще хуже тоски. Вы обе понесете: ты и будущая ты. Но через много лет, когда случится то, о чем я сейчас сказал, ты встретишь одного парня.

Джо оглянулся на свое отражение в стеклянной стене.

— Хотел сказать, что он будет похож на меня, но теперь вижу, что не очень-то. Глаза у него… У него не будет в глазу этой стеклянной штуки. А на левой руке будут когти. Он будет смуглей меня, потому что я долго просидел тут без солнца. С речью у него будет так себе. Волосы цветом как у меня, но длинней и все свалявшиеся… — Джо вдруг сунул руку в поясную сумку. — Вот. Сохрани. Потом передашь ему.

Джо протянул ей красный гребень.

— Хорошо, сохраню, — озадаченно проговорила девушка, вертя гребень в руках. — Если у него что-то с речью, я могу его подтянуть по интерлингу. Мисс Собиракс была помешана на риторике.

— Знаю, что можешь. Помни меня. Помните обе. И когда он придет, помогите ему стать похожим на меня. Вот, — Джо указал на Чертыша, — с

ним будет такой же. Он будет лететь на Звезду, как мы сейчас, но ты тогда уже будешь лететь в другую сторону. Ему будет доверена весть, но он не будет знать, о чем она. Он очень неуверен в себе. Он не поймет, как ты можешь владеть такими существами, как Ллл.

— Но я не…

— К тому времени разберешься. Ты поддержи его, пожалуйста. Скажи, что он узнает, о чем весть, когда придет пора ее передать. Он очень растерян.

— Не слишком привлекательный тип.

Джо пожал плечами:

— Может, тогда у тебя уже будет шире диапазон чувствительности. В этом парне будет что-то…

Девушка подняла глаза от гребня и вдруг сказала:

— Знаешь, ты очень красивый.

Она оробела и тут же удивилась собственной смелости — ее растерянная улыбка разом выразила то и другое. Джо покатился со смеху.

— Прости, я…

— Забудь! — Джо хохоча завалился на спину. — Забудь, все хорошо! — Он задрыгал ногами в воздухе. — Все просто отлично!

Он снова сел и оборвал смех, увидев, что девуш-

ка смущенно стиснула в пальцах ткань юбки.

— Я не над тобой смеялся.

— Дело не в этом.

Он подался вперед.

— Тогда скажи в чем.

— Просто с тех пор, как я ушла из пансиона, все так непривычно… И все вокруг знают больше, чем я. Просто блёб какой-то!

— Блёб?

— Ой! Это тоже случайно вырвалось. Мисс Собиракс хватил бы удар, если бы она услышала…

— Так что такое блёб?

Смущенно хихикнув, она наклонилась к нему и невольно понизила голос:

— Это то, что собирают девушки в пансионе мисс Собиракс!

Джо кивнул:

— В целом понятно. Ты недавно стала мультиплексом, да?

— Да. И он тоже, — указала она на Кома. — Он тоже недавно назывался Кос.

— Может, не стоит так откровенничать? — обиделся Ком.

— Ничего, — сказал Джо. — Я понимаю.

— Со мной теперь постоянно случается что-то странное.

— Странное? Расскажи.

— Ну вот, последнее: я была на корабле — не на этом, на предыдущем, там не нужно было прятаться. Так вот, там был еще бегунок, я ему давала уроки интерлинга. Оказалось, что он пишет совершенно удивительные стихи. Они изменили мою жизнь. Знаю: звучит как в романе, да ты, наверно, и не поймешь, что я имею в виду… В общем, это он меня с Комом познакомил. Они были друзьями еще до того, как Ком стал Комом. И это он подсказал Кому спрятаться на линкоре. За ним однажды тоже гналась целая армия…

— Ни Тай все это пережил?

— Откуда ты его знаешь?

— Стихи читал. Я понимаю, как он тебя изменил. Он умеет показать, что в твоей жизни твое, а что принадлежит истории.

— Да! Именно так я это и почувствовала, — откликнулась девушка и продолжила, опустив глаза: — А если ты принцесса Империи, истории принадлежит столько, что тебе почти ничего не остается.

— Это и с некоронованными особами случается. — Джо достал окарину. — Сыграй со мной.

— Хорошо.

Она взяла гитару, и они сплели тихую восходя-

щую мелодию. За стеклянной стеной проносилась ночь. А может, стояла на месте и слушала, как парень и девушка играют свою музыку, а корабль плывет вперед.

Наконец девушка заговорила:

— Ты так смотришь на меня, словно все обо мне знаешь. Ты читаешь мои мысли?

Джо покачал головой:

— Симплекс, комплекс и мультиплекс.

— Про это ты тоже все знаешь?

— Знаю, что Ком создан на основе сознания Мюэлса Эрлиндиела.

Она обернулась к Кому:

— Ком… ты мне не сказал!

— Я и сам не знал. Ни Тай сказал только, что у меня в основе сознание Ллл. Он не говорил, какого именно.

— А ты — Сан Северина, — добавил Джо.

Девушка снова повернулась к нему:

— Но ты же говорил, что не…

— А теперь говорю, что знаю.

— С течением времени человек развивается, — заметил Ком. — В этом наша единственная надежда.

Впереди смутно показались черные и пламенные гиганты, составляющие мультиплексную

систему Звезды.

Сан Северина подошла к стеклянной стене, прижалась к ней щекой:

— Джо, а ты сам не проходил через временной разрыв? Может, ты поэтому столько знаешь о будущем?

— Не проходил. А вот тебе придется.

Она выпрямилась и уставилась на него огромными глазами:

— А ты? Ты пойдешь со мной? Мне будет страшно одной… — Она легонько тронула его за плечо: — Джо, ты знаешь, чем все кончится? Победим мы или проиграем?

— Знаю, что, так или иначе, это займет больше времени, чем нам кажется.

Рука девушки стиснула ему пальцы.

— Но ты же поможешь мне, Джо! Поможешь!..

Он положил руки ей на плечи. Ее ладошка так и сжимала его ладонь.

— Помогу.

Звезда Империи приближалась.

— Конечно, я помогу тебе, Сан Северина. Разве могу я отказать после всего, что ты для меня сделала?

— А что я сделала? — недоуменно спросила она.

Он коснулся пальцем ее губ:

— Тсс! Если на вопрос нет ответа, значит нужно подождать — и он появится.

Чертыш икнул во сне. Ком деликатно кашлянул. Они обернулись и стали снова смотреть на Звезду. И я в своем гнезде из кости и плоти — я тоже смотрел и видел много дальше. Я — Яхонт.

15

Мультиплексный читатель уже понял, что эта история длинней, чем кажется. Она скручивается в кольцо и объясняет сама себя. Мне пришлось в ней многое пропустить, но переключись на мультиплексное зрение, и пропущенное станет явным.

— Значит, у нее нет конца! — доносится до меня голос некоего комплексного читателя.

Читатель, ты несправедлив. Открой 222 страницу, там я уже сказал, что конец был и что Чертыш, я и окарина остались с Джо.

Тебе нужны еще кусочки мозаики?

Ну вот, например: история закончилась вскоре после того, как Сан Северине — многажды прошедшей через разрыв, облысевшей, морщинистой, израненной, исцеленной, постаревшей на сотню лет — было позволено сложить императорский чин, оставить позади прежнее имя и многие мучительные воспоминания. Она взяла в товарищи огромного ТРИпса, назвалась Хароной и удалилась на спутник под названием Джинрис, где пятьсот лет не имела дела сложней, чем охранять ворота Транспортной зоны и привечать

местных ребятишек в полном соответствии со своим почтенным возрастом.

Еще? Блёб — это вода, которую воспитанницы госпожи Собиракс по капелькам собирают на рассвете с листьев маморотника.

Еще? Ну вот они, вести добрые и дурные, перечень поражений и побед.

Принц Нактор развязал войну, опалившую восемь миров и уничтожившую пятьдесят две цивилизации — малое поражение.

А теперь большая победа: в конце цепочки событий, восстановить которые я предоставляю тебе, Нактор, одуревший от страха и липкий от пота, бежал сквозь джунгли Центрального парка, когда рядом послышался зевок. Из-за группки деревьев вышел Чертыш, успевший вымахать до положенных пятнадцати метров, и наступил на Нактора — совершенно случайно.

В свое время я рассказал тебе, как под мостом, носящим имя Бруклинского, в мире по имени Джинрис, Сан Северина, старая, облысевшая и теперь зовущаяся Хароной, впервые объяснила мальчику Джо Комете, что есть симплекс, комплекс и мультиплекс. А теперь скажу, что этот Джо, такой же старый и морщинистый и звавшийся тогда Норном, научил девочку Сан

Северину песне, которую они играли в заброшенном отсеке линкора в мире, в этой истории пока еще не названном. И над ними тоже высился мост, носящий имя Бруклинского.

Еще могу рассказать тебе, как в день окончательного освобождения Ллл гигантская толпа умолкла пред лицом великой музыки и некий человек по имени Рон, что в юности сам пел для Ллл, со слезами на глазах, с комом в горле — как тогда — обернулся к Ллл, стоявшему рядом в возбужденной тесноте, и, разумея не только потрясающее действие короткой песни на завороженную толпу, но и сокрушительную кульминацию освободительной борьбы, шепотом спросил:

— Видел ты в жизни что-либо подобное?

Ллл промолчал, но какой-то юноша с восточными чертами, сдерживая ярость, бросил в ответ:

— Видел. Пойдем, Мюэлс, надо отсюда выбираться.

Ллл и юноша стали проталкиваться к краю толпы, навстречу странствиям, не менее удивительным, чем описанные здесь, а Рон глядел им вслед, не веря свершившемуся святотатству.

Радостное поражение: принц Нактор сжег тело Джо на ледяной равнине планеты, кружащей на

орбите Тэнтемаунт. Радостное, потому что теперь Джо мог сам выбирать себе оболочки и имена.

Горестная победа: за несколько часов до инцидента с Чертышом в Центральном парке Ком уничтожил сознание принца Нактора. Всей своей массой — много превышавшей ту, что мы видели, — он врезался в Геодезическую станцию, в подвале которой Нактор хранил свой мозг в костяном яйце с питательной жидкостью. Горестная, потому что при столкновении Ком был полностью уничтожен.

Или вот самый конец, совпавший с самым началом истории: явилось долгожданное существо, которому суждено было освободить Ллл, и Джо Комета (тогда его еще звали Норн), Кай, Марибка и я несли эту весть от S. Золотой Рыбы к Звезде Империи. Внезапно у нашей органической капсулы отказал генератор оболочки, и мы потеряли управление. Когда мы пытались спасти капсулу, я на секунду обернулся и увидел, что Норн стоит в носовой части и смотрит на сияющее солнце, навстречу которому мы с ревом неслись. Вдруг Норн захохотал. Безуспешно пытаясь удержать капсулу на заданном курсе, я зло спросил:

— Чему смеешься?

Норн медленно покачал головой, не отводя глаз

от светила:

— Яхонт, ты читал стихи Ни Тай Ли?

Это, как я уже говорил, было в начале истории. Стихов Ни Тая я тогда еще не читал, как не имел и кристаллической формы.

— Нашел время для литературы! — заорал я, хотя до поломки он несколько часов терпеливо слушал мои рассуждения о книге, которую я хотел написать. Кай догреб до нас по волнам протопротоплазмы:

— Похоже, все бесполезно.

Тусклый свет, проникший сквозь слой зеленоватого желе, лежал на его тронутом страхом лице. Я обернулся к Норну. Он по-прежнему не отрывал глаз от растущего в темноте сияния. Хохот стих, Норн плакал.

— Спутник! — крикнул Марибка из полумрака хвостовой части. — Может, осилим аварийную…

Осилили.

И оказались в мире по имени Джинрис с симплексным обществом, построенным вокруг одного продукта, и транспортной зоной.

Мои товарищи погибли. И все же Норн сумел найти нового вестника, а я отправился с ним, чтобы помочь передать…

Постойте, это я, кажется, уже рассказывал?

Хотя сомневаюсь.

В бескрайней мультиплексной вселенной миров по имени Джинрис почти столько же, сколько Бруклинских мостов. Вот начало. Вот конец. Тебе остается лишь открыть в себе мультиплексное зрение и проделать путь от одной точки до другой.

От переводчика

Читатель наверняка заметил, что имена авторов, на которых ссылается Ком, — Оскар Уайльд, Радиге, Кокто — неслучайны в контексте этой книги. Неслучайно, что эти имена стоят парами, например: Верлен и Рембо. Неслучайны и шутки про «лучшего друга-Ллл» и «белокурую дочку» в мире, где раса Ллл пребывает в рабстве. Молодой писатель в Америке 1960-х, Сэмюел Дилэни хорошо знал, что такое расизм и гомофобия. Внук первого чернокожего епископа Епископальной церкви, Дилэни с самого начала ассоциировал себя с черной культурой. Со временем он встал в один ряд и с ведущими писателями и активистами гей-сообщества.

Из менее явных отсылок, наверное, стоит обратить внимание на имена двух небесных тел: спутника Джинрис и планеты Тэнтемаунт. Джин Рис (1890–1979) — писательница, родившаяся и до 16 лет прожившая в Вест-Индии. Впервые приехав в Англию, она, несмотря на вполне «белую» внешность, оказалась в положении нежеланной гостьи. Перед юной Рис с ее колониальным происхождением закрылась не одна дверь. Возможно,

именно события юности повлияли на тематику ее произведений: герои Рис — одиночки и изгои. В ее знаменитом позднем романе «Антуанетта» (тж. «Широкое Саргассово море») 1966 года издания по-новому изложена история обезумевшей креолки Берты с чердака, чей хохот пугал Джейн Эйр в одноименном произведении Шарлотты Бронте.

Имя Тэнтемаунт отсылает к Люси Тэнтемаунт, героине «Контрапункта» (1928) Олдоса Хаксли (1894–1963), а та, в свою очередь, — к реальной женщине по имени Нэнси Кунард (1896–1965). Дочь великосветских родителей и наследница огромного состояния, писательница, поэтесса и издательница Нэнси Кунард умерла в одиночестве, безумии и нищете, посвятив жизнь борьбе с расизмом и фашизмом. Коллеги-литераторы поразному оценивали глубину ее таланта, но она до конца осталась верна своим идеям, и благодаря ее влиянию увидело свет немало прогрессивных работ.

Для тех, кого смутила «лишняя» буква «р» в анаграмме Мюэлс Эрлиндиел: полное имя автора Сэмюел Рэй Дилэни. Друзья же и поклонники зовут его Чип.

О. Исаева

Баллада о «Бете-2»

1

— Да попросту потому, что они существуют![17]

Светодиод в ухе профессора подчеркивал белым острые углы его лица.

— Но… — начал Джонини.

— Но, — прервал его профессор, — все не так просто. Это вы хотели сказать?

В профессорском кабинете они были одни.

— Они жили до нас. Они совершили то, чего никто не совершал и никогда уже не совершит. Они — оставшиеся — живы и сегодня. Поэтому вы должны ими заняться.

— Я говорю о другом, сэр, — настойчиво возразил Джонини. — Я прошу в виде исключения освободить меня от исследования на тему Звездного племени. Я готов держать по ней полный экзамен, но я один из первых на курсе и в силу этого хотел бы миновать подробности и лучше посвятить время диплому. Я пишу о нуктонской цивилизации планеты Кретон-три. Вместо

---

[17] Примечания: 17

Вероятно, отсылка к фразе британского альпиниста Джорджа Ли Мэллори (1886–1924). На вопрос, почему он хочет покорить Эверест, Мэллори ответил: «Потому что он существует». Через год Мэллори погиб на Эвересте. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Звездного племени я готов взять любую тему, имеющую полезный смысл. — Спохватившись, Джонини добавил: — Разумеется, я понимаю, что это особая привилегия, дать которую можете только вы.

— Именно, — спокойно подтвердил профессор. Он чуть подался вперед и продолжил: — Вы, Джонини, не «из первых», а «из особенных», и в силу этого я выслушаю ваши доводы. Но должен признать: в вашей просьбе есть нечто, что мне неприятно.

Джонини перевел дыхание.

— Сэр, мне элементарно жаль времени. В галактической антропологии множество полезных направлений. А Звездное племя — это бессмысленный тупик. Малозначимый, кратковременный фактор, исключенный из космического уравнения еще до того, как он мог на что-то повлиять. Их искусство целиком вторично, а больше они не создали ничего. От них осталось крошечное дикарское поселение, если это вообще можно так назвать, и Федерация из гуманных соображений позволяет ему существовать возле Леффера-шесть… Слишком много культур ждут своего исследователя, чтобы мне перебирать хромированные черепки, где записана история

кучки… кучки слабоумных дегенератов, озлобленных против всего, что не есть они. Коллеги могут думать, как им угодно, а для меня это дегенераты и ничего больше.

— Ну что ж, — негромко сказал профессор. — Я вижу, вы решительны и беспощадны.

Он пролистал пальцем несколько карточек на экране вычислительной машины, потом серьезно посмотрел на Джонини:

— Я не дам вам освобождения и объясню почему. Более того, раз уж вы «один из…», я попробую вас переубедить. Вот вы сказали, что культура Звездного племени — малозначимый кратковременный фактор, упраздненный раньше, чем он мог на что-то повлиять. Вы можете это обосновать?

Джонини был готов к вопросу.

— В начале две тысячи сорок второго года они двинулись к звездам на космических кораблях. Их цель в точности неизвестна, но прежде чем ее достичь, они собирались свободно перемещаться в космосе на протяжении двенадцати поколений… Шестьдесят лет спустя мы освоили гиперпространственные перелеты. И когда их оставшиеся десять кораблей объявились в системе Леффера, Земля уже сто лет как общалась и

торговала с десятками планетных систем. Цели своей они не достигли, и это к лучшему. Уровень цивилизации у них первобытный. Потомки гордого племени, носители славной миссии попросту не выжили бы на других планетах. Что уж тут говорить о дружеских контактах! Корабли, как овец, согнали на орбиту Леффера, имбецилов не тронули, и они продолжили вырождаться. По всем сведениям, они — на своем уровне — вполне довольны. Если так, прекрасно, пусть продолжают в том же духе. Но лично мне они неинтересны.

Уверенный в произведенном впечатлении, Джонини ждал, что профессор, пусть и нехотя, согласится с ним, но молчание затягивалось.

Когда профессор наконец заговорил, голос его звучал еще холодней, чем прежде:

— Вы весьма смело утверждаете, что они ничего не дали искусству. Из этого я делаю вывод, что вы в совершенстве знакомы со всеми их документами.

Джонини покраснел:

— Я, конечно, не специалист. Но все же за двенадцать поколений можно было, кажется, создать хоть одно стихотворение, хоть одну картину, посвященную чему-то, кроме этой их плоской,

слезливой, шаблонной ностальгии.

Профессор вопросительно поднял бровь.

Юноша не отступал:

— Я просмотрел сборник их баллад, изданный Замолом Неллой в семьдесят девятом. Там нет ни одной оригинальной метафоры, ни одного образа, хоть отчасти порожденного их странствиями. Только полумифы-полусказки, построенные по земным моделям: моря, пески, города, народы. В некотором смысле они, безусловно, интересны, но все это — пустые выдумки, они никак не связаны с людьми, которые жили и умирали на кораблях. Меня как исследователя совершенно не привлекают эти слащавые фантазии.

Профессор поднял вторую бровь:

— Вот как? Ну что ж, прежде чем я сформулирую ваше задание, я повторю: Звездное племя совершило нечто небывалое. Эти люди жили в открытом космосе на протяжении поколений и покрыли огромные расстояния. Кроме них, там никто по-настоящему не был: двигаясь гиперпрыжками, мы попросту *огибаем* пространство космоса. — Профессор усмехнулся. — Поэтому не исключаю, что они и впрямь нашли там моря, пески, города и народы.

Джонини хотел было возразить, но профессор

жестом остановил его:

— Вы там не были и потому не можете доказать обратное. В любом случае они проделали опаснейшее путешествие и уж только поэтому достойны изучения.

— Но межпланетное пространство совершенно безопасно, — с ноткой пренебрежения возразил Джонини. — Там же только пустота.

Брови профессора грозно сошлись над переносицей:

— Даже если и пустота — а мы не можем быть в этом уверены, — что дает вам смелость утверждать, будто для землян на земном корабле она безопасна? Возможно, им встретились какие-то другие существа. Напомню вам, что из двенадцати кораблей до Леффера долетели только десять и два оказались пустыми. Возможно, в этой «пустоте» — в этих морях и песках — было что-то нам до сих пор неизвестное. — Отзвук сдержанного волнения в голосе профессора внезапно пропал, словно кто-то выключил свет и в комнате стало тускло и холодно. — Вы утверждаете, что знакомы со сборником Неллы. Значит, читали и «Балладу о Бете-два». Я жду от вас полный ее анализ с исторической точки зрения — на основе первоисточников. Вот ваше задание по теме.

— Но, профессор!..
— Я вас более не задерживаю.

2

Джонини пробежал глазами лаконичное примечание Замола Неллы: «„Бета-2“ — один из кораблей, прибывших пустыми. Баллада исключительно популярна у оставшихся представителей Звездного племени. (Ноты см. в Приложении.) Обращает внимание нерегулярное повторение припева — оригинальная черта многих Звездных баллад — и некоторая эллиптичность синтаксической структуры».

«Вот уж заявка на оригинальность», — саркастически подумал Джонини, возвращаясь к балладе.

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя.
Ступни истерты, а под руками —
Зеленым взглядом сияет дитя.

Трое стояли на стене городской.
Сказали: «Кончился наш покой!»
Один трубу золотую подъял,
На целый город в трубу прокричал:

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

Вот Одноглазая на рынок пришла —
Так у прилавка и замерла.
Молчит, как немая, слезы из глаз,
А в городе грозный разносится глас:

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

На пороге судилища встал судия,
Чтобы суд вершить, как вершил всегда.
И сказал, услышав трубную весть:
«Лишь смерть свою обретет она здесь».

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

На Мертвой главе человек стоял,
В руках человек веревку держал.
Под маской черной не видно лица.
Как каменный, он стоял до конца.

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

Прочь! – закричали со стены городской.
Покачала она седой головой:
Вы сами послали меня во тьму,
И я вернулась по слову моему.

Вошла я во град, Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

Зеленоокого прокляли вы,
Но не он виноват, что вы таковы.
Обыскала я Город и дюн окоём:
Лишь сами вы повинны во всем.

Вошла я во град, Черноокая,
Бескрайность песков пройдя…

На рынок пришла – ужаснулись ей.
Через миг не стало на рынке людей.
Шла мимо судилища – замер судья.
К Мертвой главе подошла она.

Навстречу спустился с горы человек,
Судьба Черноокой решилась навек.
Но все ж улыбнулась она, уходя:
У Одноглазой ее дитя.

Кровь и огонь и плоть на костях,
Камень и сталь – рассыпались в прах,
Самый Город канул во тьму.
Но она вернулась по слову своему.

Вернулась во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя.
Ступни истерты, а под руками —
Зеленым взглядом сияет дитя.

Полный исторический анализ на основе первоисточников означал, что Джонини должен лично отправиться на корабли и записать рассказы по меньшей мере троих представителей Звездного племени. На сбор материала отводилось 24 часа, но он мог получить от администрации разрешение на модификацию времени. Для профессора в университете пройдут всего сутки, а он в Корабельной колонии сможет растянуть их до двух недель. Впрочем, он не собирался тратить ни минутой больше необходимого минимума. Чтобы предельно облегчить себе задачу, он решил перед вылетом провести еще несколько часов в библиотеке.

Для начала он заново пробежал введение к сборнику Неллы и обнаружил там нечто относи-

тельно интересное: «Разумеется, я не входил на территорию кораблей по причине культурной несовместимости и нехватки времени. Однако их население позволило войти роботу-самописцу и выказало некоторую готовность к сотрудничеству. Робот немедленно переслал мне тексты и ноты. Он также записал баллады на постоянный носитель. Единственные изменения, внесенные мной в эти записи, связаны с несомненным нарушением порядка отдельных слов и фраз в тексте. Исследование производилось в сжатые сроки. Неточности могли быть вызваны как нарушением в работе самописца, так и попросту ошибками певца. (Подробнее см. Список разночтений.)»

Джо преисполнился праведным гневом. Хорошо исследование: робот-самописец, ученый, не покидавший своего корабля, и в результате — собрание, на которое ушло меньше времени, чем он потратит на одну балладу! Он отлично представлял себе эту историю. Нелла зачем-то задержался в окрестностях Леффера (чинил корабль или сидел в карантине). Внезапно его осенило, и он наудачу послал в Колонию робота. Часов через шесть робот вернулся, Нелла наскоро состряпал компиляцию и подал ее как серьезное собрание доселе недоступного фольклора.

Такой халтуры, подумал Джонини, должно быть, немало хранится в неистощимых архивах Общегалактической антропологической библиотеки. Ну, раз уж он все равно тут, можно заглянуть и в Список разночтений.

В «Балладе о Бете-2» Нелла поправил только седьмой куплет. Изначально робот записал его так:

На рынок пришла – ужаснулись ей.
Через миг не стало на рынке детей.

Нелла прав: тут явная ошибка. Хотя… Джонини на секунду задумался. Впрочем, нет. Скорей всего, ошибка, решил он. Иначе получалось слишком фантастично, а это противоречило всем его представлениям о Звездном племени.

Медленно и внимательно перечтя балладу, он подумал, что в ней есть какая-то располагающая простота. Жаль, что это все выдумки.

Он вернулся к каталогу и взял еще несколько кристаллических носителей. Выбор был невелик: пять или шесть записей. Джонини искал голубой кристалл (цвет, означающий первоисточник) и, как ни странно, нашел всего один. Джонини заподозрил ошибку, но библиотекарь подтвердил, что голубых кристаллов больше нет.

Кристалл был без названия, и когда Джонини вложил его в проигрыватель, оказалось, что это отчет о первом контакте с кораблями, состоявшемся девяносто лет назад, когда они, почти всеми забытые, вдруг вошли в космические границы Федерации.

Зазвучал голос землянина, говорившего на классически правильном центаврианском с его обилием согласных и резкими звукосочетаниями. Этот язык, благоприятный для смысловой компрессии, часто использовался для официальных отчетов. Из рассказа землянина следовало, что население кораблей встретило гостей крайне враждебно.

«…Наконец мы прибегли к гипнотическим вибрациям, но даже и так проникнуть внутрь оказалось крайне трудно. Дегенерация зашла очень далеко. Эти существа лежат сейчас по всем отсекам в гипнотическом сне, сжимая оружие. Они голые и безволосые. У них бледные, истощенные тела. Несмотря на отчаянные (можно даже сказать, героические) усилия, они не нанесли нам никакого вреда. Гипнолокатор показывает, что по природе своей они не агрессивны. Но они совершенно во власти причудливых мифов, порожденных тут же, на кораблях, в от-

вет на события, восстановить которые теперь невозможно. Поэтому представляется разумным оставить Звездное племя в покое. Серьезный межпланетный скачок кораблям недоступен, девять-одиннадцать миллионов километров — их предел. Судя по всему, раньше между кораблями было сообщение. Во-первых, по радио, во-вторых, есть предположение, что обитатели могли перелетать с судна на судно».

Последовала долгая тишина, потом голос заговорил снова: «У них до сих пор сохранились письменные документы. Изначально они были полиглотами, но вся документация у них на английском. Понимать его довольно сложно из-за изменений в орфографии. К тому же тексты целиком состоят из эвфемизмов. Во многих рапортах упоминается какое-то несчастье на „Рынке“. Поначалу мы решили, что это гидропонные сады или еще что-то связанное с производством пищи. Но Бурбер, наш лингвист, помучившись час, установил, что слово отсылает к сложному механизму продолжения рода, который разработали специально для кораблей. Ради поддержания стабильного населения дети вынашивались и рождались искусственным путем, в „генетическом банке“, или, вернее сказать, на

„генетическом рынке“. Будущие родители приходили туда уже за готовым младенцем. Таким образом сохранялось расовое единообразие и исключались массовые патологии, вызванные радиацией. Судя по этим несчастным, механизм в конечном итоге сработал против них».

Джонини выключил проигрыватель и перечел спорную строку баллады. Вот что, оказывается, значит «рынок». Но если прав был не Нелла, а неизвестный певец, то куда пропали дети? Должно быть какое-то объяснение… Он быстро, но внимательно просмотрел рапорты по отдельным кораблям. Один отрывок особенно привлек его внимание:

«…„Бета-2“ оказалась совершенно пустой. В коридорах никого. Везде до сих пор горят голубые лампы, двери распахнуты, кассеты в проигрывателях остановлены на середине, инвентарь лежит так, словно что-то оторвало людей от привычных дел. В отсеке „Мертвая голова“ картина, напоминающая фото и описания Освенцима во время так называемой Второй мировой войны. Отсек весь заполнен скелетами: можно подумать, что жителей охватила мания суицида или произошло какое-то невероятное массовое убийство. Бурбер заметил, что все скелеты принадлежат

взрослым. В связи с этим был обследован Рынок. Его механизм оказался полностью поврежден, стеклянные емкости, в которых развивались эмбрионы, безжалостно перебиты. Две трагедии, очевидно, связаны, но время не позволяет нам провести более глубокое исследование. На других кораблях гипнолокаторы выявили у людей некое представление о катастрофе, постигшей „Бету-2“ несколько поколений назад, но оно слишком смутно, суть и масштабы случившегося неясны и окутаны всевозможными легендами…»

Тут он снова остановился, а потом быстро пробежал короткий остаток рапорта в поисках упоминаний «Мертвой головы». Перед глазами замелькало: «отсек „Мертвая голова“, «помещены в „Мертвую голову“». В документе упоминался даже «склон „Мертвой головы“», но понятного объяснения Джонини так и не нашел.

Он взял еще один кристалл: копию старого микрофильма, содержащего один из отчетов о строительстве кораблей.

«…снабжены отсеком „Мертвая голова“, предназначенным для переработки отходов. Отсек может также служить для исполнения смертных приговоров в тех исключительных случаях, когда иное решение в рамках столь ограниченного

сообщества невозможно».

Джонини снова обратился к балладе с чувством, уже довольно сильно напоминающим интерес. На Рынке «Беты-2» действительно произошла трагедия. «Мертвую голову» можно было использовать для казней. Возможно, седьмой куплет нужно читать именно так, как записал его робот:

На рынок пришла – ужаснулись ей.
Через миг не стало на рынке детей.
Шла мимо судилища – замер судья.
К «Мертвой главе» подошла она.

По крайней мере, ему было с чего начать.

3

Откинувшись в пилотском кресле-гамаке, Джонини смотрел в черные экраны, неспособные отразить движение в гиперпространстве. У него вдруг мелькнула мысль, что он за считаные мгновения преодолевает пустоту, сквозь которую Звездные корабли веками ползли со скоростью нескольких тысяч километров в секунду. Джонини старался не замечать смутно нараставшее волнение и продолжал думать, что он — будущий галактический антрополог — должен прояснить ничтожный факт из жизни выродившейся культуры.

Как бы хотел он оказаться сейчас на планете Кретон III, в великом городе Нуктоне, увидеть серебряные залы его дворцов, черный сланец парков — наследие расы с трагической судьбой. Расы, создавшей невероятно прекрасную музыку и архитектуру — тем более невероятную, что нуктонцы не имели ни языка, ни иных способов непосредственного общения. Вот это уровень развития, вот это стоит изучать, думал Джонини.

Мир поплыл перед глазами: судно покинуло гиперпространство. Джонини очнулся от раз-

мышлений и подался вперед в своем гамаке.

В углу экрана расплывалось зеленоватое сияние Леффера. Совсем близко скоплением ущербных лун висели Звездные корабли. Он насчитал их шесть: как обрезки ногтей на пыльном бархате. Каждая из сфер, как он знал, имела около двадцати километров в диаметре. Остальные три были, видимо, затенены. И действительно, недолго проследив движение сфер, похожее на некий торжественный ритуальный танец, он вскоре увидел и ранее невидимые три. Корабли были согнаны в тесный, искусно уравновешенный хоровод на расстоянии шестидесяти пяти километров друг от друга. Эта система вращалась на орбите Леффера в трехстах двадцати миллионах километров от него и за десять лет совершала полный оборот.

Вот еще один полумесяц медленно выступил из тьмы, а другой так же медленно пропал из виду. Джонини переключил экран на бóльшую длину волны, и чернота сделалась густо-синей, а полумесяцы округлились до зеленоватых нимбов вокруг темных сфер.

Ему достался компактный пятнадцатиметровый хронолет с шестинедельным временны́м промежутком, что для межзвездного скачка не

так уж и много. Университетское «старичье» запрещало выдавать студентам более мощные машины: безответственные «юнцы» постоянно создавали пространственно-временные парадоксы, чем изрядно бесили администрацию. Кораблям побольше иногда увеличивали промежуток до двух лет. Это было несколько разумнее: если ситуация оборачивалась катастрофой, а ее критический момент был раньше, чем шесть недель назад, пилоту такой машины, как у него, приходилось несладко. Можно было либо курсировать в прошлом от критического момента до кульминации и обратно, посылая отчаянные призывы о помощи (которые вряд ли кто услышит), либо положиться на удачу и выйти в настоящее. А удача редко благоволит участникам космических катастроф. Поэтому администрация вечно жаловалась на несчастные случаи со студентами, а Джонини считал, что все это дело устроено крайне несправедливо.

Когда до кораблей оставалось чуть более полутора тысяч километров, он сбавил скорость до трехсот двадцати километров в час и стал медленно облетать систему, гадая, как узнать среди сфер «Бету-2». И с чего начать: обследовать пустую «Бету» или поговорить с обитателями

одного из других кораблей (если разговор вообще возможен)?

Был и третий вопрос, хоть и не относящийся прямо к его исследованию. Последний отрывок рапорта, что он прослушал с библиотечного кристалла, относился к другому пустому кораблю — «Сигме-9».

«…Практически выпотрошен, — сказал голос из проигрывателя. — Вырван огромный кусок, и сквозь брешь видны внутренности корабля, которые как-то странно переливаются в свете Леффера. Остаток корпуса расколот, считай, надвое. Выживших, конечно, быть не могло. Даже удивительно, как инерция и автопилот удерживали эти развалины на заданном курсе».

Джонини увеличивал картинку, пока сферы не заполнили огромный, во всю стену, экран. Постепенно на свет показался еще один корабль, который, без сомнения, и был «Сигмой-9». «Сигма» напоминала расколотое яйцо, из трещин тут и там выглядывала путаница стальных балок. Главное повреждение действительно составляла гигантская брешь. От нее во все стороны расходились разломы, из которых свисали на проводах какие-то обломки.

Он решил было, что на корабле произошел

мощнейший взрыв. Но, исходя из конструкции судна, взрыв, способный вырвать такой кусок корпуса, разнес бы в клочья и все остальное. Приходилось исключить и удар извне: картина никак не соответствовала известным ему законам коллизионной физики. Если вдуматься, такие повреждения, как у «Сигмы», были невозможны в принципе. И все же вот она, искалеченная, висела в пространстве прямо перед ним…

Он поручил механо максимально приблизиться к системе и, переключив экран на нормальное увеличение, наблюдал, как растут огромные сферы. Когда до ближайшей из них оставалось сто пятнадцать километров, он остановил судно и какое-то время рассматривал ее, но к разгадке не приблизился. Наконец он снова двинулся вперед, сбавив скорость до ста пятнадцати километров в час, чтобы было время подумать. Когда до столкновения оставалось сорок две секунды, он резко вдавил кнопку остановки времени.

И время остановилось.

Джонини пребывал в коконе временно́го стазиса, а его суденышко висело в трех метрах от поверхности Звездного корабля. Он переключил экран на подвижное воспроизведение. Изображение начало расти и вскоре окружило его со всех

сторон. Потом он опустил объектив настолько, что теперь казалось, будто он стоит на корпусе корабля. Джонини огляделся.

Горизонт был пугающе близок. Некогда гладкие пластины обшивки напоминали старый дырчатый сыр: полусгнившие, в бородавчатых бороздах и шелушащихся вздутиях, словно светящиеся чем-то зеленым, ярче света далекого солнца. Он поднял голову.

И затаил дыхание. В четырнадцать раз огромнее Луны, видимой с земной поверхности, над ним нависала «Сигма-9». Он знал, что в этом типе стазиса все неподвижно. Знал, что защищен обшивкой, что находится в считаных минутах от десятка звезд и их безопасных планет. Но застывшая, изуродованная, грозная «Сигма», казалось, летела сквозь черноту прямо на него.

Он вскрикнул, одной рукой заслонил глаза, а другой ударил по рычажку подвижного воспроизведения… Теперь он снова был на корабле, а гигантский экран опять уменьшился до двухметрового иллюминатора. Джонини трясло.

Нет, человеческий разум все еще не готов к бесконечности пространства. В такие минуты хочется схватиться за что-то материальное, пусть даже за ободок стекла собственного космошле-

ма. Но «Сигма», разбитая, мерцающая зеленым огнем… В ней тоже было что-то пугающее — настолько, что он не смог смотреть на нее дольше секунды: казалось, она валится на него и хочет поглотить. Что же это было за мерцание?

Джонини разжал вспотевшие пальцы, вцепившиеся в подлокотник кресла-гамака. Мерцание? Нет, должно быть, это оптическая иллюзия, такая же, как движущаяся «Сигма». Он пребывает во временно́м стазисе. Никакого мерцания в стазисе быть не может. Но тут ему опять вспомнилось размытое зеленое сияние, возникавшее тут и там на обломках корабля. Он навел объектив на «Сигму», чтобы взглянуть на нее уже из привычного, ограниченного пространства штурманского отсека. Искалеченная зеленая сфера по-прежнему мерцала в темноте.

Внутренности сжала паника. Должно быть, неверно задан временной промежуток. Он кинул быстрый взгляд на сигнальные лампочки, но ни одна не горела. Все было как всегда. Он собрался уже вытолкнуть крейсер в гиперпространство, пока что-нибудь и впрямь не сломалось, но вдруг вспомнил: можно проверить по Лефферу. Он включил световой фильтр и приблизил картинку.

Поверхность любого солнца, при обычном ходе времени похожая на сияющую апельсиновую кожуру, в условиях временно́го стазиса выглядит совсем иначе. Из-за так называемого эффекта Кифена солнце превращается в резиновый шарик, который обмакнули в клей и обваляли в разноцветных блестках. Каждое цветовое пятно выступает отдельно и светит словно через призму. В этот раз эффект Кифена был налицо.

Значит, время все же остановлено, но на «Сигме» действует нечто непонятное и на время ему наплевать.

Медленно, на скорости двадцати пяти километров в час, он приблизился к кораблю, переключился на обычное время и стал искать шлюз. Шлюзовой люк был похож на покрытый ржавчиной волдырь на корпусе, и Джонини, ни на что особенно не надеясь, завис над замком и послал в него луч с данными космопаспорта. К его удивлению, из переговорного устройства донесся голос:

— Ваши уши отомкнуты, но глаза черны. Ваши уши отомкнуты, но глаза черны. С черными глазами вход запрещен. Пожалуйста, назовитесь. Отбой.

Голос со старинным британским акцентом

принадлежал машине, автоматическому привратнику. Но сообщение удивило Джонини. Он снова послал луч и сказал:

— Если вы робот, пожалуйста, вызовите человека, чтобы он меня впустил. Мне нужно поговорить с человеком.

— У вас в ушах нет воска, ваши уши отомкнуты и чутки, — снова раздался голос. — Но ваши глаза слепы. Мы не видим вас.

Джонини понял: робот, по-видимому, обучен читать по губам. Нужно послать ему видеоизображение. Он загрузил изображение в простой передатчик и стал ждать, когда на экране появится ответная картинка.

— Ваши глаза прозрели. Ожидайте кода.

В углу экрана замигал черно-белый графический код: белые круги и черные линии. Поверх них шла надпись заглавными буквами: «ВЫ ВХОДИТЕ В ГОРОД „ГАММА-5“».

Один из блистеров на обшивке немного повернулся. Шлюз был рассчитан на корабли в три раза больше хронокрейсера Джонини. Кристаллические наросты на корпусе осыпáлись кусками и развеивались в пыль. Продолжая поворачиваться, люк вдвинулся в корпус и три составлявшие его пластины уехали каждая в свое углубление.

Механо провел крейсер по входному тоннелю. «Гамма» продолжала движение по орбите, и у Джонини на экране на мгновение возникла «Сигма-9». Он вспомнил, как еще недавно сказал профессору:

— Но межпланетное пространство совершенно безопасно.

Считалось, что у кораблей неуязвимые двигатели и непробиваемые корпуса. Тогда что же словно гигантскими клыками изгрызло их оболочки, что раскололо «Сигму-9», как фарфоровое яйцо?

Он заглушил голос любопытства, пообещав себе обратиться к крошечному иридиевому компьютеру на борту хронолета и, задав ему параметры повреждений и растяжений металла, посмотреть, не найдется ли какое-то объяснение. Прежде чем вернуться домой, он слетает к «Сигме» и все как следует изучит. Даже ученые, первыми вошедшие в контакт с населением кораблей, не потрудились по-настоящему во всем разобраться. Когда за ним наконец закрылся тройной люк первого шлюза, он презрительно фыркнул и стал дожидаться завершения действа.

Хронолет затрясся, задребезжал, загорелась лампочка поля отражателя. Эти шлюзы были рассчитаны на корабли гораздо больших размеров, и

теперь металлические лапы грейферов бестолково хватали вакуум. Поле отражателя удерживало крейсер на средней линии шлюзовой камеры, но грейферам не хватало длины. Джонини увеличил плотность поля до уровня титановой стали в радиусе семи метров. Теперь лапам будет за что уцепиться. *Кланг!* Уцепились. Из динамиков донесся голос:

— Приготовиться к высадке.

«Ну что ж, рискнем», — подумал Джонини.

Давление в шлюзе теперь равнялось земному. Интересно, как в остальных отсеках? Остается надеяться, что роботам хватит ума не впустить его, если внутри что-то не так. На всякий случай он добавил к аварийному комплекту окси-сферу. Проверил батарею на поясе, завязал ремешок на левой сандалии и двинулся к выходу. Благодаря селекторным полям двойные шлюзы давно ушли в прошлое. Круглая металлическая радужка разделилась натрое, створки убрались в ниши, и он увидел стыковочную трубу, прилепившуюся к границе поля отражателя.

На хронолете достаточно точно воспроизводилась земная сила тяжести. На «Сигме» царила невесомость. Джонини вынырнул наружу и почувствовал, как ушел вес. Разинув пасть, тру-

ба поднялась навстречу и проглотила его, как гигантская минога. В трубе свет был мягкий, бело-голубой. Джонини втягивало внутрь, но он остановил движение, нажав кнопку на своем силовом поясе, и, цепляясь за поручень, стал понемногу подтягиваться вперед.

В прямоугольные иллюминаторы видна была остальная часть шлюза, слабо освещенная тем же голубым. Метров через семь на смену ребристым стенкам пришла гладкая сталь. Здесь иллюминаторов уже не было: он добрался до корабля. Сзади в трубе что-то прошелестело. Он резко обернулся. Это тройные челюсти сомкнулись, отрезав его от шлюза. Стало довольно прохладно, откуда-то потянуло ветерком. Труба кончилась.

В обе стороны тянулся коридор. Стены его углом сходились у Джонини над головой. Посередине коридора шел спиральный поручень. Если верить стрелкам на стенах, в одной стороне была «РЕКРЕАЦИЯ», в другой — «НАВИГАЦИОННЫЙ ОТСЕК». По-английски Джонини говорил как филолог: хорошая разговорная речь и минимум терминов (все равно большинство из них вытеснили заимствования). Впрочем, он знал немало латинских корней, что считалось полезным на случай, если придется распознать незнакомое

слово.

Порывшись в памяти, он решил, что навигационный отсек будет поинтереснее. Латинское *creo* вкупе с приставкой *re* обещало некое воссоздание. Чего именно и какими методами, интересно было бы узнать, но *navigo* наводило на мысли о древних мореходах, приносивших жертвы морским божествам. Пораженный этими образами, Джонини двинулся в сторону навигационного отсека.

Через минуту он уже стоял в небольшом помещении с массивной стойкой посередине. Вокруг были экраны, какие-то индикаторы, по стенам стояли рабочие столы. Зная, что балки у корабля металлические, Джонини сгенерировал слабое магнитное поле на подошвах своих сандалий, медленно опустился и прищелкнулся к полу. Для начала он осмотрел столы. Очевидно, в этом отсеке изначально действовало притяжение.

— Одну минуту, — сказал из колонки голос робота. — Я постараюсь найти человека, как вы о том просили.

— Спасибо. А куда все делись?

— Слишком сложный вопрос. Я постараюсь найти человека.

Пять секунд прошло в молчании, потом робот

заговорил снова:

— Прошу прощения, сэр. Никто не отозвался.

— Тут что, не осталось живых людей?

— Люди живы, сэр.

В монотонном голосе автомата Джонини вопреки логике послышалась смутная угроза.

На одном из столов лежала стопка книг. Книги! Настоящие книги Джонини обожал. Тяжелые, неуклюжие, неудобные в хранении, — для большинства ученых они были бичом, но он приходил от них в состояние, близкое к трансу. Не важно, что там внутри. Любая из них настолько стара, что каждое слово в ней сияет гранью давно утраченного алмаза. Самая идея книги шла вразрез с нынешним скоростным, напряженным, рационально-экономным веком, самая толщина ее уже равнялась откровению. У него была коллекция настоящих книг — около семидесяти штук. В университете ее считали вычурной и дорогой причудой. Жемчужина коллекции, со страницами, облеченными в прозрачный защитный пластик, называлась «Телефонный справочник Манхэттена, 1975 год».

Джонини процокал сандалиями к столу и взялся за верхнюю книгу. Она подалась с трудом и цыкнула магнитом, отъединяясь от остальных.

Он открыл ее. Страницы из тончайшего металла засеребрились в свете голубых ламп. Буквы были вытиснены какой-то машиной. Похоже, он держал в руках бортовой журнал или дневник: каждая запись была помечена датой и временем. Джонини перелистнул на середину и прочел наугад:

«Мы в пустыне уже тридцать девять часов. Не знаю, сколько еще выдержит корабль. Плотность песка варьирует от пятнадцати до двадцати двух. Страшно то, что нельзя понять, когда это кончится. Двенадцать лет назад мы попали в первую пустыню и пересекли ее за четырнадцать часов. Два года спустя мы опять вышли из моря и двигались сквозь негустой песок одиннадцать месяцев. Корабль потерпел огромный урон. Тогда еще мы поняли, что если это будет повторяться, то до четвертого поколения мы не доживем. Потом внезапно — снова чистые воды. Плыли океаном почти шесть лет. Потом — трехчасовой чудовищный самум с плотностью до ста пятидесяти и выше. Эти три часа стоили нам не меньше, чем первые четырнадцать. Сколько еще брести нам в пустыне — час? Год? Сто лет? Пятьсот?»

Позже:

«Последние девять дней плотность песка

устойчиво держится на отметке шесть. Грех жаловаться, но даже при одном-двух мы долго не пролетим. Сегодня вечером была свадьба: Африд Джарин-6 и Пегги Тай-17. Праздновали на Рынке. Я ушел рано, немного выпивший. Они выбрали зародыш ВХ-57911. У него есть и мои гены. Пегги пошутила: „Раз уж вы крестный отец, пускай ушки ваши будут“. Африд принял шутку очень хорошо — наверное, потому, что в генной основе ребенок все-таки их. Я возвращался с тяжелым чувством. Африд и Пегги сами дети с Рынка. Эта наша новая молодежь кажется простоватой и бесцветной тем, кто еще помнит Землю. Конечно, им ничего не говорят о том, насколько опасна пустыня. Они умеют выжать столько удовольствия из мелочей, они так верят в успех наших странствий, что было бы жестоко омрачить их скромное счастье правдой. Я знал, что потом будет хуже, но все-таки связался с Лилой на „Бете-2“:

— Доложите обстановочку, капитан Лила.

— Обстановочка неплохая.

— Слушай, а давай ты переберешься ко мне? Воспитаем вместе ребенка…

— Ты выпил, Хэнк.

— Не то чтобы очень. Я серьезно, Лила. Сдай

Город старпому и садись в челнок. Я сам себя понижу до консультанта, и будем жить-поживать невесомо в Центральном отсеке, пока нас не разлучат естественные причины. Мы с тобой не молодеем, так что подумай хорошенько.

— Пустыня тебя довела?

— Ли, все это такой бред! Откуда нам было знать, что мы нарвемся на эту мерзость? Если бы знали, может, подготовились бы. А что, если там до самого конца мезонные поля, да еще поплотней этого? Они же как наждак стачивают корпус.

— А если мы выйдем из этого поля через десять минут и больше они нам на пути не встретятся? Мы не знаем, что нас там ждет.

— Да, может, нас там ждет фиолетовый дракон с бумажными крыльями и проглотит корабли, как драже. Но это маловероятно. Единственная вероятность — что эти чертовы мезоны сточат нас до костей. Ты смотришь иногда в наружную камеру? Обшивка похожа на карту дорог Северо-Атлантических Штатов. Такими темпами через триста лет к Лефферу вместо кораблей прилетят куски швейцарского сыра. Перебирайся ко мне, Ли.

— Послушай, Хэнк…

(Я не видел ее, только слышал голос. Мы всегда

разговаривали с черными глазами. Последний раз я видел ее, когда ей было двадцать два. Както странно было подумать, что ей сейчас под семьдесят.)

— …Хэнк, а если мы все же выберемся из пустыни? Тогда мне еще лет десять нужно учить молодежь, чтобы через триста лет наши были не только живы, но и достойны называться землянами. А мы с тобой через десять лет будем годиться только для „Мертвой головы“.

— Другие научат, Ли.

— Этого недостаточно, ты сам знаешь.

Я помолчал секунд пять.

— Да, знаю.

И тут она меня удивила. Только тогда я понял, чего ей стоят эти странствия в песках.

— В следующий раз, как плотность песка достигнет ста двадцати пяти, я приду к тебе, Хэнк, — быстро проговорила она и отключилась.

У меня голова идет кругом».

Дочитав эту запись, Джонини просмотрел следующие:

«Плотность песка поднялась до одиннадцати». «Плотность опустилась до восьми». «Сегодня семь». «Стабильно семь». Так до конца месяца. Потом внезапно: «Плотность поднялась до девят-

надцати». Дальше: «Плотность тридцать девять». Спустя час: «Семьдесят девять».

Еще через час:

«Не знаю, как это случилось и почему. Последние три часа я смотрел, как стрелка ползет вверх: девяносто четыре, сто семнадцать. От меня остался какой-то сорбет из пота, замерзший и бесполезный. Вдруг у моего локтя заверещал проклятый интерком. Ударив по рычажку, я услышал голос Ли:

— Хэнк, что нам делать? Что происходит? Почему?

— Ли, я… Я не знаю.

— Господи, Хэнк, сто тридцать девять… Сто сорок девять! Хэнк, у нас была мечта. Мы мечтали о звездах! А теперь мы к ним не попадем. Никуда не попадем…

Она плакала, а я уже не чувствовал ничего. Когда я взглянул на индикатор, стрелка двигалась со скоростью секундной стрелки часов.

— Хэнк, сто девяносто шесть. Я лечу к тебе.

Она так плакала, что я едва разбирал слова.

На индикаторе было 209.

— Ты с ума сошла! — закричал я. — У тебя челнок распадется через триста километров. Это конец. Нам всем конец!

Ли плакала.

— Я лечу к тебе.

Стрелка взлетела выше трехсот. И — упала до нуля, на три секунды замерев возле сорока пяти. Моей первой мыслью было: индикатор сгорел.

Я слышал по интеркому, как Ли хватает ртом воздух.

— Хэнк?

— Да, Ли.

— Выбрались.

Выбрались, и, что важно, ничего у нас не сломалось. Разве только надломилось что-то у меня внутри.

— Мы снова в море, Хэнк. На море штиль.

Потом она сказала:

— Я лечу. С тобой я не останусь, но я хочу тебя увидеть».

Джонини перевернул страницу.

«Полчаса реактивные струи от ее челнока светились на экране, словно развевающиеся волосы. Она прибыла с ясными глазами и открытыми ушами. Я пошел к трубе встретить ее. Вот она вошла. Вот приостановилась, должно быть, заметила меня. Потом она, кажется, подняла голову, и я увидел ее блестящие карие глаза, ее черные волосы, спадающие на плечи, немного курносый

нос, алебастровую кожу и улыбку на чуть полноватых губах. Потом она приблизилась — и я понял, *что* увидел на самом деле.

— Хэнк… — произнесла она, пройдя — очень медленно — три четверти пути.

Я двинулся ей навстречу. У нее были короткие седые волосы и распахнутые глаза. Она не улыбалась и дышала тяжело.

— Хэнк? — Казалось, она не верит, что это я. — Вытащи меня из зоны притяжения, а то так и до удара недалеко.

— …Что?

— Я в последнее время расхворалась, поэтому в основном была в отсеке с невесомостью.

— Да, да… конечно.

— Совсем стерла ноги, — усмехнулась она.

Голос я узнавал. Это был ее голос, незаметно менявшийся все сорок лет с тех пор, как мы покинули Землю. Но когда я приобнял Ли за плечо, то почувствовал, что кожа ее обвисла на костях. Мы добрались до конца трубы и вошли в лифт. Попав в невесомость, она сразу почувствовала себя лучше. Посмотрела на меня:

— Похоже, Хэнк, ты… сохранился лучше, чем я. Правду говорят, что красивые женщины быстро старятся. А я была очень… очень хорошенькая,

правда ведь? — Она снова засмеялась. — Можешь не отвечать. Да уж, теперь я понимаю, что значит стереть ноги.

— Стереть ноги? — переспросил я.

— До вас еще не добралась эта фраза? У нас в Городе молодежь так говорит, если кто-то долго пробыл в невесомости, а потом попал в отсек с притяжением. Не бойся, доберется и до вас. Забавно, как мы перенимаем словечки от молодых. Верней, сперва они перенимают слова от нас и дают им новое значение. А потом уж и мы подхватываем. Они на нас влияют не меньше, чем мы на них. — Лила вздохнула. — Мы вложили в них столько земного, что они хотят и здесь сотворить Землю. Всему дают земные имена. Как думаешь, мы дотянем?

Я промолчал. Хотел ответить и не мог. Она ждала с улыбкой, которая не очень шла теперь к ее сморщенным губам. Потом улыбка медленно погасла, Ли посмотрела на свои пергаментные руки. Когда она снова подняла глаза, в них было что-то похожее на страх.

— Ли, мы ведь с тобой состарились. Теперь не так уж много остается… — Это прозвучало почти как вопрос. Словно Ли могла объяснить мне, как все это вышло.

Когда она наконец заговорила, то сказала просто:

— Пора мне домой.

У входа в челнок мы обменялись еще двумя словами, вернее, одним и тем же — „прощай“.

Я обнял ее. Она изо всех сил сжала мне плечи. Как мало сил у нее осталось… Я поскорее отпустил ее. А потом был лишь завиток серебряного света на экране.

Весь день я был в отвратительном настроении, и молодежь сторонилась меня, как чумы. Но вечером я связался с „Бетой-2“.

— Доложите обстановочку, капитан, — сказал знакомый голос.

— Докладываю…

Мы рассмеялись. А потом было то, чего не было уже очень давно. Мы с Лилой часа полтора говорили о звездах».

Джонини закрыл журнал. Песок и пустыня — это мезонные поля. Городами они называли корабли. Седые волосы — светлый газовый след от челнока. Стертые ноги, черные глаза — понятно. Конечно, баллада о «Бете-2» относится к более поздним временам, Хэнк и Лила, первые капитаны, ее не знали. Но, по крайней мере, в припеве почти все ясно. Он повторил про себя

балладу, и незаметно все ушло на второй план: экраны, приборы, даже книга в его руке:

Вступила во град Черноокая,
Бескрайность песков пройдя.
Ступни истерты, а под руками —
Зеленым взглядом сияет дитя.

4

— Здравствуй.

Джонини резко обернулся и чуть не отлепился магнитами от пола. Книга вырвалась у него из рук и поплыла прочь, отскакивая от углов.

Одной рукой держась за край люка, мальчик вытянул ногу и перехватил книгу пальцами костистой ступни.

— Держи.

Он подтолкнул книгу к Джонини, и она, кувыркаясь, двинулась обратно.

Джонини поймал ее:

— Спасибо.

— Не за что.

Мальчик был худой, голый, с белой до свечения кожей. Джонини решил бы, что ему лет четырнадцать-пятнадцать, если бы не волосы, тонкие, длинные, почти бесцветные, на висках поредевшие, как у старика. Из-за них выражение лица читалось как-то странно. Нос у него был плоский, губы тонкие, и надо всем — огромные зеленые глаза.

— Что ты тут делаешь? — спросил мальчик.

— Я… просто смотрю…

— Что хочешь высмотреть?

— Гм… все, что удастся.

Неожиданная настойчивость вопросов не понравилась Джонини.

— Ее тоже высмотрел? — Мальчик показал ногой на книгу.

Джонини сухо кивнул.

— И можешь прочесть, что там?

Джонини кивнул снова.

— Значит, ты умный, — широко улыбнулся мальчик. — Спорим, я тоже могу? Дай-ка ее сюда.

Не зная, что еще тут можно предпринять, Джонини толкнул дневник к нему. Мальчик опять ухватил его одной ногой, а другой открыл. Нагнулся и свободной рукой перелистнул первую страницу:

— «Бортовой журнал Города „Гамма-пять“, собственность капитана Хэнка Брандта. Начат…»

— Хорошо-хорошо, верю, — перебил Джонини, и тут его поразила новая мысль. — Где ты научился говорить?

— Как это — где? — Мальчик удивленно расширил зеленые глаза.

— Я про выговор. У тебя, можно сказать, современный английский выговор.

Действительно, у мальчика совсем не было

слышно церемонно-старинной интонации, что звучала в речи корабельного робота.

— Ну, я… Я не знаю, где научился. — Он огляделся. — Здесь вот и научился.

— А где остальные?

Мальчик отцепился от люка и медленно поворачивался в воздухе, по-прежнему держа ногами книгу.

— Остальные — кто?

— Остальные люди.

— На кораблях. — Он помолчал и добавил: — Но на «Сигме-девять» и на «Бете-два» людей нет.

— Я знаю. — Джонини старался сохранять терпение. — А где люди на этом корабле?

— Большинство — в Центральном отсеке: на Рынке, в Рыбной лавке, в Горах. Или внизу, в Бассейне.

— Отведешь меня к ним?

Мальчик тем временем почти успел описать в воздухе полный круг.

— А ты точно хочешь?

— Почему нет?

— Они тебе не обрадуются. — Он снова ухватился рукой за край люка. — Последних гостей чуть не убили. У них шоковые ружья до сих пор работают.

— Гостей? Каких гостей?

— Лет девяносто назад какие-то люди хотели сюда попасть.

«Первый контакт с Федерацией», — подумал Джонини.

Внезапно мальчик прянул с потолка вниз. Джонини дернулся в сторону и чуть было снова не оторвался от пола. Но его собеседник, как оказалось, просто хотел положить книгу на место. Магниты прицокнулись друг другу. Мальчик рукой и ногой ухватился за край стола. Джонини впервые увидел вблизи его ступни: подвижные, цепкие пальцы были длиной почти что с пальцы рук.

— Что же ты тут делаешь в таком случае? — спросил Джонини.

— Механо доложил про тебя, вот я и пришел.

— А есть кто-то постарше? Какое-то начальство, кого можно как следует расспросить?

— Начальство тебе вряд ли поможет.

— И все-таки где оно?

— Я уже говорил: на Рынке и в Бассейне. — Он повернул на стене какой-то переключатель. — Вот, смотри.

Серый экран рвануло вспышками цвета, которые со временем слепились в изображение

большого зала. В зале притяжение действовало, но, похоже, несильно. Пол был покрыт водой, которая пузырилась и плескала замедленными волнами. Под разными углами зал пересекало множество труб из прозрачного пластика. В воду погружались пластины-проводники, одни больше, другие меньше, но все — огромных размеров. По одной стене шел ряд мощных железных лап-манипуляторов. А по трубам длинными скачками перемещались люди: мужчины это или женщины, понять было нельзя. У них были розовые, подслеповатые глазки и слуховые трубки, вросшие в безволосый череп. Сутулые, с узластыми пальцами без ногтей, люди порой останавливались, механическим движением переключали что-то на панелях управления, и тогда проводники поднимались или опускались. Джонини вспомнил описание Звездного племени, слышанное в библиотеке. Этим людям оно подходило куда больше, чем зеленоглазому мальчику, стоявшему подле. Джонини глянул на него: ногти, хоть и обгрызанные, были на месте. И у него были волосы, а у этих… у этих людей кожа была совершенно голая.

— Вон тот — начальник. — Мальчик указал пальцем, и в ту же секунду один из людей дал

другому подзатыльник; тот пошатнулся, поймал равновесие и побежал к следующему пульту. — Не думаю, что он захочет тебе помогать. Это, собственно, и есть Бассейн. Я не люблю туда ходить.

Джонини посмотрел на существа в трубах, на каждом шаге словно приставшие ступнями к полу. Потом — на мальчика, так ловко оседлавшего невесомость.

— У тебя бывает, что ты стираешь ноги?

— Еще как.

— Что они там делают? — Джонини снова повернулся к экрану.

— Обслуживают один из временных реакторов: он всегда должен быть под водой. Благодаря ему вращается та часть корабля.

Как гироскоп внутри пляжного мяча, подумалось Джонини. Погружной реактор. Примитив! Странно, как при стольких движущихся частях вся эта конструкция еще не развалилась…

Мальчик выключил экран.

— А ты на них непохож. Почему так? — спросил Джонини. Вопрос напрашивался сам.

— Я из другого Города.

— Понятно.

Очевидно, деградация распространилась не на

все корабли.

— А там, у вас, никто не может мне помочь?

— Помочь — с чем?

— С информацией.

— С какой информацией? Ты не очень ясно говоришь.

— Мне нужно узнать об одной песне. У вас есть песня о «Бете-два».

— Которая? О «Бете-два» больше песен, чем обо всех остальных Городах, вместе взятых.

— И ты их знаешь?

— Многие знаю.

— Мне нужна «Баллада о Бете-два». Начинается так: «Вступила во град Черноокая».

— А, эту знаю, конечно.

— И о чем там вообще?

— О Лиле RT-857.

А что, если это какая-нибудь правнучка женщины, которую любил Хэнк Брандт?

— Кто это?

— Лила была капитаном «Беты-два», когда… когда все… когда… Я не знаю, как это сказать.

— Что́ сказать?

— …когда все переменилось.

— Что именно?

— Все, — повторил мальчик. — «Ипсилон-семь»

и «Дельта-шесть» были атакованы, «Сигма-девять» искалечена, мы застряли в пустыне, Рынок обрушился, и… все переменилось.

— Кем атакованы? И что именно переменилось?..

Мальчик пожал плечами, покачал головой:

— Я больше ничего не знаю. Объяснил, как мог.

— Откуда была атака?

Молчание. Зеленые глаза глядели широко и удивленно.

— Когда все это случилось?

— Двести пятьдесят лет назад, — наконец отозвался мальчик. — Городам оставалось лететь еще сто пятьдесят лет. А Лила RT-восемьсот пятьдесят три была капитаном «Беты-два».

— И что было дальше?

Мальчик пожал плечами:

— Дальше было, видимо, как говорится в балладе.

— Это я как раз и пытаюсь понять: что в ней говорится. — Джонини замолчал, вспоминая нужный куплет. — Можешь ты мне сказать, кто была эта одноглазая женщина?

— Ее звали Меррил. Одноглазая Меррил. Она была одна из… в общем, одна из Одноглазых.

— А кто такие Одноглазые?

— Они погибли, — сказал мальчик после минутного молчания. — Они бы тебе помогли, но они все погибли.

— Да кто они были такие? Что делали?

— Они скрывали нас от остальных. Учили нас. Хотели научить, что делать. Но их в конце концов убили. Остальные убили — те, которых ты видел в Бассейне.

Джонини нахмурился. Какая-то мысль начала проступать, но ухватить ее пока не удавалось.

— А в твоем Городе есть кто-то, кто это все объяснит? Может, перелетим туда?

Мальчик покачал головой:

— В моем Городе тебе не помогут.

— С чего ты взял? Ты что, всех там знаешь?

Джонини не ждал ответа, но мальчик кивнул.

— И сколько вас?

— Много.

— Тогда давай попробуем.

Мальчик пожал плечами.

— Они на меня не нападут?

— Нет.

— Отлично.

Джонини с радостным волнением думал о том, что можно будет обнаружить на другом корабле.

Но он переоценил магнитное поле своих подошв, повернулся слишком резко и беспомощно повис под потолком.

Мальчик, все еще державшийся за стол, протянул вверх ногу:

— Хватай меня за руку.

Джонини, после нескольких попыток, уцепился за его щиколотку и был притянут вниз. Его сандалии снова прищелкнулись к переборке.

— Ты, вижу, не очень привык к невесомости? — спросил мальчик.

— Не доводилось в последнее время. — Джонини отпустил его ногу и выпрямился. — И это, по-твоему, называется «рука»?

— А по-твоему, нет? — парировал мальчик с ноткой возмущения.

— По-моему, это нога, — засмеялся Джонини.

— Да, но ведь ноги же и есть — руки?

— Ну, теоретически любую конечность можно назвать… впрочем, бог с ним.

Не было смысла вдаваться в подробности. Они двинулись к люку, и Джонини подумал, что эта словесная прихоть вряд ли повлияет на трактовку баллады. Действительно, ноги логично назвать руками, если под действием невесомости они почти сравнялись в проворстве. Но значит

ли это, что странную строку из баллады надо понимать как: «…под ногами зеленым взглядом сияет дитя»? Нет, нонсенс.

И все же что-то слышанное очень давно на лекциях по семантике кололо мозг. Как же это называлось? Спираль убывающей семантической функциональности?.. Кажется, да. И тут до него дошло. Там, где гравитации нет или почти нет, где все конечности у людей сделались одинаково ловкими, слова, обозначающие положение по вертикальной оси: «верх» и «низ», «выше» и «ниже», «над» и «под» — должны были вскоре утратить первоначальную четкость значения. По теории спирали, прежде чем навсегда исчезнуть из языка, такие слова еще живут какое-то время в качестве узких синонимов слов, чье значение не пострадало: «внутри», «сквозь», «между». (Вот, кстати, два отличных примера действия спирали, совершенно неизвестных Джонини: «рекреация» и «навигационный отсек»). Между, подумал Джонини. «Между ногами». Он остановился у входа в стыковочную трубу, ведущую к крейсеру. Мальчик тоже остановился и вопросительно мигал зелеными глазищами.

…Нет, это невозможно. Население кораблей рождалось только на Генетическом рынке. Но

ведь Рынок якобы обрушился, и все переменилось…

— Ты из какого Города? — внезапно спросил Джонини.

— Из «Сигмы-девять».

Джонини замер. Открылся тройной люк, отделявший их от гибкой части трубы.

— В каком доке твой челнок? — спросил Джонини.

Мальчик помотал головой.

— Говори, в каком доке!

— Я без чел…

— Так как же ты сюда попал??

— А вот как, — сказал мальчик, и мальчика не стало.

Джонини парил в трубе совершенно один. Он оторопело заморгал и подумал, что свихнулся. Потом решил, что здоров, но вокруг происходит что-то странное. Действительно: если все это — иллюзия и бред, разве мог бы он заметить несовпадения в собственном бреде? Мальчишка, например, сказал, что на «Сигме» их много, а до того утверждал, что людей там нет. Джонини вдруг развернулся и, цепляясь за стены, двинулся в сторону штурманского отсека. Резко толкнувшись внутрь, заорал на механо:

— Соединить меня с тем, кто скажет, что здесь творится!

— Прошу прощения, сэр, — все тем же церемонным голосом отвечал робот. — Я объявил о вашем прибытии во всех частях Города, но никто из человеческих существ не отозвался.

И повторил:

— Никто из человеческих существ не отозвался.

У Джонини по спине пробежал холодок.

5

Он снова сидел в своем гамаке и смотрел, как в иллюминаторе вырастает искалеченная «Сигма-9». Смятые пластины ее оболочки были источены мезонами. Корабль многие миллионы километров мчался сквозь бешеные потоки крошечных частиц. Мезоны больше электронов и меньше нуклонов. Разные по массе, скорости вращения и заряду, они не имеют числа. Но катастрофу вызвали не они.

В прямом солнечном свете вспыхнули оголенные ребра корабля, и Джонини непроизвольно сбросил скорость. Теперь он плыл над мертвым судном, а еще ниже ворочалась бездонная чернота. Отсюда мерцание, растекавшееся по обломкам «Сигмы», было незаметно. Он включил иридиевый компьютер, чтобы тот заснял измятый и перекрученный металл: может, машина восстановит, что тут произошло. Джонини проплыл над краем пролома и, под указания механо, стал медленно спускаться на дно, где пузырем вздувался мрак. Как только хронолет вошел в тень, экран почернел. Джонини прогнал стрелку селектора по спектру, и, когда она уперлась в фиолетовый,

проступили туманные очертания обломков. Балки, чем-то оплавленные на концах, окутанные, как паутиной, синим подводным туманом. В слабом гравитационном поле, возникшем вокруг тяжелого корабля, лениво плавал всевозможный космический мусор.

Внизу, прямо под ним, чернела пасть коридора, похожая на отверстие стыковочной трубы. Джонини водил объективом, изучая темную внутренность «Сигмы», и вдруг остановился. В глубокой морской синеве теплилось что-то красное. Он быстро проверил приборы: радиация практически в норме. Проверил еще раз и обнаружил какой-то источник излучения слева наверху. Что же означало красное свечение? Корабль быстро уходил вниз по своей искусственной орбите. Джонини переключил было объектив на обычное световосприятие, но экран мгновенно почернел.

Компьютер деловито гудел, но никаких результатов пока не выдал. Когда его судно заякорилось за какую-то балку, Джонини достал окси-сферу. Это был подвижный энергетический пузырь из геодезически кристаллизованных частиц плазмы. Его можно было носить на силовом поясе и развертывать вокруг себя. Пузырь обеспечивал

хозяина кислородом на шесть часов, а свойства оболочки из плазменного желе можно было менять для защиты от излучения почти любой частоты. Растягиваясь и облегая руки, как перчатка, оболочка позволяла проводить изнутри пузыря самые тонкие работы.

Пузырь, покачиваясь, вырастал на полу. Джонини вступил внутрь, и оболочка сомкнулась, а у него лишь легкий озноб пробежал по коже.

Джонини двинулся к выходу, и пузырь покатился вместе с ним. Он словно бы шел внутри воздушного шарика. Железный сфинктер люка разжался, и за ним возникла круглая непроницаемая чернота. Джонини прикоснулся к поясу, и дифференциал частоты света перешел в фиолетовый — корабль за его спиной потемнел, зато по ту сторону шлюза все окуталось бледно-голубым размыто-молочным сиянием.

Хронолет заякорился за гигантскую восьмиугольную паутину из металлических балок, метров на триста выдававшихся там, где неведомая сила вырвала у корабля кусок корпуса. Внутрь космической руины уходили бесчисленные коридоры, как перерезанные артерии в куске мяса. Наверху виднелась часть вспоротой оболочки. Внизу красное сияние просачивалось

из-за погнутых балок, из трещин в переборках.

Оттолкнувшись от шлюза и паря в голубом тумане, Джонини оглянулся на свое суденышко — тонкое, продолговатое, словно обтянутое бесшовным синеватым серебром. Снова взглянул на металлическую паутину — и, схватившись за пояс, резко остановил движение, да так, что ударился в прозрачную оболочку. По балкам карабкалось какое-то существо.

Вот оно выпрямилось и помахало рукой.

Мальчик, как и был нагой, стоял среди вакуума, беззащитный и невредимый. Тонкие волосы реяли вокруг его головы, словно и правда все это было под водой. До него было метров десять. На этом расстоянии (и при частоте света, проникавшего сквозь оболочку пузыря) его глаза казались черными. Он снова помахал Джонини.

Джонини пришел сразу к полудюжине заключений, часть из которых подразумевала, что он сошел с ума. Он отмел их все и наконец не нашел ничего лучше, как помахать в ответ. Мальчик оттолкнулся от балки и поплыл ему навстречу. Руками и ногами прилепился к плазменной оболочке и уселся по-лягушачьи. Потом он вдруг оказался наполовину внутри пузыря. Потом встал рядом с Джонини:

— Привет.

Джонини стоял, вжавшись спиной в круглую стенку пузыря и раскинув руки по прозрачной плазме. Он весь вспотел.

— Что… — начал было он.

Невозможности мотыльками порхали в мозгу. Он пытался разогнать их, но… Человек, плывущий в вакууме, проникающий в энергетический пузырь, пропадающий, возникающий снова — это невозможно…

— Привет, — повторил мальчик, мигая зелеными глазами.

— Что… — повторил в ответ Джонини.

— Тебе нехорошо?

— Что ты такое? — выдавил Джонини наконец и с усилием оторвался от стенки.

Мальчик снова мигнул и пожал плечами.

Джонини хотелось крикнуть: «Сгинь!», закрыть руками глаза, пока видение не рассеется. Хотелось немедленно вернуться домой. Но он остался. Что-то в нем — то же, что заставляло его собирать неуклюжие книги в век кристальных архивов, — требовало присмотреться внимательней ко всем окружавшим его невозможностям.

Он с ходу насчитал их пятнадцать. Они стояли на металлической паутине, кто-то вниз головой,

кто-то под углом. Все они были нагие, все глядели на него, и все, сколько он мог рассмотреть, были копиями мальчика, который теперь разделял с ним его спасительную плазму.

— Я так и знал, что ты сюда полетишь. По-моему, тебе все-таки нехорошо.

— Ну, адреналин у меня сейчас сильно выше нормы, — по возможности спокойно ответил Джонини. — Но это потому, что я тут многого не понимаю.

— Чего, например?

— Например, *тебя*! — Сохранять спокойствие оказалось трудновато.

— Я же говорил тебе, я не знаю, что я такое. Правда не знаю.

Потрясенный Джонини не сразу разглядел, что мальчик тоже искренне озадачен.

— А ты — что такое? — спросил мальчик.

— Я — студент. Изучаю галактическую антропологию. Я — человек. Состою из плоти и крови, гормонов и антител. Я не могу нагишом перемещаться в космосе, не могу исчезать и появляться из пустоты, не могу проникнуть сквозь кристаллическую плазму. Меня зовут Джонини Горацио Т'вабога, и, возможно, я полностью спятил.

— Ух ты.

— Теперь твоя очередь.

Мальчик непонимающе смотрел на него.

— Скажи хотя бы свое имя.

Мальчик пожал плечами.

— Ну как тебя люди называют?

— Люди меня называют «дети Разрушителя».

Джонини, как уже говорилось выше, не был настолько подкован в семантике, чтобы уловить все тонкости этой фразы. Она плавала где-то на поверхности его сознания, а краем глаза он уже улавливал красное сияние в лабиринтах полуразрушенных коридоров.

— Что это там светится? — спросил он, опять не зная, что предпринять.

— «Мертвая голова», — ответил мальчик.

Тут Джонини снова набрел взглядом на двойников. Один из них спрыгнул с балки, оглядываясь, проплыл мимо них метрах в трех и исчез из виду.

— А они?

— Что они?

— Они тоже дети Разрушителя?

Мальчик кивнул:

— Да, это остальные я.

И снова Джонини упустил синтаксические расхождения, которые стали бы ответом на многие

из его вопросов. Теперь он смотрел на «Мертвую голову».

Он дотронулся до пояса, и пузырь, набирая скорость, поплыл в сторону красного сияния. Джонини не удивился бы, если бы сейчас мальчик просто выскользнул наружу, но тот по законам физики двинулся вместе с ним.

— Кстати, сколько ты кислорода вдыхаешь? Здесь его на шесть часов в расчете на одного человека, а запаску я не захватил.

— Как придется, — ответил мальчик. — Могу вообще не дышать.

— Тогда не дыши.

— Хорошо. Только я говорить не смогу.

— Тогда дыши, когда захочешь что-то сказать, о'кей?

— О'кей.

Они приближались к целой стене из космического мусора. Мусор висел плотно, но кое-где были прогалы.

— Куда теперь? — спросил Джонини.

— Можно по коридору, — сказал мальчик. И добавил сдавленным голосом: — Я… сейчас… две секунды… воздуха… потратил.

— Что? По какому коридору?

— Вон по тому… Еще… одну… с четвертью.

Джонини завел пузырь в коридор, тоже полуразрушенный. Стены тут были голые, с поручнями для передвижения в невесомости. Чуть дальше к коридору примыкал еще один, но этот новый был оборван словно по шву.

— А теперь куда? — спросил Джонини через плечо.

— Скоро будут Горы. Еще… секун…

— Прекрати. Дыши, если хочешь. Я все равно долго оставаться не планирую.

— Я хотел как лучше…

Они обогнули еще один угол, проплыли через отсек с вырванной стеной и двинулись прямо. В конце коридора Джонини резко затормозил и ахнул.

В голубом тумане им открылся огромный круглый зал. В центре его над помостом парила гигантская сфера. Даже на таком расстоянии и при таком свете Джонини увидел, что на ней вырезаны материки и океаны Земли. Огромная округлость зала, круги кресел, одинокая сфера — все это создавало ощущение пространства великого, но доступного пониманию, совсем непохожего на бесконечную пустоту, в которой висел искалеченный корабль. Это замкнутое, ограниченное материей величие навевало по-

кой, почти религиозное успокоение.

— Что это? «Мертвая голова»?

— Это Суд, — отвечал мальчик.

— Суд? — Джонини перевел взгляд с гладкого свода потолка на высокий амфитеатр кресел и наконец снова на сферу. — Что же тут происходило?

— Процессы, — сказал мальчик и добавил: — Над преступниками.

— На кораблях было много преступников?

— Поначалу нет, а ближе к концу — много.

— И что это были за преступления?

— В основном нарушение Нормы.

— Нормы?

— Ну да. Ты можешь послушать. Все процессы записывали.

— Проигрыватель еще работает?

Мальчик кивнул.

— Где он?

— Вон там. — Мальчик указал на помост.

Джонини тронул пояс, и пузырь поплыл вниз над рядами кресел. Над самым помостом Джонини остановился и перевел плазму в режим гипергибкости и мегапроводимости. Теперь еще несколько сантиметров вниз, и вот он сквозь мягкую плазму примагнитился подошвами к полу.

Он обернулся было к мальчику, но мальчик парил вне пузыря, по ту сторону помоста, и подзывал Джонини знаками. Джонини осторожно пошел вместе с пузырем вдоль края возвышения. Он уже добрался до той стороны, когда вдруг раздался легкий хлопок, заставивший его подскочить. Это мальчик просунул голову в пузырь.

— Указатель вот тут, — пояснил он и вынырнул наружу.

Плазма облекла руки, словно вторая кожа, и Джонини провел пальцем по краю пульта с наклонной крышкой. Нашел рычажок, подергал, потянул наверх крышку, и она подалась. Внутри была сложная мозаика, которая при близком рассмотрении оказалась составлена из пятиугольников, на каждом из которых были нанесены по два имени. Крышка тем временем, щелкнув, пришла в вертикальное положение и уехала в паз. Джонини прищурился в голубом полусвете:

«45-A7 Хокран против Милара 759-V8, Норма против Трэвиса, 654-M87 Блодел против Дэ Ружа, 89-T68L Норма против Одноглазого Дэвиса».

Оказалось, что мозаика перед ним — часть длиннейшей ленты, прокручивающейся наверх. Все в ней было организовано по пятикоординат-

ному принципу и приблизительно в хронологическом порядке. Чем дальше вперед, тем больше было процессов, где истцом выступала Норма, а ответчиками какие-то непонятные Одноглазые. Последним числился процесс 2338-Т87: Норма против Одноглазого Джека.

Мальчик снова сунул голову в пузырь.

— Что с этим делать? — спросил Джонини.

— Как что? Нажми, и все услышишь.

— Нажать?

— Ну да! Нажать пальцем кнопку. У тебя их двадцать штук на руках и на ногах. А хочешь — локтем нажми. — В голосе мальчика послышалась легкая досада.

Обтянутым плазмой пальцем Джонини нажал на самый последний пятиугольник. Разом гряну-ло множество голосов, он отшатнулся.

Потом раздался короткий и громкий стук. Старческий баритон со странным акцентом выкрикнул:

— Прошу тишины! Тишина! Порядок в зале суда!

Возбужденный гул утих, только слышался порой приглушенный кашель или шелест одежды вертевшихся в креслах зрителей.

Джонини смотрел на пустой зал с рядами кре-

сел, окутанных синим полумраком.

— Порядок в зале суда! — уже без нужды повторил обладатель баритона и после паузы продолжил: — Имело место небольшое отклонение от нормальной процедуры. Прежде чем мы начнем рассмотрение дела, капитан Альва выступит с заявлением.

— Благодарю вас, ваша честь. — Это был голос молодого человека. Джонини подумал, что, должно быть, этот человек очень устал. Он говорил размеренно, с долгими паузами. — Благодарю вас. Но это не совсем заявление, скорее просьба. Просьба к суду и жителям «Сигмы-девять» о снисхождении. Я прошу отменить процесс… — в зале послышались приглушенные голоса, — и передать Одноглазого Джека и вообще всех Одноглазых под надзор навигационной команды. Я лично беру на себя ответственность за их поведе…

Раздались возмущенные крики и ругательства. Судья застучал молоточком, его голос отчетливо прорезал шум:

— Капитан Альва, это совершенно…

Но еще резче прозвучал голос капитана Альвы:

— Я прошу не только от своего имени, но с полного согласия и одобрения капитанов всех

Городов нашей страны. После трагедии на «Ипсилоне-семь» мы постоянно поддерживали связь по радио. Капитан Влайон с «Альфы-восемь», капитан Лила с «Беты-два», капитан Риш с «Ипсилона-шесть» — каждый из капитанов поддерживает эту просьбу, и все они, как и я, обратятся с ней в суды своих Городов.

В зале воцарился хаос. Снова застучал молоточек. Когда установилось некое подобие порядка, ровный голос судьи возвысился над голосами толпы:

— Капитан Альва, напоминаю, что ваша забота как капитана Города — его физическое благополучие. Здесь же затронуты иные сферы. Как духовный наставник Города, отвечающий за нравственную чистоту, и как представитель Нормы я должен вам безусловно отказать. Безус-лов-но!

Снова забормотали в зале, но теперь — с облегчением. Молоточек прозвучал не так громко, и зал с готовностью притих.

— Вернемся к сегодняшнему процессу. Слушается дело 2338–587: Норма против Джексона О-Е-5611 по прозвищу Одноглазый Джек. Ответчику вменяются физические и интеллектуальные отклонения от Нормы первой степени тяжести.

Джексон, присутствуете ли вы в зале? — (Короткое молчание.) — Джексон, присутствуете ли вы в зале?

В ответ раздался голос сухой и резкий, но такой же усталый, как у капитана Альвы:

— У вас, кажется, есть глаза. Вы что, сами не видите, что я здесь?

— Ответчик, прошу вас следовать протоколу, предусмотренному Нормой. Неуважительные, не относящиеся к делу вопросы не допускаются. Вы присутствуете в зале суда?

— Да, присутствую.

— Теперь попрошу вас изложить суть указанных отклонений так, как вы их понимаете.

Джексон втянул воздух сквозь зубы.

— Это не был вопрос. Это было утверждение: у вас есть глаза и вы сами все видите.

— Джексон О-Е-5611, — начал судья с напускным безразличием, — Норма гласит, что, дабы считаться ответственным за содеянное, ответчик должен осознавать свою вину. Опишите суду, как вы понимаете указанные отклонения.

— Я имел несчастье сформироваться на Рынке с полным комплектом мозгов. Здесь это считается ненормальным. Или, может, отклонение в том, что я захотел кое-что узнать о Земле и о нашей

цели — и не спросил разрешения у блюстителей Нормы. Или в том, что я примкнул к таким же, как я, и мы стали вместе докапываться до правды. Для вас это значит, что я — Одноглазый и меня надо уничтожить, прежде чем я начну думать не в ту сторону и собью с пути других.

— Суду очевидно, что Джексон не осознает сути отклонений. Это значит, что ему не нужно расписываться в направлении на переработку. Теперь вас без проволочек вернут в «Мертвую голову».

— А что мне осознавать? У меня голова-руки-ноги на месте. Глаза видят, уши слышат. Ну хорошо, скажите мне сами, что со мной не так.

— Суд вызывает медэксперта.

Зашелестела бумага и ткань: медэксперт встал. Потом низкий женский голос произнес:

— Медицинское заключение о состоянии Джексона О-Е-5611 составлено два дня назад в соответствии с Нормой Города «Сигма-9».

— Продолжайте, доктор Лэнг.

— Благодарю вас. Джексон О-Е-5611, рост 187 сантиметров. Норма Города «Сигма-девять» составляет 181 см. Конечно, само по себе это несоответствие ни о чем не говорит, но все же его следует учесть. Далее. Джексон О-Е-5611 с раннего детства имеет привычку грызть ногти. Онихо-

фагия наблюдается лишь у 0,8 % населения, это серьезное отклонение от Нормы и весомый повод для повышенного внимания к субъекту.

— Я вижу, доктор Лэнг, что в своем заключении вы опускаете более стандартные критерии, — вмешался судья.

— Это так, ваша честь. Я руководствуюсь вашим советом, данным в связи с недавней гибелью «Ипсилона-семь», и сразу перехожу к наиболее значительным отклонениям.

— Вы совершенно правы. Я лишь хотел подчеркнуть для протокола, что вы действовали по моим рекомендациям. Кажется, капитан Альва желает возразить?

Раздался голос капитана:

— Не возразить, ваша честь, а сказать: именно из-за гибели «Ипислона-семь» я… и другие капитаны… считаем, что…

— Принято. Доктор Лэнг зачитает заключение полностью.

— Ваша честь, я не это…

— Доктор Лэнг зачитает заключение полностью. Других причин для возражений я не вижу.

— Но, ваша честь…

— Доктор Лэнг, прошу вас.

В зале снова послышалось бормотание, потом

женский голос:

— Вес 76,5 килограмма, в то время как Норма составляет 73,5. Стоит заметить, что это превышение значимо только в пропорции с ростом субъекта. Если учесть рост и другие показатели физического развития, становится ясно, что на самом деле субъект имеет недовес.

Напряженный голос Джексона:

— Как красиво сказано! А значит всего-навсего, что я три месяца питался черт-те чем, скрываясь от ваших костоломов.

— Джексон!

Доктор Лэнг продолжила:

— Ведущая рука правая, что вполне вписывается в Норму. По статистике, 89 процентов населения Города пользуются преимущественно правой рукой.

И снова Джексон, остро и зло:

— Я заметил, доктор, что вы держите стилус левой рукой. Насколько серьезно, по-вашему, такое отклонение?

— Ответчик, напоминаю, что в ряде Городов Одноглазым запрещено выступать на собственных процессах, а порой — и присутствовать на них. Мне бы не хотелось в вашем случае последовать примеру коллег.

— Капитан Альва… — Голос Джексона смягчился, зазвучал почти моляще.

— Джексон, я делаю все, что только…

— Продолжайте, доктор Лэнг. Тишина! Порядок в зале суда!

— Наблюдается незначительное различие в длине рук: правая почти на полтора сантиметра длиннее левой. По Норме разница не должна превышать сантиметра. Ноги одинаковой длины. Норма «Сигмы-девять» предусматривает разницу в два миллиметра в пользу левой ноги. Следует отметить особую худобу лица. На этот счет установленных цифр нет, но это явно ненормально. Нос сломан дважды. Притом что переломы костей наблюдаются у 1,6 % населения, спорить не приходится: это отклонение. Родинка на правом плече тоже отклонение, и серьезное. В стрессовых ситуациях индекс потоотделения у Джексона O-E-5611 составляет 9,75, в то время как Нормой предписано 8,91. Также отмечается… — Доктор продолжила перечислять выделения желез, субметаболические функции и особенности морфологии.

Со стороны это было похоже на зоологическое описание какой-то новооткрытой формы жизни. Ничто другое не потребовало бы такого количе-

ства деталей. Четверть часа спустя медэксперт наконец умолкла, а потом — без особого убеждения, как показалось Джонини, — отбарабанила вывод:

— Ввиду сложившейся экстремальной ситуации я полагаю, что сумма отмеченных отклонений достаточна, чтобы рекомендовать Джексона О-Е-5611 к переработке в «Мертвой голове».

По залу пронесся одобрительный шепот.

— Ответчик, вы можете задать вопросы доктору Лэнг, если желаете и если вам не жаль общего времени.

— Желаю, — быстро, отчаянно произнес Джексон О-Е-5611.

— Приступайте, но напоминаю, что это лишь формальность.

— Вы мне о многом уже напомнили сегодня, ваша честь. — Джексон сделал паузу, выжидая, но судья молчал. — Доктор Лэнг, вы ученый, вы общаетесь и с биологами, и с исследователями на Рынке, вы дружите со многими офицерами навигации.

— Это правда.

Доктора Лэнг тут же перебил судья:

— Я не понимаю, как это связано…

— Прошу вас, позвольте ему говорить, — про-

звучал голос капитана Альвы.

Последовало молчание, потом доктор Лэнг повторила:

— Это правда.

— Доктор Лэнг, вы помните Томасу? Девочку тринадцати лет? Два года назад у нее нашли карциному поджелудочной железы — первый случай за все десять поколений нашей истории.

— Помню.

— А вы помните, как удалось ее спасти?

— Мы использовали древнюю технику радиомикрохирургии.

— Откуда же вы узнали о существовании этой техники и о том, как ее применять?

— От одной пожилой женщины…

— …по имени Мавле TU-5. Полгода спустя ее объявили Одноглазой, отклонением от Нормы и казнили в «Мертвой голове»!

— По-прежнему не понимаю, как это связано…

Тут в зале снова поднялся шум, и судья дробным стуком молоточка перекрыл собственный голос. Как только было восстановлено некое подобие тишины, снова заговорил Джексон:

— Капитан Альва, помните, как сбилась центровка гироскопа в генераторе гравитации? К кому вы тогда пошли? Бен Холден I-6 две недели

натаскивал вас по релятивистской физике, прежде чем вы осмелились хотя бы вскрыть кожух генератора.

Судья:

— Это не имеет отношения к вашему делу! Вам было сказано задавать вопросы доктору Лэнг.

— А я всю жизнь задаю вопросы. И сейчас тоже… Поймите: мы не кучка мутантов. Мы — единственные, кто пытается сберечь остатки мудрости в дикарской пещере, что вы называете Городом. Что такое эта ваша бесценная Норма?! Вы запираете двадцать человек в камере и убиваете газом за любовь к истории. Вы, как зверя, травите человека специально выведенными десятикилограммовыми крысами за то, что он освоил множественное исчисление. Вы вводите женщине полдюжины патогенных вирусов, чтобы она призналась, что знает закон Гёделя, а когда она признается, вы объявляете ее мутантом и приговариваете к переработке. Это, по-вашему, нормально? Разве это соответствует человеч…

— Ответчик, замолчите! — Судья со всей силой стукнул молоточком, а потом заговорил медленно, но все громче: — Наши предки поручили нам доставить к звездам *человеческие существа*. Отклонений от Нормы мы не потерпим. Давно ли

Одноглазые заговорщики захватили и уничтожили «Ипсилон-семь»?

Вмешались сразу три голоса — капитана, Джексона и доктора Лэнг:

— Но, ваша честь, мы не…

— Последнее сообщение с «Ипсилона» пришло от Одноглазых. Это значит, что они последние управляли кораблем и, следовательно, свергли представителей Нормы. На «Ипсилоне» было пятнадцать тысяч человек, и все они погибли. На «Сигме» мы этого не допустим. Ввиду явной угрозы, связанной с отклонениями от Нормы, я обязан поддержать рекомендацию доктора Лэнг касательно смертной казни путем…

— Простите, ваша честь! — В голосе капитана Альвы звучало отчаяние. — Я только что получил сообщение из коммуникационного центра. На линии с «Дельтой-шесть» помехи, но сообщения доходят, они просят помощи. Кажется, у них…

Раздался звук, как от взрыва, только этот взрыв не собирался заканчиваться.

Джонини подскочил на месте. Сперва он подумал, что в зале суда вспыхнул бунт, но потом понял, что это какие-то чудовищные помехи. Он ткнул пальцем в пятиугольник, и звук оборвался. К горлу подкатил страх, мысли путались. Джони-

ни отступил на шаг и заставил себя вернуться в настоящее. Только теперь зал уже не был пуст.

Он вздрогнул. Почти четверть кресел была занята подростками с лазоревой кожей, мальчишками, что с немым вниманием слушали запись процесса. Теперь, когда запись остановилась, некоторые из них поднялись в воздух и плавно перелетали по залу. Джонини сперва смотрел на них, открыв рот, потом долго искал глазами своего провожатого. Тот лежал, распластавшись на верху пузыря.

— Кто… что они такое?

Мальчик просунул голову в пузырь:

— Я уже говорил тебе. Они — остальной я… Дети Разрушителя.

— Тогда что такое ты?

Мальчик целиком скользнул в пузырь и просто пожал плечами, а когда Джонини снова взглянул в зал, зал был пуст.

— Ты хотел к «Мертвой голове»?

Джонини потряс головой, не отрицая, а желая немного прояснить мысли. Неясно было, почему так внезапно кончилось последнее заседание суда и что думать об этой ситуации с Нормой и Одноглазыми. Полнейшей загадкой оставались и зеленоглазые мальчишки, так легко летающие

в вакууме.

— Так ты пойдешь?

— А? — Ничто ни с чем не складывалось. — Ну да, пойду, наверное.

— Тогда за мной. — Мальчик помолчал и добавил, словно в утешение: — Ты сам все увидишь.

Мальчик вынырнул наружу, и Джонини с тяжелым волнением двинулся в пузыре вслед за ним.

6

Так вот что значила «Мертвая голова» из баллады.

Пузырь с Джонини внутри вкатился в помещение еще больше зала суда. В округло изогнутых стенах вместо синего плавало алое сияние. Пол устремлялся кверху, потолок склонялся к полу, и, встретившись, они образовали гигантскую воронку, путь к которой преграждали ворота в форме черепа. Широкая дверь там, где у черепа был бы рот, усиливала сходство. Джонини целую минуту стоял у подножия металлического холма и смотрел вверх.

Наконец он опустил взгляд и заметил внизу нишу, а в нише дверь. Цокая магнитными подошвами по металлическим плитам, Джонини двинулся к двери. Секунду спустя он распахнул дверь и замигал: свет снова сделался голубым. Это было жилое помещение. Оно не было приспособлено к невесомости, воцарившейся в этой части корабля. Книги уплыли с полок и моллюсками прилепились к стенам. Настольная лампа сделала то же самое. Когда Джонини переступил порог, сенсоры, бездействовавшие столько лет,

на мгновенье очнулись: лампа загорелась и тут же погасла. Интересно, кто тут жил?

Он окинул взглядом корешки книг: «Моби Дик», «Озарения» Рембо, «В путь, Орест!»[18], «Змей Уроборос»[19]. Этих книг он не читал, а слышал только об одной.

На другом конце комнаты была еще одна дверь. Он снова облек руки плазмой и с трудом открыл ее. Было мгновение ужаса: показалось, что черное нечто, рванувшееся ему навстречу, — живое. Но это была просто ткань. Еще не вполне оправившись от потрясения, он вынул из шкафа черное одеяние и осмотрел. На плече было что-то нашито. Он раздвинул черные складки — оказалось, что это скрученная веревка, очевидно, какой-то символ. Одеяние парило в вакууме, волновалось, и вот над воротом поднялся черный капюшон, некогда закрывавший лицо хозяина. На Джонини зловеще уставились прорези для глаз.

Нахмурившись, он повесил одеяние обратно

---

[18] Примечания: 18

Отсылка к раннему автобиографическому произведению Дилэни, большая часть которого не сохранилась; писался роман как раз в середине 1960-х гг.

[19] Примечания: 19

Опубликованный в 1922 г. роман британского писателя Э. Р. Эддисона, стоявший у истоков жанра героического фэнтези и написанный в стиле яковитской прозы XVII в.

в шкаф и закрыл дверцу. Прищемленный рукав медленно зашевелился в вакууме, словно отрубленная рука.

Джонини подошел к книжным полкам, над которыми, подрагивая, висели книги.

Одна, большая и черная, была похожа на путевой дневник капитана Хэнка Брандта. Джонини подтянул ее поближе к себе и перелистал серебристые страницы. Это был вовсе не дневник. Все записи были точны и кратки. На первой странице стоял эпиграф: «Боже, что делаю я здесь?..»[20]

Далее:

«Казнен сегодня в 14:00 (имя и дата).

Казнена сегодня утром в 6:30 (имя и дата).

Казнен сегодня вечером…»

Книга была исписана лишь до половины. Джонини долистал до последней записи:

«…сегодня вечером в 11:45 Одноглазый Джексон-О-Е-5611».

Слова, родившиеся у него в голове, зазвучали внутри пузыря. Он обернулся: за спиной стоял мальчик и пел песню со странной, скупой ме-

---

[20] Примечания: 20

Возможно, цитата из книги «Жизнеописание миссис Мэри Флетчер» (1818) британского священника и писателя-биографа Генри Мура (1751–1844). В книге фраза звучит так: «Господи, что делаю я здесь, среди этих людей? Они не Твои люди».

лодией:

На Мертвой главе человек стоял,
В руках человек веревку держал.
Под маской черной не видно лица.
Как каменный, он стоял до конца.

Джонини выпустил книгу, и она отплыла, а он встал в дверях жилища палача и взглянул на «Мертвую голову».

Там, где пол плавно подымался к воротам-черепу, стояли дети Разрушителя — теперь уже несколько сотен. Они разом посмотрели на Джонини. Их поджарые тела бросали тонкие тени на алые своды зала.

Джонини обернулся к своему провожатому. Тот был уже вне пузыря. Вопрос «что ты такое?» снова возник у него в мозгу, но прежде, чем он успел произнести его, мальчик снова пожал плечами. Джонини думал целых три секунды, потом спросил:

— Ты что, читаешь мои мысли?

Кивок.

— Поэтому ты так хорошо говоришь?

Кивок.

— И ты говоришь, что не знаешь, что ты такое? — Джонини старался замедлить мельтеше-

ние мыслей и не дать задрожать голосу.

Третий кивок.

— Тогда, может, попробуем это выяснить? — Он поманил мальчика рукой, и тот — поп! — вошел в пузырь. — Давай перелетим на мой крейсер. Согласен?

— Согласен.

Из зала «Мертвой головы» они синим коридором перешли в зал суда, а затем — к открытому остову корабля, где, заякоренный за балки, висел в вакууме хронолет Джонини.

Плазменный пузырь устремился сквозь открытый космос к серебряному эллипсу. В нескольких метрах от люка Джонини притормозил:

— Побудь, пожалуйста, снаружи, пока я не позову.

— Ладно.

Джонини двинулся вперед, а мальчик с хлопком выбрался из пузыря. Селекторное поле пропустило пузырь, и Джонини резко притянуло к полу. Он схлопнул пузырь и отпихнул ногой в угол, как ком целлофана. Потом выглянул в иллюминатор люка. Метрах в семи, освещенный огнями крейсера, парил мальчик и махал ему рукой. Джонини помахал в ответ и перешел к пульту управления. Снова глянул на мальчика

и перевел крейсер в режим временно́го стазиса. Снова подошел к иллюминатору. «Теперь все в этой черноте должно быть неподвижно», — подумал Джонини, ибо с определенной точки зрения все, что находилось вне хронолета, застряло во времени, хотя можно было бы сказать и наоборот: что это он застрял.

— Теперь входи, — сказал он.

Тут могло быть два варианта. Мальчик мог остаться неподвижным, подвешенным во времени, а мог просто подплыть к крейсеру и войти в люк. Джонини надеялся на второй. Это коррелировало бы со странным мерцанием, что он видел в стазисе на обломках «Сигмы-9». Так можно было бы хоть попытаться понять нечеловеческую природу мальчика, а его существование вне времени как-то узаконило бы его независимость от характеристик пространства.

Джонини ожидал одного из двух вариантов, они не осуществились. Вместо этого все взорвалось.

Лиловый свет волной прокатился по обнаженным балкам. Гравитация на крейсере словно взбесилась: Джонини делался то легче, то тяжелей, всякий раз испытывая приступ мерзкой тошноты. Мальчик вспыхнул роем зеленых искр,

рой метнулся к люку, но в люк не попал.

Каждый динамик хронолета застонал на своей частоте. Джонини, спотыкаясь, рванулся к пульту, но что-то случилось с глазами: комната раздвоилась, учетверилась, увосьмерилась, и рука, протянутая к рычажку, чтобы перевести крейсер в нормальное время, замерла среди бесконечных возможностей. Потом что-то свихнулось в голове.

Он падал, одновременно описывая круги на орбитах гигантских пульсирующих солнц собственных мыслей. Белый свет впереди был так прекрасен, что хотелось заплакать. Джонини отвернулся от него и увидел свет настолько ослепительный и холодно-зеленый, что его разобрал неудержимый хохот. Соскользнув к зеленому, попал в облако грустного жара. Потом он оказался в каком-то коридоре, а навстречу ему катилась голова — мужская, черноволосая, с зелеными глазами и высокими скулами. Голова накатилась на него, он хотел оттолкнуть ее, но рука все тянулась и тянулась в пустоте целые километры, пока не коснулась рычажка.

Теперь он стоял у пульта управления. Его слегка мутило, но он был цел и невредим. Джонини повалился в кресло-гамак и обернулся ко входу

как раз в ту секунду, когда мальчик переступил порог.

— Что это было? — спросил Джонини.

— Ты меня позвал, но я не…

— Ты не — что?

— Я тебя не слышал. Поэтому мой… отец? Да, наверное, отец (у вас нет таких слов). Отец передал мне, что ты зовешь.

— Отец?

— Ну… не отец, а Разрушитель.

— Кто это — Разрушитель?

— Разрушитель — это… это откуда я появился.

— Но когда я тебя спросил, ты сказал, что ты с «Сигмы-девять».

— Так и есть. Мой отец — на «Сигме».

— Где именно на «Сигме»?

Мальчик непонимающе нахмурился:

— Везде.

Джонини закрыл шлюз:

— Я лечу на «Бету-два». Может, там что-нибудь найду.

Он постарался сбросить оцепенение, в которое поверг его последний странный случай, отцепил крейсер от балок и направил его к пролому в корпусе «Сигмы-9».

Иридиевый компьютер, старательно гудевший

все это время, вдруг замигал лампочкой: задание выполнено. Джонини открыл контейнер с пленкой и пальцами считал результат. Машина сумела вычислить лишь то, что удар по «Сигме» был нанесен снаружи. То есть некая сила сорвала с корабля кусок корпуса, словно кожицу с апельсина.

— Останови, — сказал мальчик. Они были на полпути между кораблями.

— Что?

— Останови хронолет.

— Зачем?

— Увидишь. Останови.

Джонини пустил судно по спирали, постепенно снижая скорость.

— Теперь переведи в стазис.

Джонини насторожился, но сделал, как сказал мальчик. Ничего не произошло.

— Теперь посмотри на «Сигму», и увидишь моего отца.

Озадаченный Джонини снова навел объектив на останки корабля. Как и в прошлый раз, презирая законы времени, там растекалось зеленое мерцание.

— Видишь, мерцает? Вот это оно и есть.

— Что — оно?

— Разрушитель.

7

«Бета-2» молчала. Шлюз открылся сам, без переговоров с механо. В переходах корабля был воздух, но не было притяжения.

— Мне нужны корабельные документы, — сказал Джонини, двигаясь треугольным коридором.

— Это сюда, — ответил мальчик.

Они вошли в комнату, по-видимому служившую библиотекой.

— Остатки записей — вот здесь. — Мальчик указал на целую стену книг за стеклянными дверцами шкафов.

На полках теснились черные тома: бортовые журналы за все время странствия. Джонини взял один, потом второй. Замелькали отчеты с Рынка, статистика производства пищевых продуктов. Он понятия не имел, с какой стороны к этому подступить, но мальчик поискал в шкафу и протянул еще журнал:

— Возьми, это мамин.

Прежде чем мелькнувшая мысль пустила корни в сознании, журнал открылся словно сам собой, и Джонини прочел: «Бортовой журнал Города „Бета-2“, собственность капитана Лилы

RT-875».

— Твоей мамы? — Джонини вспомнил свою трактовку строк: *«…под руками зеленым взглядом сияет дитя»*.

Мальчик кивнул:

— Перелистай туда, где напали на первый корабль.

Он протянул руку поверх плеча Джонини и перелистнул сам. Это было уже ближе к концу:

«Сегодня пришел рапорт: мы покинули море и вошли в негустые пески. В первые полчаса показатель был выше тридцати, и со мной опять случился непонятный панический столбняк. В последнее время он повторяется все чаще из-за этого бреда с Одноглазыми. Потом показатель упал до трех и последние несколько часов не менялся. Песок опасен в любом случае, но, если он удержится на этом уровне, мы протянем еще несколько лет. Неопределенность — самое тяжелое.

Сегодня вечером я не досидела на общем совещании и пошла в квартал Одноглазых. На городской площади наткнулась на судью Картрайта, который спросил, что я делаю „в этой части города“.

— Гуляю.

— Все подопечные равно достойны вашей заботы, не так ли, капитан? — Он указал на людей, сновавших вокруг.

— Я просто гуляю.

— Кажется, нам по дороге. Пройдемся вместе в знак солидарности ветвей власти?

— Мне скоро сворачивать, — ответила я, но он словно прилип ко мне.

— Вы слышали о новой ритуальной группе во Втором квадранте? Они развивают ритуалы, которые я заложил десять лет назад. Такие, знаете ли, очаровательные тонкости… Невольно чувствуешь, что принес некую пользу. Капитан, — он понизил голос, — я почти не слышу, чтобы ваши подчиненные посещали ритуальные группы. Вы должны поощрять их в этом. Солидарность — не пустой звук.

Я сказала с улыбкой:

— Судья, мы люди занятые. А ритуалы, признаемся честно, во многом — пустая трата времени.

Кажется, я улыбнулась, чтобы не плюнуть судье под ноги.

— Для многих они весьма важны.

— Я повешу объявление, — сказала я, а подумала: налепить бы тебе его на лоб!

Судья довольно осклабился:

— О большем я и просить не мог.

Мы перешли площадь.

— Вы здесь сворачиваете? — спросил он.

— Увы.

Я оставила его у лифта, ведущего к административному отсеку.

В высоком коридоре было пусто. На мои шаги отзывалось эхо. В конце коридора начиналась Паутина: огромная, тускло освещенная, со множеством мостиков, открытых переходов и платформ. Там все так перепутано, что в ста метрах уже ничего не разглядеть. Я вспомнила, как детьми мы любили играть вот здесь, на краю. Как боялись затеряться где-то в глубине. Но в этот раз я набрала в грудь воздуха и шагнула за край. Притяжение отпустило меня, и я поплыла к сплетению балок, которое, собственно, и составляет Паутину. Нужно уметь от нормального земного притяжения перейти к невесомости. Этот навык осваивают далеко не все. Не раз в „Мертвой голове“ запускалась переработка, потому что кто-то ломал шею в столкновении с чем угодно, от электрощитка до глухой стены. Я остановила падение, почти коснувшись ногами одной из нижних площадок. Дальше двигалась, хватаясь за поручни. Эта часть корабля заведомо не предназначена для жизни.

Здесь производится необходимый ремонт, но жителей Города не встретишь ни в тайных переходах, ни в технических помещениях и нишах. И все же здесь обитают шестьсот или семьсот человеческих существ. С края площадки я увидела внизу кожух малого детракторного гироскопа, металлическую сферу метров двадцать пять в диаметре, с заклепками на обшивке. Я спрыгнула навстречу одной из протянутых вокруг опор, она словно поднялась мне навстречу, я ухватилась и, переставляя руки, спустилась к сфере. Еще девочкой играя на самом краю Паутины, я узнала, что в невесомости одна магнитная подошва полезна, а две — многовато. Теперь я стояла, примагнитившись одной ногой к кожуху.

Я дала несколько коротких сигналов при помощи коммуникатора на поясе, чтобы обитатели знали, кто идет. За спиной раздался знакомый мягкий голос:

— Зачем сигналишь?

Первой реакцией было резко развернуться (и, вероятно, в результате оторваться от кожуха), но я сдержалась. Стоявший у меня за спиной усмехнулся. Я, сколько смогла, повернула голову на звук:

— Ральф говорит: как только я вхожу в невесо-

мость, вы уже знаете, что это я. Но я на всякий случай предупреждаю. У меня нет времени дожидаться тут, стоя на одной ноге.

Снова смешок.

— Это ты, Тимме? — Я медленно поворачивалась, а он, во сто раз более ловкий, все время ускользал от моих глаз.

— Я самый!

Я дернулась в противоположную сторону: теперь он парил передо мной, по-прежнему тихо смеясь.

Тимме лет семнадцать или восемнадцать. Он темнокожий, с черными нестрижеными волосами, одет в отрепья. У него нет руки: левый рукав завязан узлом возле плеча.

— Тебя к Ральфу подвезти? — спросил он.

— Затем и пришла.

— Рад стараться, капитан Ли. — Он слегка кивнул с этой своей полунасмешливой улыбкой.

Единственной рукой размотал веревку, обернутую вокруг пояса, и кинул конец мне. Я обвязалась под мышками и стала держаться за веревку.

Тимме несколько раз обмотал веревкой запястье (мне это всегда казалось не очень надежным) и скомандовал:

— Толкайтесь!

Я отключила силовое поле в подошве.

— Нам вон туда. — Он указал вдаль, где меж двух больших колонн был просвет метра в три. Потом по-лягушачьи спрыгнул с кожуха и полетел — в противоположном направлении!

Меня всегда поражает, как люди, привычные к невесомости, понимают, что нужно делать. Веревка дернула меня вперед раза в три быстрее, чем я бы осмелилась двигаться сама, но, когда Тимме растянул ее до конца, его развернуло в другую сторону, и наша траектория изменилась. Привязанные к двум концам веревки, мы представляли собой сложную массу, которая по спирали неслась теперь прямо в просвет колонн.

Полет сквозь переплетения Паутины, наверное, легко даст фору американским горкам, о которых рассказывали предки. Мы рывком меняли направление каждые пять или шесть секунд.

Потом вылетели на открытое пространство, где вращалось Кольцо. Одноглазые обнаружили в Паутине круглый прогал метров сто в диаметре и соорудили в нем металлическое кольцо, движение которого питает остаточная энергия Города. К Кольцу лепятся крошечные жилища, в которых действует гравитация, равная четырем пятым земного притяжения. Страшно ненадежные

домики раскачиваются, как кабинки чертова колеса на старых фотографиях. А порой — отрываются, производя некоторый ущерб. Вскочить на Кольцо не легче, наверное, чем в поезд, летящий на всех парах. Я просто закрываю глаза и даю втащить себя внутрь.

Тимме устремился к кружащимся жилищам из листового железа, а я зажмурилась и вцепилась в веревку. Секунда, и вот меня тащат и вталкивают обратно в мир притяжения. Большинство Одноглазых, даже физически ущербных, как Тимме, развили в себе ловкость, наводящую оторопь на наше благоразумное большинство. Вероятно, в ней же коренится основная причина страха перед Одноглазыми.

Когда я открыла глаза, Тимме уже задраивал люк. Я сидела на полу, а надо мной стояла Меррил:

— Ну, капитан Ли, что тебя к нам привело?

— Много что. Нужно поговорить с тобой и с Ральфом. Вы знаете, что мы вошли в пустыню?

Меррил протянула мне руку и помогла встать.

— Знаем. Но тут ничего не поделать. Неужто ты затеяла целый поход ради этой новости? Наши датчики не хуже ваших. — В ее голосе был тот же призвук насмешки, что и у Тимме.

— Не только. Ральф тут?

Меррил кивнула. Они с Ральфом, можно сказать, предводители Одноглазых. Впрочем, общественная структура здесь аморфна как по вертикали, так и по горизонтали, и, возможно, «предводители» — термин чересчур определенный.

— Пойдем. Он получил твой сигнал. Мы тебя ждали.

Мы двинулись низким коридором. Свет из окна скользил по противоположной стене, напоминая, что мы вращаемся вместе с Кольцом. Когда мы вошли, Ральф, сидевший за рабочим столом, поднял глаза и с улыбкой поднялся нам навстречу.

— Капитан Лила! По какому делу пожаловали?

Это было что-то вроде кабинета, по стенам стояло несколько картотечных шкафов и висели две картины. Одна — «Успение Богородицы» старинного земного художника Тициана. Вторая — работа местного живописца второго поколения: тревожная темная абстракция, где наплывают друг на друга оттенки зеленого и черного.

— Пожаловала, чтобы услышать речь разумных людей с понятной мне логикой. Может, даже пару шуток насчет наших городских глупостей. А может, и совет.

— Что, все настолько плохо?

Я прошла вглубь комнаты и села в левитирующий гамак. Меррил устроилась возле картотечного шкафа. Тимме, хоть его и не приглашали остаться, тихонько присел на пол в углу. Впрочем, ни Ральф, ни Меррил, кажется, не были против.

— По дороге сюда я наткнулась на судью Картрайта. Он хочет, чтобы управляющий персонал участвовал в ритуалах. Мне только этого не хватало.

— А что это за ритуалы? — спросил Тимме из своего угла.

— Слава богу, тебе никогда не придется этим заниматься, — ответил Ральф. — Это одно из преимуществ нашей жизни. Ты сюда попал в три года, а некоторые из нас с ритуалами знакомы даже слишком хорошо.

В прошлый раз Ральф рассказал мне, что Тимме еще малышом провалился в Паутину и парил в ней один-одинешенек больше суток, прежде чем его обнаружили. Под конец его засосало в шахту одного из огромных вентиляторов, что гонят воздух со скоростью сто десять километров в час. Его ручка застряла в решетке, и лопасти отхватили ее выше локтя. В тот год ревнители Нормы с особым усердием проводили чистки среди детей,

и мальчика решили оставить внизу. Одноглазым удалось его выходить.

— Собирается толпа людей и часами занимается совершенно бессмысленными вещами, под которые подогнаны самые невероятные объяснения. Например, человек пять минут стоит в углу на голове, а потом выпивает стакан воды, подкрашенной розовым. И это повторяется семнадцать раз — потому что для поддержания гравитации бассейн поворачивается вокруг своей оси семнадцать раз в час. А вода розовая в честь красных одежд Солнца…

Тимме рассмеялся:

— Да я знаю, что они делают, — часть, по крайней мере. А вот зачем?

— Хочешь честно? Понятия не имею, — отвечала я.

— Это правда? — спросила Меррил.

— Что?

— Ну вот ты как думаешь: зачем им ритуалы?

— Затем, что больше делать нечего. Надо же чем-то занять голову, а спуститься в Паутину и по-настоящему бороться за существование у них духу не хватает.

На сей раз рассмеялся Ральф:

— Если бы они перебрались сюда, Лила, ни-

какой борьбы не было бы. Мы бы просто все погибли. Ведь в каком-то смысле мы живем благодаря вам, жителям «нормальной» части города. Побороться приходится, конечно: то облегчишь склад пищевых излишков, то выторгуешь у вас что-то за знания, оставшиеся только у нас. Ли, ваши ритуалы нам попросту не подошли. Но мы свихнулись бы, если бы не воспроизвели — просто так — радарный сектор Города, не придумали, ради интереса, как улучшить гидропонные сады, не пристрастились переносить на холст цвета и формы, чтобы организовать их во что-то новое. Возможно, у нас другие ритуалы, вот и все.

Тимме поднялся на ноги:

— Сейчас, наверное, Ходж придет?

— Да, — сказала Меррил. — До конца тропы он сам, а дальше ты его встретишь.

Тимме одним прыжком выскочил в коридор.

— Ходж? — удивилась я.

Меррил кивнула.

— Он тоже сюда приходит?

— И Ходжу бывает одиноко. Может, даже больше, чем тебе.

— Забавно. Иногда я его вижу на городской площади. С ним никто не заговаривает, все расступаются — а он просто ходит, смотрит на людей,

на все вокруг. Не думаю, что с ним вообще кто-то говорит. Если уж у нас так, то я не понимаю, как вы его сюда пускаете.

— Что ж тут непонятного? — спросила Меррил с этой своей полуулыбкой.

Я пожала плечами:

— Ну, ведь он ответствен… Он стольких из вас… Когда у нас очередное обострение с Нормой… — Я осеклась.

— Ходж ответствен?

— Нет, я понимаю: он всего лишь выполняет приказы.

— Ходж очень одинокий человек, — сказал Ральф. — И мы тут, в Паутине, в основном одиноки. Согласен: наверное, следовало бы его опасаться, но мы ведь не особенно ценим жизнь, у нас часто бывают самоубийства.

— Он приходит два раза в неделю, — добавила Меррил, — ужинает с нами, играет в шахматы с Ральфом.

— Два раза в неделю? Да он в официальный сектор приходит не чаще чем дважды в год.

— Знаешь, мне иногда кажется, что у вас с Ходжем много общего.

— В каком смысле?

— Только вам двоим запрещено выбирать себе

пару, ходить на Рынок, воспитывать детей.

— За тем исключением, — напомнила я, — что я могу в любой момент подать в отставку и заняться игрой в дочки-матери. Ходж до конца жизни останется Ходжем.

Ральф кивнул:

— Потом, вы с ним отвечаете не только за свои сектора, но и за корабль в целом. Даже судья Картрайт не имеет настоящей власти над Одноглазыми, разве когда поймает кого-то. Но мы должны подчиняться тебе, как и все в Городе.

— Я знаю, — ответила я и, помолчав, добавила: — Об ответственности я и хотела с вами поговорить. Я отвечаю за Город, и я же не препятствую ритуалам. Не предательство ли это? Да, мы об этом уже спорили. Ты говоришь, ритуалы есть у всех: я выполняю обязанности капитана, ты изучаешь политологию древней Земли, а какое-то злосчастное существо толкает носом шарик по наклонному желобку во славу Странствия. Но должно же быть что-то, что различает эти действия. Я вижу молодежь официального сектора, а потом смотрю на Тимме. Да, он Одноглазый, но живой, он весь как пружина. У Паркса в отделе рыночных исследований есть стажер, толковый парень, но все реакции — как в замедленном

кино. И Паркс говорит, этот парень возмущается: у нас нет рвения к ритуалам. Мы для него — недоразвитые. Дикари без тяги к высокому.

Ральф молчал, ждал, что я продолжу.

— Суть в том, что однажды — кажется, они все об этом забыли, — однажды не будет больше Городов. Будет в ночи яркий и новый мир. Нужно будет противостоять силам природы, промышлять пищу, выслеживать и загонять добычу. Потому что манна не приедет сама собой на конвейерной ленте из гидропонных садов. Хорошо, мы с тобой этого не увидим, но теперь остается уже не шестьсот лет, не пятьсот — максимум двести, а то и сто пятьдесят. И по здравом размышлении я предпочту, чтобы этот новый мир осваивал ваш Тимме, а не смышленый дурачок Паркса. Если у меня под носом Город превратился в скопище живых автоматов, одержимых ритуалами, значит я не справилась с возложенной на меня задачей.

Ральф молчал, обдумывая ответ. Я гадала, каким он будет. У Меррил, похоже, ответа не было.

Но тут Тимме крикнул откуда-то:

— Ходж пришел!

Ответ так и не прозвучал.

Я обернулась. В дверях возник Ходж — рослый,

с высокими скулами и глубокими глазами. Капюшон откинут, веревка через плечо — знак его службы — качнулась, когда он остановился на пороге. Чернота его одежд напомнила о том, сколько разных цветов есть в мире. Картины на стене, секунду назад казавшиеся мрачными, словно налились яркими красками.

Мы немного поговорили, а когда пришло время ужина, я попрощалась и Тимме тем же безумным путем доставил меня к краю Паутины. На этот раз я не закрывала глаза. Я видела, как Одноглазые один за другим вспрыгивают на Кольцо, и этот фантастический прыжок был для них не больше чем шаг с тротуара.

Тимме угадал мои мысли:

— Ходж в Паутине движется почти как Одноглазый, но с Кольцом мы ему помогаем. Хотя это тоже дело привычки.

Он отцепил меня и втолкнул в коридор. Снова ощутив притяжение, я чуть не упала. Я помахала Тимме и двинулась в свой отсек».

8

Вторая запись:

«В полчетвертого ночи меня разбудил Паркс. Он работал на Рынке в ночную смену и, конечно, заметил первым. Я вылезла из постели и нажала кнопку на аварийном интеркоме:

— Что там еще? Песок?

— Капитан, говорит Паркс с Рынка.

— Что вам понадобилось посреди ночи?

— Показатель песка я только что проверял, все в норме. Но тут кое-что похуже…

— Похуже?

— Жесткое излучение увеличилось в три раза. В вашей части корабля это никак не скажется, но я боюсь, что тут, на Рынке, могут пострадать эмбрионы. Я установил защиту, только не знаю, поможет ли.

— А в чем причина? Вы выяснили, какой из реакторов дал сбой?

— В том-то и дело. Все реакторы работают исправно. Радиация проникает извне.

— Вы уверены? Связывались с другими Городами? Что у них — так же?

— Я хотел сперва посоветоваться с вами.

— Тогда я свяжусь с „Альфой-девять“. Посмотрим, что там.

— Капитан, вы позволите мне послушать?

Я вызвала „Альфу“ и минут пять ждала, пока Риш ответит. Наконец послышался его голос:

— Лила, солнце мое, как поживаешь?

— С переменным успехом. У нас радиация. Пока несильная, но похоже, что проникает снаружи.

— И у вас? — Риш слегка встревожился. — Меня минут двадцать назад разбудили, сказали то же самое. Я велел все сверху донизу проверить и лег обратно. Вечер, видишь ли, прошел в дискуссиях с судьей Филотсом. Кто-то слишком сильно оттолкнулся в невесомости и разбил голову. Его подобрали двое Одноглазых, помочь хотели. Теперь наш дорогой судья хочет вменить им вмешательство в дела гражданина. Ну, я орал на него, пока он не утомился. Теперь сам еле стою. Так что это за радиация, по-твоему? Я знаю, что вчера был негустой песок…

Тут резко вступили помехи, а сквозь них с минуту были слышны чьи-то голоса. Потом все стихло, и Риш спросил:

— Что это было?

— Понятия не имею. У вас все нормально?

И снова помехи посреди вопроса, и на панели

замигали кнопки экстренного вызова. Я нажала на ближайшую кнопку. Звонил Микер из подразделения радиосвязи.

— Что-то случилось на „Ипсилоне-семь“. Они пытаются связаться с нами, но, похоже, там какая-то большая проблема.

— Подключи меня, пожалуйста.

— Сейчас.

Вернулись помехи, и с ними неразличимые голоса. Снова Микер:

— Капитан, включите видео, я вам перешлю то, что у меня есть.

Я включила большой экран над панелью. Серый экран почернел, и на фоне мелких далеких звезд засветились несколько дисковидных тел — радиоотображение всех Городов.

Инженерам удалось подавить помехи, и на короткое время стали ясно слышны голоса — один-единственный голос, все повторявший одно и то же:

— …„Ипсилон-семь“, говорит „Ипсилон-семь“. Тревога, тревога. Слышит меня кто-нибудь?.. Говорит „Ипсилон-семь“.

К этому времени, я думаю, его читали уже на всех кораблях. Наконец в эфир прорвался еще один голос, совершенно без помех:

— Говорит капитан Влайон с „Дельты-шесть“. Слышу вас ясно. Продолжайте.

Похоже, Дельта принимала лучше, чем мы.

— Слава богу. Это Одноглазый Пайк говорит из квартала Одноглазых на „Ипсилоне“. Остальные все погибли, весь официальный сектор. Не знаю, что случилось, они как будто с ума сошли. Кто-то пришел… или что-то. Человек с зелеными…

Снова помехи, потом голос Влайона:

— Я ничего не понимаю. Прошу вас, Пайк, успокойтесь и расскажите еще раз.

— Корабль чуть к чертям не разнесло. Минут сорок назад, наверное. У нас был ночной цикл, и вдруг резкий толчок, все проснулись. Несколько человек пострадало. А потом все стали сходить с ума, потому что ничего не понимали. Я сам не видел, но говорили, что по главной площади прошел кто-то, как будто весь из огня. Я тоже ничего не понимаю. Они все погибли. Двадцать минут назад мы пробрались в официальный сектор, а там везде трупы. Несколько человек были еще живы, они кричали, пытались что-то объяснить. Потом мы увидели свет и убежали к себе.

— Погодите минуту, Пайк…

— Нет, это вы погодите, черт возьми. Прилетайте и заберите нас отсюда! Мы прячемся в Паутине,

но вы можете добраться на катерах. Бога ради, заберите нас из этого…

Раздался чей-то крик. Потом закричал Пайк. Тут я поняла, почему Микер сказал мне включить видео.

С одним из дисков — как раз с „Ипсилоном“ — происходило что-то не то. Он вибрировал, вокруг него сиял какой-то нимб. Потом радио отключилось, а диск на экране начал распадаться. Сначала просел и треснул корпус, потом пять или шесть обломков разлетелись в разные стороны. Потом останки корабля раскололись, как яичная скорлупа. За пять минут двадцатикилометровая металлическая махина была разорвана в клочья и расшвыряна в невесомости.

Люди на всех одиннадцати кораблях видели то же, что и я. Минут десять все молчали. Я тоже не могла говорить.

Наконец послышался голос капитана Альвы:

— Капитан Влайон, вы еще на связи? Что произошло?

Странный напряженный голос отвечал:

— Да… я на связи. Я не знаю…

Он не договорил. Мне показалось, что это не тот человек, которого мы слышали еще недавно. Никакой мистики. Просто мы все стали другими

людьми.

— Я не знаю… — повторил Влайон».

Третья запись:

«Первоначальный шок прошел, слух о катастрофе разошелся по всему Городу. Мы продолжаем двигаться сквозь неплотный песок, но после гибели „Ипсилона“ это уже не кажется важным. Люди в состоянии тихой паники, защититься нечем. Сегодня утром судья Картрайт приветствовал меня вполне добродушно:

— Что ж, одно, по крайней мере, хорошо: многие теперь вернулись к ритуалам.

Видимо, он ожидал, что я обрадуюсь. Микеру и еще троим связистам хватило присутствия духа записать все, что происходило вчера ночью. Подразделения связи все утро тщательно сопоставляли записи и пытались восстановить куски, заглушенные помехами. К вечеру им удалось разобрать еще слов десять, но они ничего не добавили к тому, что уже известно. Вечером же была весьма невеселая радиоконференция между Городами. Ожидалось, что мы будем выступать с предложениями.

Пять минут общего молчания, еще пятнадцать минут идиотских теорий, за которые нам же было стыдно. Наконец мы все отключились.

Время шло к ужину, когда мне снова позвонил Альва.

— Что на этот раз? — спросила я. — Еще что-то случилось?

— Случилось. Прошел слух, что на „Ипсилоне“ Одноглазые захватили управление и подорвали корабль.

— Что?!

— Пока ничего серьезного, но поговаривают, чтобы опять устрожить выполнение Нормы.

— Это чья идея?

— Не знаю. Город взорвался, у большинства, понятно, ум за разум зашел. Все так и оглядываются, ищут, на кого бы свалить. Одноглазые — первые кандидаты.

— С какой стати?

— Ну, известно, какая тут логика: последний вызов с „Ипсилона“ был от Одноглазого. Значит, они последние управляли Городом, значит, они устроили переворот, и так далее, и так далее.

— И они же каким-то образом уничтожили целый Город?

— Это ты меня спрашиваешь? Одна ритуальная группа уже разработала целое представление. Надышатся эфиром и стоят, а главный вырывает глаз у большой куклы. Дальше всеобщие стоны и

видения конца света.

— Эфир? Что-то мне это не нравится.

— Мне тоже. Ритуалы могут быть какие угодно, но наркотики — это уже перебор.

— Еще бы. Остается надеяться, что они там не спятят окончательно. Сегодня вечером получила жалобу от Паркса — это руководитель рыночных исследований. Он готовит стажера, хочет сделать своим ассистентом. И этот стажер, совсем молодой парень, всегда приносит блокнотик с карандашом и что-то там черкает. Паркс думал, расчеты или еще что. А сегодня парень пришел, ничего не делает, только рисует в блокнотике. Паркс спросил, в чем дело. Оказывается, у них в ритуальной группе положено значками отмечать разные типы мыслей, которые приходят в голову. Что за мысли, парень не сказал, но, похоже, у него теперь вся голова ими забита, и вот он сидит в углу и рисует кружочки, крестики, квадратики…

— Уму непостижимо, — сказал Альва. — Все это меня тревожит. Мягко говоря».

Четвертая запись:

«Не успела я проработать и пятнадцать минут, как зазвонил интерком: явился Картрайт.

— Войдите, — сказала я в микрофон.

Судья себя ждать не заставил.

— С добрым утром. Решил сразу зайти к вам, пока не началась суета. Дела, дела. Столько изменений, столько законов нужно устрожить. Нужно прекратить наконец попустительство.

— Что вы имеете в виду?

— А разве не попустительство официально признано причиной гибели „Ипсилона“?

Я скрестила руки и откинулась в кресле:

— Насколько мне известно, ни одной достоверной причины установлено не было.

— Ах, бросьте! Неужто вы не слышали? Я затем и пришел: узнать, насколько это официально. Слава богу, весь город говорит.

— И о чем же он говорит?

— О том, что Одноглазые на „Ипсилоне“ попытались устроить переворот, истребили население и подорвали корабль.

— Подобные версии даже не обсуждались.

— А возможно, следовало бы…

— Это курам на смех.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я дам вам прослушать все сообщения, поступившие с „Ипсилона“ в день катастрофы.

Я велела Микеру включить звук и видео. Судья все время сидел совершенно неподвижно. Я

видела это раз пятнадцать и уже забыла, какое потрясение может вызвать первый просмотр. Картрайт долго молчал, насупившись. Потом наконец промямлил:

— Ну-у…

— Похоже это на человека, захватившего корабль?

— Ну, возможно… возможно, он лгал, хотел ввести в заблуждение? И кто в таком случае захватил корабль? Не зеленый же человек с огненными глазами, или что за чушь он там придумал.

Когда ушел судья, позвонил Паркс:

— Капитан, радиация все еще довольно высокая. У нас будут такие мутации, что о Норме и говорить не придется.

— Хорошо, я приду посмотрю.

— Конечно, помочь тут никто не может… Но нам всем стало бы легче.

Рынок ярко освещен флуоресцентными лампами. Во множестве отсеков по стенам блестят прозрачные тубы, в которых дозревают эмбрионы. Переднюю часть Рынка занимает огромная генеалогическая картотека, в которую заносятся хромосомные данные всех жителей Города.

Ассистент Паркса сидел за столом, склонив белокурую голову над блокнотиком. Через минуту

подошел Паркс.

— Здравствуйте, — улыбнулся он. Перехватил мой взгляд на ассистента и добавил, безнадежно махнув рукой: — Не обращайте внимания. Пойдемте, я покажу, что удалось сделать.

Мы прошли в дальнюю часть Рынка.

— Я инсулировал свинцовой фольгой тубы с бластулами. Им это нужнее всего. Плодам старше четырех месяцев, думаю, большого вреда не будет, но позже все равно понадобится коррекция.

Одна из секций блестящей стеклом стены была темная: там тубы были обернуты свинцом.

Глядя на тусклую, мятую фольгу, я вдруг ощутила тяжесть ответственности за эти тысячи рожденных и еще не рожденных, мчащихся в пустоте и безвременье, где море и песок, жизнь и катастрофа — лишь точки на сторонах скачущей игральной кости.

— Вы правы, Паркс, тут я ничем помочь не могу. Невесело тут у вас. Или это во мне заговорил материнский инстинкт?

Паркс рассмеялся. Я вернулась к себе».

Пятая запись:

«Сегодня вечером с „Сигмы-9“ звонил Альва, был очень расстроен.

— Ли, что у вас с Одноглазыми?

— Картрайт не знает, чем им еще напакостить.

Альва огорченно присвистнул.

— Но у нас еще хуже. Я сейчас задам тебе странный вопрос.

— Давай.

— Мы хотим подать официальную просьбу судьям всех Городов не преследовать Одноглазых. Подпишешь? Я сейчас всех капитанов опрашиваю. У нас тут такие дела, что Одноглазых скоро истребят, а без их знаний нам всем конец.

— Мы не уполномочены вмешиваться в дела судей.

— Ли…

— Помолчи. Я просто думаю вслух. У нас скоро начнется то же, что и у вас. Если бы остальные согласились, мне было бы легче… Да к черту! Человек я или нет? Я согласна. Конечно согласна. Только покажите мне текст, прежде чем подавать.

— Спасибо, капитан Ли. — В его голосе звучала благодарность и облегчение, которое почувствовала даже я. — Вы третий капитан, который согласился.

— Думаю, мы все в итоге согласимся: сужу по собственному Городу… Надеюсь, удастся что-то сделать, — добавила я.

Альва вздохнул. Это был горький вздох, от которого, наверное, вздрогнули звезды.

— Я тоже надеюсь».

Шестая запись:

«Катастрофа. Горе и ярость. Погибла „Дельта-6“. На этот раз все продлилось десять часов. Началось с помех: мы все слушали трансляцию суда над Одноглазым Джеком, и вдруг она оборвалась. Потом стали пробиваться слабые сигналы: на корабле паника. Потом призыв о помощи от подразделения связи. И опять помехи.

Очевидно, существо вернулось. Это какой-то бред. Если воспринимать серьезно, можно сойти с ума. Легче думать, что это какая-то космическая шутка. Но это реальность, и жизнь Города зависит от того, насколько правильно мы ее воспримем. Последние сообщения были от Одноглазых: „Помогите, помогите, помогите!“ Существо с зелеными глазами лишило их разума и способности к взаимодействию. Оно десять часов расхаживало по разбитому кораблю среди выживших, а потом уничтожило всё и всех. Ближе к концу я не выдержала:

— Неужели мы ничего не можем сделать? Что, если я туда полечу?..

— Не говори глупостей, Ли. Чем ты им помо-

жешь?

— По крайней мере, узнаю, что это… по крайней мере…

В эфире раздался чей-то крик.

— Если ты погибнешь, никому лучше не станет.

— Станет, если узнаю, что убивает людей.

Тут корабль на экране начал разваливаться на куски. И — крики. Господи боже…»

9

— Пропусти несколько страниц, — сказал мальчик.

Джонини послушался. Его взгляд остановился на словах:

«Сквозь помехи я слышала голос Альвы: „Помогите! Ради бога, помогите!“ Что мне оставалось делать? Я связалась с Микером:

— Готовьте челнок. Я лечу туда.

— Но если кто-то узнает…

— В последний раз это продлилось десять часов. Достаточно, чтобы слетать и вернуться.

— А в первый — шестнадцать минут. Что будет сейчас, никому не известно. И плотность песка…

— Микер, я лечу. Готовьте челнок.

Через пять минут я уже выбегала из кабинета, когда в коридоре рявкнул голос:

— Капитан!

— Слушаю вас, судья.

— Микер сообщил мне, что вы направляетесь на „Сигму-девять“.

— А вам какое дело?

— Капитан, я запрещаю вам лететь. А если

ослушаетесь, можете быть уверены: назад я вас не пущу.

Меня как током ударило.

— Кто вас уполномочил мне что-то запрещать?

— Я, если помните, отвечаю за моральный климат корабля. Если вы вернетесь обратно с „Сигмы-девять“, это ударит по морали.

— Господи, судья, чего вы так боитесь?

— А что, если вместе с вами прилетит Разрушитель?

— Разрушитель?

— Да. Существо с зелеными глазами, которое уничтожает…

— Что ж, по крайней мере, вы перестали винить во всем Одноглазых. Я лечу на „Сигму“, судья.

Я едва слушала его: слишком сильны были страх и гнев.

Села в челнок, задраила люк, отомкнула уши и глаза и дала сигнал к пуску. Резко открылись тройные створки шлюза, и я вылетела навстречу песку. На датчике было три и семь. На экране увеличивалась „Сигма“, похожая на серебряное яйцо.

Робот объявил:

— Ваши уши отомкнуты…

Я включила радио.

— …ваши глаза зрячи.

Люк открылся, я вплыла в шлюз, и стрелка на датчике рывком пошла вниз. К шлюзу присоединилась труба. Когда я выходила из трубы, желудок свело от страха — что я сейчас увижу? Внутри отдавался какой-то металлический гул, который я списала на перенапряжение. Но я шла по совершенно пустому коридору, и гул все нарастал. Где-то в районе навигационного отсека я поняла, что это в голове: что-то, как зуммер, громко вибрирует у меня в голове. Я свернула к городской площади, гадая, сколько мне осталось.

На площади я увидела людей. Они шли прочь, молча, шатаясь. Один упал, потом еще двое. Кого-то повело в сторону. Какая-то женщина прислонилась к колонне, но через секунду соскользнула на пол.

Я включила передатчик на поясе: надеялась узнать, куда отступили остальные. Только нажала кнопку — гул из головы переместился в динамик и стал реальным. Я пыталась сообразить, что делать, а он то нарастал, то стихал и вдруг сгустился в голос:

– *Кто ты?*

— А? — растерялась я. Хотела крикнуть: „А ты кто, черт возьми?“, но промолчала.

– Я Разрушитель. Ваши люди дали мне это имя. Кто ты, что осмелилась преследовать Разрушителя?

Это было очень странно. Я подумала, что кто-то из обезумевших жителей добрался до чудом уцелевшего передатчика.

— Где вы? — Передатчик был симплексный, но от волнения и расстройства я об этом забыла. Помню, крикнула еще: — Я хочу вам помочь!

И динамик проревел, вибрируя:

– Я здесь.

Дальше случилось вот что (думаю, бóльшая часть была у меня в голове). Мои чувства, мысли, впечатления — все взвилось, закружилось ураганом, и из этого хаоса нетвердо выступило на площадь нечто огромное и сияющее. Оно приняло форму мужчины, нагого великана, но во всей его мощи было что-то призрачное. Из глаз его струился свет.

Это было нестерпимо, я закричала:

— Остановись!

И все остановилось. Мучительный спазм, и моя голова вернулась на прежнее место. Существо то таяло в воздухе, то возникало снова, мерцая, здесь и там на разрушенной площади.

– Я здесь, — повторило оно, но вибрирующий

голос исходил теперь от его головы.

— Что ты делаешь?! — зло спросила я, и только тут до меня дошло, насколько ирреален этот разговор.

– Я… я… я не знаю. Помоги мне.

— Ты нас убиваешь — вот что ты делаешь!

– Я входил в их сознание очень медленно, очень осторожно, но они все умирали в муках. У них недостаточно широкое сознание.

Существо качалось, подрагивало, обретая форму и снова рассеиваясь, как сон.

Я понемногу приходила в себя, но сердце колотилось страшно.

— Но меня ты не убил.

– Ты сказала „остановись“. Я теперь не в сознании у тебя. Я просто образ в твоих глазах и ушах.

Все это было довольно непонятно.

— Тогда приблизь свой образ, только не… не повреди моему сознанию. Я хочу тебя рассмотреть.

В три шага он пересек площадь и теперь возвышался надо мной, смотрел зелеными глазами.

– Но ты не меня видишь. Этот облик я взял из их сознания, чтобы быть к ним ближе. Но их разум гибнет, даже когда я вхожу медленно.

— А что было со мной? — Я сама толком не понимала, о чем спрашиваю.

– Я приблизился быстро, но ты крикнула „остановись“, и я остановился.

— А, ну спасибо в таком случае.

Я теперь знала, что такое „приблизиться быстро“. Вдруг я вспомнила:

— А где капитан Альва?

– Он погиб. И остальные, кто там был, в основном погибли… все погибли.

— Все?..

– Они не сказали „остановись“.

Меня как громом ударило.

— Тогда остановись совсем! Замри! Почему ты сам не остановился, тварь? Высшим существом себя возомнил? — Я уже кричала. Может, и еще что было, не помню. Потом замолчала. Меня трясло от злости и страха.

Существо ничего не отвечало, только подрагивало передо мной. Наконец мне осталось только спросить:

— Что ты такое?

И оно ответило — тише, словно в этот раз поняло меня глубже:

– Я не знаю.

— Тогда скажи, откуда ты?

– Извне. Я существую в песке — так вы его называете, в мезонных полях, через которые проходят

ваши корабли.

— Значит, ты… — Идея была слишком велика для моего узкого сознания. — Ты — живое существо из моря и пустыни?

Он кивнул.

До сих пор меня подстегивал какой-то истерический азарт, нерассуждающая потребность дать отпор. Но постепенно в мозг просачивалось осознание: происходящее — невозможно. Я атаковала невозможность вопросами:

— Но кто… как… как же ты со мной общаешься?

– На самом деле я с тобой не общаюсь. Я расслоил и изучил их сознание, я знаю ваши слова и образы. Но ваше сознание для меня узко. Я не могу с тобой общаться по-настоящему, но я знаю, о чем ты думаешь. Я принял новый образ, чтобы ты меня отчасти видела. Но это образ ваш, человеческий.

Я перевела застывшее дыхание:

— Ясно.

– Я не осознавал, что вы живые, пока ты не сказала „остановись“. Впервые кто-то из вас обратился ко мне прямо.

Я кивнула.

– У меня возникает образ человека, который

ломает муравейник, чтобы узнать, что внутри. Так и я разламывал ваши корабли. Я видел, как вы мечетесь, но не понимал, что это плохо, пока ты не сказала.

— Вы совсем другая форма жизни, чем мы. Вы по всей вселенной живете?

– Я один. Кроме меня, никого нет.

— Тебе должно быть очень одиноко.

– Одиноко?.. — Он произнес это почти с человеческой интонацией вопроса. — *Мне… одиноко.*

Тут случилось странное. Все вокруг задрожало, и на секунду я испугалась, что снова начнется хаос.

– Я очень одинок. Но я не знал об этом, пока ты не произнесла слово.

Опять дрожь, и как-то изменились цвета, словно в калейдоскопе.

— Господи, да что с тобой? — крикнула я.

Из зеленых глаз потекли слезы, залили мерцающее лицо.

– Видишь? Вы сказали бы, что я „плачу“.

— Не поддавайся этому. Я… я понимаю… Тяжело осознать, что ты совершенно один. Это каждый осознает, когда встречает другого человека.

– Другого… — Он помолчал. — *Другого, который не одинок.*

— Ты думаешь, я не одинока?

Снова молчание. В мир постепенно возвращались обычные цвета.

– Нет, ты одинока, я читаю это в твоем сознании. Но не так одинока, как я.

Пауза, потом дрожь и калейдоскоп.

– Я люблю тебя.

— Что?

Он повторил, и в этот раз дрожи и прочего было меньше.

— Ты меня любишь? Почему?

– Ты — сильная, особенная среди людей. Ты одинока и в то же время нет.

Все перемешалось во мне и вокруг, но, кажется, я поняла.

— Это… это очень лестно.

– Ты полюбишь меня?

Я онемела. Во многом я сочувствовала этому странному существу, я начала понимать его, если не прощать. Но любовь?

— Я тебя не понимаю. Не сочти за насмешку, но я даже представить себе не могу, что значило бы тебя любить.

– Я взял это слово из твоего сознания. Если я дам тебе что-то, чего ты очень хочешь, ты полюбишь меня?

— Я все равно не…

Он перебил:

— *Сильней всего ты мечтаешь о потомках, которые смогут жить среди звезд. Ты знаешь, что на кораблях большинство к этому уже не способно. Так вот, я не буду больше ломать корабли, и я обещаю, что твои дети будут жить среди звезд, будут связаны со мной до скончания времен…*

Наверное, у каждого есть такая точка: нажмешь на нее, и взрыв. Цвета изменились — это у меня внезапно раскрылись радужки. И дрожь — дрожь была во мне. Не знаю, как назвать это чувство.

– *Ты любишь меня.* — Он раскинул сияющие объятия. — *Приди.*

И я шагнула к нему.

Что же случилось, что же случилось потом, о вечные силы и созерцатели-звезды? Я не знаю. Был цвет, была боль, было чувство, которое затопило меня, разорвало на части вихрями ледяного металла, обожгло мириадами мыслей, цельных и оборванных. Цвет, поначалу белый, взорвался алым, обрушился каскадом зеленого, золотом устремился ввысь и, мерцая, рассыпался изумрудами — такими же, как его глаза.

Боль, прозрачная, как невыносимое наслаждение, растеклась в коленях, холодом затаилась в

лоне, чтобы снова взмыть, заполнить, искрами взорваться на кончиках пальцев, забиться внутри тугими волнами, ясными волнами о светлый берег. Они росли, росли, спадали и прибывали — и я кричала, я смеялась, прикрыв рот веером ладони. Каждая мышца, натягиваясь, дрожа, подгоняла миг высшего напряжения, за которым — совершенный покой. И миг пришел, громом сотряс мои чресла, и вспыхнул, и расцвел…

Зеленоокий — все его сияние, вся его суть была во мне, и в моих объятиях он был нежнее тумана и тверже стали».

Следующая запись:

«Мой челнок отчалил от „Сигмы“, и две минуты спустя ее затрясло и разорвало на части. От радиопомех у меня почернели глаза. К тому же что-то сломалось в генераторе гравитации, и весь обратный путь я проделала в невесомости, что вполне сравнимо с тяжелым похмельем.

Я связалась с кораблем, чтобы открыли шлюз, но, когда робот исполнил свою простую роль, вмешался чей-то голос:

— Говорит Смитерс из судебного подразделения. Судья Картрайт запретил нам пускать вас на корабль.

— Что?!

— Судья Картрайт не хочет…

— Сию секунду откройте люк! Иначе я с вас шкуру спущу.

— Мне очень жаль, но…

— Соедините с Картрайтом. Он только и ждал, чтобы я улетела, но не пустить меня обратно ему слабо.

— Со мной тут двое коллег, нам поручено вас освидетельствовать. Может быть, вам лучше вернуться позже. Судья Картрайт…

— Вы там все с ума посходили?

— Нет, капитан, просто ритуалы…

— Плевать мне на ваши ритуалы!

— Капитан, — вступил другой голос, — вы можете сказать, что это за нота?

Из динамика донесся ни больше ни меньше как звук трубы.

— Не могу. Зачем это еще?

— Это часть ритуального освидетельствования для допуска на корабль. Приказ судьи Картрайта. Звук трубы означает призыв, на который откликнулись наши предки…

— Я вас изничтожу. Узнаю, кто вы, объявлю сумасшедшими, и вас отправят в „Мертвую голову“. Немедленно откройте. Я сказала, что вернусь, и вернулась. Я знаю, почему погибли корабли.

Может, даже могу это предотвратить… если вы меня впустите.

Молчание. Потом первый голос:

— Вы нашли того человека с зелеными глазами? Предводителя Одноглазых?

— Надеюсь, вы не привезли его с собой? — вставил кто-то еще.

— Конечно нет, — отрезала я. — И это не человек. Так что глаза тут ни при чем.

— Что же это тогда?

— Давайте я еще тут посижу, а вы будете угадывать. Пока не поймете, что время уходит.

— Я пошел за Картрайтом, — проговорил тот, что с трубой, и зачем-то негромко подул в нее.

Пару минут спустя кто-то из оставшихся (через динамик было слышно, как он нервно грызет ногти) решился:

— Я ее впущу.

И открыл шлюз. Я мельком подумала, что Картрайт устроит троице показательную порку, но мне было все равно.

Двадцать минут спустя я говорила с Картрайтом по телефону и, думаю, сказала достаточно, чтобы мерзавца бросило в пот. Но главное скрыла. Следующую неделю я просидела у себя: в первый день болели ноги после невесомости, потом про-

сто береглась. Наконец пришла на Рынок:

— Здравствуйте, Паркс.

Его ассистент так и черкал что-то в своем блокнотике. За спиной у нас до потолка высились блестящие тубы с эмбрионами.

— Паркс, у меня проблема. Может быть, вы мне поможете.

— Что такое, капитан?

— Я беременна.

— Что?

— У меня будет ребенок.

Паркс присел на стол:

— Но… как?

— Отличный вопрос. Не знаю, что и ответить. Но вы должны извлечь из меня эмбрион.

— То есть аборт?

— Ни в коем случае! Извлечь нежно и аккуратно и поместить в одну из ваших стекляшек.

— И все же я не понимаю… На корабле все гормонально стерилизованы. Как же вы… Вы уверены?

— Можете убедиться сами.

Паркс осмотрел меня:

— Да, по всем признакам — беременность. Когда вы хотите переместить эмбрион?

— Прямо сейчас. Он должен выжить, Паркс. Я

доносила бы его сама, но во всей нации не осталось женщины, которой мускулатура позволила бы родить и не умереть при этом.

— Он выживет, — сказал Паркс.

Он ввел мне местный анестетик, и я наблюдала за операцией от и до через систему зеркал. Это было что-то невероятное. Когда все закончилось, на меня напал волчий голод. Вернулась, поела у себя, а потом сидела и думала.

Мои раздумья прервал звонок Паркса:

— Капитан Ли, капитан… — Казалось, он задыхается.

— Ребенок в порядке?

— Да. С ним все хорошо. Но остальные… они умирают. Повально умирают, мы уже потеряли половину.

— Опять радиация на корабле?

Моей первой мыслью было, что Разрушитель не сдержал обещания и приблизился к нам. Но нет, обломки „Сигмы“ дрейфовали от нас на прежнем расстоянии.

— Дело в вас, капитан. Проверьтесь. Другой причины я не вижу. Я проверил ваш эмбрион, и он буквально пропитан радиацией. Не понимаю, как он еще жив. Но он жив и в прекрасном состоянии. В какой-то момент по Рынку ударило

жесткой гаммой, да так, что все процессы нарушились и начали гибнуть эмбрионы. Даже мне было нехорошо, пришлось пройти дезактивацию.

— Понятно. Проверюсь и перезвоню.

Сцинтиллятор показал, что я мертва с момента прибытия на корабль. Я хотела связаться с Парксом, но тут раздался сигнал, и на экране возникло лицо Картрайта.

— Капитан, простите, что беспокою, но есть нечто, что требует моего личного участия.

— А именно?

— К сожалению, я должен вас арестовать.

— Арестовать? За что же?

— Норма против Лилы RT-857.

— В чем же, кроме мелочей, я отличаюсь от среднего гражданина?

— Это не мелочь, капитан. Вы беременны. Это незаконно и непростительно.

— Кто вам рассказал?

Я не верила, что Паркс способен на такое. Впрочем, ответ оказался вполне правдоподобен:

— Новый ассистент Паркса слышал…»

Еще несколько строк, и записи оборвались.

Джонини закрыл книгу. Мальчик, до сих пор стоявший подле него в пузыре, протянул следу-

ющую:

— Дневник Ходжа. Ходжа-палача.

Джонини хмуро пролистывал страницы с бесконечным сухим перечислением казней. Вдруг мелькнул отрывок баллады:

На рынок пришла – ужаснулись ей.
Через миг не стало на рынке детей.
Шла мимо судилища – замер судья.
К Мертвой главе подошла она.

А кто же одноглазая женщина с зеленоглазым ребенком? На последних страницах записи были подробнее. Ходж писал:

«Суд окончился. Все решилось очень быстро, обошлись без адвоката. Я не был там, но слышал.

Каждые несколько часов я вижу, как она медленно проходит мимо узкого, длинного окна в камере смертников. Смерть тяжело налегла ей на плечи, но не думаю, что она боится. Один раз она остановилась и позвала меня. Я подошел к двери и, чтобы лучше слышать, открыл железное окошко для передачи пищи.

— Ходж, что в Городе?

— Хаос. Ритуалы вышли за все границы. Люди из официального сектора прорвались в Паутину

и убивают Одноглазых. Ходят партиями, как на охоту, с газом и копьями. Ральф погиб. Я туда больше не хожу.

Ее лицо, прежде спокойное, исказилось.

— Ты можешь позвать сюда Паркса? — тихо спросила она.

— Не имею права. Но я позову его, капитан.

Паркс так спешил, что запыхался. Он все смотрел на меня, похоже, хотел, чтобы я вышел, но этого я сделать не мог. Наконец капитан велела ему говорить и добавила, что мне можно доверять. Он злобно взглянул на меня:

— Ему уже доверена ваша казнь.

— И в этом я ему тоже доверяю. Теперь говорите: как ребенок? Он в безопасности?

Паркс кивнул:

— Они прорвались было к нам, перебили много туб. Но после первого раза я сообразил, что делать. У нас появился союзник.

Лила непонимающе нахмурилась.

— После очередного налета на Паутину, когда убили Ральфа, ко мне на Рынок пришла Меррил. Она знает, что я им друг. И вот… мы тем же способом пересадили эмбрион ей. Она проносит его весь срок, а когда останется неделя или две, я его извлеку кесаревым сечением. Теперь он,

так сказать, в движущемся сосуде. Эти идиоты могут перебить хоть все тубы — до ребенка им не добраться.

— Хорошо, — сказал я.

— Объясните мне, капитан: что значит этот ребенок? Он ведь особенный? Это как-то связано с тем, что случилось на „Сигме“?

— Да.

И она ему рассказала. Я мало что из этого понял. Было много научных слов, и в конце Паркс очень тихо, очень медленно проговорил:

— Значит, мы доберемся до звезд. Ребенка им не видать. Его вырастят выжившие Одноглазые. Меррил что-то такое и предполагала. Но я не понимал… — Он перебил себя: — Меррил плакала. Там, на Рынке, мы говорили о вашей казни, и она… и мы плакали.

Лила только крепко сжала край окошка, и желвачок дрогнул пару раз у нее на лице. Она сказала просто:

— Он должен выжить».

Последние две записи в дневнике Ходжа:

«Беспорядки растут, грозят докатиться даже сюда».

И:

«Сегодня в четыре пополудни казнена капитан Лила RT-875».

Джонини обернулся к сыну Разрушителя:

— Значит, ребенок выжил.

Мальчик кивнул:

— Когда я вырос, то сделал столько дублей, сколько нам захотелось, без родов и прочего.

— Ну, это объясняет твои штучки. Ты, как и твой отец, существуешь отчасти вне времени, отсюда и мерцание, и движение во временно́м стазисе. — Вдруг Джонини нахмурился. — Но он же обещал! Твой отец обещал ей, что вы достигнете звезд, войдете в контакт…

— Он не сказал когда. И ты разве не заберешь меня в университет, чтобы изучать?

— Конечно, но… — Джонини рассмеялся. — С твоим умением читать мысли ты можешь войти в контакт с любой расой. Плюс еще способность пребывать вне времени… Да это же величайшее антропологическое открытие со времен… не знаю, с каких времен!

Мальчик кивнул:

— Для этого мы и созданы. Мы можем передавать отцу любую информацию. Он ее обработает, и мы сообщим ее вам. Вы можете брать нас с собой, когда нужно войти в контакт, и мы все

сделаем.

Джонини пришел в восторг:

— Он сделал даже больше, чем обещал! Ты наполовину человек, а говорить будешь не только за своих, но и за всех людей, за правнуков стопроцентной людской расы. И будешь кем-то вроде посредника для своего отца. Ты же всегда с ним связан, независимо от того, где вы находитесь?

Мальчик склонил голову набок:

— Отец и я — одно.

Вернувшись на крейсер, Джонини еще раз перечитал балладу о «Бете-2» и поразился тому, насколько все в ней теперь было понятно. В этих скупых строфах Лила, желавшая спасти свой народ, вставала перед ним так же явственно, как события его собственной жизни. Кто написал ее, эту балладу? Последний выживший Одноглазый? Или кто-то из официального сектора, в ком бессильное сочувствие обернулось творческой силой? Он уже продумывал, как использовать детей Разрушителя в своем исследовании кретонской цивилизации. Но сквозь расчеты и планы все пробивался, все звучал последний куплет гимна — ибо в каком-то смысле это был гимн:

Кровь, и огонь, и плоть на костях,

Камень и сталь – рассыпались в прах,
Самый Город канул во тьму.
Но она вернулась по слову своему.

Пересечение Эйнштейна

Посвящается Дону Уоллхайму, человеку, во всех смыслах ответственному перед тем и за то, что внутри, и Джеку Гоуну, ответственному за то, что снаружи.[21]

Он осветотеняет (тень-трансмутéнь!) весь этот наш ощекотимый мир.

Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану

Я не утверждаю, однако, что каждое заблуждение, каждое рассеяние ума следует толковать как безумие.

Эразм Роттердамский. Похвала глупости[22]

---

[21] Примечания: 21

Дон Уоллхайм был редактором Дилэни, а Джек Гоун — оформителем первого издания «Пересечения Эйнштейна» в издательстве «Эйс Букс».

[22] Примечания: 22

Фразу, в точности соответствующую по смыслу данному эпиграфу, в английских и в русских переводах «Похвалы глупости» найти не удалось. Выше дан перевод фразы Дилэни, здесь приведем ближайшую по смыслу фразу Эразма Роттердамского: «Но мы до сих пор еще не установили, что следует называть безумием — обман чувств или ошибку ума» (перевод с лат. П. Губера).

У моего мачете от рукояти до кончика клинка идет дырчатая трубка. Я дую в рукоять и клинком делаю музыку. Если закрыть все дырочки, то звук печальный, поверху гладкий, а внутри шершавый. Если открыть, он пляшет и свищет, и в глазах бликует солнце, как от воды или кореженого железа. Дырочек счетом двадцать. С тех пор как я начал играть, кто только не звал меня дураком и так далее, а вообще меня зовут Лоби.

Каков я с виду?

Уродец я с виду, и вечно улыбка до ушей. Здоровенный нос, серые глаза, рот широкий — все налеплено на мелкое бурое рыльце: лисице сгодится, а мне маловато. И еще волосы вокруг царапаются, как медная проволока. Раз в два месяца я их подрубаю мачете почти под корень. Только подрублю — опять оброс. Что странно, кстати: мне двадцать три, а бороды нет как нет. Фигурка у меня вроде кегли. Ляжки, икры, ступни как от мужика (или гориллы) в два раза меня выше, а я метр восемьдесят. И бедра под стать. В тот год, как мне родиться, много гермафродитов рождалось, и доктора думали — может быть, и я такой. Но я что-то сомневаюсь.

В общем, уродец, как и было сказано. На ногах у меня пальцы длиннющие, большой отстоит от

других — ноги как руки. Но это как раз неплохо, я этими ногами спас Мелкого Йона.

Мы карабкались по Берилловому склону, оскользались там на стеклянных камнях. Йон сорвался и повис на одной руке. Я сам на двух висел, но обхватил его ногой за запястье и подтянул на выступ.

Тут Ло Кречет делает глубокомысленное лицо, скрещивает руки поверх кожаной рубахи и качает головой, так что борода мотается над жилистой шеей:

— А что, позвольте спросить, понадобилось на Берилловом склоне двум молодым Ло? Не учили вас не рисковать попусту? Рождаемость-то падает у нас, ох как падает. Не время сейчас молодым производителям по глупости ломать шею.

Ну, это Кречетов заскок. Ничего, конечно, не падает. Полных нормов меньше рождается, это да, а так-то детей много. Просто во времена Кречета нефункционалы — идиоты, дауны, кретины — сильно за половину переваливали. (Мы тогда еще не приспособились к вашим образам, но это побоку.) А теперь функционалов намного больше, чем остальных. Так что печалиться нечего.

А еще я препакостно грызу ногти — и на ногах тоже.

Вспомнил сейчас: я сижу на камне у Исходной пещеры, где ручей выбегает из темноты и светлым серпом врезается в рощу. Сижу я, а рядом паук-кровосос, с мой кулак размером, на солнышке греется, пузо у него торчит во все стороны, в пузе тикает пульс. Наверху листья в ладушки играют. И проходит Ла Напева. Через плечо торба с плодами, на бедре — сын. (Мы с ней раз сцепились: мой или нет. То все мое было: глазки, носик, ушки, то вдруг: «Он от Ло Добри, неужто не видишь? Вон какой сильный!» Потом мы оба влюбились в кого-то еще, а теперь снова друзья.) Напева морщит нос:

— Ну что ты такое делаешь, Лоби?

— А на что похоже? Ногти на ногах грызу.

— Красота. — Покачав головой, она уходит в лес, к деревне.

Но теперь я все больше сижу на Плоском камне, сплю, думаю, грызу ногти или точу мачете. Ла Уника говорит, имею право.

Совсем недавно Ло Мелкий Йон, Ло Добри и Ло я пасли коз. Мы так и оказались на Берилловом склоне: думали найти пастбище. Мы были та еще троица. Мелкий Йон, хоть он на год старше меня, будет мелким до самой смерти: на вид лет четырнадцать, с черной кожей, гладкой, как вул-

каническое стекло. Йон потеет только ладонями, ступнями и языком. (Нормальных потовых желез у него нет, и он каждые пять минут отбегает пи-пи, как диабетик на холоде или нервный пес.) Вместо волос у него какая-то серебряная сетка — не седая, а именно серебряная. А что черный — так это не наш с вами ржавый меланин. Его продубило не солнцем, а металлом: какой-то белок образовался благодаря какому-то оксиду. Он поет — он простоват, говоря честно, — бегает, прыгает по камням, скачет через коз, стреляет серебряными бликами от головы, из паха, из подмышек. Потом останавливается, задирает ногу на дерево (ну да, как нервный пес) и глядит вокруг виноватыми черными глазами. А когда они улыбаются, эти его глаза, — света от них не меньше, чем от волос, только на другой частоте. У него и когти есть — длинные, крепкие, роговые. У меня-то, понятно, огрызки. С таким Ло лучше не ссориться.

А Добри, наоборот, большой (два сорок, наверное), мохнатый (на пояснице коричневый каракуль, на животе кудряшки штопором), сильный (все Добрины сто сорок семь кило — камни, напиханные под его овчину. Мышцы прут наружу углами).

Добри у нас кроткий. Однажды я рассердился на него, когда плодная коза свалилась в круглую расщелину. Главное, я видел, что сейчас будет: это слепая была коза, крупная, восемь лет кряду приносила нам тройняшек-нормиков. Я стоял на одной ноге, а всем остальным метал камни и палки в Добри. Ему надо камнем в башку попасть, чтобы он на тебя внимание обратил. Просто он был ближе к той козе, чем я.

— Очнись ты там, нефункционал, недоЛо долболобое! Она оступится сей…

Тут она и оступилась. Добри, смотревший на меня с выражением «за что?», перевел взгляд, увидел, как она через край переваливается, скакнул к ней, недоскочил, и оба заблеяли. Я вмазал ему камень в ляху и чуть не заплакал. А Добри разревелся.

Добри, с мокрыми мохнатыми щеками, сидел на карачках на краю расщелины. Коза лежала внизу со сломанной шеей. Добри посмотрел на меня:

— Не надо больше камнями, Лоби. Мне и так… — Он утер кулаком голубые глаза и показал вниз. — Мне и так очень плохо.

Ну что поделаешь с таким Ло? У него, кстати, тоже когти изрядные, но они ему нужны, толь-

ко чтоб на титановы пальмы лазить и детям за манго.

Но вообще у нас это дело ладилось. Ло Малый Йон как-то раз прыгнул с дерева на спину льву, который подбирался к стаду. Вырвал ему глотку, встал, отряхнулся — и, озираясь, шмыгнул за валун. Добри — кроткий-кроткий, а тоже медведю голову снес бревном. Ну а у меня мачете и руки как ноги: правша и левша — одновременно и как прикажете. Да, все у нас ладилось, а теперь всему конец.

Потому что еще была Фриза.

Фриза или Ла Фриза — об этом вечно спорили знахари из прежних и старейшины, которые присваивают титулы. На вид она была нормальная — стройненькая, вся коричная, губы пухлые, нос широкий, радужки медные. Говорили, она с шестью пальчиками родилась, но шестой был нефункциональный, и странствующий доктор его ампутировал. Волосы у нее были черные, густые, витые. Она стригла их коротко, но как-то раз нашла красную бечевку и вплела в черное.

А в тот день у нее были браслеты и медные бусы — ужас сколько. Фриза была красивая.

И молчала. Младенцем ее сперва определили в Клетку, к другим нефункционалам, потому что

она совсем не пыталась двигаться. Ла, конечно, долой. А потом кто-то из сторожей заметил: не пытается, потому что давно все умеет и, когда надо, юркает шустрей белкиной тени. Выпустили, вернули Ла. Но она так и не заговорила. И когда, к восьми ее годам, стало ясно, что прекрасная сирота немая, Ла опять отобрали. Но о Клетке речи быть не могло: Фриза функционалка, плетет корзины, пашет, с болас охотится отлично. Тогда и пошли дебаты.

Ло Кречет сказал:

— В мое время Ла и Ло присваивали только полным нормам. А мы стали мягкотелы. Мы титул чистоты даем любому функционалу, имевшему несчастье родиться в наши смутные дни.

Ла Уника отвечала:

— Времена меняются. Последние тридцать лет у нас неписаное правило — присваивать Ла и Ло всем функциональным существам, рожденным здесь, на нашей новой земле. Вопрос только в том, что для нас значит функциональность. Так ли уж мы уверены, что способность к словесному общению — условие *sine qua non*?[23] Фриза — умная девочка, учится быстро и охотно. Я голосую

---

[23] Примечания: 23

Досл. «то, без чего не», т. е. непременное условие *(лат.).*

за Ла.

Пока старейшины обсуждали ее место в обществе, Фриза сидела у огня и играла белыми камешками.

— Это начало конца, — негромко проговорил Ло Кречет. — Нужно же хоть что-то сохранить.

— Конец начала, — вздохнула Ла Уника. — Все менять надо.

Сколько себя помню, такой у них пароль-отзыв.

Рассказывают, что давно, когда меня и в планах не было, Ло Кречету опротивела наша деревня и он ушел. Потом стали притекать слухи: Кречет подался на одну из лун Юпитера, добывает там какой-то металл, синими жилами ветвящийся в толще гор. Потом: Кречет покинул луну и бороздит дымчатое море в мире, где три солнца бросают три его тени на пляшущую палубу корабля размером с нашу деревню. Потом еще: Кречет прорубает пути в неведомой субстанции, испускающей под ударами ядовитый пар, на планете такой далекой, что там и звезды не светят в ночи, длящейся целый год. Так прошло семь лет, и Ла Уника, видимо, решила, что пора ему домой. Ушла куда-то и через неделю вернулась с Кречетом. Говорят, что он мало изменился за время стран-

ствий, и потому никто не спрашивал, где он был. Но тогда началось его тихое противостояние с Ла Уникой, связавшее их прочнее любой любви:

— Нужно сохранить…

— Менять надо…

Обычно Ло Кречет уступал. Ла Уника исключительно начитанна, тонка и остра. Кречет был славный охотник в молодости и славный воин, когда возникала нужда. Он был достаточно мудр, чтоб если не словом, то делом признать: нужда миновала. Но тут он был непреклонен:

— Чтобы стать однажды людьми, словесное общение необходимо. Если плоскомордая собака прибредет к нам из-за холмов, научится лаять с полсотни наших слов и объясняться с нами, я скорей собаке присвою титул, чем немому ребенку. О, битвы моей юности! Когда на нас набегали исполинские пауки, когда плесень перла из джунглей, когда из подземных нор лезли шестиметровые слизни, а мы жгли их известью и солью, — почему мы побеждали? Потому что могли общаться. Мы выкрикивали приказы. Мы орали, предупреждая других об опасности. В сумерки в темных Исходных пещерах мы шепотом составляли план на завтра… Да! Я скорей присвою Ла или Ло говорящей собаке.

Кто-то ввернул пакость:

— Ну, Ле-то девчонке тоже не присвоишь!

Вокруг заржали.

Но старики отлично умеют не замечать такое. Да самих-то Ле мало кто замечает. В общем, ни до чего не договорились. Как луна пошла к закату, кто-то предложил распустить собрание, и народ начал подыматься, охая и хрустя суставами. Разбредались. Фриза, вся темная и красивая, по-прежнему играла в камешки.

Совсем маленькой Фриза не шевелилась, потому что и так все умела. Теперь, глядя на нее в скачущих отблесках, я (сам-то еще восьмилетка) начал понимать, почему она молчит: она подняла камешек и со злостью швырнула в голову мужику, сказавшему про Ле. Даже в восемь Фриза обид не спускала. Она промахнулась, и швырок видел я один. Но я еще увидел зубастую гримаску, усилие в плечах, поджавшиеся пальцы на ногах, сложенных калачиком. Увидел стиснутые кулачки, лежащие на коленях. В том-то и дело: ей не нужны были ни руки, ни ноги. Камешек поднялся, мелькнул мимо цели и исчез в залопотавшей листве. И я видел, *как* она его швырнула.

Вот уже неделю я каждый вечер подолгу смотрю на пляшущие флаги в порту,

на дворцы, столпившиеся по левую руку, на хрупкие осколки света, рассеянные по гавани этой теплой осенью. «ПЭ» идет странно. Сегодня я снова вышел на огромную трапецию Пьяцца Сан-Марко и увидел, что туман скрыл верхушки красных флагштоков. Я сел на подножие флагштока, ближайшего к башне, и записал кое-что о Лоби и о голоде, который ему предстоит узнать. Потом, оставив за спиной Базилику с ее полуистлевшим индиго и золотом, до глубокой ночи бродил по глухим переулкам. Остановился на мостике и смотрел, как узкий канал течет, зажатый стенами, под фонарями и бельевыми веревками. Вдруг раздался вопль. Я резко обернулся. Полдюжины котов, вопя, завертелись у меня под ногами и кинулись дальше в погоню за бурой крысой. Холодок пересчитал мне позвонки. Я снова глянул вниз: из-под моста, словно крадучись по мазутным пятнам, медленно выплыли шесть цветков. Розы. Я следил за ними, пока ленивый катер в большом смежном канале не всколыхнул воду, заплескавшую в фундаменты

домов. От мостика к мостику я дошел до Большого канала и поймал вапоретто до вокзала Санта-Лючия. Когда проплывали под черной деревянной аркой моста Академии, поднялся ветер. Я думал, как вписать цветы и хищных тварей в историю про Лоби. Те и другие созвучны ей, но пока не пойму, в чем именно. Орион оседлал волнение канала. В воде дрожали городские огни, над нами нависали каплющие камни Риальто.

Дневник автора. Венеция, 1965 г.

Теперь скажу несколько слов о том, как добр и счастлив был Мальдорор в первые, безоблачные годы своей жизни, – вот эти слова уже и сказаны. Но вскоре он заметил, что по некой фатальной прихоти судьбы был создан злым.

***Исидор Дюкасс (граф де Лотреамон). Песни Мальдорора*[24]**

Это все было вступление к тому, почему Добри, Мелкий Йон и я не пасем больше коз.

Фриза, темная и необъясненная Фриза, повадилась ходить с нами. Скакала и гоняла наперегонки

---

[24] Примечания: 24
Перевод Н. Мавлевич.

с Мелким Йоном, плясала с ним под его единственную песню и мою музыку. В шутку боролась с Добри. Шла со мной шипастой ежевичной долиной и держала за руку. Какие тут Ла и Ло, если пасешь вместе коз, смеешься, любишься, а мы с Фризой как раз это и делали. Вот она стоит на валуне, обернулась, глядит, а у лица мельтешат листья. Вот рванула ко мне по камням. Вот ее легкий шаг, вот ее тень, а между — мир замер, и есть только одно настоящее движение. Толкнулась мне в грудь, и мир ожил, а она хохочет — единственный ее звук, и как ей радостно было гонять его во рту!

Она подманивала к нам красоту, а опасностям не давала приблизиться. Наверное, это было то же, что тогда с камешком: просто однажды я заметил, что перестало случаться уродливое и злое: пропали львы, пропали кондоры-нетопыри. Козлята не забредали куда не надо и сами держались подальше от обрывов.

— Слушай, Йон, ты можешь с нами сегодня не ходить.

— Ну, не знаю, Лоби, если ты…

— Не надо, отдыхай.

Стали ходить я, Добри и Фриза.

…А красота была, когда в долине поселилась

стая альбиносных ястребов. Или когда мамаша-сурчиха привела малышей знакомиться.

— Добри, у нас тут работы на двоих. Нашел бы ты еще какое дело, а?

— Но мне нравится, Лоби.

— Мы с Фризой сами управимся.

— Да я не…

— Добри, сгинь.

Он сказал что-то еще. Тогда я взял в ногу камень и поиграл им для примера. Добри оторопело уставился на меня, потом потопал прочь. Вот так я поговорил с Добри.

Теперь долина и стадо были только наши с Фризой. И еще долго было хорошо и красиво, и какие-то цветы внизу мелькали и забывались, когда мы пролетали с ней по обрывам. Ядовитые змеи если встречались, то отворачивали с пути алыми лентами, не решаясь спружиниться для броска.

Какую музыку я тогда делал!

Что-то убило Фризу.

Она пряталась в рощице ленивых ив — это те, что никнут ниже плакучих, а я искал, выкликал ее и скалился до ушей. И тут она закричала. Впервые я услышал от нее что-то, кроме смеха. Козы заблеяли.

Я нашел ее: Фриза лежала под ивой, лицом в землю.

Козы скрипели, скребли всё вокруг своим скрипом, и долина шла от них лоскутами. Я молчал. Не знал, не ждал, что может быть у меня такое отчаяние.

Я отнес ее в деревню. Помню лицо у Ла Уники, когда я вышел на общий круг, держа на руках гибкое тело.

— Лоби, что?!.. Как она… Нет, Лоби! Нет, перестань!

Добри с Йоном взяли стадо. Я обосновался на Плоском камне у Исходной пещеры, точил мачете, грыз ногти, спал и думал один.

Ну вот, вступлениям конец, вернулись, откуда начали.

В какой-то день пришел Добри.

— Слушай, Лоби, ты бы помог нам. Львы вернулись. Не все, правда, но с тобой нам легче будет.

Добри присел рядом на корточки (и все равно навис надо мной на полметра). Покачал головой:

— Бедняга…

Провел мне мохнатой пятерней по черепу:

— Давай, Лоби. Ты нам нужен, мы тоже тебе пригодимся. У нас вон два козленка заплутали, поищешь?

— Уходи.

— Бедняга ты…

Но ушел все-таки.

Потом пришел Мелкий Йон. С минуту стоял, думал, что сказать. Только надумал — понадобилось в кусты. Застеснялся и потом уж не вернулся.

Ло Кречет пожаловал:

— Ло Лоби, айда на быка. Тут бык объявился в километре к югу. Рога, говорят, с твою руку длиной.

— Знаешь, Ло Кречет, у меня сегодня настроение какое-то нефункциональное.

С Кречетом, конечно, не надо про такое шутить. Зафырчал и удалился. Но и мне тогда было не до его допотопного этикета.

А вот когда Ла Уника пришла, это было по-иному. Я же говорил: тонка и остра. Села с книгой на другом конце камня и час не обращала на меня внимания, пока я не обозлился. Наконец спросил:

— Что это вы делаете?

— Полагаю, то же, что и ты.

— А именно?

Она посмотрела серьезно:

— Может, сам скажешь?

Я нагнулся обратно к клинку:

— Мачете точу.

— А я ум. Такое дело возникло: то и другое заточки потребует.

— Мм?

— Этот твой мык означает вопрос, что за дело?

— Мм… ну да. Что за дело такое?

— Убить то, что Фризу убило. — Ла Уника захлопнула книгу. — Поможешь?

Я сжал кулаки и ступни, подался вперед, открыл рот — и Уника поплыла за слезной пленкой. Заплакал. Сам удивился, ведь столько времени прошло. Ткнулся лбом в камень и ревел.

— Ло Лоби…

Сказала вроде как Кречет — а по-иному. Провела по волосам, как Добри, — а по-иному. И пока я унимал себя, я чувствовал ее сострадание и смущение. Как у Мелкого Йона. Но иное.

Теперь я лежал комом на боку, сцепил руки-ноги и хлюпал себе в выемку нутра. Она гладила мне плечо, растирала сведенное уродское бедро, разжимала мне что-то внутри лаской и речью:

— Давай поговорим о мифах… Хотя лучше я буду говорить, а ты слушай. Этот мир — его рациональный костяк, — сколько нас лихорадило, пока мы лепили себя вокруг него. А с иррациональным бед не меньше. Помнишь миф о Битлах?

Помнишь, как Битл по имени Ринго покинул свою возлюбленную Мишель? Он был единственный из Битлов, кто не пел, — так сказано в самых ранних изложениях. И вот однажды, когда он с другими Битлами приземлился в своей летательной машине, вопиящие девы набросились на них и растерзали. А потом Битлы возвратились к людям, слившись наконец воедино с Великим Роком и Великим Роллом…

Я положил голову Ла Унике на колени. Она продолжала:

— Так вот, у этого мифа есть предшественник, очень древний, о котором мы знаем меньше. С того времени сорокапяток не сохранилось. Есть несколько письменных версий, но молодежь читает все меньше… И в этом мифе Ринго зовут Орфеем. Его в конце тоже растерзали вопиящие девы, но есть отличия. Орфей потерял свою возлюбленную — в той версии ее зовут Эвридика, — и она попала в Великий Рок и Великий Ролл. Орфею, чтобы вернуть ее, нужно было пойти за ней. И он пошел. Шел и пел, потому что в этом мифе он не молчальник, а величайший певец, — в мифах, когда одна версия вытесняет другую, все переворачивается с ног на голову.

— Как же он мог пойти за ней в Великий Рок

и Великий Ролл, если они разом — и жизнь, и смерть?

— Ну вот, пошел как-то.

— Вернул ее?

— Нет.

Я отвел глаза от Ла Уники с ее старым лицом и, лежа головой у нее на коленях, стал смотреть на деревья:

— Значит, соврал. Значит, не ходил. Отсиделся где-нибудь в лесу, а потом придумал сказку для остальных.

— Может быть.

Я снова посмотрел на нее:

— Он хотел ее вернуть. Это я знаю. Но если бы там, куда он пошел, была хоть крошечная надежда вытащить ее, он бы один не возвратился. Без нее. Потому я и говорю: соврал. Не был он в Великом Роке и Великом Ролле.

Я сел.

— Жизнь — это ритм, — сказала Ла Уника. — Смерть — это когда ритм замер. Синкопа. А потом — ритм ожил, снова жизнь. — Она взяла мачете. — Сыграй. — Протянула мне его рукоятью вперед. — Сделай музыку.

Я поднес мачете ко рту, закинулся на спину, обвил собой его длинный, грозный металл и лизнул

звук. Я не хотел, но он сам возникал во впадине языка, и мое дыхание выносило его в клинок.

Сперва тишком, сперва шажком. Я закрыл глаза и каждую ноту чувствовал в прижатом к камню квадрате плечей и бедер. Я играл в меру дыхания, но исподволь уже частили сухожилья в кистях и ступнях, поднывали, подбивали быстрей запустить сердце в пляс. Содрогаясь, подступал поминальный гимн.

— Лоби, когда ты был маленький, ты колотил ногами в камень, и получался ритм, бит, танец, барабан. Барабань, Лоби!

Я дал мелодии волю и только подхлестнул ее на октаву повыше: теперь надо было справляться одними руками.

— Барабань!

Я выгнул спину, рывком встал и принялся колотить.

— Бей!

Я мельком приоткрыл глаза и увидел, как драпает паук-кровосос.

Музыка смеется. Бей, бей, пересвист и трель! И Ла Уника хохочет: играй! Я согнулся — загривок защекотали капельки пота, закинул голову — струйкой сбежали к копчику. У меня выше пояса все каменное, а ляжки ходят поршнями, ступни

выбивают контрритмы: пальцы — пятки. Клинок торчком, сейчас солнце наколю. И пот бежит: за ушами, в ложбинках у натянутых шейных жил.

— Барабань, мой Ло Ринго! Играй, мой Ло Орфей! — кричит Ла Уника. — О Лоби!

И хлопает, хлопает в ладоши.

Потом, когда из звуков осталось мое дыхание, шелест листьев и плеск ручья, Ла Уника кивнула с улыбкой:

— Вот теперь ты оплакал ее как следует.

Я глянул вниз. Грудь мокро блестит, живот ходит от дыхания: то ровно, то складки. На ногах пыль превратилась в ржавую грязь.

— Теперь ты почти готов. Иди пока, охоться, смотри за стадом, играй. Скоро за тобой придет Ле Дорик.

Все мои звуки замерли: дыхание, даже сердце. Синкопа, пока не ожил ритм.

— Ле Дорик?

— Иди отдохни, порадуйся. Скоро в путь.

Мне стало страшно. Я замотал головой и побежал от пещеры.

Ле…

Вдруг скиталица улетела, оставив у меня на коленях – о мерзость! – отвратительную, чудовищную личинку с

человечьей головой!
«Где душа твоя, я ее оседлаю!»
***Алоизиюс Бертран. Карлик*[25]**

ПРОСНИСЬ ДЛЯ ЖИЗНИ!
Ты – поколение ПЕПСИ!
Лозунг нынешнего дня (реклама по телевизору)

…Дорик!

Час спустя я сидел на карачках, притаившись у Клетки. Сторожа Дорика нигде не было видно. Белое существо (я помнил, как женщина, бывшая матерью Добри, вытолкнула это белое из утробы перед смертью) подтащилось к электрической изгороди и пускало слюни. Похоже было, что оно скоро умрет. Где-то смеялся Грига. До 16 лет он был Ло Грига. А потом, от генов или еще от чего, у него в голове завелась гниль: из губ, из десен стал брызгать смех. Грига лишился Ло и был помещен сюда. Дорик сейчас, наверное, внутри. Выдает рационы, подлечивает, кого можно подлечить, усыпляет, кого нельзя. Столько ужаса и тоски скопилось в Клетке; трудно бывает помнить, что там — люди. У них нет титулов чистоты, но они люди. Даже Ло Кречет вскидывается на шуточки

---

[25] Примечания: 25
Перевод Е. Гунст.

про них.

— А знаешь ты, молодой Ло, что с ними творили, когда я был маленьким? Как их волокли из джунглей, тех немногих, кто уцелел? Полные нормы от страха посходили с ума и превратились в дикарей. Многих, кого мы зовем Ла и Ло, пятьдесят лет назад истребили бы по общему решению. Так что радуйся, радуйся, что живешь в более просвещенные времена…

Они, конечно, люди. Но я думал не в первый раз: каково быть сторожем таких людей — а, Ле Дорик?

Я пошел к деревне.

Ло Кречет перетягивал тетиву на охотничьем арбалете. На земле у входа была насыпана горка пороховых стрел, у которых старик собирался проверить заряды.

— Как жизнь твоя, Ло Лоби?

Я повертел ногой стрелу:

— Быка-то завалили уже?

— Нет.

Я кончиком мачете проверил: заряд в порядке.

— Так пошли.

— Остальные сперва проверь.

Пока я возился с зарядами, Кречет закончил с тетивой и вынес арбалет для меня. Мы пошли

к реке.

От ила вода была с желтизной. Она бежала быстро и высоко, гнула папоротники и длинную траву, зачесывала их, как волосы, от берега к стремнине. Мили две мы шли размокшим берегом. Наконец я спросил:

— Что убило Фризу?

Ло Кречет присел осмотреть ободранную лесину: тут прошелся бивень.

— Ты там был, ты и видел. Ла Уника только гадает.

Мы отвернули от реки, и по Кречетовым лосинам заскребли колючки. Мне лосины ни к чему: своя кожа тугая и прочная. И у Добри такая же, и у Йона.

— Я ничего не видел. А что Ла Уника?..

С дерева сполохнулся альбиносный ястреб и улетел, забирая кругами. Фриза, кстати, тоже без лосин обходилась.

— Говорит, что-то врожденное. Во Фризе было что-то нефункциональное, и когда оно проявилось, Фриза погибла.

— Все у нее было функциональное!

— Не ори, юноша.

— У нее все стадо как в ладошке было, — сказал я уже тише. — Ее звери слушались. Она опасное

отводила, а красивое подманивала.

— Чушь, — буркнул Кречет, переступая промоину.

— Без звука, рукой не двинет — а козы идут, куда нам нужно.

— Ла Уники наслушался с ее фантазиями.

— Ничего не наслушался, а сам видел. Куда хотела, туда и посылала стадо, как тот камешек.

Ло Кречет собрался было ответить, но зацепился мыслью:

— Какой еще камешек?

— Который она тогда подняла и швырнула.

— Что за камешек, Лоби?

Я стал рассказывать…

— …Значит, и это тоже функционально, — закончил я. — Стадо-то у нее целехонькое ходило. Она бы и без меня всех коз уберегла.

— Себя вот не уберегла только.

Кречет зашагал дальше. Мы шли шепчущей долиной, молчали, и я все это обдумывал. Вдруг:

— Йяяяяяаа! — на три разных тона.

Кусты в клочья, и прямо на нас порскнули близняшки Блой. Один скакнул ко мне, и в руках у меня заколотился десятилетний рыжий псих.

— Спокойно, парень, — взрослым голосом сказал я.

— Ло Кречет, Лоби! Там…

— Полегче! — Я увернулся от локтя.

— …там — он! Копытами топает, камни лапищами цапает! — проверещал кто-то из Блоев на уровне моего бедра.

— Там — где? — вступил Кречет. — Что такое у вас стряслось?

— Там, у…

— …у старого дома, где у пещеры вход просел…

— …и вдруг: бык!

— Здоровенный. И сразу попер…

— …на старый дом…

— …а мы в доме играли…

— Так, тихо! — Я поставил Блоя-3 на землю. — Где это было?

Трое разом обернулись и ткнули пальцами в лес. Кречет снял с плеча арбалет:

— Все, ребятки, показали, теперь домой.

— Постой, — ухватил я за плечо Блоя-2. — Какого он размера-то, если точно?

Невнятное морганье.

— Ладно, чешите.

Тройняшки посмотрели на меня, на Кречета, на лес. И чесанули.

Не сговариваясь, мы двинулись через пролом в кустах, откуда вырвались ребята. Уже выходя на

опушку, увидели доску — валялась на тропинке, расщепленная с одного конца. Переступили, развели сумаховые ветки, вышли.

А там таких досок расшвыряно без счета. В фундаменте брешь метра на полтора, из четырех опорных балок только одна ровно стоит.

Солома с крыши клочьями по двору. Когда-то давно Напева подсадила цветов в садик у старого дома с соломенной крышей, куда мы перебрались, чтоб быть подальше от деревни и всего, что в ней. Тут было так уютно и так… А живую изгородь она устроила из мохнатых рыжих цветов — знаете их, наверно?

Я остановился у раздвоенного следа, где лепестки и листья, втоптанные в глину, сложились в темную мандалу. Моя нога свободно поместилась в след. Несколько деревьев было вырвано с корнем, у других — обломаны верхушки.

Видно было, где он выскочил на опушку: кусты, лозы, листья в том месте будто рванулись вслед за ним. Куда ушел, тоже видно — там все провисло.

Ло Кречет подошел с развальцей, поигрывая арбалетом.

— Что-то ты, Кречет, бодр не по обстоятельствам. — Я оглядел раскуроченную опушку. — Зверюга, похоже, громадная.

Кречет наградил меня взглядом, блестящим, как кварц, и жестким, как хрящ:

— Не впервой со мной охотишься.

— Это верно. Если он только что Блоев спугнул, значит далеко не ушел?

Кречет зашагал туда, где провисали ветки.

Я поспешил следом.

Десять шагов прошли лесом — семь деревьев повалилось где-то. Три, пауза, еще четыре.

— Конечно, если он такой здоровый, то оторваться может быстро, — сказал я.

Еще три.

И рев.

Немузыкальный, железноватый звук, без страсти и злости, — просто шум, гонимый из легких, что будут побольше мехов плавильной печи. Долгий звук, а потом еще эхо в листьях, которые ветерок повернул изнанкой кверху.

Под пологом зелени и серебра мы снова двинулись чередой прохладных, неверных прогалин.

Шаг, выдох, шаг.

Потом слева, в деревьях…

Он высигнул, обдав нас тенью, обломками веток, зеленой рванью. Крутанул крестцом: переднюю ногу выставил тут, заднюю упер вон где — на том конце прогалины. Глянул на нас сверху

карим глазом с кровяным белком и густой перламутровой слизью в уголке. Яблоко глазное с мою голову, наверное.

Из черных влажных ноздрей — пар.

Благородный зверь, ничего не скажешь.

Потом он мотнул головой, сшибая сучья, и присел на карачки, ткнув в землю кулаки — у него вместо передних копыт были кисти с мохнатыми ороговелыми пальцами, каждый палец толщиной в мою руку. Взревел, вскинулся на дыбки и рванул прочь.

Кречет выстрелил. Стрела, как штопальная игла, ткнулась меж ребер, похожих на бревна. Зверь уходил, круша лес.

Я отодрал спину от кусачего дерева, в которое только что вжался.

— Вперед! — грянул Кречет, уносясь в погоню за рукастым быком.

И я побежал за безумным стариком убивать зверя. Мы пролезли в трещину в скале, раздвоенной ударом (она была еще целая в последний раз, что я бродил тут среди деревьев, — вечер был весь из ветерков и солнечных крапин, и Фризина рука у меня в руке, на плече, на щеке). Я спрыгнул вниз, на кирпичи, подернутые сухой щетиной мха. В лесу кое-где идут такие кирпичные дорожки. Мы

побежали дальше и…

Есть маленькое — такое, что и не заметишь, а есть большое — в него надо лбом влететь, чтоб понять, что это было. А это был провал, и мы в него чуть не ухнули. Неровная дыра метров двадцать шириной, ход в пещеру, ныряющий по́д гору. Я и не понял бы ничего, если б оттуда не донесся звук.

Бык внезапно взревел из дыры в камне, кирпиче, ветках и ревом очертил ее границы.

Когда эхо затихло, мы подобрались к осыпающейся кромке и заглянули вниз. Внизу солнце отблескивало от шерстяной спины, которая все ворочалась и тыкалась в яме. Потом он встал на дыбы — и заскакали зрачки, затряслись мохнатые кулаки над головой.

Кречет отпрянул, хотя зверевым когтям, чиркнувшим по кирпичной стене, было до нас еще метров пять.

— Этот тоннель ведет в Исходную пещеру? — шепотом спросил я. Перед лицом большого шепчешь.

Ло Кречет кивнул:

— Говорят, бывают тоннели по сто метров высотой, а бывают по десять. Этот скорей из высоких.

— Он может обратно вылезти?

Дурацкий вопрос. На другой стороне показалась рогатая голова, плечи. Там склон был покатый, и он вылез, конечно. И сидел на корточках, уставясь на нас. Проревел раз, вывесив язык, как мыльный красный лоскут.

Потом прыгнул на нас через провал.

Не достал, но мы отбежали назад. Он захватил кромку пальцами одной руки — я видел, как от его когтей пошли черные трещины, — а вторую закинул целиком, и теперь эта рука шлепала по земле, ища, за что уцепиться.

За спиной (я бегаю быстрее) раздался крик Кречета. Я обернулся: прихлопнувшая его рука уже поднималась, а он лежал.

Смятый, скореженный Кречет — и рука: бум! бум! бум! Потом и рука, и пальцы сорвались, сдернув за собой кучу камней, кустов и три молодых деревца — всё вниз, вниз, вниз.

Ло Кречет не умер. (На другой день оказалось, что у него сломано ребро, но пока мы этого не знали.) Он начал поджиматься, подворачиваться в комок, как пораненный жук, как больной, больной ребенок.

Я подбежал и сжал ему плечи как раз в ту секунду, что он снова задышал.

— Кречет! Живой?

Он ничего не слышал из-за рева в яме, но замигал и сумел приподняться. Из носу у него струйкой потекла кровь. Зверь, значит, бил не плашмя. Кречет бросился ничком, лапа накрыла его куполом, и основное у него — голова, скажем, — пострадало больше не от удара, а от ударной волны. Повезло нам.

— Уходим.

Я поволок его к деревьям. Не успел доволочь — он головой мотает. Рев стих на минуту, и слышу, Кречет хрипит:

— Нет, Лоби, погоди…

Я посадил его, прислонив к дереву, и он тут же вцепился мне в запястье.

— Кречет, время дорого. Можешь идти? Или давай понесу…

— Нет! — Воздух, выбитый из него зверем, вернулся в легкие.

— Брось, Кречет! Поразвлеклись, и хватит. Ты раненый весь, зверь огромный, мы такого не ожидали. Мутировал, наверно, от радиации на нижних уровнях…

Он снова дернул меня за руку:

— Нужно остаться. И убить.

— Думаешь, в деревню заявится? Он пока от пещеры далеко не отходил.

— Не… — Кречет закашлялся. — Не в том дело. Я охотник.

— Слушай…

— Я охотник и должен тебя научить охоте. — Он постарался сесть прямо, не опираясь на дерево. — Но похоже, урок тебе придется самому осваивать.

— Урок?

— Ла Уника говорит, ты должен быть готов к походу.

— Да вы что с ней — совсем?.. — Тут я присмотрелся к нему, ко всем его морщинам и руинам, к боли и куражу в глазах. — Ладно. Что надо делать?

Рев прокатился громом над просевшим входом в Исходную пещеру.

— Сойди туда, загони зверя и убей.

— Нет!

— Ради Фризы.

— Какая связь?

Старик пожал плечами:

— Это Ла Уника знает. Ты должен стать охотником. И хорошим.

— Проверку на мужество — всегда пожалуйста, но…

— Не в том дело, Лоби.

— Но…

— Лоби. — Его голос окреп и утвердился в глубине глотки. — Я тебя старше и лучше знаю, что здесь к чему. Бери клинок, бери арбалет и спускайся в пещеру. Давай.

Я сидел рядом с ним и думал разное. Например, что храбрость — вообще-то, дурь. И что удивительно, сколько робости и почтения к старику сохранилось во мне с детства. И что большие, сердцевинные вещи сопровождает целая туча мелкой пакости: страх, бестолковщина, просто злость.

Зверь снова взревел. Я повыше закинул арбалет за плечо и поправил у бедра рукоять мачете.

Если собрался дуракнуть — а с кем не бывает? — пусть уж это будет какая-нибудь храбрая дурь.

Я хлопнул Ло Кречета по плечу и пошел.

С моей стороны обрыв был крутой и провал глубокий. Я двинулся к просевшему краю. Там были готовые ступени из камней, земляных глыб и кирпича. Обошел, значит, бездну полукругом и стал спускаться помаленьку.

Внизу солнце било в противоположную стену и блестело у нее во мху. Я отпустил влажный камень и перешагнул ручеек с нефтяной примесью, пригасив на секунду его радугу. Где-то в тоннеле

по камню клацали копыта.

Я двинулся внутрь. В высоком потолке были трещины, на полу тут и там возникал свет, а в нем сухая ветка когтями шарит опавшие листья или глубина чернеет за обломленным краем — сколько там? Два пальца, два метра, километры вплоть до нижних этажей Исходной пещеры.

Я дошел до развилки, взял влево, прошел вслепую метра три, потом споткнулся и прокатился вниз по невысоким ступеням. Раз попал в лужу (моя пятерня мокро шлепнула в темноте), раз — в сухие листья (они собственным ревом взревели у меня под ребрами). Потом грянул об гравий в луче, ободрав колени и ладони.

— *Клац!*

— *Клац!*

И вдруг много ближе:

— *Клац!*

Я рванулся из предательского луча. В наклонном свете, где только что был я, взвихрились пылинки. Пылинки успокоились.

Мой желудок, как мех с водой, плескался над кишками. Идя на звук зверя — а он притих и ждал, — я уже не мудрил с направлением. Ногу поднял, подался вперед, ногу поставил. Хорошо. Теперь другую поднял, подался…

Метрах в ста впереди был, оказывается, еще один луч. Я это понял, когда его перекрыло что-то очень большое.

Потом луч опустел.

— Цок! Цок! Цок!.. Хрррфф!

А я уже видел, сколько он проходит за три шага.

Потом множество раз: *цок!*

Я влепился в стену, лицом в землю и корни.

Но звук удалялся.

Я сглотнул все горькое, что поднялось из нутра в глотку, и отлип от стены.

Под крошащимися сводами, быстрым ходом, потом медленным бегом я двинулся за ним.

Звук шел справа.

Я свернул вправо в покатый тоннель, такой низкий, что впереди слышно было, как по потолку скребут рога. Камешки, чешуйки сланца и сухого лишайника чиркали ему по здоровенным плечам и сыпались на землю.

В стоке по левой стенке тоннеля, обволакивая камень, струйкой текла флуоресцентная слизь. Путь все круче шел вниз, струйка разрослась в ручеек и скоро потоком погнала наперегонки со мной пенящийся свет.

Бык, видимо, вступил на железную панель в

полу: каждый шаг высекал полдюжины рыжих искр, освещавших его до пояса.

До него было всего тридцать метров.

Снова искры, потом он свернул за угол.

Под ногами был камень, потом холодный, гладкий металл. Невесть какой ветер занес сюда листья, искры подожгли их, и теперь огненные червячки извивались и мягко светили у моих подошв. На секунду мрак наполнила осень.

Я дошел до угла и почти свернул.

Он взревел мне в лицо. Копыто ударило в метре от моей ноги, и в этой близи навстречу искрам блеснули кровавые глаза и лоснящиеся ноздри.

Потом его глаза заслонила от меня его же ладонь. Я откатился назад, прижимая к себе мачете.

Ладонь — на сей раз плашмя, Кречет, — грохнула по железу там, где я был секунду назад. Потом там, где я был в ту секунду.

А я лежал на спине, уперев мачете в пол острием вверх. Мало кто из людей или быков может с одного удара вбить мелкий, тонкий гвоздь. И это хорошо.

Он вздернул меня вверх вместе с клинком, завязшим в ладони, и затряс рукой. Я мотался, вцепившись в мачете всем, что было, и орал.

Он тоже ревел, бодая потолок, и все вокруг валилось. Потом, на высоте метров в семь, он таки стряхнул меня: клинок вышел из ладони, моя флейта наполнилась неприятельской кровью, а сам я отлетел в стену и скатился вниз.

Он ударился о правую стену правым плечом. Отшатнулся, ударился левым о левую. На каплющем сыростью потолке плясала его тень — огромная.

Он пошел на меня, а я, пятясь на коленях, пересчитал ими множество каменных осколков, потом раскачнулся, резко встал (какая-то мышца растянута) и старался глядеть на него. Он каждым шагом выбивал искры, а между шагами пропадал в темноте.

Рядом со мной в стене была метровая решетка с дырой между погнутых прутьев. Надо думать, дренажное отверстие. Я ухнул в дыру и, пролетев метра полтора, приземлился на покатый пол.

Надо мной был полнейший мрак, и в этом мраке цапала и цапала воздух рука. Я слышал, как пальцы иногда оскребают стену. Я секанул мачете над головой и задел что-то подвижное.

— Роаааааа…

Звук смягчила каменная кладка между нами, зато с моей стороны резко отозвался шлепок

ладони, потом еще и еще.

Я нырнул вперед. Наклон еще увеличился, и я вдруг поехал вниз и ехал долго, очень быстро, обдирая все, что еще не успел ободрать. На финише врезался в какие-то трубы.

Я лежал с закрытыми глазами, конец арбалета неудобно давил лопатку, рукоять клинка, зажатая между мной и прутьями, вгрызалась в бедро. Потом места, где было неудобно, занемели.

Если расслабиться как следует с закрытыми глазами, веки сами собой медленно разойдутся. И когда я наконец расслабился, глаза снизу вверх наполнились светом, словно миски — молоком.

Я замигал: откуда свет?

Вот он, серый, за решеткой. Так сереет солнечный свет, обогнув несколько углов. Только я теперь на два уровня ниже, и хорошо, если только на два… В общем, я лежал у выхода очередной дренажной трубы, вроде той, в которую нырнул выше.

Потом где-то — рев быка и его эхо, все еще отдающееся на этой каменной глубине.

Держась за прутья, я подтянулся (локти как освежеваны, плечи отбиты, в ляжке внутри что-то потянуто и болит). Подтянулся и глянул вниз, где оказался какой-то зал. Раньше дренажная

решетка нижним краем упиралась в пол этого уровня, но он в незапамятное время почти весь провалился, и зал был теперь двойной высоты, а я — метрах в пяти от нового пола.

Зал был круглый, метров восемьдесят-девяносто в диаметре. Стены, где из тесаного, где из простого камня, серея, поднимались к дальнему свету. Повсюду были сводчатые выходы в темные тоннели.

В середине стояла машина.

Пока я осматривался, она тихо и печально загудела, словно бы сама с собой, и несколько рядов лампочек высветили какой-то узор. Замерли так, потом высветили еще один. Это был компьютер, из прежнего времени (когда Землей владели вы, призраки и воспоминания). Их несколько таких щелкало и лопотало по всей Исходной пещере. Я слыхал о них, но видел впервые.

А разбудило меня…

(Я, получается, спал? И видел сон? И теперь вспомнил его и он пульсом мигает у меня на задней стороне глаз, Фриза?)

…жалобное завыванье зверя.

Нагнув голову, он сутуло вошел в зал. Шерсть на каменных плечах стояла дыбом, ее припорошили алмазики потолочной влаги. Одна рука

волочилась костяшками по полу, другую — ту, что я дважды ранил, — он прижимал к животу.

А на трех ногах четвероногое (пусть и с руками) хромает.

Мигая по сторонам, он снова завыл, но голос из жалобы разом перекинулся в ярость. Он оборвал звук и потянул ноздрями. Огляделся и понял, что я здесь.

А я ужасно хотел в ту минуту быть где-нибудь еще.

Я сидел на карачках у решетки, вертелся во все стороны и не видел путей отхода.

«Стать охотником», — сказал Кречет.

Охотник, между прочим, выглядит сейчас довольно бледно.

Он снова крутанул башкой, вынюхивая меня, а раненая рука все подергивалась у него на брюхе, под самой грудью.

(Добыча тоже не ах.)

Компьютер высвистнул пару нот древней мелодии: какой-то хор из «Кармен». Быкозверь в недоумении глянул на машину.

Как вот такого загнать и убить?

Я снял с плеча арбалет и нацелился меж прутьев. Тут или в глаз попасть — или бесполезно. А он еще и смотрит не в ту сторону.

Я опустил арбалет и взял клинок. Поднес ко рту и стал дуть. В дырочках запузырилась кровь, потом прорвался и резанул звук и пошел скакать по залу.

Он поднял голову и уставился.

Схватить арбалет. Навести, нажать спуск…

Он рванул на меня, яростно мотая рогами, он делался больше, больше, больше в моей каменной раме. Меня накрыло ревом, я упал на спину, зажмурившись, чтобы не видеть, как торчит моя стрела и выплескивается глаз.

Он вцепился в решетку.

По камню заверещал металл, камень с мясом оторвался от камня. И рама стала куда шире, чем была. Зверь отшвырнул измятую решетку в стену, брызнула каменная мелочь.

Потом сунул руку, зажал меня в кулаке от пояса до ступней и затряс кулаком над ревущей мордой (левая сторона в крови, слепая). Комната выгибалась подо мной, голова моя моталась из стороны в сторону, а я пытался нацелить арбалет вниз. Там, далеко, стрела сломалась о камень у самого копыта. Еще одна воткнулась в бок, чуть не расщепив уже сидевшую там стрелу Кречета. Ожидая, что стена вот-вот подлетит и сделает мне из головы повидло, я кое-как вставил еще

одну стрелу.

Кровь сплошь заливала ему щеку. Последний выстрел, и вдруг — еще кровь. Стрела целиком ушла в слепой костяной колодец, полный лимфы. Второй глаз затуманился, словно кто-то припорошил линзу известкой.

Он выпустил меня.

Не бросил, выпустил. Я вцепился в шерсть у него на запястье. Она скользила в руках, и я съехал по предплечью в сгиб локтя.

Потом рука начала падать. Меня медленно перевернуло вниз головой. Разжатая рука костяшками ударилась об пол, копыта заклацали по камню.

Зверь храпнул. Я заскользил обратно от предплечья к кисти, руками и ногами цепляясь за щетину, чтобы замедлить движение. Скатился с ладони и похромал куда подальше.

Та штука, что я потянул в ляжке, больно стучала собственным пульсом.

Потом я обернулся к нему, попятился и понял, что больше ни шага назад не сделаю.

Он раскачивался надо мной, мотал головой, обдавая меня брызгами глаза. И он был величествен. И он был все еще силен, хоть и умирал, он все еще возвышался. И он был огромен. Я впал в

ярость и в ярости закачался вместе с ним, вдавив кулаки в бедра и утратив речь.

Он был велик, он был красив, он и умирая бросал мне вызов, насмехался над моими синяками. Прах побери тебя, зверь, что величием превзошел бы…

Его рука внезапно подогнулась, потом копыто, и он с грохотом рухнул — на другую от меня сторону.

В его ноздрях — двух темных дырах — что-то еще громыхало и ревело, но все тише, тише. Ребра подымались, дугами проступая под шкурой, опадали, опять подымались. Я подобрал арбалет, проковылял туда, где лились кровавые слезы его губ, и вложил последнюю стрелу. Как и две другие, она вонзилась в мозг.

Его руки подлетели на метр вверх, упали (бум! бум!) и наконец расслабились.

Когда он замер, я подошел к подножию компьютера и сел, прислонившись к металлическому корпусу. Внутри у него что-то пощелкивало.

У меня болело все, и притом неслабо.

Дышать дышал, но радости в ребрах не испытывал. А еще я когда-то успел прикусить щеку. Это меня всегда так бесит, что впору зареветь.

Я закрыл глаза.

— Да, впечатляет, — прозвучало у моего правого уха. — Интересно бы посмотреть на тебя с мулетой. *Оле! Оле!* Сперва *вероника*, потом *пасодобль*!

Я открыл глаза.

— Но я вполне оценила твое, пусть и не столь утонченное, мастерство.

Я обернулся и увидел над ухом небольшой динамик. А компьютер тем временем журчал:

— Вы все ужасно безыскусны. Юны, зелены, но все же — *трэ шарман*. Ну что ж, ты пробился сюда. Задавай свои вопросы.

— Сейчас.

Мне пришлось какое-то время подышать молча.

— Как отсюда выйти?

Из комнаты открывалась уйма ходов, выбор был богатый.

— Непростая задача. Подожди.

Надо мной забегали огоньки, замигали по моим коленям, по тыльным сторонам кистей.

— Видишь ли, если бы мы встретились у входа, я бы выпустила тебе кончик перфоленты. Ты бы взялся за него и двинулся навстречу року, а я бы разматывала ленту тебе вослед. Но ты уже сошел вниз, а внизу тебя жду я. Чего ты желаешь, герой?

— Домой желаю.

Компьютер поцокал чем-то внутри, словно языком:

— Тц-тц-тц. А кроме этого?

— Ты серьезно спрашиваешь?

— Да, и сочувственно киваю.

— Я хочу быть с Фризой. Но она умерла.

— Кто она была, Фриза?

Я задумался. Попытался что-то сказать. Но от усталости вышел только спазм в горле, который можно было принять и за всхлип.

— Вот как… — На секунду тишина, потом мягко: — Это не тот лабиринт.

— Не тот? А ты тогда что тут делаешь?

— Меня очень давно установили здесь люди, которые и помыслить не могли, что однажды придете вы. ФЕДРА — так назывался наш отдел, потому что тема его была: «Фантомное единство душ и результирующая агрессия». Здесь мои воспоминания, а ты, охотник, рыщешь среди них в поисках своей возлюбленной.

Ну да, да, может, это я сам с собой разговаривал. Я очень устал тогда.

— Ну и как вам там, наверху? — спросила ФЕДРА.

— Где?

— На поверхности. Я помню, как было при людях, это они меня создали. Потом они ушли, и мы остались тут одни. А теперь их место заняли вы. Трудно это, должно быть, — бродить по их холмам, по их джунглям, сражаться с мутантными тенями их флоры и фауны, плутать в их вымыслах, которым тысячи лет…

— Ничего, стараемся.

— По сути, вы к этому не приспособлены, — продолжала ФЕДРА. — Но видимо, нужно сперва исходить старые лабиринты, чтобы попасть в новые. А это трудно.

— Если придется отбиваться от таких вот, — я мотнул головой в сторону тела на каменном полу, — то да…

— Ну, мне-то понравилось. Я скучаю по *ривуэльтас*. Или вот: дева, ухватясь за бычьи рога, взлетает, переворачивается в воздухе, с лету седлает потную спину и через миг соскакивает на песок! У людей был стиль, беби! Вы, может быть, еще поднаберетесь его, но пока тут только начатки.

— ФЕДРА, куда ушли люди?

— Думаю, туда же, куда твоя Фриза.

У меня за головой в металле делалось что-то музыкальное.

— Но вы не люди, людские законы не по вам. Напрасно вы их себе навязываете. Мы здесь, внизу, как можем, наблюдаем за вами. Бывает, за пару поколений получишь ответ на вопросы, которых и в мыслях не имел. А бывает, столетиями смотришь и не можешь понять самого простого: кто вы, откуда взялись, что тут делаете. Тебе не приходило в голову, что ты можешь ее вернуть?

— Фризу? — Я дернулся и сел прямо. — Где? Как?

Вспомнились загадки Ла Уники.

— Это не тот лабиринт, — повторила ФЕДРА. — А где тот, не могу сказать, поскольку я не та дева. Смерть. Она же капут, карачун, каюк. Сумеешь подыграть, может, и обыграешь.

Я подался к ней и оказался на коленях:

— ФЕДРА, я не понимаю тебя.

— Брысь. Уматывай.

— Куда?

— Еще раз говорю: я не та дева. Рада бы помочь, но не могу. А тебе пора двигаться. Как солнце вниз, а море вспять, тут делается темно и налетают с воплями дикие охотнички.

Я рывком поднялся на ноги и оглядел бесконечные выходы. А что, если логикой? Быкозверь вылетел из того вон проема. Значит, и я туда же.

Долгая, долгая темнота отзывалась моему дыханию и падающим каплям. О первую лестницу споткнулся и приложился. Ничего, встал и пошел наверх. На площадке ободрал плечо, пошарил по стенам и сообразил наконец, что забрел в какой-то тесный отросток, который, *похоже*, никуда не ведет.

Я выдул из мачете остатки крови и заиграл. Мелодия, петляя со мной вместе, отблескивала от стен, как чешуйки слюды, — сойдет, пока нет света.

Влетел пальчиком в каменюгу.

Заскакал на одной ноге, зачертыхался, потом двинулись дальше — я и дивные, дивные звуки.

— Эй!..

— Лоби, это…

— …это ты там?

Из-за камня звучали ребячьи голоса.

— Я! Конечно я!

Я прижал ладони к камню.

— Мы потом потихоньку обратно…

— …глянуть, как вы там. И Ло Кречет…

— …сказал пойти в пещеру и найти тебя…

— …потому что ты мог заплутать.

Я вернул мачете в ножны:

— Отлично. Я как раз заплутал.

— Где ты?

— Тут, по другую сторону этой вот… — Я ощупывал камни, на сей раз над головой. Пальцы нашли отверстие шириной почти в метр. — Стойте, где стоите.

Я подтянулся, перевалился через край и увидел слабый свет в конце тоннеля длиной метра в полтора. Там было не распрямиться, и я пополз на карачках. Дополз, высунулся и узрел три запрокинутых блойских лица. Тройняшки стояли в лужице света, просочившегося сверху.

Блой-2 вытер нос кулаком и шмыгнул.

— О, так ты вон где был. Наверху, — заметил Блой-1.

— Можно сказать и так. — Я соскочил к ним.

— Ого! Что это с тобой стряслось? — спросил Блой-3.

Я был забрызган бычьим глазом, ободран, оббит и еще хромал вдобавок.

— Потом. Где здесь выход?

До просевшей пещеры был один поворот. Снаружи ждал Кречет.

Он стоял (помните, у него было сломано ребро, но об этом узнали только назавтра?), так вот, он стоял, привалившись к дереву и скрестив руки на груди. Он поднял брови, без слов задавая вопрос.

— Убил, — буркнул я. — Убил. Всего делов.

Я был, как сказано выше, уставший.

Ло Кречет придал тройняшкам ускорение в сторону деревни. Мы тоже потопали было по бурьяну, как вдруг затрещали стебли.

Я чуть не сел.

А всего-то кабан. Так близко прошел, что мог бы ухом зацепить мне локоть. Кабан всего-то.

— А ну, пойдем-ка. — Кречет с усмешкой поднял арбалет.

Завалив кабана, шли уже молча. Кречетова пороховая стрела на время оглушила свина, но он не признавал очевидного, пока я не раскромсал его чуть не напополам. После *эль торо* — детские забавы.

До плеч забрызганные кровью, мы наконец двинули восвояси, продираясь сквозь колючки и вечернюю жару.

Голова кабана потянула на двадцать пять кило, Кречет тащил ее на себе. Мы отрезали все четыре ноги, связали по две, и я нес их на плечах. Тут еще кило сто двадцать. А тушу целиком доволочь — это надо было Добри с собой иметь. Мы уж подошли к деревне, когда Кречет сказал:

— Ла Уника заметила то, про что ты говорил. Про Фризу и животных. И иное-всякое замечала

у тебя и еще кой у кого в деревне.

— У меня? А что у меня?

— И у тебя, и у Фризы, и у Дорика — сторожа Клетки…

— Но это же ерунда какая-то?..

Я шел сзади, но тут подтянулся вровень. Ло Кречет глянул на меня поверх бивня:

— Вы все в один год родились.

— Но мы же разные все, у каждого свое…

Ло Кречет прищурился куда-то перед собой, потом под ноги, потом на реку. Только на меня не глядел.

— Я ничего такого не могу, — сказал я. — Ни с камешком, ни со стадом…

— Ты зато другое можешь. Иное. И Ле Дорик тоже.

Он так и не глядел на меня. Солнце опускалось за холмы, по хребту поросшие медью. Река бежала бурая. Кречет молчал. По небу мело облака. Я снова отстал, сложил мясо на берегу и грохнулся на колени: обмыться в илистой водице.

Пришел в деревню — сказал Напеве, что если она разделает кабанину, то получит половину моей доли.

— Договорились. — А сама возится, как малолетняя, с птичьим гнездышком: нашла где-то. —

Сейчас, минуточку подожди.

— Поторопись, а?

— Ладно, ладно! Что за спешка вдруг?

— Слушай, я бивни отполирую — тебе отдам. Мелкому наконечник выточу для копья или еще что, только не лезь сейчас ко мне!

— Я… И вообще, это не твой ребенок, он от…

Но я уже бежал к лесу. Выходит, я здорово был тогда расстроен. А бегаю я быстро.

К Клетке подошел уже в темноте. За изгородью было тихо. Потом что-то наткнулось на проволоку и взвизгнуло. Брызнули искры, шарахнулась тень. Я так и не понял, с какой оно пришло стороны. У Дориковой конурки тоже никакого движения. Наверное, он внутри, у них. Какой-нибудь проект. Они ведь там спариваются иногда, иногда даже приносят потомство. Иногда потомство получается функциональное. Тройняшки Блои, например, родились в Клетке. Шеи у них, считай, нету, да и руки длинноваты, но сейчас им по десять, и они шустрые, смышленые парнишки. Блой-2 и Блой-3 ступнями орудуют почти как я. Блою-3 я даже дал пару уроков игры на мачете, но ему пока интересней с братьями собирать плоды.

Я просидел в темноте час, думая о том, что

входит в Клетку и что выходит из нее. Потом вернулся в деревню, скрутился в клубок на сене за кузницей и слушал гул трансформаторной будки, пока она меня не убаюкала.

На рассвете я раскрутился обратно, протер глаза от ночной дряни и двинулся к корралю. Минуты через две туда же пришли Добри и Мелкий Йон.

— Ну что, помочь вам с козами?

Мелкий Йон пошарил языком во рту.

— Одну секундочку, — сказал он и отошел в угол.

Добри топтался на месте с неясным видом.

Йон вернулся:

— Конечно. Давай.

И улыбнулся. И Добри, увидев, улыбнулся тоже.

Вот так-то! Усек ты это, комочек страха у меня в животе? Они улыбаются! Добри поднял первую перекладину бревенчатой изгороди. Козы, бебекая, притрусили и положили морды на вторую перекладину. Вот так-то!

— Давай, — сказал Добри. — Ты нам ого как пригодишься. Молодец, что вернулся.

Он отвесил мне подзатыльник, я хотел дать ему по ляхе, но промахнулся. Йон вытащил еще одну перекладину, и мы погнали коз через общий

круг, потом по дороге, потом по долине. Совсем как раньше. Нет, не совсем.

Добри это первый сказал, когда первое тепло с трудом просунулось под рассветную прохладу.

— Нет, Лоби, не так, как раньше. Ты потерял что-то.

Я сшиб на себя дождик с низкой ивы, намочил голову и плечи:

— Аппетит потерял. И может, веса пару кило.

— Не аппетит, — сказал Мелкий Йон, выходя из-за сломанного дерева. — Тут что-то иное.

— Опять иное? Добри, Йон, скажите, чем это я такой инакий?

— А?

Йон швырнул палкой в козу, чтоб она посмотрела сюда, но промахнулся. У меня под ногой случился камешек, и я попал. Коза перевела на меня голубые глаза и поскакала узнать, чего мне надо. По дороге на что-то отвлеклась и тут же попыталась это слопать.

— Ну, у тебя ноги большие, — сказал Йон.

— Не то. Ла Уника во мне заметила что-то инакое. Что-то важное. Такое же, как… у Фризы.

— Ты музыку делаешь, — сказал Добри.

Я посмотрел на дырчатое лезвие:

— Нет, вряд ли это. Играть я и тебя могу на-

учить. Тут что-то совсем, совсем инакое. Так мне кажется.

К вечеру пригнали коз обратно. Добри позвал меня ужинать, я взял кабанины, а потом мы растрясли Йоновы плодовые закрома.

— Лоби, будешь готовить?

— Неохота.

Тогда Добри пошел на угол трансформаторной будки и выкрикнул в сторону общего круга:

— Эй! Хочет кто-нибудь сварганить ужин трем работящим джентльменам в обмен на еду, увеселения и тонкую беседу?.. Нет, ты мне уже готовила… Девушки, не толкайтесь! Ты тоже нет, ты в приправах ни бум-бум. А-а-а, тебя я помню, красотка, от твоей стряпни я чуть на тот свет не отправился… Так, все. Ты. Ну да, ты. Пойдем.

Он привел симпатичную лысую девушку. Я ее встречал раньше то здесь, то там, но в деревне она осела недавно.

— Вот: это Мелкий Йон, это Лоби, а я Добри. А тебя как звать, я забыл.

— Зовите Нативией.

Да, а вот говорить я с ней раньше не говорил. И это жаль, кстати, что за двадцать три года ни разу не привелось. Ее голос шел не из гортани. Думаю, у нее гортани и не было. Звук начинался

сильно ниже и вышептывался из пещерки с бубенчиками.

— А меня зови как хочешь, хоть по сто раз на дню, — заявил я.

Она рассмеялась, и бубенчики отозвались.

— Ну, где ваша снедь? И надо кострище найти.

У ручья нашли круг из камней. Собрались было идти к людям за ложками-плошками, но у Нативии оказалась собственная большая сковорода, так что одолжились только солью да корицей.

— Давай, Лоби, увеселяй, — сказал Мелкий Йон, вернувшись от ручья. — Ты увеселяй, а мы будем вести беседу.

— Э, погоди, — начал было я, а потом подумал: «Да ну и что». Лег на спину и стал играть.

Нативии нравилось: она, пока готовила, нет-нет да и улыбалась мне.

— А детей у тебя нет, выходит? — спросил Добри.

Нативия смазывала сковороду кабаньим жиром.

— Один в Клетке в Живых Розах, двое — у отца в Ко.

— По свету, значит, странствуешь? — спросил Мелкий Йон.

Я заиграл другую мелодию, она была медленней

и шла откуда-то издалека. И Нативия улыбнулась, ссыпая на сковороду кусочки мяса с пальмового листа. Жир заплясал на горячем металле.

— Странствую.

Эта улыбка, и ветерок, и насмешка в ее голосе — все было упоительно.

— Тогда тебе и мужчину такого же надо, который любит это дело, — изрек Добри.

Он у нас знаток семейных дел и всегда набит советами. Действует мне на нервы периодически.

Нативия пожала плечами:

— У меня раз был такой, но мы вечно спорили, куда нам идти. Это его ребенок в Клетке. А отца зовут Ло Ангел. Красивый. Только никогда не мог выбрать место, а как выберет — так мне туда неохота. Нет… — Она гоняла подрумяненное мясо по скворчащей сковороде. — Мне нравятся мужчины оседлые, положительные, чтобы дома ждали, пока я по свету брожу.

Я заиграл старинный гимн: «Билл Бейли, вернись домой»[26]. Еще в детстве выучил его с сорокапятки. Нативия тоже его знала, засмеялась,

---

[26] Примечания: 26

«Bill Bailey, Won't You Please Come Home?» — популярная песня Хьюи Кэннона, впервые опубликованная в 1902 г., джазовый стандарт. Ее исполняли Луис Армстронг, Арета Франклин, Элла Фицджеральд, Сара Воан, группа *Gun Club* и многие другие.

разрезая персик:

— Это про меня. Билл Ла Бейли — так меня Ло Ангел прозвал.

Она отодвинула мясо к краям. На свободное место высыпала орехи и разную резаную овощь, подлила соленой воды и звонко накрыла крышкой.

— И далеко ты забредала? — спросил я, опустив мачете на живот и потягиваясь; над головой, над кленовыми листьями небо было подранено закатом на западе, а восток и ночь наводили тень. — Мне скоро тоже предстоит. Надо хоть узнать сперва, какие на свете места есть.

Она сдвинула нарезанные плоды на край листа:

— Один раз до самого Мегаполиса дошла. И даже под землей была, в Исходной пещере.

Добри с Йоном разом притихли.

— Ух ты!.. А мне, знаешь, Ла Уника говорит: пора тебе в путь, ты инакий.

Нативия кивнула:

— И Ло Ангел поэтому бродит. — Она отодвинула крышку; пряный пар вылетел облаком и расточился, у меня во рту брызнула слюна. — Кто бродят, почти все инакие. Он говорил, я тоже инакая, только не хотел объяснить почему.

Теперь она так же, кругом, отодвинула овощь к мясу, а в середку пошли нарезанные плоды. И все это сверху корицей. Пламя у края сковороды лизнуло душистый порошок, и пошли расцветать искры. И она опять накрыла все крышкой.

— Да, Ла Уника мне тоже не говорит.

Нативия удивилась:

— То есть ты не знаешь?

Я покачал головой.

— Но как же… — Она остановилась. — Ла Уника ведь одна из старейшин?

— Да.

— Ну, может, у нее причина есть. Я с ней вчера говорила немного, она очень мудрая женщина.

— Это точно. — Я перекатился на бок. — Ладно тебе, скажи, если знаешь.

Нативия почему-то замялась:

— Сначала ты скажи. В смысле, что тебе Ла Уника говорила?

— Что мне пора в путь, убить то, что убило Фризу.

— Фризу?

— Фриза тоже была инакая.

Я стал рассказывать о ней, и через минуту Добри рыгнул, постучал кулаком в грудину и заявил, что он голодный. Ему явно не нравился разговор.

Тут Йону понадобилось в кусты, и Добри пошел с ним, буркнув:

— Позовите, когда все… То есть когда готово будет.

Но Нативия слушала внимательно и потом расспросила о том, как умерла Фриза. Когда я сказал, что идти придется с Ле Дориком, она кивнула:

— А, теперь понятно.

— Да ну?

Снова кивок и тут же:

— Ребята, эй!.. Ужин готов.

— Так и не скажешь?

Она покачала головой:

— Ты пока не поймешь. Я ведь сколько больше твоего бродила… Сейчас много инаких умирает так же, как Фриза. В Живых Розах два человека. В том году трое еще где-то. Что-то нужно делать. Может, здесь оно все и начнется.

Она снова отодвинула крышку, и снова вылетел пар. Добри и Мелкий Йон, вразвалку шедшие вдоль реки, перешли на бег.

— Элвис Пресли, вот это аромат! — воскликнул Йон, поводя ноздрями.

Он сел на корточки у огня и пустил слюну. А у Добри завибрировали аденоиды. Когда кот так делает, это называется «урчит».

Я хотел еще много что спросить у Нативии, но решил не злить Добри и Йона. Я с ними тогда паршиво поступил, а они спустили, так что лучше было эту тему не трогать.

Но вот возник пальмовый лист с жареной кабаниной, овощью, пряными плодами, и я забыл обо всем, кроме того, чего не было сейчас у меня в желудке. И понял, кстати, что моя метафизическая меланхолия — в большой степени голод. Это уж всегда так.

Потом опять беседы, опять еда, опять увеселения. Уснули там же, у реки, растянувшись на папоротниках. К полуночи, как похолодало, сползлись в кучу. А за час до рассвета я проснулся.

Вынул голову у Добри из-под мышки (на мое место тут же просунулась лысая головка Нативии) и стоял в звездной темноте. У ног мерцали голова Мелкого Йона и мачете: Йон пристроился на нем, как на подушке. Я потихоньку вытянул мачете, Йон всхрапнул, почесался и затих. Я сквозь деревья пошел к Клетке.

Пока шел, глянул ненароком на провода, протянутые от трансформатора к изгороди. То ли от черных этих проводов, то ли от звуков ручья, то ли от чего-то в памяти — на меня накатило, и

я заиграл. И кто-то засвистал со мной вместе. Я перестал, а свист нет.

Где же он тогда? В песне?

Жан Жене. Ширмы[27]

Бог сказал Аврааму: мальца
мне убей.
Тот в ответ: да ты, Боже, ка-
жись, не в себе?

Боб Дилан. Highway 61, Revisited

Любовь смертна. И когда она
умрет, то начинает
разлагаться и гнить и
может образовать почву для
новой любви. Мертвая
любовь живет тогда своей
невидимой жизнью в живой, и, в
сущности, у любви
нет смерти.

Пер Лагерквист. Карлик[28]

---

[27] Примечания: 27
Перевод А. Наумова, Е. Наумовой.

[28] Примечания: 28
Перевод В. Мамонова.

— Ле Дорик! Дорик!

— Я, — прозвучало из темноты. — Это ты, Лоби?

— Ло Лоби, — поправил я. — Где ты там?

— Да вот, у входа.

— Ясно. Что за вонь?

— Белыш умер, брат Добри. Я могилу рою. Ты Белыша пом…

— Помню. Видел вчера у изгороди, он совсем плохой был.

— Да, такие никогда долго не живут. Лезь сюда, поможешь рыть.

— А изгородь?

— Я отключил. Лезь.

— Я Клетку не люблю.

— А в детстве лазал ко мне — упрашивать не приходилось. Давай, тут надо камень сдвинуть. Потруди пятки.

— То в детстве. Мы в детстве много чего делали, о чем сейчас речи нет. Ты сторож, ты и копай.

— А Фриза приходила ко мне. И помогала. И все о тебе рассказывала.

— Фриза… — По дороге фраза перевернулась, и я закончил другим словом. — Рассказывала?

— Ну, некоторые из нас ее понимали.

— Да, — сказал я, — некоторые из нас…

Вцепился в сетку возле столба, но не полез.

— Вообще, мне всегда жалко было, что ты больше не приходишь. Хорошее было время. И хорошо, что Фриза по-другому на это смотрела. Мы…

— …много чем занимались, Дорик. Я помню. Мне до четырнадцати лет никто не почесался объяснить, что ты не девочка. Если я тогда обидел тебя, извини. Сожалею.

— Обидел, но у меня сожалений нет. Фризе тоже никто не сказал, что я не мальчик. И я этому рад, если честно, хотя она бы все равно иначе отнеслась, чем ты.

— И часто она приходила?

— Все время, что не с тобой была.

Я подпрыгнул, перекинул себя через изгородь и приземлился на той стороне.

— Ну, где твой дурацкий камень?

— Вот…

— Не трогай меня! Так покажи.

— Вот, — повторил в темноте Дорик.

Я уцепился за край камня, полкой торчавшего из земли. Затрещали корни, с шепотом осыпалась земля, и я его откатил.

— Как ребенок, кстати? — спросил я.

Не спросить я не мог, и, прах тебя побери, До-

рик, почему надо было ответить именно так?!

— Который?

К столбу была прислонена лопата. Я всадил ее в землю. Прах тебя побери, Ле Дорик.

— Наша с Фризой, — продолжил Дорик, помолчав, — через год, думаю, пойдет на комиссию. Нужно спецобучение, корректировка, но в целом девочка функциональная. Ла у нее, наверно, никогда не будет, но и тут жить не придется.

— Я не о ней спрашивал.

Лопата лязгнула о новый камень.

— И уж конечно, не о том, который полностью мой. — Во фразе была пара ледяных осколков, и Дорик с силой запустил их в меня. — Ты спрашивал о своем и моем.

А ты не знал, гадский ты андрогин.

— Он здесь навсегда, но он счастлив. Хочешь, проведай его…

— Нет. — Еще три лопаты земли. — Хороним Белыша и идем.

— Куда, например?

— Ла Уника сказала нам вдвоем пойти и убить то, что убило Фризу.

— А, это. Я знаю. — Дорик отошел к ограде, нагнулся. — Помоги.

Мы подняли вздутое, резинистое тело и отта-

щили к яме. Оно перевалилось через край и глухо ударилось внизу.

— Ты должен был ждать, пока я не приду, — сказал Дорик.

— Я не могу ждать. Пошли сейчас.

— Если хочешь вместе, то подождешь.

— Почему это?

— Потому, Лоби, что я им сторож — тем, кто в Клетке.

— Да гори она огнем, Клетка твоя! Я сейчас хочу идти!

— …Мне нужно обучить нового сторожа, укомплектовать все: учебную часть, кладовую. Потом еще особые рационы, и нужно проверить убежище…

— Брось все к свиньям, Дорик, пошли.

— Послушай, Лоби. У меня тут трое детей. Один твой, один — девушки, что ты любил. И один целиком мой. Двое, если любить их, и заботиться, и терпение прилагать, со временем могут отсюда выйти.

— Двое, говоришь? — Вдох заплутал в груди. — А мой, значит, тут останется. Все, я пошел.

— Лоби!

Я замер, оседлав изгородь.

— Лоби, ты в реальном мире живешь. Он с че-

го-то начался, он к чему-то движется, меняется. Но в нем есть хорошо и плохо, как-то поступать — правильно, а как-то — нет. Ты этого никогда не хотел признать, даже в детстве, но пока не признаешь, ты будешь несчастлив.

— Это ты про меня в четырнадцать лет говоришь.

— Нет, это я про тебя сейчас. Фриза мне много…

Я соскочил с изгороди и пошел сквозь деревья.

— Лоби!

— Чего тебе? — Я продолжал идти.

— Ты меня боишься.

— Не боюсь.

— Постой, я тебе покажу…

— Показывать ты мастер, в темноте особенно! — крикнул я через плечо. — Этим и инакий, да?

Я перешел ручей и полез по камням, злой, как Элвис. Не к долине, а кругом, где круче. Ломил в темноте и лупил по встречным веткам, по листьям… Потом в тенях кто-то возник, насвистывая.

Здесь сплошь безумцы. Редко кто знает этот мир и понимает, что по чужим лекалам ничего не сошьешь, ибо не бывает у двоих одного мнения. Тот, кто при свете дня слывет мудрецом, ночью не будет объявлен сумасшедшим.

***Никколо Макиавелли, письмо к Франческо Веттори*[29]**

В каждом предмете, в каждом событии опыт выявляет для него присутствие чего-то иного.

Жан-Поль Сартр. Святой Жене, паяц и мученик

Я остановился. Звук сухих листьев под ногами, звук папоротника, скользнувшего по плечу, приблизился сзади и остановился тоже. Холмы начали сереть по верхнему краю.

— Лоби?

— Передумал насчет?..

Вздох.

— Да.

— Ну, пошли тогда… Почему передумал?

— Так, случилось кое-что.

---

[29] Примечания: 29

Письмо к Веттори, содержащее этот отрывок, найти не удалось.

Дорик не сказал что, а я не спросил. Шли молча, потом я заговорил:

— Знаешь, Дорик, то, что у меня к тебе, так же близко к ненависти, как то, что было с Фризой, — к любви.

— Значит, не так уж близко, чтобы сейчас беспокоиться. Ты все о себе, Лоби. Пора тебе взрослеть.

— И ты мне поможешь, да? В темноте?

— Уже помогаю.

Утро, пока мы шли, стало кармазином просачиваться от земли наверх. С первым светом у меня странно отяжелели веки, голову как камнями набили.

— Дорик, ты всю ночь пахал, да и я часа три прихватил всего. Может, поспим?

— Подожди, пусть рассветет побольше, чтобы ты не сомневался, что это я.

Странный ответ. Дорик маячил серой тенью.

Когда на востоке набралось порядочно кармазина, а остальное небо посинело, я стал искать место. Я еле волочил ноги, и всякий раз, как взглядывал на солнце, мир расплывался слезами.

— Давай здесь, — сказал Дорик.

У подножия скалы была каменная выемка. Я свалился в нее, Дорик тоже. Лежали, разделенные мачете. Помню секунду света, золотящего руку,

и спину, скругленную к моему животу. Потом уснул.

Я тронул руку, тронувшую мое лицо, удержал ее на глазах, и веки распахнулись сами собой.

— Дорик?..

На меня глядела Нативия.

Мои пальцы были переплетены с ее, баюкались в люльках ее перепонок. Она смотрела испуганно, дыхание, вылетавшее из раскрытых губ, перехватило мне дух.

— Добри! Йон! — крикнула она куда-то наверх холма. — Он здесь!

Я сел:

— Где Дорик?..

Огромными скачками приближался Добри, за ним бежал Йон.

— Лоби, — выдохнул Добри, — Ла Уника хочет с тобой поговорить… Перед походом. Они с Ло Кречетом хотят…

— Вы там Ле Дорика не встретили? Куда его понесло?

И тут я увидел, как идет трещинами точеный оникс Йоновой мордочки.

— Ле Дорик умер, — сказал Йон. — Они тебя за этим звали…

— Что?

— Перед рассветом, в Клетке, у входа, — сказал Добри. — Он хоронил Белыша. Помнишь моего…

— Помню, помню. Мы его вместе хоронили. Но перед рассветом — не может быть. Когда мы тут легли, солнце вовсю светило.

Потом:

— Умер?

Йон кивнул:

— Как Фриза, точно так же. Ла Уника сказала.

Я встал, сжал клинок:

— Не может быть.

Кто-то же сказал: *Подожди, пусть рассветет побольше, чтобы ты не сомневался, что это я.*

— Он на рассвете был со мной, мы тут спали.

— Ле Дорик умер и после — был с тобой? — задумчиво спросила Нативия.

Ошалевший, я пошел к деревне. У Исходной пещеры ждали Ла Уника и Ло Кречет. Мы переговорили, потом я смотрел, как они крепко думают о непонятных мне вещах и о том, почему я их не понимаю.

— Ты хороший охотник, Лоби, — сказал наконец Кречет. — И хоть в нижней части крупноват, ты — достойный образец мужчины. Впереди у тебя опасности, но я многому тебя научил. Помни мои уроки, когда будешь проходить краем ночи

или острием рассвета.

Похоже, смерть Ле Дорика убедила Кречета, что Ла Уника в чем-то права. Я не понимал ни ее, ни его, ни того, в чем они сходились. А они не торопились меня просветить.

— Помни мои уроки, — продолжал Кречет, — чтобы дойти, куда идешь, там уцелеть и назад вернуться.

— Ты инакий, — заговорила Ла Уника. — Ты уже понял, что инаким быть опасно. Но очень важно, чтобы инакие — были. Я постаралась привить тебе достаточно широкое видение мира, чтобы ты понимал и предстоящие подвиги, и их значение. Ты многому научился, Лоби. Не забывай и мою науку.

Я повернулся и криво пошел неизвестно куда, до сих пор в тумане от того, что узнал. В общем, тройняшки Блои всю ночь ловили крабов-слепцов там, где ручей вытекает из Исходной пещеры. Потом возвращались затемно, перешучивались на ходу, болтали лучами фонарей… Дорик! Дорик, за сеткой изгороди, в сети теней, очерченный лучами, лицом вниз, на краю могилы! Должно быть, минуту спустя, как я ушел.

Я шагал по ежевике, держал на полдень, и одна мысль прояснялась, как отражение в ручье, когда

на секунду сгонишь ладонью пузырьки. Если Ле Дорик, мертвый, шел со мной *(Уже показываю, Лоби)*, шел через рассвет и кусачий золотой дрок, лежал со мной, свернувшись, под первым солнцем, значит и Фриза могла идти со мной. И если я найду то, что убивает инаких, тех, для которых со смертью не кончается…

Теперь — медленную песнь, плач по Дорику под перестук шагающих ступней. Спустя несколько часов плача жара налоснила меня по́том, как на похоронном радении.

День уже клонился за холмы, когда стали попадаться первые киноварные цветы. Каждый — с мою голову, словно кровяной пузырь в гнезде из шипов. Часто они лежат просто на голом камне. Лагерь разбивать погожу. Это цветики плотоядные.

Вечер пожелтел. Я присел на корточки на обломанном гранитном выступе. Улитка размером с мой согнутый указательный опустила глаза к лужице размером с мою ладонь. Через полчаса, когда желтый умер, придавленный фиолетовым, я уже карабкался вниз по склону каньона. Заметил пролом, еще один ход в Пещеру, решил переночевать там и просунулся внутрь.

Там до сих пор пахло людьми и смертью, и это

было хорошо: хищники такие места обходят. Пополз, значит, дальше на четвереньках. Сухая земля перешла под руками в мох, а мох — в бетон. Снаружи сверчки и канючие осы сплетали ночь из звуков, которые мне не повторить на мачете, и она разрасталась, кружевная и черная.

Скоро нащупал какие-то рельсы, двинулся вдоль них… сперва по куче земли, потом по веткам и листьям, потом по длинному уклону. Хотел уж остановиться, привалиться к стене, где посуше, и уснуть, но тут путь разошелся надвое.

Я встал.

Дал резкую трель на мачете, и справа эхо вернулось долгое: там тоннелю конца не будет. Слева — обрубок: какое-то помещение. Свернул налево и задел бедром за дверной косяк.

Передо мной осветилась комната. Датчики жизни, значит, живы еще. Стены с вентиляционными решетками, синий стеклянный стол, медные светильники, конторские шкафы и телеэкран, вделанный в стену. Щурясь в новом свете, я подошел поближе. Если телевизор нормально работает, то смотреть приятно: цвета складываются в узоры, а узоры делают во мне музыку. О телевизорах рассказывали те, кто исследовал Пещеру (ночь, костер, дети тесно окружили огонь

и странника, всё — жутко любопытно). Два года назад я сам ходил смотреть на телевизор в один хорошо изученный тоннель. Тогда и выяснилось про музыку.

Между прочим, цветное телевидение гораздо интереснее, чем рискованный генетический способ размножения, что мы переняли у людей. Впрочем, побоку. Мир хорош.

Я сел на стол и крутил рычажки, пока не щелкнуло. Экран зыркнул на меня серым, замигал, пошел цветными полосами. В динамиках зашуршали помехи, я нашел колесико громкости и убавил звук, чтобы расслышать музыку цвета. Но только поднес клинок к губам…

Смех.

Я сперва подумал, кусок мелодии. Но нет, это был голос, и он смеялся. И в искрах на экране — лицо. Не картинка, а как будто из всех точек цветомелодии я видел только те, что складывались в черты. Эти черты я бы извлек тогда из любой точечной круговерти: Фриза.

Но голос был чей-то чужой.

Фриза растаяла. Возник Дорик. И снова странный смех. Потом: с одного края Фриза, с другого Дорик. По центру парень — тот, что надо мной смеялся. Прояснилось, налилось жизнью, и я

больше не видел комнаты. За его спиной — треснувшие улицы, балки торчат из остатков стен, извиваются сорняки, и на всем мерцающий зеленый свет, а солнце — белое на рябом небе. К фонарному столбу прилепилось существо с плавниками и белыми жабрами, скребло по ржавчине рыжей лапой. Из тротуара торчал гидрант в хитрых разводах света и яри.

Парень — рыжее Блоев, киноварней разбухших от крови цветков — смеялся, опустив глаза. Ресницы у него были золотые. Прозрачная кожа отблескивала зеленым, словно светилась зеленью изнутри, но я знал, что под обычным солнцем он был бы бледный, как Белыш перед смертью.

— Лоби, — прозвучало из смеха.

Открылись мелкие зубы без счета. Как у акулы, что я видел в Уникиной книге: ряды костяных иголок тесно посажены один на другой.

— Лоби, приятель, как это ты собрался меня разыскать?

— Что?..

Думал, от моего голоса видение пропадет.

Но неведомо где голый смеющийся парень по-прежнему стоял одной ногой в сточной канаве, заросшей сорной колеблющейся травой. Пропали

только Фриза и Дорик.

— Где ты?

Он поднял глаза, и у них не было белков, только золотое и карее. Я видел такие раньше, но все равно стало не по себе: собачьи на человеческом лице.

— Мама звала меня Бонни Уильям. А теперь меня величают Кид Каюк. — Он сел на бордюр и свесил руки на колени. — Разыщешь ты меня, значит, и убьешь, да? Как я убил Фризу и Дорика?

— Ты? Ты, Ло Бонни Уильям?..

— Без Ло. Я Кид Каюк.

— Ты их убил?.. За что?

Отчаянье свело мои слова до шепотов.

— Они были инакие. А я инакий похлеще любого из вас. Я вас боюсь, а кого я боюсь… — опять смех, — я убиваю. — Он мигнул. — Это не ты меня ищешь, приятель. Это я тебя ищу.

— Как?

Он тряхнул головой, откинув с белого лба киноварную прядь.

— Я тебя веду. Если бы ты не был мне нужен, Лоби, ты бы меня не нашел. Но ты нужен, и тебе меня не миновать. Я вижу глазами каждого в этом мире, в любом из миров, где хоть раз были наши предки. Я многое знаю о вещах, которых никогда

не трогал и не нюхал. Ты вот сейчас не знаешь, где я, а бежишь прямо на меня. А в конце, — он поднял голову, — ты побежишь прочь из моего зеленого дома, ты будешь шарахаться в песках, как слепая коза на краю расщелины…

— Откуда ты знаешь про…

— И свалишься, и свернешь себе шею. — Он погрозил мне пальцем, когтистым, как у Мелкого Йона. — Ну что ж, беги, беги ко мне, Ло Лоби.

— Если я тебя найду, ты вернешь Фризу?

— Ну, Дорика-сторожа я уже вернул тебе ненадолго.

– *Фризу* вернешь?

— Кого я убил — они все при мне. Я тоже сторож, держу их в своей собственной Клетке.

Влажный смех, похожий на воду, бегущую по холодной трубе.

— Кид Каюк?

— Что?

— Где ты?

Мой голос зацепился за костяные иглы его усмешки.

— Откуда ты взялся, Кид Каюк? Куда идешь?

Его длинные пальцы скользили в рыжих волосах, словно льняные веревки в груде золотых монет. Он отпихнул ногой сорняки от сточной

решетки.

— Детство мое изжарилось в Клетке, в песках экваториальной пустыни. Только Дорика-сторожа у меня не было. Как и ты, резвившийся в своих джунглях, я был преследуем памятью тех, кто жил под этим солнцем до нас и чей облик, любови и страхи переняли предки наших предков. В Клетке большинство моих соседей умерли от жажды. Сначала я помогал некоторым, добывал им воду так же, как Фриза кинула камешек, — я и это видел, конечно. Потом я убивал всех, кого сажали в Клетку, и получал воду прямо из тел. Я подходил к изгороди и глядел поверх дюн на пальмы оазиса, где работало наше племя. Тогда я еще не собирался покидать Клетку, потому что видел глазами всего мира. Я видел то, что видели ты, Фриза и Дорик, я вижу все, что происходит в этом галактическом рукаве. Когда то, что я вижу, меня пугает, я закрываю глаза, через которые смотрю. Так было с Фризой и Дориком. Когда мне становится любопытно взглянуть еще раз, я их опять открываю. Как с Дориком, например.

— Ты силен, — сказал я.

— …Итак, я родился в пустыне, где смерть сеется, как песок, сквозь горячие ребра земли. А теперь ухожу все глубже и глубже в море.

Он снова поднял глаза, и его рыжие волосы отнесло назад в дрожащей зелени.

— Кид Каюк, — крикнул я (он отдалялся, был уже далеко). — Почему ты попал в Клетку? Ты на вид функциональней, чем половина Ла и Ло у меня в деревне.

Он искоса глянул на меня:

— Хорош функционал. Хорош функционал, родившийся в пустыне белокожим и рыжим, с жабрами!

Жадный разъятый акулий ротик размылся и исчез. Я сморгнул. Не надумав ничего лучше, достал из конторского шкафа бумаги, разложил под столом и лег на них, усталый и растерянный.

Помню, еще взял какой-то листок и по слогам пробился через один абзац. Я одно время рыскал в деревенском архиве, и Ла Уника научила меня простой грамоте, чтобы я мог разбирать надписи на пластинках.

…спешно эвакуировать верхние уровни. Аварийный датчик показывает пороговый уровень радиации. Приборы точного измерения находятся…

Большинство слов было мне не по уму. Я ступнями разорвал листок пополам и руками — на

четвертушки, высыпал бумажки дождиком на живот, взял мачете и стал баюкать себя музыкой.

В чем же суть благородной абстракции? Сперва передаются главнейшие черты изображаемого, а затем уже остальные, по мере убывания важности (таким образом, когда бы мы ни остановились, сделанное всегда будет по важности превышать несделанное). Для этого используются любые средства, способные произвести желательное действие, без оглядки на их формальную точность.

***Джон Рёскин. Камни Венеции*[30]**

Стихотворение – машина, помогающая сделать выбор.

***Джон Чиарди. Как говорится в стихах*[31]**

Прошло сколько-то часов — может, два, может, двенадцать. Я выкатился из-под стола и встал, кряхтя, зевая и почесываясь. Когда я вышел из

---

[30] Примечания: 30

Фраза, взятая автором в скобки, отсутствует в классических изданиях «Камней Венеции».

[31] Примечания: 31

В указанном эссе Чиарди нет такой фразы.

комнаты, свет погас.

Я не пошел обратно, а двинулся дальше вглубь. В тоннелях полно проломов в верхние уровни. Буду идти, пока в один из них не проглянет утро, а там и вылезу. И вот полчаса спустя вижу метровую трещину в потолке, в трещине — утро и черные листья. Прыгаю. Ляхи у меня прыгучие.

Вылез наверх, цепляясь за осыпчивые края и смирные колючки. Споткнулся о лиану, но в основном справился нормально. Это чтобы не говорить «в целом». Снаружи было прохладно и туманно. Метров через пятьдесят блеснул плещущий край озера. Я пробрался сквозь заросли и вышел на пустой берег. За валунами начался гравий, потом песок. Озеро было большое. По одну руку хороший берег переходил в тростники, топи и прочую дрянь. За озером виднелась равнина, заросшая дроком. Я не знал, куда мне надо, но в болото не хотел и выбрал то, что лежало по другую руку.

— Хлёст, хлёст, щелк!

Я остановился.

– *Хлёст!*

В джунглях, совсем рядом, кто-то барахтался и боролся. Оно шло спазмами: та минута в драке, когда один почти выдохся. (Хшшшшшш!) Любопыт-

ство, голод и дурная голова погнали меня вперед с мачете наголо. Я подобрался к каменному обрыву и глянул вниз.

На прогалине, одолеваемый цветами, погибал дракон. Колючки оплели его ноги, цветки разукрасили чешую. Он в который раз пытался оторвать их зубами, но они суетливо наползали снова, драли ему бока, хлестали по желтым мокрым глазам.

Дракон (вдвое больше Добри и с корявым клеймом в виде креста на задней ляжке) всеми силами защищал жабры и наружные легкие, трепавшиеся на шее. Он был почти обездвижен, но когда какой-нибудь цветок тянулся вырвать ему дыхалку, зверь яростно отбивался единственной свободной лапой. Он немало их покрошил, и взрытая земля была усеяна лепестками.

Крест означал, что, даже ошалев от страха, зверь меня не тронет: ящер, привыкнув к людям, делается для них неопасным и даже каким-то жалостным. Я спрыгнул вниз.

Цветок, подбиравшийся к зверю, от неожиданности — сссссс! — опорожнил воздушный пузырь в десяти сантиметрах от моей ноги.

Я рубанул, и он срыгнул нервной слизью. (В том смысле, что нервы у них — зеленая слизь.)

Цветки охаживали меня по ногам колючками, но я уж рассказывал, какая у меня там кожа. Надо только живот беречь и ладони, а ногам ничего не будет. Я ухватил ступней цветок, въевшийся ящеру в плечо. Отодрал (кровавые зубки: клоц-клоц-клоц!), оттянул на стебле, подсунул клинок и резанул с подворотом — рраз!

По драконьей бочине потекли нервы.

Эти цветы как-то общаются (может, тоже инаким способом), и теперь они потянулись ко мне. Один вдруг поднялся на жутких штуках, которые у других растений называются «усы», и прыгнул на меня — сссс! Пришлось покрутить клинком у него в мозгу.

Я крикнул ящеру, чтоб не робел, и сверкнул бравой улыбкой, — жаль, Кречет не видел: его школа.

Ящер рептильно простонал в ответ, мотнул гривой, задев мне руку, и хрустко прикусил цветок. Пожевал (из пасти свисали зеленые усы), решил, что невкусно, и выплюнул шипы. Я отодрал от него еще два цветка и освободил ему лапу.

— Сссссс…

Я глянул вправо, что было ошибкой, ибо атаковали слева.

Вот не люблю я такие ошибки. Длинный, ко-

лючий гад обмотался мне вокруг щиколотки и попытался сдернуть меня с ног, что, по счастью, никак невозможно. Тогда он всадил всю уйму зубов мне в икру и принялся жевать. Я дернул его за белые лепестки (альбинос попался), но лепестки оборвались, а этот продолжил въедаться: хрум, хрум! Клинок у меня был поднят, и я уж было опустил его на голову цветочку, но руку накрыла колючая сеть. Что-то царапнуло по шее сзади. А там у меня не сказать, чтоб броня…

Собственно, и на пояснице не броня, и под горлом, и между ног, и под мышками, и за ушами… Да у меня, оказывается, полно уязвимых мест! Чертовы цветки двигаются как раз с такой скоростью, чтоб ты успел призадуматься о вариантах.

Тут что-то длинное горячо пропело у моей щиколотки. Щелк! — в воздух взвились лепестки, гад перестал жевать и нервно срыгнул мне на ногу.

Потом — пиннннг! — у запястья, и запястье выдралось из колючек. Я слегка пошатнулся и отсек еще один ус. Набухшая роза соскользнула по драконьей лапе и поползла наутек. Они общаются, это точно, и сообщалось между ними вот что: *паника и бегство*. Но что за музыка получалась из всего этого!

Я обернулся: он стоял наверху, и утро уже

успело нарумянить небосклон у него за спиной. Он сбил с дракона последний цветок — ссссс… блоп! — и свернул кнут. Я потер икру. Дракон простонал не в тон.

— Твой? — Я большим пальцем через плечо указал на зверя.

— Был мой. — Он глубоко дышал.

Его плоская, костлявая грудь глубоко опадала при каждом выдохе, а ребра раскрывались и схлопывались, как жалюзи.

— Поедешь с нами — твой будет, для езды. Не поедешь — опять мой.

Дракон, простая душа, потерся жабрами о мое бедро.

— С кнутом управишься?

Я пожал плечами:

— Я такой и видел-то раз всего. Шесть лет назад, когда погонщики сбились с тропы.

Мы все тогда вылезли на Берилловый склон и смотрели, как они гонят стадо ящеров обратно через Стеклянный перевал. Ло Кречет пошел с ними поговорить, а я увязался за Кречетом и узнал про клейма и что клейменые чудища добрые.

Незнакомец широко улыбнулся:

— А мы опять сбились. Километров на двадцать пять, надо думать… Ну что, парень, нужна тебе

работенка и хороший скакун под седлом?

Я глянул на покромсанные цветы:

— Нужна.

— Ну, скакун вот он, а работа твоя — подняться на нем сюда и доехать до остальных. Это пока-мест.

(Так, надо вспомнить… Погонщики сидят у ящеров меж горбатых плечей, а ноги упирают им в чешуйчатые подмышки… Это мои-то ноги?? Гм, ладно. А руками, значит, держатся вот за эти две белые штуки вроде усов, что торчат из-под жабр. Ну, как там говорится? Йо-хо-х… нет… Йии-ии-хааа!)

Потом мы пятнадцать минут колупались в грязи, а новый знакомец орал нам сверху советы. Я от него выучил такие словечки, каких сроду не слыхивал. Под конец мы уже оба почти смеялись.

В общем, мы с драконом выбрались-таки наверх и ехали вдоль озера, пока он случайно не скинул меня в воду (во второй раз).

— Слушай, ты всерьез думаешь, что я выучусь ездить на этой зверюге?

Одной рукой он помогал мне встать, другой держал дракона за усы, третьей сворачивал кнут, а четвертой скреб мохнатую голову.

— Не раскисай. Я в первый раз был не лучше.

Садись обратно.

Я сел и на сей раз усидел. Мы хроменько проскакали взад и вперед вдоль берега. Нет, со стороны-то это красиво, но по ощущениям — будто хромаешь. На ходулях причем.

— О, постигаешь помаленьку.

— Благодарю. Скажи теперь, где стадо и как тебя величать?

Он стоял по щиколотку в озерном плеске. Я, падая, обрызгал его, а утреннее солнце уже вошло в силу и играло в капельках у него на груди. Он улыбнулся и вытер лицо.

— Паук. А твое имя я не расслышал что-то…

— Ло Лоби. — Я радостно раскачивался меж чешуйчатых плеч.

— С погонщиками про Ло забудь, — сказал Паук. — Это тут лишнее.

— Я бы и не стал, просто в деревне у нас так принято.

— Стадо вон там. — Он пустил своего дракона следом за мной.

С янтарными волосами, четверорукий, чуть горбатый, Паук имел в себе два метра костей, а кожи — на метр восемьдесят. Поэтому обтянут был туго, да еще и перехлестнут длинными, узкими жилами. Солнце обожгло его докрасна, потом

до бурого, но красное еще просвечивало изнутри. Когда он смеялся, казалось, что у него в груди хрустят сухие листья. Мы молча огибали озеро. И какая была музыка!

Драконы, стадо голов в двести пятьдесят, паслись в лесной лощине за озером и стонали (как выяснилось, это у них означает радость). Шесть лет назад я по юности навыдумал про погонщиков всякой романтики — оно и засело в голове. А они, как оказалось, народ со всячинкой. Понятно, почему тут обходятся без Ло и Ла: двое было таких, что неясно, как они верхом-то держались. Но я не стал задаваться и заговорил по-простому.

У одного парня, впрочем, с головой было все в порядке — видно было по тому, как он поблескивал на меня своим зеленым глазом, как ловко действовал кнутом, как уверенно обращался с драконами. Но он оказался немой. Из-за этого, что ли, я загрустил тогда и вспомнил Фризу? Соберись, велел я себе, у тебя есть дело.

А еще имелся типус — Белыш рядом с ним был бы полным нормом. У него была какая-то болезнь желёз, и он тоже плохо пах. Он все хотел рассказать мне свою жизнь: моторика рта нарушена, как разволнуется — начинает брызгать.

Лучше бы Вонючка был немой, а не Одноглаз.

Одноглаза я спросил бы тогда, где он бывал, что видел: он знал хорошие песни.

За ночь драконы разбредаются, а утром их сгоняют в стадо. Так Паук, собирая отбившихся зверюг, подобрал и меня. За завтраком я из хлюпанья Вонючки вывел, что я — замена кому-то, кого прошлым вечером постиг конец тяжелый, печальный и неопрятный.

— В здешних краях не угадаешь. Чудородам моим ничего не делается, а она на вид нормальней тебя была, и вот: нет ее, — задумчиво проговорил Паук. — Так-то, парень.

Одноглаз из-под черной копны волос поймал мой взгляд и продолжил наращивать кнут.

— Когда уже яйца допекутся? — спросил Нож, щупая серыми руками камни кострища.

Паук дал ему пинка:

— Будешь есть вместе со всеми.

Нож отковылял в сторонку, но скоро возник опять.

— Погреться… — виновато бормотнул он, увидев, что Паук снова занес ногу. — Я люблю, где погреться…

— Грейся, только держи лапы подальше от еды.

— Куда вы их гоните? — спросил я. — И отку-

да?

— Они выводятся в Горячей топи, это отсюда километров двести на запад. Потом мы их гоним через Великую столицу в Брэннинг-у-Моря. Там всех неплодных забивают, у самок берут яйца, осеменяют, мы отвозим яйца обратно и зарываем в торф.

— В Брэннинг-у-моря? И что они там делают с такой кучей драконов?

— На мясо пускают по большей части, а сколько-то оставляют для работ. Брэннинг тебе, наверно, чудом покажется после твоих джунглей. Я-то столько раз был там, что давно привык. У меня в Брэннинге дом, жена и трое детей. И еще семья на болотах.

Мы ели драконьи яйца, жареное драконье сало и густую, горячую, сытную кашу, отменно заправленную солью и рубленым перцем. После еды я заиграл на клинке.

Вот это музыка!

Сто мелодий разом. Многие одинаковые, но каждая начинается в свою секунду. Пришлось выбрать только одну. На первых же нотах Паук удивленно уставился на меня:

— Ты где это слышал?

— Нигде. Сам придумал, наверное.

— Вот еще, сам.

— Не знаю, она у меня внутри звучала. Правда, путано, вместе с другими.

— Сыграй еще раз, Сэм[32].

Я заиграл. Паук стал насвистывать одну из других мелодий, и вдвоем они заблестели, сталкиваясь и пружиня друг от друга.

Когда мы закончили, он спросил:

— Ты инакий?

— Говорят, что да. Слушай, а как песня называется? Я такое редко слышу.

— Соната для виолончели соло. Кодай.

Утренний ветер налетел на кусты дрока.

— Что-что?

У нас за спиной стонали драконы.

— Ты ее взял у меня из головы? — не отставал Паук. — Ты не мог ее раньше слышать, разве только я под нос ее мычал. Но крещендо тройных нот мне промычать не по силам.

— Как это, у тебя из головы?

— Она у меня много недель в голове крутится. Я ее прошлым летом слышал на концерте в

---

[32] Примечания: 32

Знаменитая фраза из классического фильма Майкла Кертиса «Касабланка» (1942) с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях. Строго говоря, именно в такой формулировке фраза в фильме не произносится.

Брэннинге-у-моря, за день до того, как выехал с яйцами к топи. Потом я нашел ее на пластинке в музыкальном разделе в развалинах древней библиотеки в Хайфе.

— Выходит, я ее знаю — от тебя?

И вдруг куча всего прояснилось, например откуда Ла Уника знала, что я инакий, и как Нативия это поняла, когда я заиграл «Билла Бейли».

— Так вот откуда я беру свою музыку…

Я воткнул мачете в землю и оперся на рукоять.

Паук пожал плечами.

— Но я не думаю, что она вся от других людей… — Я нахмурился. — Так вот, значит, в чем я инакий?

Я провел большим пальцем по лезвию, а пальцами ног пробежался по дырочкам.

— Я тоже инакий, — сказал Паук.

— Как это?

— А вот так.

Он закрыл глаза, и все его плечи вздулись буграми.

Клинок рванулся у меня из рук, выдернулся из земли и провернулся в воздухе. Потом нырнул вниз и завибрировал, вонзившись в бревно у кострища. Паук открыл глаза и перевел дыхание.

Я заметил, что у меня разинут рот, и закрыл его. Всем вокруг это показалось очень смешным.

— И с животными, — сказал Паук.

— Как?

— Ну вот драконы: я их успокаиваю, как могу, не даю далеко разбредаться, отвожу от нас всяких опасных тварей.

— Фриза. Ты как Фриза.

— Кто это?

Я опустил глаза и посмотрел на клинок: музыка, которой я оплакал Фризу, была моя собственная.

— Никто. Теперь уже никто.

Та музыка была моя!

Потом я спросил:

— Не слыхал такое имя: Кид Каюк?

Паук бросил есть, выставил вперед все свои руки и запрокинул голову. Его длинные узкие ноздри раздулись и стали круглыми. Я отвел взгляд от его страха, но остальные смотрели на меня, и мне пришлось взглянуть.

— Зачем тебе? — спросил тем временем Паук.

— Хочу его найти и… — Я подбросил клинок и закрутил его, как Паук, только рукой. И поймал ногой, не дав коснуться земли. — В общем, хочу его найти. Расскажи про него.

Они засмеялись. Смех начался во рту у Паука,

потом потек изо рта у Вонючки, потом засипел Нож, закряхтели и закаркали остальные. Последним он вспыхнул в зеленом глазу Одноглаза, тот отвел взгляд, и искра погасла.

— Солоно тебе придется, — сказал наконец Паук. — Но, — добавил он, вставая от костра, — ты на правильной тропе.

— Расскажи про него, — повторил я.

— О невозможном потолковать не грех, да только вот за работу пора.

Он достал из холщового мешка кнут и бросил мне. Я поймал его с полулёта.

— И убери свой секач. Эта штучка сама поет.

Его кнут шелестнул у меня над головой.

Все пошли к своим скакунам. Паук вынул узду и шпоры из сумки, ловко прилаженной у зверя между горбов, так что ремни крепятся под самой грудью. Теперь понятно, почему он сперва дал мне попробовать езды без седла: с полуседлом и стременами скакать на драконе почти приятно.

— Гоните вон туда! — крикнул Паук, и я стал подражать погонщикам, начинавшим общее движение.

Стадо зашевелилось в солнечном свете.

Промасленные кнуты блестели и щелкали по чешуе. Весь мир был втянут в ритм зверя, чья

спина мерно двигалась подо мной: деревья, холмы, валуны, дрок и ежевика — все подхватывало мелодию и движение, как толпа, что хлопает и топает в такт музыке. Джунгли слушали меня и листьями выбивали бит бегущих ящеров.

Стоны. Значит, ящеры довольны.

Порой кто-то зашипит. Это значит: поберегись.

Крики, ругательства и кряхтенье — у погонщиков тоже все отлично.

Я в тот день узнал неимоверно много разного, мотаясь туда-сюда между драконами. Пятеро или шестеро в стаде вожаки, остальные идут за ними. Направь куда надо вожаков, и дело сделано. Драконов в основном заносит вправо. Они лучше слушают, если щелкнуть по задним ляжкам. Позже я выяснил, что пучки нервов, отвечающие за заднюю трансмиссию, у ящеров крупнее, чем мозг.

Один из вожаков все норовил уйти в конец: там у него была толстая самка, которая, как объяснил Паук, из-за опухоли в яичнике постоянно была набита бесплодными яйцами. Мы еле отгоняли его.

Я много ездил по краю стада (подражал Одноглазу) и пощелкивал ящеров, которых постоянно интересовало что-то на совершенно ненужных нам направлениях.

Кое-что понимать в этом деле я начал, когда двадцать драконов завязли в мятной топи (хлябкая песчаная топь, покрытая огромными кустами веющей на ветру мяты, так ведь? Мятная топь). Паук, щелкая тремя кнутами, в одиночку погнал остальное стадо по кругу, а мы пятеро шлепали взад-вперед по мяте, вызволяя зверюг.

— Дальше такого поменьше будет, — сказал Паук, когда мы опять поскакали рядом. — Скоро начнется Великая столица — Мегаполис, если только мы не слишком сбились с тропы. Я все время забирал на запад.

У меня ныла рука.

Как только выдались двадцать спокойных секунд рядом с Одноглазом, я спросил:

— Дурацкое дело — тратить тут жизнь, а, приятель?

Он улыбнулся.

Два очень дружелюбных дракона разделили нас веселым стонущим галопом. Пот лил мне в глаза, под мышками будто масло скользило. С полуседлом ляжки тоже стирались в кровь, но хотя бы не так быстро. Я почти ничего не видел и гнал в основном на слух, когда Паук прокричал:

— Вышли на тропу! Вон он, Мегаполис завиднелся!

Я поднял глаза, их залило новым потом, а мир поплыл от жары. Я гнал драконов. Дрок поредел, тропа пошла под уклон.

Земля крошилась под драконьими лапами. В пекле, не скрашенном ни единым листком, солнце вгоняло нам в загривки золотые иглы. Почва отражала жар изнизу. Потом наконец начался песок.

Драконам пришлось замедлиться. Паук, проезжая рядом, придержал ящера, вытер большим пальцем глаза.

— Обычно мы их гоним по Макклеллан-авеню, — сказал он, оглядывая дюны. — Но сейчас, похоже, ближе к Мейн-стрит выйдем. Ничего, через пару километров она все равно с Макклеллан пересечется. На перекрестке и заночуем.

Вокруг разносилось шипение драконов: после болот сушь пришлась им не по нутру. Мы бороздили пески Мегаполиса, безмолвные, яростно кишащие сотнями ящеров, и я случайно прошел через секунду без времени. Там, в глухом и полом месте, мне представилось, что я окружен и сдавлен миллионами тел, затиснутых между стен, грязных, грозных, вопящих от ужаса, — вот она, древняя, мертвая предыдущая раса.

Я отогнал видение щелчком кнута. Солнце

вгрызалось в пески.

Два ящера задрались, и я пощекотал им бока. Им это сильно не понравилось, они попытались цапнуть зубами кнут, но оба промахнулись. Я вдохнул больше, чем мог осилить, но, когда они почесали дальше, понял, что улыбаюсь. В одиночестве мы загоняли день, и ужас мешался с ублаготворением.

Выскользнули из ночных вод Адриатики, теперь изогнутым проливом идем в Пирей. На горизонте слева и справа в небо вгрызаются чудовищной красоты горы. Пароход не тревожит сонного утра. Из динамиков негромко звучит французский, английский и греческий поп. Солнце серебрит омытую из шлангов палубу, горит на верхней каемке дымовой трубы. Я взял палубный билет, но вчера ночью, осмелев, решительно зашел в какую-то каюту, лег и проспал как младенец. Теперь утро, и я опять на палубе, думаю о том, как скажется Греция на ПЭ. Главная тема книги – миф. Эта музыка так подходит миру, в котором я дрейфую. Я и раньше замечал, как она вливается в замкнутую на себе жизнь Нью-Йорка, но ее рваные гармонии

еще более созвучны остальным частям света. Как мне поместить Лоби в центр лучистого хаоса, что движет этими звуками? Вчера допоздна пил с греческими матросами. На хромом итальянском и еще более хромом греческом говорили о мифах. Таики узнал об Орфее не в школе и не из книг, а от своей тетки в Элевсисе. А мне куда отправиться, чтобы узнать о нем? Матросы моего возраста хотели слушать на транзисторе англо-французский поп, те, кто постарше, – греческие народные.

– Народные! – воскликнул Демо. – В них мужчины всегда хотят поскорей умереть, потому что любовь обошлась с ними жестоко.

– Кроме Орфея, – отвечал Таики, и в голосе была загадка пополам с безуминкой. Хотелось ли жить Орфею, когда он во второй раз потерял Эвридику? Перед ним был очень современный выбор, и он решил обернуться. Как бы выразилась в музыке суть этого выбора?

Дневник автора. Коринфский канал, ноябрь 1965 г.

Я гоню драконов,
Как гнали встарь.
А хозяин драконам —
Драконий господарь.

Эту песенку молча пел Одноглаз, когда мы спешивались. В первый раз в жизни я вместе с мелодией услышал слова. Я уставился на него, но он расседлывал ящера.

Небо было из синего стекла, и только на западе облака замазали его грязно-желтым. Драконы бросали на песок длинные тени. В грубо сложенном очаге светились угли. Нетопырь уже что-то кашеварил.

— Прибыли, — сказал Паук. — Перекресток Макклеллан и Мейн-стрит.

— Как ты понял? — спросил я.

— Бывал уж тут.

— А, точно…

До драконов в целом дошло, что остановка капитальная. Многие легли.

Скакун (в самом начале я его ругнул непечатным словцом, и за день оно прилипло, поэтому далее будем называть его Скакун), так вот, Скакун ласково потерся мне мордой о шею, отчего я чуть не слетел с ног. Потом он ткнулся подбородком

в песок, подогнул передние лапы, а заднюю половину громыхнул вниз как придется. Так это делают драконы. Садятся, в смысле.

Я прошел шагов десять и подумал, что они последние в моей жизни. Обернул кнут вокруг пояса, подобрался поближе к еде, стараясь ни на кого не наступить, и сел. На ногах усталые мышцы — как мехи с водой.

Провизия и прочее были сложены кучей в стороне. Паук лег на нее и свесил руку. Я смотрел на его руку поверх огня: просто потому, что оказалась перед глазами. И я кое-что узнал о Пауке.

К узловатому запястью была подвешена крупная кисть. Между большим и указательным кожа зароговела и потрескалась, в морщинках костяшек — грязь, размокшая от пота. Сплошная мозоль на ладони, у основания коротких пальцев, — это всё драконьи дела. А вот мозоль на среднем, у первой костяшки сбоку, — это от писания. У Ла Уники такая же. Третье (рука была одна из левых): на кончиках всех пальцев, кроме большого, гладкая, полированная кожа — это от какого-то струнного инструмента: гитары, скрипки, может, виолончели. Я видел такое у тех, с кем вместе играл. Значит, Паук перегоняет драконов. И пишет. И играет музыку…

Постепенно до меня дошло, как тяжело мне дышать.

Я стал думать о деревьях.

На секунду испугался, что Нетопырь даст нам сейчас какую-нибудь мудреную еду: крабов в панцире или артишоки на пару. Склонил голову на плечо Одноглазу и уснул. Он, кажется, тоже.

Проснулся я, когда Нетопырь снял с котла крышку. Запах разжал мне рот, просунулся в глотку, цапнул желудок и крутанул. Я даже не понял, больно это или приятно. Так и сидел: челюсти ходят, горло саднит. Потом меня скрючило, и я вцепился в песок.

Нетопырь большой ложкой накладывал в миски похлебку, иногда останавливаясь, чтобы откинуть волосы, лезшие в глаза. Я задумался о том, сколько волос плавает в этой похлебке. Не из привередства, заметьте. Отвлеченный интерес. Он стал раздавать миски, и я пристроил свою во впадину скрещенных ног. По кругу двинулся дочерна обожженный каравай. Нож отломил себе кусок, и в золотую прореху пышно выглянул белый мякиш. Пришла моя очередь, я с подкрутом потянул корку — тут-то и заговорила нелюдская усталость в руках и плечах. Я чуть не засмеялся. Жрать не могу — засыпаю, спать

не могу — жрать охота. Парадоксец. Еда и сон из разряда удовольствий перешли в разряд обязанностей — такую-то я приискал себе работенку. Я макнул хлеб в похлебку, куснул и затрясся.

Полмиски запихал я в себя таким манером, прежде чем понял, что горячо. Голод, который уже больше голода, — страшная штука.

Одноглаз большим пальцем заправил что-то в рот. Это было единственное, что я заметил с тех пор, как взял в руки миску, и до тех, как Вонючка лопотнул:

— Добавки!

Получив еще похлебки, я сумел-таки призамедлиться и оглядеться. О человеке много можно сказать по тому, как он ест. Помню ужин, который приготовила Нативия… Да, в те времена еда значила совсем другое. Когда это было? День, два назад?

— Эй вы, полегче! — буркнул Нетопырь, глядя, как сметают его стряпню. — Еще сладкое будет.

— Где? — спросил Нож, доедавший вторую миску, и протянул из темноты руку за хлебом.

— Сперва еще поднабейтесь, — отвечал Нетопырь, — Будь я проклят, если дам вам вот так, без понятия, заглотать десерт.

Он подался вперед, выхватил у Ножа миску и

наполнил похлебкой. Серые руки сомкнулись вокруг жестяного ободка и втянулись обратно в темноту. Послышалось одержимое жевание.

Паук, молчавший до той поры, обвел всех мигающими серебряными глазами:

— Хороша похлебка, повар.

Нетопырь радостно осклабился.

Паук перегоняет стада драконов, Паук пишет, Паук носит в голове перемноженную саму на себя мелодию Кодая. От Паука лестно получить похвалу.

Я перевел взгляд с Паука на Нетопыря и обратно. Почему я сам не сказал: «Хороша похлебка»? И похлебка ведь хороша, и Нетопырь улыбается, когда так говорят. Но вместо этого я выдал:

— Что на десерт?

(Еще и слова все перекривились от непомерного голода.)

Большой человек Паук, а я, выходит, не очень. Такой голод — страшная штука.

Нетопырь прихватил тряпками глиняную миску и снял с огня:

— Клецки с ежевикой. Нож, подай-ка мне ромовый соус.

Одноглаз задышал быстрей. У меня во рту опять брызнула слюна. Я смотрел — всматривался пря-

мо, — как Нетопырь раскладывает по мискам клецки с ягодной подливой.

— Нож, прочь лапы!

— …попробовать хотел… — Но серая рука убралась. Огонь выхватил из сумерек язык, скользнувший по губе.

Нетопырь протянул миску Ножу.

Пауку подали в последнюю очередь, но на сей раз, ублагостив немного прорву в животах, мы подождали, пока он начнет есть.

— Ночь… песок… драконы, — прохлюпал Вонючка. — Да.

Между прочим, очень точно выразил.

Я уж достал клинок, хотел поиграть, как Паук заговорил:

— Ты давеча спрашивал, кто такой Кид Каюк.

— Да. — Я положил мачете на колени. — Ты о нем что-то знаешь?

Остальные притихли.

— Я ему раз услугу оказал, — задумчиво начал Паук.

— Это в пустыне еще?

Кем же надо быть, чтобы, будучи инаким, оказывать услуги Киду?

— Он тогда только вышел из пустыни и застрял в одном городке.

— Что такое городок?

— Деревню знаешь?

— Знаю, я сам из деревни.

— И мегаполис видел. — Он обвел рукой пески вокруг. — В общем, деревня растет, растет и становится городком. Потом городок вырастает в город, а город в мегаполис. Но то был городок-призрак. Это значит, он из очень давних времен, когда тут еще жили прежние люди. Он еще при них перестал расти. А потом дома развалились, трубы прогнили, ветер гоняет мертвые листья по улицам, кружит их у обломков фонарей. В таких городках есть заброшенная электростанция, универмаги, крысы, змеи… А еще самые гнусные и грязные выродки дюжины видов. Их натура настолько зла, что не может произвести нормальный мозг. Имей они мозги, они были бы гениями порока, разлагали бы целые миры и жили в бешеной роскоши. А так — копошатся в грязи мертвого городишки. Таких тварей у вас бы и в Клетку побрезговали посадить.

— И что ты за услугу ему оказал?

— Убил его отца.

Я нахмурился.

Паук поковырял в зубах:

— Папаша Кида был мерзостный трехглазый

червь весом в полторы тонны. Убил сорок шесть человек — и это по меньшей мере. Меня пытался убить трижды: ядом, гаечным ключом и гранатой. Каждый раз промахивался и убивал кого-то другого. Он, правда, наплодил пару дюжин потомства, но гораздо больше народу отправил на тот свет. В хорошую минуту он отдал мне одну из своих дочерей. Собственноручно забил и освежевал. В городках со свежатиной туго. Он просто не ждал, что один из отпрысков, брошенных им и рассованных по Клеткам за тысячи миль, доберется до него из пустыни. Не ждал, что тот окажется преступным гением, психопатом и вообще существом иного порядка. Мы с Кидом повстречались в городке, где его папаша жил, как царь навозной кучи. Киду тогда было лет десять. Эту подробность я хорошо запомнил.

Я сидел в баре и слушал, как тамошний сброд старается друг друга перехвастать. В углу двое боролись на руках: кто проиграет, пойдет на ужин. И тут заходит этот тощий рыжий мальчишка и садится на кучу тряпок. Он редко подымал глаза, так что они все время были как за тонким золотым покровом. Кожа у него была белее мыла. Он смотрел, как борются, слушал треп и нарисовал в пыли какой-то узор большим пальцем ноги.

Когда хвастали скучно, он чесал локоть и строил рожи. Когда завирались как следует, он замирал, опускал голову и сцеплял пальцы. Так слушают слепые. Когда байки кончились, он встал и вышел. Кто-то прошептал:

«Это был Кид Каюк!»

И все притихли. О нем и тогда уже шла слава.

Одноглаз чуть придвинулся ко мне. На Мегаполис спускался холодок.

— Потом и я пошел прогуляться, — продолжал Паук. — И встретил Кида. Он плавал в озере в городском парке.

«Эй, Паук-человек!»

Я подошел к краю озера и присел на корточки.

«Здравствуй, Кид».

«Паук, убей моего папашу».

Он ухватил меня за щиколотку. Я попытался освободиться. Кид медленно откинулся назад и, когда лицо ушло под воду, выдохнул пузырьками:

«Сделай мне маленькое одолжение, Паучок. Убей».

К его левой руке пристал листик.

«Как скажешь, Кид…»

Он встал. Мокрые волосы прилипли к лицу, сам тощий, белый и мокрый.

«Вот, говорю тебе: убей».

«Можно спросить почему?» Я отвел ему волосы ото лба. Хотел убедиться, что он настоящий: холодные пальцы на моей щиколотке, мокрые пряди под моими пальцами.

Он улыбнулся, хитрый, как труп:

«Можно».

Съеженные губы и соски, съеженная кожа вокруг когтей.

«В этом мире осталась жуткая прорва ненависти, Паук-человек. И чем ты сильней, тем больше чувствуешь память, что засела в этих горах, в этих реках, в морях и джунглях. А я силён! О, мы не люди, Паук! Жизнь, смерть, реальное, ирреальное — у нас они другие, чем у бедной расы, отказавшей нам этот мир в наследство. Детям говорят — даже мне говорили, — что, пока предки наших предков не пришли сюда, нас не заботила любовь, жизнь, материя, движение. Но мы здесь, и мы должны прожить прошлое, чтобы покончить с настоящим. Прожить, пропустить через себя все человечество. Тогда у нас будет свое будущее. Прошлое меня пугает. Поэтому я должен его убить — ты должен убить его за меня».

«Ты так связан их прошлым?»

Он кивнул:

«Развяжи меня, Паук».

«А если нет?»

Он пожал плечами:

«Если нет, убью тебя и всех остальных. — Он вздохнул. — На дне морском так тихо, Паук… так тихо. — Шепотом: — Убей его».

«Где он?»

«Он култыхает по улице, а мошки в лунном свете окружили его голову кольцом. Вот поскользнулся на струйке воды, что бежит из-под церковного колодца и вниз вдоль сточной канавы. Остановился, пыхтит, привалился к замшелой стене».

«Все, убит. — Я открыл глаза. — Я расшатал бетонную плиту наверху, она съехала…»

«Ну, бывай. — Кид с ухмылкой оттолкнулся от берега. — Спасибо. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь, Паук».

«Может быть».

Он канул в серебристую тину. Я вернулся в бар. Там жарили ужин.

Паук закончил. Помолчав, я спросил его:

— Ты, похоже, долго прожил в том городке?

— Дольше, чем готов признать. Если это можно назвать жизнью. — Он сел прямо и оглядел сидевших у костра: — Лоби, Одноглаз, ваш — первый

дозор. Через три часа поднимете Ножа и Вонючку. Потом мы с Нетопырем.

Рядом зашевелился и встал Одноглаз. Встал и я, а остальные принялись устраиваться на ночлег. Скакун дремал. В небе стояла луна. По горбатым спинам ящеров перебегали призрачные огоньки. Я оседлал Скакуна, и мы с Одноглазом начали объезжать стадо. Я похлопывал себя кнутовищем по лодыжке.

— Как они тебе на вид?

Я не ждал ответа, но Одноглаз потер живот грязной рукой.

— Голодные? Ну да, песок же кругом.

Я смотрел, как он, худой, грязный и юный, раскачивается за чешуйчатым горбом.

— Откуда ты?

Он коротко улыбнулся:

У милой матушки я один.
Ни отца, ни братьев – единый сын.

Я удивленно глянул на него.

В Брэннинге-у-моря ждет она меня,
Ждет-поджидает матушка моя.

— Ты из Брэннинга-у-моря?

Он кивнул.

— Значит, домой возвращаешься?

Кивок.

Потом ехали молча, потом я все же заиграл усталыми пальцами. Одноглаз подпевал, и мы кружили под луной вокруг стада.

Оказалось, что его мать — знатная дама, в родстве со многими важными людьми. Его на год услали пасти драконов с Пауком. Теперь год кончается, он прошел испытание трудом и странствиями, можно домой. Стройный паренек с огромной копной волос, так легко управлявший стадом, — в нем много было такого, чего я не понимал.

— Я? — (В последнем свете луны его зеленый глаз задал мне вопрос.)

— У меня не будет времени на красоты Брэннинга, хоть ты его здорово описал. По пути посмотрю с удовольствием, но мне надо дальше идти, у меня дело есть.

Беззвучный вопрос.

— Я должен найти Кида, вернуть Фризу и остановить то, что убивает инаких. То есть, видимо, самого Кида остановить.

Он кивнул.

— Что ты киваешь? Ты же не знаешь, кто такая Фриза.

Он как-то чудно́ наклонил голову набок и посмотрел поверх стада.

Я инакий: когда пою,

Внутри ты слышишь песню мою.

Я кивнул и подумал про Кида.

— Ненавижу его. А нужно еще сильней научиться ненавидеть, чтобы найти его и убить.

Смерти нет, есть только любовь.

Это прилетело как-то избоку. Я переспросил, но Одноглаз не повторил, и от этого я крепче задумался о его словах. На лице, перемазанном за день работы, его единственный глаз смотрел печально. На горизонте толстая луна заволоклась облаками. Пряди теней от его спутанных волос расползлись по всему лицу. Он моргнул. Отвернулся. Мы закончили последний объезд, пригнали назад двух отбившихся ящеров. Снова явилась луна и была как полированный круглый сустав, вдавленный в небо. Мы разбудили Ножа и Вонючку, они поднялись и пошли к своим драконам.

Единственный цвет во мраке был от углей. Одноглаз присел над ними, чтобы разглядеть огненный узор, змеящийся в золе, и на секун-

ду его лицо осветилось. Потом он растянулся у кострища.

Я спал хорошо, но перед рассветом меня разбудило какое-то движение. Луна уже зашла, песок побледнел от звездного света. Угли умерли. Один дракон прошипел, двое простонали. Нож с Вонючкой возвращались из дозора, Паук и Нетопырь подымались.

Я незаметно отчалил в сон и проснулся опять, когда на темные восточные дюны кто-то первый раз плеснул голубым. К кострищу подходил дракон Нетопыря, за ним топал Пауков зверь. Я приподнялся на локтях.

— Спать не даю? — спросил Паук.

— В смысле?

— Я опять прокручивал в голове Кодая.

— А, это… — Я слышал, как мелодия веет над прохладным песком. — Нет.

Я встал. Паук и Нетопырь уже отъезжали.

— Погоди, я с тобой. Мне нужно тебя спросить. Я так и так скоро проснулся бы.

Паук ждать не стал, но я вскочил на своего ящера и догнал его. Он тихо рассмеялся, когда мы поравнялись:

— Вот погоди, через пару дней каждую минутку сна будешь ценить.

— У меня так все ноет, что особо не поспишь, — сказал я, хотя драконья тряска начала уже разрабатывать задубевшего меня; это ночной холодок так зажимает суставы.

— О чем хотел спросить?

— О Киде.

— И что именно?

— Ты говоришь, что знал его. Где его искать?

Молчание. Мой Скакун успел поскользнуться и выровняться, пока Паук собрался ответить:

— Даже если бы я мог сказать, даже если бы тебе был от этого толк — мне-то это зачем? Кид тебя разделает вот как. — Он щелкнул кнутом по песку; полетели песчинки. — И потом, ему вряд ли придется по вкусу, если я стану наводить на него каждого, кто хочет его убить.

— Если он такой сильный, как ты говоришь, какая ему разница? — Я провел большим пальцем по мундштуку в рукояти мачете.

Паук пожал частью плечей:

— Может, разницы и нет. Но, как я уж говорил, Кид мой друг.

— Друг твой тебя на аркане водит, что ли?

Трудно зарезать собеседника тупой поговоркой, но я хоть попытался.

— Вроде того.

Я щелкнул кнутом на дракона, решившего прогуляться. Он зевнул, потряс гривой и лег обратно.

— Даже я, похоже, у него на аркане. Он сказал, я буду его искать, пока не узнаю всего. А как узнаю — попытаюсь убежать.

— Он с тобой в игры играет, — сказал Паук, и я заметил, что улыбка у него колючая.

— Он всех нас вместе связал.

— Вроде того.

— Вроде, да не совсем.

— Ну, — отвечал Паук, глядя куда-то в сторону, — есть некоторые, кто ему не по зубам. Отец его был такой. Потому я Киду и понадобился.

— Кто еще?

— Одноглаз. Мать Одноглаза.

— Одноглаз?

Это был не переспрос, а вопрос, но Паук то ли не расслышал, то ли не пожелал ответить.

Тогда я спросил про другое:

— Зачем Одноглаз ушел из Брэннинга? Он прошлой ночью объяснял немного, но я недопонял.

— У него нет отца. — Тут Паук готов был отвечать.

— Так отца же можно по анализу установить. У нас странствующие доктора легко это делают.

— Я не сказал, что отец неизвестен. Я сказал, что его нет.

Я не понял и нахмурился.

— Как у тебя с генетикой? — спросил Паук.

— Доминанты по схеме рассчитаю.

Даже в самых дальних деревеньках большинство шарит в генетике, хотя далеко не все умеют считать. При здешней радиации человеческая хромосомная система так сбоит, что генетика — вопрос выживания. Я часто думал, почему мы не изобрели способ размножения, больше подходящий к нашему, как бы это сказать, половому растроению. Ленивые мы все, вот почему.

— Ну и дальше-то что, Паук?

— У Одноглаза не было отца.

— Партеногенез, девственное размножение? Невозможно. Мужская игрек-хромосома есть только у мужчин. Женщины и андрогины несут одни женские хромосомы. Тогда он родился бы девочкой-гаплоидом: имел бы одинарный набор хромосом и был бы бесплоден. А он явно не девочка. — Я на секунду задумался. — Конечно, будь он птицей, тогда другое дело: там за пол потомства отвечает самка… — Я посмотрел на стадо. — Или вот ящером, например…

— Но он не ящер, — сказал Паук.

С этим я был согласен.

— Удивительное дело…

Я оглянулся к кострищу, у которого спал удивительный юноша.

Паук кивнул:

— Когда он родился, со всех сторон съехались мудрецы, чтобы на него взглянуть. Набор хромосом у него одинарный, но он вполне способен к продолжению рода и вполне мужчина, хотя непростая жизнь и воспитала в нем воздержанный темперамент.

— Жаль.

— Жаль. Если бы он примкнул к оргиям Весеннего солнцестояния или сделал уступку в праздник Осенней жатвы, многих бед можно было бы избежать.

— Откуда это известно, что он не примыкает? У вас в Брэннинге оргии разве не в новолуние бывают?

Паук рассмеялся:

— Да, но они превратились в довольно формальную процедуру. Оплодотворение происходит искусственно. Торжественная передача семени — всегда большое событие, особенно если мужчина из влиятельной семьи.

— Как-то это без души.

— Да. Зато действенно. Когда в городе больше миллиона человек, нельзя, как у вас в деревне, выключить свет, чтобы люди бегали по улицам. Пробовали пару раз, когда Брэннинг был много меньше, но и тогда…

— Больше миллиона? В Брэннинге-у-моря?

— По последней переписи, три миллиона шестьсот пятьдесят тысяч.

Я присвистнул:

— Немало.

— Так много, что ты и представить себе не можешь.

Я оглядел драконье стадо: всего-то пара сотен.

— И кому охота участвовать в оргии искусственного осеменения?

— В больших сообществах это необходимо. Пока генофонд не стабилизируется, гены нужно смешивать, смешивать и смешивать. Но мы всё больше сбиваемся в семьи, особенно в больших городах. А как сделать, чтобы каждая пара имела только по одному общему ребенку? В какой-нибудь захолустной деревушке ночь разгула — и все снова перемешалось. В Брэннинге приходится действовать математически. И сейчас уже есть семьи, которые спят и видят завести второго общего ребенка. И вот, Одноглаз живет в Брэн-

нинге, никого не трогает, но по временам говорит большим людям очень опасные вещи. Он не по зубам даже Киду, он из уважаемой семьи, но он избегает наших ритуалов, — отношение к нему, мягко сказать, непростое. Считается, что он такой из-за партеногенеза.

— Ну, на партеногенез даже у нас смотрят косо. У Одноглаза набор генов одинаковый с его матерью. Куда это годится? Если все так начнут, мы скоро вернемся в Великий Рок и Великий Ролл.

— Ты говоришь сейчас, как надутые идиоты в Брэннинге.

— То есть? Как учили, так и говорю…

— А ты думай больше. Каждый раз, что ты это повторяешь, Одноглаз на шаг ближе к смерти.

— Как это?

— Одноглаза уже пытались убить. Потому его и отослали из Брэннинга.

— Но… Зачем же он тогда возвращается?

— Он так решил. — Паук пожал плечами. — Насильно не остановишь.

— Гм. По твоим рассказам, Паук, Брэннинг выходит так себе местечко. Толпа народу, и половина сумасшедшие, даже оргию устроить не могут. — Я взял клинок: — Нет у меня времени на всю эту дурь.

Музыка Паука тосковала, и я принялся выдувать легкие пересвисты.

— Лоби…

Я обернулся.

— Начинаются нехорошие дела. У предыдущей расы это уже было. Многие из нас беспокоятся. Сохранились легенды, как это началось и чем закончилось. Это может быть очень серьезно, мы все можем попасть под удар.

— Меня воротит уже от их легенд! Мы не они. Мы новые. У нас всё снова́: этот мир и эта жизнь. Я знаю про Ло Орфея и Ло Ринго. Я должен найти Фризу. Больше ни про кого знать не хочу.

— Лоби…

— Ни про кого. — Я высвистнул резкую ноту. — Буди пастухов, Паук. Пора тебе гнать ящеров.

Я подхлестнул Скакуна. Паук больше не звал меня.

Солнце еще не вошло в зенит, а острый край Мегаполиса уже рассек горизонт. Я орудовал кнутом на спадающей жаре и в такт щелчкам перегонял в голове последние слова Одноглаза. Если смерти нет, как мне обрести Фризу? Если любовь явственна, мудра и смела, достаточно одной любви. Ла Уника поправила бы (драконы валко гребут по песку, дорываясь до лесистых

холмов): «нет смерти, есть только ритм». Когда пески за спиной покраснели, а драконы почуяли под лапами твердое и ускорились, я взял мачете и заиграл. Мегаполис остался позади.

Драконы скачками неслись по дроковым кустам. Меж холмов вился ручей, и зверюги останавливались бултыхнуть в него морду, скребли задними лапами берег, из-под травы и песка обнажая черную землю. Волночки плескались им в колени, а они драли с корнем зеленую водяную чуму и мутили воду. На ветке покачивалась муха, приглаживала сплюснутую призму крыла (с мою ступню крылышко) и думала линейную, членистоногую музыку. Я сыграл мухе ее мелодию. Муха повернула ко мне красный шар глаза и прошептала удивленную похвалу. Драконы закидывали голову и бурлили водой в глотках. Смерти нет. Есть только музыка.

Свет алой молнии на миг
Кольцом чело его объял.
Дым в грудь несчастного проник.
От боли рыцарь застонал,
Взбурлила кровь в огне, и он

Был в груду пепла обращен.

Томас Чаттертон. Английские метаморфозы

«Вот причудливая прихоть! – сказал Дюрсе. – Кюрваль, вы поняли, в чем тут соль?» – «Разумеется, – отвечал Председатель. – Тот господин, желая свыкнуться с идеей смерти, не нашел другого способа, как связать ее с идеями либертинов». Подали ужин. За ним, как обычно, последовала оргия, после чего все разошлись по постелям[33].

Маркиз де Сад. 120 дней Содома

В каждом пузырьке – безупречное око воды.

Сэмюел Гринберг. Стеклянные пузырьки

Потом нас замедлили разломные земли. «Вот они», — сказал Паук одним слоистым сланцевым вечером. Остановил дракона, бросил камешек, и камешек заойкал по наклонной стенке разлома. Любопытные ящеры выгибали шеи, разглядывали граниты, провалы, отвесы в жилах породы.

---

[33] Примечания: 33
В данной цитате автором выпущен большой отрывок текста.

Тучи притушили солнце, меж камней растекался горячий туман. Я по очереди напрягал мышцы, выдавливая из них боль. Впрочем (на удивление), ее оставалось немного. Наш путь плутал среди небывалых и голых глыб.

Драконы здесь бежали вполовину медленней.

Паук сказал, что до Брэннинга-у-моря осталось километров сорок. Ветер горячил нам лица. В камне змеились стеклянные вены. Пятеро ящеров сцепились на сланцевом склоне. Среди них была самка с опухолью. Мы с Одноглазом двинулись к ним с двух сторон. Паук был чем-то занят в голове стада, а драчка завязалась в хвосте. Потом драчунов что-то испугало, и они грузно затопали вверх по склону. Нам не пришло в голову, что это неспроста: дурное должен был отвести Паук, как отводила Фриза. (О, Фриза моя, я дойду до тебя сквозь отзвуки плакальщиц-скал и деревьев, поющих славу!) Мы поехали вслед за ящерами.

Зверюги петляли среди камней. Я заорал, мы защелкали на них кнутами, но догнать не смогли. Мы надеялись, что они скоро опять сцепятся. На минуту мы потеряли их из виду, а потом услышали шипение за камнями, где-то внизу.

По небу размазались тучи, нашу тропу налощил сырой туман. Скакун поскользнулся.

Я вылетел из седла и ударился оземь, рассадив бедро и плечо. Клинок зазвенел по камням прочь. Кнут, зло присвистнув, захлестнул мне горло. На секунду я подумал, что задохнусь. Потом оказалось, что я куда-то качусь, и я замолотил руками и ногами, пытаясь остановиться. Потом перекатился через какой-то край. Вцепился всем сразу. С размаху грудью и животом ударился в камень. Дух вылетел из груди и долго не возвращался. Вернулся — ревом продрал вхолостую глотающую глотку, колесом заходил в разбитой груди. Ребра зашиб? Это ерунда, просто боль. А вот опять вдох — рев — заволокло глаза.

Левой рукой я цеплялся за камень, правой за лиану. Левая ступня еле держалась за корни какого-то деревца. Правая нога висела в пустоте. И я почему-то нутром чуял, что пустоты там порядочно.

Я потерся лицом о плечо, вытер слезы и глянул наверх.

Надо мной — край тропы.

Над ним — злое небо.

Что за звук? Ветер запутался где-то в кустах дрока. Музыки нет.

Как раз, как я поднял голову, закапал дождь. Бывает, случится с человеком большая беда, а

после, вдогонку, еще какая-то мелочь, может, даже приятная. И человек заплачет. Вот дождь этот капал на меня, а я висел и плакал.

— Лоби.

Я снова поднял голову.

В паре метров от меня, справа, на плоском каменном выступе на коленях примостился Кид Каюк.

— Кид…

— Слушай, Лоби, — он мотнул головой, откинул со лба мокрые волосы, — по моим подсчетам, ты провисишь так двадцать семь минут, ослабнешь и упадешь. Я подожду двадцать шесть, а потом начну тебя спасать. Идет?

Я закашлялся.

Вблизи ему было лет шестнадцать-семнадцать. А может, и все двадцать: бывают такие, с детскими личиками. На запястьях, на шее и под мышками кожа в мелких морщинах.

Дождь сеялся мне в глаза, ладони горели, все, за что я держался, делалось скользким.

— Попадались тебе где-нибудь хорошие вестерны? — Кид сам спросил и сам покачал головой. — Жаль. Вестерны — лучшая вещь на свете.

Он вытер нос рукой и шмыгнул. Нагнулся ко мне, от его плеч отплясывали дождинки.

— Что такое вестерн? — спросил я; грудь до сих пор саднило. — И ты правда, — я снова кашлянул, — правда собрался дать мне тут провисеть двадцать шесть минут?

— Была такая форма искусства у Старой Расы. У людей… И да, собрался. Истязание — тоже форма искусства. Я хочу тебя спасти в последнюю минуту. А пока мы ждем, посмотри-ка…

Он указал туда, откуда я упал.

Я глянул, и сверху глянула Фриза.

Я перестал дышать. В груди рвануло, дождь жег мне глаза. Темное лицо, тонкие мокрые плечи, и вот она отворачивается и ловит ртом воду (там, где я вжался животом, осыпаются мелкие камешки, кнут обвивает мне шею и стукает кнутовищем по бедру). Снова глядит сюда, и я вижу (слышу?) дивящуюся радость возвращенной жизни, легкую оторопь: откуда дождь, скалы-калеки, тучи? В ее глазах пульсом бьется торжество. Вот по-настоящему увидела меня (что я услышал? испуг?), не думая, протянула руку. Будь у нее речь, позвала бы.

— Фриза!

Ты и я знаем, что́ я крикнул. Но никто другой не узнал бы имени в резком хрипе, вытолкнутом моими легкими.

И все это — пойми — в один тот миг, что открываешь глаза под дождем, слизываешь капельку с губы, смотришь и понимаешь, что тот, кого любишь, сейчас умрет, и он пытается выкрикнуть твое имя. Так было с Фризой на обломанном краю тропы.

А я все кричал.

А Кид хихикал, примостившись между нами.

Фриза огляделась, ища, как ко мне спуститься. Поднялась, исчезла, появилась снова и принялась нагибать через край молодое деревцо.

— Фриза, стой!

Но она уже спускается, держась за ствол, и из-под ног у нее стреляют камешки и комья земли. Потом, повиснув на самом кончике, темной линией выгнув тело на фоне скалы, она схватила кнутовище — не рукой и не ногой, а так, как тогда с камешком, как Паук в том городишке сдвинул бетонную плиту. Схватила, потянула, подняла, напрягшись так, что бока заблестели от дождя. Обвязала деревце у первой развилки. Полезла обратно: рука вцепляется в ствол, рывком подтягивается, отпускает, мгновение пустоты, вцепляется выше, рывок, пустота, рывок, — так рывками до края обрыва. Я смотрел и думал одно и то же: очнулась от долгой смерти, секунду радо-

валась и вот, спасает жизнь, погибавшую внизу. Она хотела вытащить меня. Чтобы я, держась за кнут, долез до дерева, а по дереву до края обрыва. Я шалел от боли, любил ее, цеплялся и не падал.

Кид Каюк все хихикал, а потом ткнул пальцем туда, где деревцо перегнулось через край, и шепнул:

— Сломись!

И оно сломилось.

Фриза мгновенно оттолкнула обломок и полетела вниз. Цеплялась за камни. Ухватила кожаный язык кнута, обвивший мне шею, и тут же отпустила.

Потому что знала отлично: если не отпустит, я слечу со скалы.

— Бе-е-е! — по-козьи проблеял Кид и снова захихикал.

Я ударил кулаком в сланец. *Фриза!* Тут и тебе было бы не понять, что я такое провыл.

Ее музыка вытекла вместе с мозгом из головы, разбитой о каменное дно каньона.

Камни. Скалы. Я хотел стать камнем, к которому лепился. Скалой. Если б меня не так сильно ударила ее двойная смерть, я бы сорвался. Если б она умерла как угодно иначе, только не спасая меня, я бы умер с ней. Но нельзя было теперь,

чтобы она умерла зазря.

Мое сердце барабанило: рок-рок-рок, перекатывалось по ребрам: ролл-ролл-ролл. А я, оцепенев, висел на обрыве, и время никуда не шло.

— Ну все, давай пять.

Что-то сжало мне запястье и дернуло вверх. Крепко. Боль заколотилась гонгом в плечах, так что я чуть не оглох. Потом меня проволокло по гравию. Я мигал глазами и отдыхивался. Каким-то образом Кид Каюк втащил меня к себе на выступ.

— Вот, жизнь тебе спас, — сказал Кид. — Небось, рад теперь нашему знакомству?

Я затрясся и подумал, что сейчас отключусь.

— А ты как раз нацелился заорать: «Ты убил ее!» Да? Убил во второй раз — вот что важно. А может, и в третий придется, если до тебя не дойдет…

Я рванулся через край и упал бы, но Кид поймал меня сильной мокрой рукой, а второй рукой ударил по щеке. Оказывается, дождь уже перестал.

…Может, он и не только ударил.

Кид отвернулся и полез наверх. Я тоже.

Карабкался, вырывая комья земли. Это хорошо, что я ногти до мяса сгрызаю, а то вообще бы их лишился на том подъеме. Где Кид подымался скачками, я полз.

Бывает, все, что делаешь, направлено на одну цель. Движешься / дышишь / останавливаешься отдохнуть / опять движешься с одной мыслью в голове. Вот так я и полз — в основном на животе. В основном затаив дыхание. Не очень понимая куда. Прояснилось, только когда впереди замаячили двое: один рыжий, с влажной белой кожей, другой — черная солома на голове — чумазый Одноглаз.

Оказалось, что я лежу на камнях и перевожу дух. От усталости и напряжения я был в каком-то тумане.

Кид положил руку на плечо Одноглазу. Они стояли на краю обрыва, и небо перед ними бешено кипело тучами.

— Послушай, ковбой, — говорил Кид, — нам с тобой надо бы договориться. Или, по-твоему, я забрался в эту даль, только чтоб угнать пяток драконов у моего друга Паука? Это тоже неплохо — пусть знает, что я еще в седле. Но ты, Одноглаз, ты… Нам с тобой нужно держаться вместе. Гаплоид! Одинарный набор хромосом — и ни единой возможности тебя достать! Я ужасно хочу такого, как ты. Ты нужен мне, Одноглаз.

Грязный пастух вывернул плечо из-под влажных пальцев.

— Взгляни. — Кид указал пальцем в бешеное небо.

Как раньше лицо Кида на мерцающем экране в Исходной пещере, я увидел теперь в кипении облаков равнину, охваченную проволочной изгородью (Клетка?). Внутри подымалась какая-то длинная игла, вся обросшая опорами и тросами. Какого она размера, я понял, когда разглядел, что каменные блоки у изгороди — это дома, а точки, мельтешащие возле, — люди.

— Это Межзвездный зонд, — сказал Кид. — Еще чуть-чуть, и они откроют способ, которым люди перемещались с планеты на планету и со звезды на звезду. Уж десять лет они роются в обломках, пробуют на зуб старые теории, лижут детали и проводки. Зонд почти готов.

Кид махнул рукой, и вместо равнины побежали волны без конца: океан. Показалась дрейфующая станция на металлических понтонах, засновали катера. Краны сбросили в воду какой-то металлический ящик.

— Глубиномер. Скоро не только мечты наши будут скользить по океанскому илу. Мы спустим к источнику жизни наши нынешние тела, как когда-то спускались люди.

Снова взмах руки, и мы увидели в толще земли

кольчатых червей, управляемых женщинами в шлемах.

— Буры. В эту минуту в месте под названием Чили бурят подземные ходы.

Последний взмах. Мириады людей за работой. Одни попросту мелют зерно, у других в руках блестящие, многосложные, удивительные инструменты.

— Вот они, труды и подвиги всех мужчин, женщин и андрогинов планеты, сохраняющих мудрость прежней расы. Все богатства, созданные ими, я могу отдать тебе.

Зеленый глаз Одноглаза расширился.

— Это я тебе обещаю. И ты знаешь, что сделаю, как обещал. Только будь со мной, Одноглаз.

Белая ладонь успела снова лечь на плечо пастуха, и он снова вывернулся из-под нее.

— В чем твоя сила? Что ты можешь со своей инакостью? Докричаться до глухого? Поболтать с покойником? Вправить мозги какому-нибудь идиоту?

До меня вдруг дошло, что Кид зол в полный серьез и ему обязательно надо, чтобы Одноглаз согласился.

Одноглаз пошел прочь.

— Эй, Одноглаз! — проревел Кид, да так, что жи-

вот у него втянулся и сжались когтистые кулаки.

Одноглаз оглянулся.

— Видишь камень? — Кид махнул в сторону валуна на краю обрыва. — Преврати его во что-нибудь съедобное.

Одноглаз грязным пальцем потер за ухом.

— Двадцать семь дней ты на этом перегоне. А в Брэннинге не был без малого год. Преврати это бревно в ложе вроде того, что было у тебя во дворце твоей матери. В Брэннинге ты был царевич, а теперь от тебя разит драконьим дерьмом. Вон лужа — преврати ее в ванну из оникса, и пусть теплоту воды определяет рычаг, на конце украшенный бронзовой крысиной головкой. У тебя на руках мозоли, а ноги уже гнутые от езды на ящеровом горбу. Где девы, что плясали для тебя на яшмовых плитах открытой террасы? Где юноши, что по вечерам услаждали твой слух музыкой? Преврати эту голую вершину в место, достойное тебя…

Кажется, в ту секунду Одноглаз глянул вверх и увидел меня. Он сразу же двинулся ко мне, только поднял клинок, лежавший у подножия скалы. Одним прыжком оказался рядом.

Кид бесновался на своем обрыве. Его трясло, он стиснул зубы и вжал кулаки в пах. Вдруг развер-

нулся и что-то прокричал…

Гром.

Я дернулся назад. Одноглаз будто и не заметил. Он помогал мне сесть. На обрыве Кид Каюк потрясал руками. По тучам, слепя, побежали молнии. Листва из черной выцвела в бледно-лиловую. Одноглаз даже не моргнул. Снова гром, потом кто-то стал сверху окатывать нас ведрами воды.

Одноглаз помогал мне спускаться по склону. Дорожная грязь у него на плече размокла и казалась глиной. Во мне что-то было не так. Что-то гасло во мне, одно за одним. Дождь был холодный, я дрожал, и казалось, что лучше не продолжать.

Одноглаз тряс меня за плечо. Я открыл глаза навстречу воде с неба и первым делом потянулся за мачете. Одноглаз держал его так, что мне не дотянуться, и смотрел зло.

— А?.. Что?..

Пальцы покалывало.

— Что со мной?..

Дождь жалил мне уши, глаза.

— Что со мной было? Я отключился?

Одноглаз плакал, оскалив в гримасе белые зубы. Дождь прочертил дорожки по его грязному лицу, склеил волосы, и они повисли вдоль щек. Он все тряс меня за плечо, горестный, злой и

мокрый насквозь.

Ты умер! Сердитый, непонимающий взгляд. *Дьявол тебя побери, Лоби! Как ты мог умереть?! Ты сдался, решил, что все бесполезно. Дал остановиться сердцу, дал отключиться мозгу. Ты умер, Лоби! Умер!*

— Но сейчас-то я не мертвый?

Сейчас нет. Он потащил меня вперед. *Музыка опять играет. Давай двигайся.*

Я снова потянулся за мачете, и Одноглаз отдал мне его. Рубать мне было некого, просто с клинком лучше на душе. Играть ведь тоже нельзя было: ливень.

Наши скакуны стонали под водяными потоками и радостно мотали усами. Одноглаз помог мне сесть верхом. Со сбруей ли, без сбруи — ехать на мокром драконе все равно что оседлать скользкое землетрясение. Наконец впереди завиднелось стадо, медленно идущее сквозь воду.

Подъехал Паук:

— Ну наконец-то! Я уж думал, вы с концами. Езжайте на ту сторону и отгоняйте их от колючих груш. Налопаются, опьянеют, мы их потом не соберем.

Мы переехали на ту сторону и стали отгонять ящеров от колючих груш. Я все примерял в го-

лове, как рассказать Пауку о том, что случилось. Пережевывал слова и никак не мог дожевать до удобоваримой сути. Потом все показалось мне слишком невероятным, я не выдержал, развернул дракона и наискось припустил к Пауку по размокшему глиняному склону.

— Паук, с нами едет Кид…

Я обознался. Всадник обернулся, и это был не Паук. Я увидел рыжие волосы, прилипшие к белому лбу. Игольчатые челюсти цапнули гром, гремящий из-за гор, и распахнулись в обреченном хохоте. Закинув голову и хохоча, нагой, верхом на ящере, Кид размахивал над головой черной шляпой, украшенной серебром. В кобурах на бедрах молочно светили рукояти двух старинных пистолетов. Его дракон вскинулся на дыбы, мой попятился. Я увидел, что к босым, когтистым ногам Кида ремнями примотаны железные прутики, на конце у которых крутятся хищные зубастые колеса. Эти штуки, похожие на цветы, Кид втыкал в окровавленные бока своего зверя.

Вконец ошалев, я крепко потер глаза. Видение (с синими венками на лоснистых от влаги висках) исчезло. Давясь изумлением, я поехал обратно на свой край стада.

Джин Харлоу? Христос, Орфей, Билли

Кид – про эту трощу все понятно. Но с чего это ты, писатель молодой и черномазый, решил зациклиться на Великой Белой Стерве?

Хотя это, конечно, весьма очевидно.

Грегори Корсо, в личной беседе с автором

Не в том дело, что любовь порой совершает ошибки. Любовь – ошибка по своей сути. Наше воображение наделяет другого человека несуществующими совершенствами. Однажды эта иллюзия рассеется, и любовь умрет.

***Ортега-и-Гассет. О любви*[34]**

От усталости и однообразия пути я онемел изнутри и был как в клетке. Прошел час, пока я заметил, что дождь перестал. Да и вокруг все поменялось.

Скалы кончились. Под драконьими лапами

---

[34] Примечания: 34

Поскольку между русским и английским переводами этой книги есть заметные различия, здесь дан перевод версии, которую читал С. Дилэни. Ср.: «Не в том дело, что в любви свойственно ошибаться, а в том, что по природе своей она сама есть заблуждение. Мы влюбляемся, когда наше воображение наделяет кого-либо не присущими ему достоинствами. Впоследствии дурман рассеивается, а вместе с ним умирает любовь» (Хосе Ортега-и-Гассет. Этюды о любви. Перевод с исп. В. Багно).

хрустели мокрые кусты: вереск, шиповник. Слева от нас, слегка под гору, бежала полоса серой земли. Я спросил Вонючку:

— Мы нарочно едем вдоль этой чудно́й полоски?

Вонючка пролопотал пополам со смехом:

— Что, Лоби, небось, первый раз видишь асфальтовую дорогу?

— Первый. Что это значит — асфальтовая?

Случившийся рядом Нож заржал. Вонючка отъехал за каким-то делом, и больше об этом не говорили. Три или четыре повозки протарахтели по дороге, прежде чем меня осенило. Удобная штука асфальт, ничего не скажешь. Когда показалась следующая повозка, я вспомнил, что надо бы поглазеть. Впрочем, день клонился к вечеру, и я так выдохся, что все чудеса света отскочили бы от моих глазных яблок, не оставив отпечатка.

Большинство повозок тянули четырех- или шестиногие животные, которых я откуда-то смутно помнил. Но что там новые звери, когда они как ягнята рядом с твоими собственными зверушками? А вот от одной повозки я даже вздрогнул.

Она была низкая, из черного металла, а зверя не было вовсе, ни спереди, ни сзади. Она с урчанием пролетела по дороге раз в шесть быстрей, чем

остальные, и исчезла, оставив дымный хвост. Я ее и рассмотреть-то толком не успел. Драконы, и не глядевшие на другие повозки, на эту шипели и прядали в сторону. Паук увидел, что я пялюсь ей вслед:

— Вот, Лоби, одно из многих чудес Брэннинга-у-моря.

Я отвернулся и стал успокаивать взбаламученных драконов.

Когда я снова глянул на дорогу, то увидел картину. Она была нарисована на большом щите у обочины, так что всем проезжающим было видно. С картины смотрела поверх плеча молодая женщина с детской улыбкой и волосами белыми, как хлопок. У нее был маленький подбородок, зеленые глаза, чуть расширенные от какой-то нежданной радости, приоткрытые губы и мелкие, чуть затененные зубки.

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: «1 ХОРОШО? 9 ИЛИ 10 НАМНОГО ЛУЧШЕ!»

Это я прочел по слогам. Неясно. В пределах ора был Нетопырь, и я заорал ему:

— Нетопырь, кто это на картине?

– *Голубка!* — проревел он, откидывая волосы с плеч. — Эй, слышали? Лоби желает знать про Голубку!

Остальные заржали. Вообще, чем ближе к Брэннингу, тем больше они прохаживались на мой счет. Я держался поближе к Одноглазу. Он надо мной не смеялся.

Налетал первый вечерний ветерок, на секунду высушивал мне пот на загривке и пояснице, и они тут же опять взмокали. Я добросовестно пялился на чешую Скакуна, когда Одноглаз остановился и указал вперед. Я поднял взгляд, а верней сказать, опустил: мы только что перевалили холм.

Склон широко и ровно убегал к такой штуке, что, будь до нее метров двадцать, сказали бы: «чудо-игрушка». А раз двадцать километров — то просто «чудо», без прочих слов. Асфальтовые дороги сбегались в бело-металлический сумбур у большой лиловой воды. Кто-то начал строить город, а город отбился от рук и теперь строит себя сам. В нем есть торжественные площади, где, покачиваясь, тянутся вверх кактусы и пальмы. Холмы, где огромные тенистые парки окружают единственный дом. Куча домишек, втиснутых в извивы тощих улиц. А за всем этим — блестящие пристани. От пристаней отходят корабли и развозят по гаваням влажный вечер.

— Вот он, Брэннинг-у-моря, — сказал Паук.

Я мигнул. Солнце вытягивало перед нами наши

тени, грело нам шеи, горело в окнах высоких этажей.

— Большой, — сказал я.

— Погляди-ка вниз, вон туда. — Паук ткнул пальцем, но внизу было слишком много всего, глаза разбегались, и я просто слушал его голос. — Туда мы гоним драконов. Эта сторона города вся живет от драконьих дел. А на береговой стороне ловят рыбу и торгуют с островами.

Вокруг нас собрались остальные. Привыкшие и к богатству, и к убожеству Брэннинга, они все же как-то притихли на подступах к нему.

Навстречу попался еще один щит. В этот раз Голубка была нарисована иначе, она подмигивала мне в сумерках.

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: «10 ХОРОШО, НО 99 ИЛИ 100 МНОГО ЛУЧШЕ!»

Тут над щитом вспыхнул свет. На нас надвинулось трехметровое равнодушное лицо. У меня, наверно, был оторопелый вид, потому что Паук ткнул большим пальцем в сторону щита и объяснил:

— Его всю ночь подсвечивают, чтобы каждый мог прочесть, что говорит Голубка. — И усмехнулся так, словно сказал что-то не очень приличное.

Он принялся сворачивать кнут.

— На ночь станем вон там, на нагорье, а в Брэннинг войдем с рассветом.

Через двадцать минут Нетопырь кашеварил, а мы сгоняли стадо. За океаном небо было черное, над головой синее. Брэннинг светился собственным светом, как горсть блесток, рассыпанных по берегу.

Может, местность тут была не такая убийственная, а может, Паук был спокоен, но драконы как легли, так и не шелохнулись.

Я устроился спать, но сон не шел. Мне с Ножом выпал второй дозор, но, когда Одноглаз тронул меня ногой за плечо, я разом вскочил. Меня трепали тревога и кураж, я ждал будущего. Скоро я расстанусь с погонщиками — куда дальше?

Мы с Ножом объезжали стадо навстречу друг другу. Я ехал и думал вот что: в одиночку остаться в лесу — вполне сносное дело. А застрять среди камня, стекла и пары миллионов людей — это совсем другой поворот. Стадо почти все спало, только несколько драконов стонали, глядя в сторону Брэннинга, теперь уже не такого яркого, но все еще похожего на светлую сетку, наброшенную на морской берег. Я натянул вожжи, хотел посмотреть…

— Здоро́во тебе, погонщик!

Я глянул вниз. На дороге остановился толстый горбун в повозке, запряженной собакой.

— И тебе здорово.

— Как рассветет, ящеров в город погоните? — Горбун широко улыбнулся, пошарил под кожаным пологом повозки и вытащил дыню. — Голодный?

Он разломил дыню надвое и хотел кинуть мне половину, но я слез с дракона и спустился к нему:

— Спасибо, Ло незнакомец.

Горбун засмеялся:

— Ко мне без Ло.

Пес, вертевший головой от хозяина ко мне, заскулил:

— Я. Я. Я голодный. Я.

Горбун протянул мне дыню и потрепал пса по ушам:

— Ты уже ел.

— Я поделюсь, — предложил я.

Горбун покачал головой:

— Он на меня работает, мне его и кормить.

Он разломил свою долю и бросил кусок псу. Тот ткнулся в носом дыню и захрумкал.

Только я надкусил дыню, как горбун спросил:

— Ты откуда будешь?

Я сказал ему название деревни.

— А в Брэннинге, смотрю, ни разу не был.

— Да. А как ты понял?

Он улыбнулся, показав частокол желтых зубов:

— Я сам в первый раз такой же был. Тебя от местного сразу отличишь: кой в чем ты иной, не сочти за обиду.

— Не сочту.

Я откусил сладкий и мокрый кус. Горбун опять усмехнулся:

— Что тут алмаз, там навоз, — наставительно заявил он. — Наверняка Голубкины слова.

— Такую женщину, наверно, нужно звать Ла Голубка?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Ло, Ла, Ле — в Брэннинге это слишком уж запутано. Нет, — он выскреб зубами дынную корку и с подкрутом отшвырнул прочь, — что тут алмаз, там навоз. У тебя в деревеньке, небось, было то же, что у меня. Сперва Ло, Ла и Ле давали только нормам, способным к продолжению рода, потом стали давать всем небесплодным функционалам, так?

— Ну да, как и везде.

— Не везде. В Брэннинге тоже так было, а теперь нет. В деревнях и городишках никто и понятия

не имеет, что значит «инакий». Там на это слово даже не обижаются.

— А что обижаться? Я вот, например, инакий и не обижаюсь. Так уж оно есть.

— У вас есть, а в Брэннинге было и быльем поросло. В третий раз тебе говорю: что тут алмаз… Боюсь я, достанется тебе в Брэннинге за твои деревенские понятия. Мне за них раз пять ребра пересчитали, когда я туда приехал пятнадцать лет назад. Город-то, кстати, с тех пор еще раза в два вырос.

Горбун посмотрел на дорогу.

Я вспомнил свой разговор с Пауком о погонщиках и титулах.

— Так как к кому обращаться там, в Брэннинге?

— Запоминай. — Горбун заткнул за пояс большие пальцы. — В Брэннинге есть пять семей, которые держат весь город. Все корабли — их, рента с половины домов тоже. Они же тебе, наверно, за работу заплатят и драконов ваших купят. Вот к ним и к десяти-пятнадцати знаменитостям вроде Голубки нужно в разговоре обращаться на Ла, Ло и Ле. Среди этих титулованных, кстати, и нефункционалы попадаются.

— Как же их отличить от прочих, если функци-

ональность ни при чем?

— Отличишь, если встретишь. Но встретишь — это вряд ли: в Брэннинге можно жизнь прожить и ни разу не сказать ни Ло, ни Ла. А вот если ты начнешь всем подряд титулы раздавать или задираться, коль к тебе твое Ло не прибавят, прослывешь болваном, сумасшедшим или в лучшем случае олухом деревенским.

— Я своей деревни не стыжусь.

Горбун пожал плечами:

— А я и не говорю, что стыдишься. Ты спросил — я ответил.

— Я понял. А что инакость? Как ее понимают в Брэннинге?

Горбун перегнал язык за щеку и обратно.

— В Брэннинге инакость дело личное. Да, она — фундамент каждого дворца, сваи каждого дока, корни каждого дерева. Полгорода на ней построено, а другая половина дня без нее не простоит. Но вслух о ней говорят только невежи и дикари.

— А они вон говорят, — я махнул рукой в сторону нашей стоянки, — погонщики…

— Погонщики и есть дикари. Если собрался до конца жизни с ними водиться (а кто запрещает, кстати?), можешь говорить о чем угодно.

— Но я-то инакий… — снова начал я и почув-

ствовал, что у горбуна терпение на исходе, — и лучше мне об этом помалкивать.

— Дельная мысль, — сухо ответил он.

Но как теперь рассказать ему о Фризе? Как искать ее и Кида, если нельзя упоминать о нашей инакости? Я молчал и чувствовал себя дураком. Потом спросил:

— А ты чем в Брэннинге занимаешься?

Горбун просиял:

— Я? Да так, держу одно местечко, где усталые могут присесть, голодные — перекусить, жаждущие — промочить горло, а скучающие — поразвлечься.

Произнеся эту речь, он гордо запахнул уродливое плечо краем красного плаща.

— Я к тебе как-нибудь загляну, — сказал я.

— Ну-у, — протянул горбун, — погонщик у меня редкий гость. Местечко, видишь ли, не без шика. Но как пообтешешься в Брэннинге и накопишь серебра — приходи. С серебром расстанешься, но повеселишься на славу.

— Приду обязательно.

Я думал о Киде. Я шел через долгую ночь. Я искал Фризу.

— Как тебя зовут и где тебя найти?

— Зовут меня Пистоль, но имя можешь забыть.

Найдешь меня в «Жемчужине» — это мое заведение.

— Звучит роскошно.

— Такой роскоши ваш брат и не нюхал, — скромно подтвердил Пистоль.

— Значит, жди. Кстати, что ты забыл так поздно на асфальтовой дороге?

— То же, что и ты. В Брэннинг еду.

— Откуда?

— Мой захолустный друг, твоя невоспитанность поражает. Раз уж тебе интересно, я возвращаюсь от друзей, живущих в предместьях Брэннинга. Я привез им подарки, и они дали мне на дорогу гостинцев. Но поскольку они — не твои друзья, тебе не следует лезть в это дело со своим носом.

— Извини.

Меня слегка покоробило от этих мудреных правил.

— Не понимаешь? — Горбун смягчился. — Ничего, походишь в обуви, научишься прикрывать пупок и начнешь понимать. Я пока объясняю всухую, а год проживешь в Брэннинге — вспомнишь мою болтовню.

— Я не собираюсь год там жить.

— Ну, это посмотрим. Может, и на всю жизнь останешься. Такой уж город: улицы, мрамором

мощенные, а человек завязает.

— Нет, я точно проездом. Я нигде не завязну, пока жив Кид Каюк.

Горбун как-то очень странно на меня посмотрел:

— Придержи язык, погонщик, и не бранись по-черному при уважаемых людях.

— Я и не бранюсь. Эта рыжая гадина едет с нами и не дает жить ни мне, ни Одноглазу.

Горбун, похоже, решил, что деревенский олух (то есть я) неисправим. Он засмеялся и хлопнул меня по плечу. Опять проглянула хамоватая жилка, толкнувшая его заговорить со мной.

— Что ж, чумазый Ло, удачи тебе и пусть инакий демон скорей падет от твоей руки.

— От моего мачете. — Я показал ему клинок. — Задумай песню.

— Что?

— Ну, подумай о какой-нибудь песне. Что играют в твоей «Жемчужине»?

Пистоль сосредоточенно нахмурился, и я заиграл.

Он выпучил глаза, потом захохотал. Привалился к повозке, шлепнул себя по толстому брюху. Эта штука во мне, что смеется и плачет, какое-то время смеялась с ним вместе. Я играл. Потом я

перестал понимать его юмор и убрал клинок в ножны.

— Погонщик, — сказал он, дохохатывая, — мне остается только посмеяться над твоим невежеством или решить, что это ты надо мной смеешься.

— Не сочти за обиду, говоря твоими словами, но объясни все же, что тут смешного.

— Я уж объяснял, но ты не унимаешься. Держи свою инакость при себе.

— Но это просто музыка.

— Что бы ты сказал, если бы новый знакомец сразу после «здравствуйте» сообщил тебе глубину своего пупка?

— Не понимаю.

Он стукнул себя кулаком по лбу:

— Негоже мне забывать о своих корнях. Я и сам когда-то был таким же дураком. Только, хоть убей, не вспомню когда.

Его что-то уж очень быстро кидало от смеха к злости.

— Послушай, — сказал я, — ты то свойский парень, а то вламываешься в церемонии. Я это не очень понимаю, а что понимаю — мне не нравится…

— Об этом не тебе судить, — оборвал меня Пи-

столь. — Не нравится — иди своей дорогой. Но не нарушай чужих обычаев, не называй неназываемое, не кощунствуй.

— Что это за обычаи я нарушил и когда кощунствовал? Я сказал, что на уме было.

Простое деревенское лицо горбуна вдруг сделалось твердым (к этим, что ли, затверделым лицам предстояло мне привыкать в Брэннинге-у-моря?).

— Ты сказал, что с тобой — с вашим стадом — будто бы едет Ло Одноглаз. И поминал Кида, словно сам смотрел ему в дуло шестизарядного кольта.

Я обозлился вконец:

— А где сейчас Одноглаз по-твоему? Вон, спит у костра! — Я ткнул пальцем вверх, где нависало нагорье. — А Кид Каюк…

За спиной полыхнуло, и мы оба крутанулись назад. В пламени, улыбаясь, стоял он. Дулом пистолета сдвинул шляпу на затылок, и из-под шляпы упали рыжие пряди. Усмехнулся:

— Здорово, ковбои!

Тени трав и камней, подпрыгивая, бежали к нам. Огонь шлепал языками по его мокрой коже и испарялся от нее кудрявыми струйками.

— Аааааааа-аааа-йиииии!

Это взвыл Пистоль. Он осел на повозку и разинул рот. Закрыл, чтобы сглотнуть, и снова разинул. Пес угрожающе ворчал. Я смотрел во все глаза.

Пламя пыхнуло, задрожало и умерло. Дальше был только запах листьев. У меня в глазных яблоках колотилась злость и рыжий отсвет огня. Я глянул по сторонам. Перед зрачками запрыгала темнота. Позади нее, на склоне, сбегающем к дороге, стоял Одноглаз, и свет походного фонаря скользил по его коленям. Одноглаз тер лицо кулаком, пытаясь стереть усталость. Кид исчез туда, куда исчезал каждый раз.

За моей спиной стронулась повозка.

Пистоль направлял пса и одновременно пытался взгромоздиться на козлы. Я уж думал, шлепнется, но горбун таки взлез, и они с псом укатились. Я поднялся к Одноглазу. Он смотрел на меня с какой-то… печалью?

Подсвеченные снизу дорогой с ее фонарями, углы его лица были лишь чуть смягчены юношеским пушком. Глядела громадная, темная пустая глазница.

Мы вернулись к кострищу. Я лег. Сон лапками придавил мне веки, и под ними до рассвета взрывались восхитительные сны о Фризе.

Вернулся рано. Хозяева купили вина к Новому году. В белом городе на улицах играют музыканты. Вспоминаю, как полтора года назад закончил «Падение Башен» и сказал себе: тебе двадцать один, скоро двадцать два. Пора оставить амплуа даровитого мальчугана. Важен не возраст, а то, что удалось сделать. И все же образы юности преследуют меня: Чаттертон, Гринберг, Радиге. К концу ПЭ я надеюсь изжить их. Билли Кид будет последним. Он, шатаясь, бредет сквозь этот рассеянный роман, как бродят безумные дети в холмах Крита. Лоби тебя затравит, Билли. Завтра, если позволит погода, вернусь на Делос смотреть руины вокруг Трона Смерти в середине острова, откуда через пролив виден некрополь на Рении.

Дневник автора, Миконос[35], декабрь 1965 г.

---

[35] Примечания: 35

Делос, Рения и Миконос — острова в Эгейском море, часть Кикладского архипелага.

Почти на всем протяжении человеческой истории важность ритуала признавалась безоговорочно. Именно через ритуальные акты человек отождествляет себя с врачующими силами природы, переходит или облегчает себе переход на новые ступени личностного опыта и развития.

Мастерс и Хьюстон. Разновидности психоделического опыта

Синяя подраненная ночь отступала по холоду. За туманом и ежевикой желтел огнями Брэннингу-моря. На западе еще видны были звезды, а на востоке уж раскидывало лучи солнце. Нетопырь раздувал угли. Три дракона убрели к дороге, и я пригнал их обратно. Потом мы ели, перемежая кряхтенье с молчаньем.

Вблизи моря утро начиналось сыростью. За Брэннингом корабли, как листки бумаги, скользили по воде к островам. Сажусь на Скакуна, начинается бережный и зыбкий спуск. Мы тычем драконов в бока, они шипят, но скоро находят ритм и вот уже легко и дружно шлепают лапами.

Паук увидел их первым:

— Кто это там?

Нам навстречу двигались люди. Передние

бежали, задние шли. Фонари вдоль дороги, настроенные на предыдущий месяц и более долгую ночь, погасли.

Из ленивого любопытства я поехал в голову стада.

— Они еще и поют! — крикнул я.

— Ты слышишь песню? — как-то напряженно спросил Паук.

Я кивнул.

Он держал голову неподвижно, а тело по-прежнему покачивалось в седле. Он перекладывал кнут из руки в руку, из руки в руку. Красивое, сдержанное волнение. Я сыграл ему мелодию, пока еще нам не слышную.

— Это они хором поют?

— Да. Как-то очень торжественно.

— Одноглаз, — позвал Паук, — побудь пока при мне.

Я опустил клинок:

— Что-то не так?

— Может быть. Это родовой гимн Одноглаза. Они знают, что он с нами.

Я смотрел на него, ожидая пояснения.

— Мы думали вернуть его в Брэннинг без шума. — Паук щелкнул своего дракона по жабрам. — Хотел бы я знать, откуда они пронюхали.

Я глянул на Одноглаза. Он не глядел на меня и как будто наблюдал за толпой на дороге. Ничего путного на ум не пришло, и я заиграл. Не хотел говорить Пауку про горбуна с его повозкой.

До нас донеслись голоса, и я решил, что лучше все же сказать. Паук ничего не ответил.

Вдруг Одноглаз подстегнул дракона. Паук хотел его удержать, но Одноглаз увернулся от всех Пауковых рук. Дракон Одноглаза топотал вперед, Паук тревожно хмурил янтарные брови.

— Думаешь, он зря? — спросил я.

— Он знает, что делает, — отвечал Паук, а толпа на дороге густела. — Надеюсь, что знает.

Я смотрел на толпу и думал про Пистоля. Недаром он так струсил. Его страх, поди, расползся за ночь по Брэннингу, как мазутное пятно по воде в гавани.

— И что теперь будет?

— Будут восхвалять его. Сегодня. Потом — не знаю.

— Со мной что будет? Я про себя спрашивал.

Паук посмотрел удивленно.

— Я должен найти Фризу. Убить Кида. Ничего не изменилось.

Я помнил, какая рожа была у Пистоля, когда тот удирал от Кида. И теперь видел — узнавал! —

Пистолев страх в искаженном лице Паука. Но тут было и еще что-то. Какая-то внутренняя сила оседлала те же лицевые мускулы. Да, большой человек Паук.

— Мне нет дела до Одноглаза. И вообще ни до кого. — Мои слова покрывал защитный хитин злости. — Я сойду вниз за Фризой и с ней подымусь наверх.

— Ты… — начал было Паук, но в нем, большом, нашлось место и для меня. — Удачи тебе.

Он снова посмотрел вслед Одноглазу, что, качаясь в седле, ехал навстречу толпам. Паук ехал сейчас вместе с ним, но я не знал, что больша́я часть его остается со мной.

— Значит, твоя работа сделана. Когда сдадим драконов, тебе заплатят… — У него мелькнула какая-то новая мысль. — Хотя вот что: за платой приходи ко мне.

— К тебе?

— Да, в мой дом в Брэннинге.

Он свернул кнут и коленом подогнал дракона.

Проехали еще один щит. Беловолосая женщина с теплым взглядом и холодным ртом хмуро глядела на меня.

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: ЗАЧЕМ 99, ЕСЛИ МОЖНО 9000?

Я отвернулся от ее непонятной насмешки и стал думать о том, сколько людей стекаются этим утром навстречу Одноглазу и заполняют дорогу перед нами. Вот — узнали юного пастуха, песня смялась, толпа радостно закричала. Мы въехали в толпу.

Джунгли — это несчетно отдельных деревьев, лиан, кустов, но, когда идешь джунглями, все их видишь как одно зеленое целое. В толпе, как оказалось, то же самое. Сперва отдельные лица: тут старуха от волнения мнет и крутит концы зеленой шали, там мальчишка мигает и улыбается, одного зуба не хватает, потом еще три девушки сбились вместе, чтобы не затолкали, глядят, распахнув глаза и рты. Потом — разом: локти, уши, языки, скребущие нёбо в поисках слов, швыряющие наружу: «Подвинься!», «Ай! Уберите локоть!», «Я не вижу...», «Где он? Это он?», «Нет!», «Да!»... а драконы качают горбами, пролагая путь между сгустками голов. Радостные крики, машущие руки у городских ворот. «Моя работа сделана», — думал я. Скакуна пихали со всех сторон. «Это он? Это?..» Драконы были сильно не в духе и шли послушно только благодаря Пауку. Мы протолкались в ворота и вошли в Брэннинг-у-моря. Тут произошло много разного.

Я, надо признать, не все из этого понял. В первые часы со мной было то же, что с любым, кто за всю жизнь не видел больше полусотни лиц разом и вдруг попал туда, где кругом сплошные улицы, площади и бульвары и все это топчут тысячи человек. Остальные погонщики куда-то отвернули вместе со стадом, или это я от них отбился — бродить, запрокинув голову и разинув рот.

Меня толкали: «Смотри, куда идешь!» А я только и делал, что смотрел — на все сразу. Это трудно, даже когда все стоит на месте. А тут только разглядел одно, как сзади напрыгнуло новое и чуть не сшибло тебя с ног.

Вот, если хочешь, по порядку: мелодии всех, кто там был, сплавились в гимн, похожий на звон в ушах, когда хочешь и никак не можешь заснуть. В деревне за каждым лицом видишь, в кого оно такое, как оно меняется, злится, смеется, какие выражения любит, какие нет. А тут одно зевает, другое кричит, у третьего шрам, у четвертого за щеками набита еда, в пятом какая-то тоска почудилась: может, любовь. И вот, начинаешь двигать мебель в голове, ищешь, куда все эти лица пристроить, куда свалить кучей эти четвертинки чувств. Если пришел в Брэннинг-у-моря, значит деревню давно оставил позади. А все-таки дума-

ешь о нем деревенскими словами: реки мужчин, потоки женщин, буря голосов, дождь пальцев, джунгли рук. Это к Брэннингу несправедливо. И к деревне тоже.

Здесь не получилось бы ничего сыграть. Клинок висел без дела у меня на боку, а я шел по Брэннингу и пялился на пятиэтажные дома, пока не начались двадцатипятиэтажные. Стал пялиться на них, а потом увидел такой, что и неизвестно, сколько в нем этажей: я все сбивался со счету на середине (где-то около девяностого), а народ вокруг толкался будь здоров.

В Брэннинге есть несколько красивых улиц, где деревья гладят ветками стены домов, и много пакостных улочек, где на тротуаре мусор кучами и какие-то коробки с людьми напиханы одна на другую. Там так тесно, что от застоя протух и воздух, и люди.

На стенах висели обтрепанные плакаты с Голубкой. Попадались и другие какие-то знаменитости. У одного плаката, морщинисто налепленного на забор, собрались мальчишки. Я тоже просунулся посмотреть, на что они смотрят.

Из радужных завихрений тупо глядели две женщины. Подпись: «Это близняшки. Одна как другая, и обе не как все».

Мелюзга хихикала и пихала друг друга локтями. Похоже, я чего-то не понимал с этим плакатом. Я повернулся к одному из мальчишек:

— Что тут такого?

— А? — У него были веснушки и протез вместо одной руки. Он почесал голову пластиковыми пальцами. — Какого такого?

— Что смешного?

Парень сперва решил, что я прикидываюсь, потом осклабился и выпалил:

— Не как все — значит инакие!

Все засмеялись, и смех был с гнильцой.

Я протолкался через них обратно. Я старался услышать музыку, но ее не было. Когда не можешь слушать, не можешь искать, а тротуары и толпы больше не отвечают на твои вопросы, вот это и есть одиночество, Фриза. Я сжимал клинок и, не думая, ломил вперед, начисто ото всего отрезанный, словно потерявшийся в мегаполисе.

…Блестящие черепички, ноты Кодаевой сонаты, наложенные одна на другую! Я рывком обернулся на звук. Под ногами тротуар из чистых, нетреснутых плит. На углу зеленеют деревца. Дома за медными калитками уходят вверх, словно откидываются в небо.

Чешуйки мелодии рассеялись у меня в голове.

Мигая, я переводил взгляд от калитки к калитке, прислушивался. Потом несмело поднялся по нескольким мраморным ступеням и ударил в медь рукоятью мачете.

Резкий звон запрыгал по улице от стены к стене. Он испугал меня, но я ударил еще.

Входная дверь в медных заклепках распахнулась внутрь. В калитке что-то щелкнуло, и она, хрипло прозвенев, впустила меня. Я осторожно двинулся к открытой двери. Прищурился в темноту за порогом и вошел. Я был слепой от уличного солнца и один на один с музыкой.

Потом глаза привыкли к полусвету: впереди было окно. Высоко, среди темного камня, в стеклянных сотах, забранных в свинец, цветными пятнами проступал и извивался дракон.

— Лоби?

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.

Откровение Иоанна Богослова, 2: 4

Моя беда в том, что такую тему нельзя брать серьезно, не смещая фокуса к некоему центру, рассуждать о котором не под силу ни мне, ни кому-либо еще… Я не могу говорить о ней исключительно в разрезе моральных проблем. Главная надежда сейчас – сразу заявить о моей главной теме и неспособности раскрыть ее полностью.

Джеймс Эйджи. Письма к отцу Флаю

– Но где оно, это обиталище, и как бы прийти в него?

– Прийти может от природы исполненный любовью и по существу склада своего изначальный философ…

***Плотин. Об уме, идеях и сущем*[36]**

Паук, читавший за рабочим столом, поднял голову:

— Я так и думал, что это ты.

За его спиной, в тени, я разглядел книги. У Ла Уники было под сотню книг, и это считалось много. У Паука полки уходили под потолок.

— Мне нужно… получить плату.

---

[36] Примечания: 36
Перевод Ю. Шичалина.

Я перевел глаза с книг на Паука.

— Присядь, — сказал Паук. — Я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

Наши голоса отдавались эхом. Музыка почти совсем стихла.

— Мне надо дальше идти. Вернуть Фризу, достать Кида.

Паук кивнул:

— Потому я и говорю: присядь.

Он нажал кнопку. Пылинки очертили и наполнили конус света, упавший на ониксовый табурет перед столом. Я медленно сел, придерживая клинок. Как раньше кнут, Паук перекладывал из руки в руку выцветший до белого хрупкий череп какого-то грызуна.

— Что ты знаешь о мифологии, Лоби?

— Знаю мифы, которые Ла Уника рассказывала. Это одна из наших старейшин. Она всем нам в детстве рассказывала мифы, некоторые по многу раз. Мы пересказывали их друг другу, пока они не вплетались в память. А к тому времени подрастали новые дети, и все начиналось сначала…

— Еще раз: что ты знаешь о мифологии? Я не спрашиваю, какие ты мифы знаешь и откуда ты их узнал. Зачем они нам? Для чего нужны?

— Я… не знаю. Когда я уходил из деревни, Ла Уника рассказала мне миф об Орфее.

Паук приподнял руку с черепом и наклонился вперед:

— Зачем?

— Не зна… — Я задумался. — Наверно, чтобы я понял, что мне дальше делать?..

Больше идей не было. Паук спросил:

— Ла Уника инакая?

— Она…

Мне вспомнился нечистый смех мальчишек перед плакатом. Я так и не понял, чему они смеялись, но чувствовал, что кромки ушей у меня горят. Потом вспомнил, как Добри, Йон и Кречет пытались достучаться до меня сквозь мою тоску по Фризе и как это сделала Ла Уника — иначе, чем они все.

— Да, — признался я, — Ла Уника инакая.

Паук кивнул и постучал по столу загрубевшими костяшками:

— Ты понимаешь, что такое инакость?

— Ну, кто-то инакий, а кто-то нет. Я в себе это заметил недели две назад и знаю: мы появляемся с каждым битом Великого Рока и Великого Ролла. Но я не понимаю, что такое инакость, Паук. Живу в инаком мире — и не понимаю.

На усталом, напряженном лице Паука пробилась улыбка:

— В этом ты как мы все. Каждый может ее описать только от противного.

— И что получается, если от противного?

— Она не телепатия и не телекинез. Хотя оба усиливаются по мере того, как усиливается инакость. Земля — мир, пятая планета от Солнца, двуногий вид млекопитающих, бродящий по ее тонкой влажной коре, — Земля меняется, Лоби. Она уже другая. Некоторые из нас живут на свету и признают эту перемену, некоторые слепнут, глохнут и все отрицают. Но большинство — посмеивается, насмехается, глумится, тычет пальцем, когда думает, что никто не видит. Так поступали люди от начала времен. Мы унаследовали их брошенный мир, и сейчас что-то меняется в наших руинах, а взятого у людей словаря не хватает, чтобы описать эту перемену. Поэтому, Лоби, ты должен принять ее как есть: она прекрасна, страшна, глубока, необъяснима твоими теориями, непроницаема для твоего глаза. Но она толкает тебя в путь, говорит, откуда начать и где остановиться, движет тебя силой любви и ненависти, подвигает даже убить Кида…

— …или играть музыку. К чему ты ведешь,

Паук?

— Если бы я сказал тебе, Лоби, или ты сам вывел это из моих намеков, знание потеряло бы цену. Много войн, смут и парадоксов назад двое математиков завершили одну эпоху и начали следующую. То было время людей — они давно покинули Землю, но все никак не покинут наши головы. Так вот: первого математика звали Эйнштейн. В своей теории относительности он очертил пределы человеческого восприятия, показав математически, до какой степени состояние субъекта воздействует на воспринимаемый объект.

— Это я знаю.

— А второй был Гёдель, современник Эйнштейна. Он первым дал математически точное описание необъятной области, лежащей за пределами Эйнштейнова мира. *В любой закрытой математической системе* (читай: в реальном мире с его неизменными логическими законами) *существует бесконечное множество верных теорем* (читай: ощутимых, измеримых явлений), *которые, будучи частью системы, не могут быть из нее дедуцированы* (читай: доказаны посредством логики, обычной или парадоксальной). Иными словами, есть многое на свете, друг Горацио, что

и не снилось нашим мудрецам[37]. Существует бесконечное множество вещей, чье существование доказать невозможно. Эйнштейн определил границы рационального. Гёдель, как бабочку, наколол на булавку иррациональное и пришпилил к стене Вселенной. Бабочка пребывала в неподвижности достаточно долго, и люди ее заметили — мир и человечество начали меняться. И с другой стороны Вселенной нас стало медленно притягивать сюда. Влияние теории Эйнштейна взлетело по выпуклой кривой, и в первые сто лет она имела огромную порождающую силу. Потом кривая выровнялась. Порождающая сила закона Гёделя нарастала по вогнутой кривой, сперва еле заметно, потом рывком. Эта кривая догнала кривую Эйнштейна, пересекла ее и устремилась дальше. В точке пересечения люди достигли пределов наблюдаемой Вселенной. Их звездные корабли до сих пор здесь и доступны всем, было бы желание…

— Ло Кречет! Наш Ло Кречет летал в другие миры…

— А когда кривая Гёделя взлетела над кривой Эйнштейна, тень ее упала на покинутую Землю.

---

[37] Примечания: 37

Фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет», акт I, сц. 5. Перевод Н. Полевого.

Люди переселились в мир, лежащий вне нашего континуума. Пришли мы и взяли их тела, их души — то и другое лишь ненужные сброшенные оболочки. Мегаполисы, огромные узлы межзвездной торговли, искрошились в песок, ты это видел. А они были больше и важней Брэннинга.

Я на минуту задумался, потом медленно спросил:

— Наверно, на это немало времени ушло?

— Немало. Тому мегаполису, где мы проходили, тридцать тысяч лет. С тех пор как здесь зародилась прежняя раса, Солнце притянуло еще две планеты.

— А Исходная пещера? — спросил я вдруг. — Что там было раньше?

— Ты никогда не спрашивал старейшин?

— Не приходило в голову.

— На самом деле это сеть пещер, и она покрывает почти всю планету. В нижних уровнях находится источник радиации. Если в деревне начался генетический застой, можно спуститься в пещеры и устроить локальную перетасовку генов. Но мы от этого отказались еще тысячу лет назад. А радиация никуда не ушла, разумеется. Мы шиты по человеческим лекалам, но природа наша усложняется, и чем дальше, тем нам труд-

ней соответствовать идеалу. У нормов все больше вариаций, клетки переполнены отверженными. Вот в каком мире ты живешь, Лоби.

— А мифология тут при чем? — Я подустал от его монолога.

— Вспомни мой первый вопрос.

— Что я знаю о мифологии?

— Да. И ответ мне нужен не по Эйнштейну, а по Гёделю. Я не хочу знать, что у мифов внутри, как они звенят и поют медью и заставляют петь друг друга. Мне не нужен их генезис, границы и сияющая суть. Какие они на вид? Какие на ощупь? Что чувствуешь, когда задеваешь их плечом на темной дороге, когда видишь, как они отступают в туман? Тяжело это — когда они, подобравшись сзади, прыгают тебе на закорки? Как тот, кто уже несет на себе два мифа, решается взвалить на спину третий? Кто ты, Лоби?

— Может, я… просто я?.. Ла Уника раз назвала меня Ринго и Орфеем.

Паук вздернул подбородок. Пальцы, сплетенные в клетку вокруг костяной мордочки, сомкнулись.

— Я так и думал. Ты знаешь, кто я?

— Нет.

— Для Одноглаза я Иуда. Для Кида — Пэт Гаррет.

Для тебя — Минос-судья у врат Аида. Ты должен околдовать меня музыкой, чтобы я пропустил тебя к Киду с твоей просьбой. Я — каждый предатель, о котором тебе рассказывали. А еще я драконий господарь, которому надо кормить двух жен и десятерых детей.

— Ты большой человек, Паук.

Он кивнул:

— Так что ты знаешь о мифологии?

— Трижды ты спросил меня.

Я взял мачете. От любви, желавшей воспеть его молчание, — ведь музыка вся перестала — прижал лезвие к зубам.

— Раскуси скорлупу моих слов, Лоби. Я знаю много больше, чем ты. Знание — утешение преступных душ.

Паук протянул над столом руку с черепом, словно хотел дать его мне.

— Я знаю, где Фриза, и пропущу тебя через врата. Говорю тебе это, хоть Кид может меня убить. Он моложе, жесточе и много сильней меня. Ты еще не раздумал?..

Я выронил клинок:

— Так, значит, все уже решено! Мне не победить. Ла Уника говорила, что у Орфея ничего не вышло. К этому ты и вел: в мифах сказано, чем

все кончится. И твои разговоры про то, что мы много старше, чем думаем, — это значит, что реальность мне не изменить. Я еще не начал, а уже проиграл.

— И ты в это веришь?

— Ты сам это сказал.

— Чем больше мы учимся сохранять прошлое, тем медленнее стареем. Все меняется, Лоби. Сегодня Лабиринт ведет не туда, куда вел в Кноссе пятьдесят тысяч лет назад. Ты можешь быть Орфеем, а можешь — кем-то другим, кто бросает вызов смерти и побеждает ее. Может быть, Одноглаз пойдет сегодня к своему дереву, пригвоздит себя, и сгниет, и никогда не вернется. Мир стал иным. Это я пытался тебе сказать. Мир не тот, что был.

— Но…

— И все в нем так же гадательно, как в день, когда первый певец очнулся от песни и узнал, чем за нее заплатил. Мы ничего не знаем наперед, Лоби. Возможно, все это — фальшивая нота, в лучшем случае — диссонанс среди гармоний Великого Рока и Великого Ролла.

Я ненадолго задумался и сказал:

— Я хочу убежать.

Паук кивнул:

— Неизвестный строитель вырезал на камнях Феста двуострую секиру. У тебя — двуострый поющий клинок. Может, Лабиринт строил сам Тезей, когда шел по нему.

— Не думаю, — сказал я сухо, от чего-то защищаясь. — Мифы дают нам закон, по которому жить…

— И ты можешь ему следовать, а можешь нарушить.

— Они нам ставят цель…

— Которой ты можешь не добиться. Или добиться. Или превзойти.

— Так почему тогда не забыть все это старье? Знаешь, Паук, не надо мне твоей помощи. Я сам нырну в море за Кидом. Обойдусь без мифов.

— Лоби, ты живешь в реальном мире, — грустно сказал Паук. — Он с чего-то начался, он к чему-то движется. Мифы всегда говорят о том, что забыть — труднее всего. Они идут против всосанного с молоком, ужасают нас в начале и конце каждого большого дела. — Он положил череп на стол. — Ты нужен Киду не меньше, чем Одноглаз. Знаешь почему?

Я покачал головой.

— А я знаю.

— Я что-то сомневаюсь, что нужен Киду…

— Почему ты здесь?

— Ты опять про инакость?

— В основном про нее. Не дергайся. Сядь удобно, как человек, и слушай.

Паук откинулся на спинку кресла. Я остался сидеть как был.

— Кид Каюк может подчинить себе все, до чего достигает разумом. Может камень превратить в дерево, а мышь в горстку мха. Но он не может из ничего создать что-то. Не может оставить на месте этого черепа пустоту. Одноглаз может, и поэтому Киду нужен Одноглаз.

Я вспомнил, как на разломной горе гад искушал царевича-пастуха, хотел замутить его лишенное глубины зрение.

— Второе, что ему нужно, — музыка.

— Музыка?

— Потому он и гонится за тобой — или заставляет тебя гнаться за ним. Ему нужен порядок. Матрица, закономерность, то чувство, когда из шести нот выводишь седьмую. Три ноты ударяются друг о друга и определяют лад. Мелодия определяет строй. Музыка — чистый язык временных и одновременных соотношений.

Все это ему недоступно. Он может подчинить, но не создать. Поэтому ему нужен Одноглаз. Он

может подчинить, но не упорядочить. Поэтому ему нужен ты.

— Но как?..

— На это «как» не хватит ни твоего деревенского словаря, ни моего городского интеллекта. Просто — иначе, Лоби. Инакий мир отражается в мире обыденном, и отражается странно. Вот Одноглаз: он может творить материю из пустоты, но это — побочный эффект чего-то другого. Ты улавливаешь и порождаешь музыку, но она — только косвенный признак тебя-настоящего.

— Кто же я?

— Ты… ты — нечто особенное.

В моем вопросе было требование, в его ответе — насмешка.

— Но ему нужны вы оба, — продолжал Паук. — Что ты дашь ему, Лоби?

— Ничего. Воткну в брюхо мачете, так, чтоб кровь брызнула из дырочек и мундштука. Буду гнать его по морскому дну, пока оба не упадем на песок. Буду…

Я замер с открытым ртом, а потом вдруг так резко вдохнул темный воздух, что заболело в груди.

— Мне страшно, — прошептал я. — Паук, мне страшно.

— Почему?

Я всматривался в него, старался заглянуть за ровное моргание его черных глаз.

— Я раньше не понимал, что останусь один. — Я свел руки на рукояти мачете. — Чтобы вернуть Фризу, я должен идти один. Со мной не должно быть ее любви. И ты — ты не на моей стороне.

Мой голос сделался хриплым, но не от страха, а от тоски, что начинается где-то в глубине горла: сперва кашель, потом плач.

— Если я дойду до Фризы — что я найду? Даже если верну ее — что?

Паук ждал, что я заплачу, но я не доставил ему этого удовольствия. Тогда, помолчав, он сказал:

— Ну, если ты действительно это понял, я могу тебя пропустить.

Я поднял глаза. Он кивнул, отвечая на мой бессловесный вопрос.

— Только сперва ты должен кое-кого увидеть. Держи.

Он встал. В одной из рук у него был небольшой кошель. Паук встряхнул его. Зазвенели монеты. Он бросил кошель мне. Я поймал.

— Кого?

— Голубку.

— Это ту, что на плакатах? Но кто?..

— Кто такая Голубка? Елена Троянская, Стар

Антим, Мария Монтес, Джин Харлоу.

Он замолчал.

— А ты? Ты Иуда, Минос и Пэт Гаррет. Кто ты Голубке?

Видимо, я его позабавил, но усмешка была свысока.

— Если Голубка — Джин Харлоу, я — Пол Берн.

— Но почему?

— Тебе пора, Лоби.

— Ухожу, — сказал я. — Ухожу.

У меня голова шла кругом — по тем же причинам, что у тебя сейчас. И еще по паре других. Идя к двери, я все оглядывался на Паука. Вдруг он взял череп и легко метнул мне вслед. Череп пролетел мимо, на секунду завис в воздухе и вдребезги разбился о мраморный пол. Паук засмеялся. Это был приятельский смех, в нем не посверкивала недобро рыбья чешуя, не мерцали крылья мух, как у Кида. Но он испугал меня смертельно. Я побежал. В ногу вонзились костяные осколки. Дверь захлопнулась у меня за спиной, солнце отвесило мне пощечину.

Оставь Крит, приди в сей священный храм.

Сапфо, отрывок

Утром вместе с портовиками укрылся в чайной от мелкого дождя. Над Босфором волоклись желтые тучи. Нашел одного говорящего по-французски и двоих говорящих по-гречески. Грели пальцы о стаканчики с чаем и говорили о странствиях. Если сложить пройденное нами, мы четверо обогнули земной шар. Радио над печкой играло попеременно однообразные турецкие модуляции, Азнавура и «Битлз». Лоби начинает последний отрезок пути. Я больше не могу идти с ним. Когда дождь перестал, я отправился на рыбный базар на набережной, у самой воды. Серебряным рыбам выворачивают жабры наружу и цепляют за открытые челюсти. Каждая голова увенчана кровяным цветком. По крутому холму вьется в центр города улочка с деревянными домиками. Здесь недавно бушевал пожар. Дотла сгорело всего несколько домов, но тут и там блестящие, обугленные стены клонятся над булыжной мостовой, где дети играют в грязи апельсинными корками. Какие-то дети гнались за рыжим мальчиком. У него было мокрое лицо, он

споткнулся в грязи, увидел меня и метнулся в сторону. Ботинки у него были сношены. Может, при переделке книги я поменяю Киду волосы с черных на рыжие. Прошел вдоль стены дворца Топкапы, пиная с тротуара мокрые листья. Потом – в мечеть Султанахмет. Синие узоры над моей головой уходили к куполу. Было тихо и покойно. Через неделю – очередной день рождения. После смогу начать кропотливый процесс нанесения нового слоя филиграни на палимпсест романа. Каменный пол холодил мне босые ступни. Синие узоры не кончались, уводили взгляд ввысь и вон из тела. Я вышел, надел ботинки и двинулся через двор. В старой чайной напротив парка я поднялся на второй этаж, сел в углу подальше от печки и попытался силой погнать героев каждого к своему финалу. Скоро я снова начну писать. Чтобы быть полезными, финалы должны быть открытыми.

Дневник автора, Стамбул, 1966 г.

Хороши ли твои аттестаты? Осмелишься ли жить, как мы, на Востоке? Не боишься ли солнца? Когда услышишь, как новая фиалка сосущим корешком пробует комья земли, – будешь ли тверда?

Эмили Дикинсон, письмо к К. Тернер

«Жемчужина» возникла внезапно. Миллион человек — слишком много, чтобы в трущобе выделить из толпы кого-то одного. А высшие классы, как оказалось, еще больше норовят сбиться вместе. Бушующим вечером я увидел впереди вывеску. Глянул на свой кошель, но решил, что Паук должен был дать мне достаточно.

Багровое солнце на дверях раскололось надвое, и я вошел. Двинулся вверх по лестнице, освещенной оранжевым. Запах духов. Шум. Я крепко сжимал рукоять мачете. От ширканья многих ног ковер на лестнице пролысел вокруг держащих его гвоздиков. На левой стене кто-то нарисовал натюрморт-обманку: фрукты, перья и геодезические инструменты, разложенные на мятой коже. Звуки — да, но в месте, где слуховой нерв присоединяется к мозгу и становится музыкой, — там тишина.

— Ло? — спросил пес, сидящий наверху лестницы.

Я опешил. Пес смотрел холодно.

— Ло Лоби.

Я растянул себя в улыбке, но пес ко мне не потеплел.

А на той стороне людного зала, на балконе, где веселились ее спутники, она поднялась, перегнулась через перила и смешливым контральто крикнула: «Эй! Кто ты?»

Она была прелестна и облечена в серебро — тугое платье, глубоко вырезанное меж маленьких грудей. Ее подвижный рот, казалось, привык к смене выражений, но особенно — к смеху. Ее волосы буйно вились и светились, как у Мелкого Йона. И она звала меня.

— Да, да! Я тебе, глупенький. Как тебя зовут?

Я как-то забыл, что принято отвечать, когда к тебе обращаются.

Пес смущенно кашлянул, потом объявил:

— Прибыл… гм. Прибыл Ло Лоби!

В зале замолчали, и я понял, как громко было раньше. Бокалы, шепоты, смех, разговор, шарканье ног и скрип ножек — всего этого мне сейчас здорово не хватало. Сбоку, в дверях, где наверху сплелись две змеи, я заметил знакомую тушку. Горбун Пистоль, видимо, вышел посмотреть, почему стихло, увидел меня, зажмурился и с

глубоким вздохом прислонился к косяку.

— Наконец-то, Лоби. Я думала уже, что ты никогда не придешь, — сказала Голубка. — Пистоль, принеси еще кресло!

Я удивился. Пистоль от удивления одурел. Впрочем, когда сумел-таки закрыть рот, потащил кресло наверх. Я вынул мачете из ножен и медленно пошел к Голубке, пробираясь меж столиков, цветов, свечей, хрустальных графинов. Мужчины с собаками на золотых цепочках, припавшими к хозяйским сандалиям, женщины с веками в драгоценных блестках, с грудями, приподнятыми бронзовой или серебряной сеточкой, — все поворачивали головы за мной.

Я взошел по лестнице на балкон. Прислонившись бедром к перилам, сияющая Голубка протянула мне руку:

— Ты друг Паука!

Счастлив тот, с кем говорит Голубка.

— Пистоль, — она обернулась к горбуну, и платье пошло светлыми морщинками, — поставь его кресло рядом с моим.

Пистоль повиновался, и мы уселись на парчовые сиденья.

Рядом с Голубкой трудно было смотреть на кого-то еще. Она наклонилась ко мне и дышала

— кажется, просто дышала, только и всего.

— Нам с тобой нужно говорить, Лоби. О чем ты хочешь говорить?

Восхитительная штука — когда дышит женщина.

— Ну… я… — Я с усилием перевел взгляд на ее лицо. — Это правда, что девять тысяч лучше, чем девяносто девять?

(Признаю́сь тебе, я понятия не имел, что такое лопочу.) Она беззвучно засмеялась, и это было еще восхитительней.

— Попробуй, и сам узнаешь.

Тут все снова зашумели. Голубка не сводила с меня глаз.

— Кто ты, Голубка? Паук говорил, ты поможешь найти Фризу.

— Но я не знаю ее.

— Она была…

(Голубка дышит.)

— …она была тоже красивая.

В лице Голубки углубилась какая-то тень.

— Понимаю. Нам не стоит здесь об этом говорить. — Она оглянулась на Пистоля, который до сих нависал поблизости. — Ты, может быть, не совсем понимаешь, в чем тут дело.

Голубка приподняла подведенную бровь.

— Дело… — начал я.

— Потом, — вскинув подбородок, оборвала она.

— Но кто ты все-таки? Что ты умеешь такое?

Арка брови надломилась.

— Ты не шутишь?

— Нет.

Голубка растерянно обернулась к остальным. Они молчали. Снова взглянула на меня. Ее губы приоткрывались и смыкались снова, ресницы взмывали и вздрагивали.

— Говорят, что без меня все они перестанут любить.

— Как это?

— Он что, правда не знает? — спросил кто-то из ее приятелей.

Еще один высунулся:

— Не знает, что линии крови должны переплетаться?!

Голубка прижала палец к губам, и ее вздох позакрывал все ненужные рты.

— Придется объяснить. Лоби…

— Паук велел мне поговорить с тобой… — подхватил я, надеясь этим именем зацепиться за ее мир.

Она сверкнула режущей улыбкой:

— Все не так просто, Лоби. Разве ты знаешь, кто

он такой? Великий господарь Ло Паук? Предатель, обманный друг, тот, кто подписал уже приказ о смерти Одноглаза? Что тебе этот обреченный человек? Подумай лучше о себе. Что у тебя за вопрос?

— Приказ о смерти?..

Она коснулась моей щеки:

— Побудь эгоистом, Лоби. Чего ты хочешь?

— Вернуть Фризу.

Я дернулся в кресле. Она откинулась на спинку:

— Спрошу, не ответив на твой вопрос: кто такая Фриза?

— Она… она была почти такая же красивая, как ты.

Голубка опустила голову, опустила светлые-светлые, теперь потемневшие глаза:

— Да. — Сказала без голоса, одним дыханием, одним движением, с которого нельзя было свести взор. В ее лице было столько живой, пытливой жизни, что его первое, еще на плакате увиденное выражение казалось теперь едким и насмешливым.

— Я…

Не то.

— Она…

Изнутри в ребра замолотил кулак. Потом перестал, разжался, дотянулся до головы и царапнул там сверху вниз, так что вспыхнули лоб и щеки. Глаза защипало.

Голубка задержала дыхание. Потом:

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь, — с трудом вытолкнул я. — Не понимаешь.

На нас снова уставились отовсюду. Она огляделась, прикусила губу:

— Мы с тобой… мы не такие, как все.

— Что? А, ты про это… Скажи, Голубка…

— Да, Лоби.

— Что это за место? Я пришел сюда из деревушки, из безвестного одичалого мира, я шел цветками и драконами, я выбросил на ветер свое Ло. Мертвую любимую искал и нагого ковбоя, злого, как кнут Паука. И теперь где-то чумазый царевич-пастух должен умереть… а я это знаю и пойду дальше? Куда я пришел, Голубка?

— Здесь врата в одно старинное место. Называется Аид. — Она говорила очень быстро. — Плата за вход смерть или песня. Обратно без помощи можешь и не выбраться.

— Я искал мою темную девочку, а нашел тебя — серебряную.

Она встала, и мечи света от ее платья пронзили мне грудь. Ее нежная рука скользнула вниз по бедру. Я взял ее в свою, грубую.

— Пойдем, — сказала Голубка.

На лесенке, ведущей с балкона, она оперлась на мою руку:

— Мы один раз обойдем зал, а ты выбери, смотреть или слушать: то и другое, наверное, не сможешь. Я в свое время не смогла. Хотя попробуй…

Мы двинулись по кругу. Я клинком плашмя стукал себя по лодыжке.

— Мы стараемся быть людьми, Лоби, и от этого измотаны до предела. Чтобы продержаться еще хоть дюжину поколений, гены нужно смешивать, смешивать и смешивать.

Какой-то старик навалился брюхом на столик и жадно глядел на девушку, сидящую напротив. Она трогала язычком уголок рта, и глаза у нее были синие, волшебные. Ее точеные скулы будто насмешничали над стариком.

— Нельзя заставить человека зачать по ребенку с тысячей чужих людей. Но можно сделать эту идею привлекательной… — Голубка опустила глаза, — настолько, насколько возможно.

За другим столиком у женщины обвисало

слишком тяжелое лицо. Но она смеялась. Ее морщинистая рука лежала на молодой, гладкой руке спутника. Подведенные глаза завистливо взглядывали на его быстро моргающие, темные, как маслины, веки. Его волосы вились свободно и блестели живым блеском. Ее были завиты и налакированы.

— Кто я, Лоби? — спросила Голубка, не ожидая ответа и словно даже не спрашивая вовсе. — Я ключевой образ рекламной кампании. Грешная мадонна, прелестная чертовка. Та, для которой девяносто девять лучше, чем один. Все хотят меня или быть как я. Мужчины ищут меня в тех, кто назначен им для осеменения. Женщины копируют мои прически, длину подола, глубину выреза. Целый мир крадет мои остроты, мои жесты, даже мои ошибки, чтобы испробовать потом на очередной любовнице или любовнике.

За следующим столиком пара средних лет начисто забыла о возрасте. У них был такой счастливый, богатый и беззаботный вид, что я позавидовал.

Голубка пальцем надавила мне на тыльную сторону кисти:

— В свое время достаточно было оргий и искусственного осеменения. Но сейчас формируется

некое мировоззрение, которое нужно преодолеть. Этим я и занята. И у тебя, конечно, возник вопрос…

Двое — почти дети — хихикали, держась за руки. Когда-то я думал, что в двадцать один человек уже взрослый. Конечно: казалось ведь, что так долго ждать до двадцати одного. Вот они — они все могут, они только учатся этому всему, и от возможностей у них голова идет кругом, им больно и сумасшедше-радостно.

— Ответ…

Я снова повернулся к Голубке.

— …ответ в том, что у меня есть некий дар, который облегчает мою задачу.

Палец, коснувшийся моей руки, теперь коснулся губ. Голубка взглядом велела мне молчать и взяла мой клинок:

— Сыграй, Лоби.

— Для тебя?

Она рукой обвела зал:

— Для них.

Глянула на сидящих за столиками:

— Слушайте все! Молчите…

Все замолчали.

— …и слушайте.

Все приготовились слушать. Многие оперлись

локтями на столики. Голубка кивнула мне. Я посмотрел на мачете.

На том конце зала Пистоль схватился за голову. Я улыбнулся толстяку. Потом сел на край пустого столика и перещупал дырочки всеми двадцатью пальцами.

Выдул ноту. Посмотрел на слушавших. Выдул еще одну. Засмеялся.

Молодая парочка засмеялась в ответ.

Еще две ноты, первая низкая, а вторая — штопором вверх.

Я начал выбивать руками медленный крепкий ритм. Мелодию вел только пальцами ног. Молодой парочке и это показалось смешным. Я раскачивался, закрыв глаза, хлопал и играл. В дальней части зала кто-то захлопал со мной вместе. Я улыбнулся в мундштук (непростое дело), и звук повеселел. Я вспомнил музыку, которую взял у Паука, и попробовал то, чего раньше не делал. Отпустил первую мелодию в зал и заиграл следующую. Звуки, перелетая между хлопками, сами собрались в гармонию. Я оставил эти две играть, а сам стал поверх них выводить третью. Нажал, ускорил до солонки в руке, потом до града по крыше, пока по столикам не забарабанили пальцы. Я играл и всматривался, взвешивал,

сколько музыки в каждом, и когда набралось достаточно, я стал плясать. Движения повторялись: свое сплясать — не то что чужое. Выплясывался наизнанку прямо на столе. Хлестал их музыкой. Звуки двоились и троились. Аккорды раскрывались, как упившиеся цветки. В зале вскрикивали. Я гнал на них ритмы через трубку клинка, вгонял им музыку в позвоночник, как палочкой протыкают лягушке спинной мозг. Они содрогались в такт за своими столиками. Я начал четвертую мелодию, в диссонанс с большинством других нот. Трое плясали вместе со мной. Это я их поднял моей музыкой. Это мой ритм держал их на плаву. Старик тряс плечами, наклонясь к своей голубоглазой девушке. Хлоп. Молодого парня ритм перетряхивал от плеча — хлоп — к плечу. Те двое средних лет крепко держались за руки. Хлоп. Звук нарастал — хлоп — внутри себя. На секунду умолк. Хлоп. Потом — врассыпную по залу, как драконы по желтому дроку. Люди, одичав, как драконы, стонали от радости, бились друг в друга животами и бедрами под четыре мелодии разом.

Наверху, где стоял стол Голубки и ее спутников, кто-то распахнул широкие окна. Ветерок скользнул по моей потной спине, и я закашлялся. Кашель зарычал в моей полой трубке. Ветерок,

пробравшись в замкнутую комнату, дает почувствовать, как в ней жарко. Люди высыпали на веранду. Я перешел за ними. Под ногами были красные и синие плиты. На золоте вечера сочились синие раны. Несколько танцоров облокотились о перила.

Руки сами собой опустили мачете, потому что, оглядевшись, я…

Хлестнуло по глазам. На ветру играет, мелкой рябью идет серебряное платье. Но это не Голубка. Вот прижала к щеке темные костяшки кисти, вот вздохом приоткрылся рот. Она мигает, отводит от лица волосы, ищет кого-то среди пляшущих. Кто-то на секунду заслонил ее. Потом еще кто-то.

Темная Фриза…

Фриза возвращенная, медленно вращаемая толпой…

Прекрасная, желанная Фриза, вновь обретенная…

Однажды я так был голоден, что, начав есть, испугался. Сейчас был тот же страх. Только сильней. Музыка играла себя сама. Клинок бессильно свисал из моей руки. Однажды Фриза швырнула камешек… Я побежал по лабиринту из пляшущих людей.

Увидела. Сжал ей плечи. Вжалась: щекой к шее,

грудью к груди, руки замком у меня на спине. Ее имя волной плескало у меня в голове. Я знаю, ей было больно от моих рук. Ее кулачки вонзались мне в спину. Я хотел всего себя открыть ей навстречу. В ней не дрожала от музыки ни единая жилка, всю ее стройную силу я держал в руках — стиснул, отпустил немного и снова стиснул.

Внизу, на другой стороне парка, стояло единственное дерево, как морозом, оголенное неистовым солнцем. К его развилке был привязан Одноглаз. Руки растянуты в стороны вдоль сучьев, голова свесилась низко, как бывает, если сломана шея. Струйка крови блестит по руке от запястья, где веревка врезалась в кожу.

Она повернулась у меня в руках, глянула мне в лицо. Поняла, куда я смотрю, и быстро ладошками закрыла мне глаза. Один в ее темноте, я понял, что за музыка звучит вокруг. Это множество людей выпевало и выплясывало скорбную песнь по распятому царевичу. Песнь девочки, защитившей ладошками мои глаза.

Под музыку проскользнул шепот:

— Осторожно, Лоби.

Это Голубка.

— Стоит ли всматриваться?

Чьи-то руки по-прежнему скрывали мир.

— Я читаю тебя, как книгу, Лоби. Ты умер. Где-то среди дождя и каменных разломов — ты умер. Так стоит ли всматриваться?

— Я не призрак!

— О нет, ты вполне реален. Но может быть…

Я повернул голову, но темнота повернулась вместе со мной.

— Хочешь, расскажу тебе про Кида?

— Хочу, если это поможет его убить.

— Тогда слушай. У Кида хранятся только те скальпы, что он снял своей рукой. Иначе: он может оживить только тех, кого убил сам. А знаешь, кто оживил тебя?

— Убери руки.

— Выбирай, Лоби, и выбирай быстро, — прошептала Голубка. — Что ты хочешь увидеть? То, что есть, или то, что видел всегда?

— Убери руки. Я ничего не вижу из-за твоих… — Я остановился в ужасе от того, что сказал.

— Мой дар велик, Лоби.

Руки медленно и бережно отстранялись, ко мне просачивался свет.

— Чтобы выжить, мне приходилось его развивать. Ты не можешь не следовать законам мира, который выбрал, Лоби.

Я потянул ее ладони вниз. Она воспротивилась

на секунду, потом уронила руки. Одноглаз был по-прежнему привязан к дереву.

Я схватил Голубку за плечи:

— Где она?

Я оглядывался по сторонам и тряс Голубку за плечи, а она пыталась отстраниться от меня.

— Я могу превратиться в ту, кого ты любишь, Лоби. Таков мой дар — часть его. Благодаря ей я и стала Голубкой.

Я покачал головой:

— Ты…

Голубка потерла плечо, скользнув рукой под серебряную ткань. Серебро ожило и пошло переливами.

— А они… — Я показал на танцоров; молодая парочка тыкала пальцами вниз и хихикала. — Они зовут тебя Ла Голубка…

Она склонила голову набок, отвела назад серебристые волосы:

— Нет, Лоби. Кто тебе такое сказал? Я — Ле Голубка.

Меня пробрал озноб. Голубка протягивала мне узкую руку.

— Неужели ты не знал? Лоби, неужели…

Я отшатнулся и занес мачете.

— Лоби, мы не люди! Мы живем на их планете,

потому что они погубили ее. Мы попытались перенять их облик, их воспоминания, их мифы. Но все это не по нам. Это обманка, Лоби. Очень многое в этом мире — просто обманки. Это он тебя оживил — Одноглаз. И он мог вернуть твою Фризу, по-настоящему вернуть из мертвых.

— Одноглаз?..

— Но мы — не люди, Лоби, мы…

Я побежал.

В зале опрокинул стол и крутанулся на месте, услышав лай пса-привратника.

— Ло Лоби! — Пес теперь восседал на Голубкином возвышении. — Подойди. Понравилось тебе представление?

Прежде чем я нашел, что ответить, он носом перещелкнул выключатель на стене.

Пол сдвинулся и поехал по кругу. Сквозь истерику до меня дошло, что происходит. Пол состоял из двух поляризованных пластиковых поверхностей. Верхняя вращалась, а нижняя оставалась на месте. Наконец они совместились так, что стало видно, что внизу. Там, под ножками столов и стульев, был камень, а в расщелинах камня ползали какие-то существа.

— «Жемчужина» построена над одним из коридоров брэннингской Клетки. Смотри: вон они

ползают там, среди камней. Тот упал, а этот цепляется за стенку, жует собственный язык и пускает кровавые слюни. Нам здесь не нужен сторож. От людей осталась компьютерная система, которая изучала штуку под названием «фантомное единство душ и результирующая агрессия». Система создает иллюзии для тех, кто внизу. Там внизу целый ад, полный удовлетворенных желаний…

Я бросился на пол, прижался лицом к прозрачному непроницаемому пластику и закричал:

— ФЕДРА! ФЕДРА, где она?

— Хэлло, беби!

Из подземного сумрака замигали огоньки. У подножия мигающей машины, тихо обнявшись, стояли двое, у которых на двоих было многовато рук.

— ФЕДРА!..

— Ты опять пришел не в тот лабиринт, Лоби. И опять обретешь иллюзию. Она пойдет за тобой, но у выхода ты обернешься проверить, здесь ли она. И опять увидишь, что все обман, и выйдешь из пещеры один. Стоит ли начинать сызнова? — Ее голос истончался, проходя сквозь пластик. — Здесь внизу все решает матушка. Не приходи больше играть на своем дурацком ноже. Ты должен вернуть ее как-то иначе. Ты — набор

душевных проявлений, многополый и бестелесный. И ты, вы все — пытаетесь силой натянуть на себя человеческую маску. Оглядись, Лоби. Поищи ответы за рамой зеркала.

— Где?

— Ты уже молил о ней того, кто на дереве?

В недрах Клетки ползали потерянные души, пускали слюну, лепетали что-то в мигании компьютерных огоньков. Я оттолкнулся и встал. Уже был в дверях, когда снова залаял пес.

Я промахнулся мимо ступеньки и, пролетев их штуки четыре, вцепился в перила. Дом вышвырнул меня в парк. Я чуть не упал, но выровнялся и устоял на ногах. Вокруг парка высились металлические башни и пели каждым окном, ревели каждой террасой, набитой зеваками.

Я стоял перед деревом и играл тому, кто был на нем распят. Молил. Низал мелодию на септаккорды и ждал от него разрешения. Начал смиренно. Понемногу внутри опустело, и какая-то яма открылась на дне. Нырнул. Там был гнев — мой гнев, и я сыграл его Одноглазу. Еще — любовь. Прорезал звенящей любовью пение из окон.

Где запястье было прикручено к суку, переломилась кость. Рука двинулась, и…

…и ничего. Во мне полыхнула злоба, я закричал,

двумя руками сжал рукоять и вогнал мачете ему в ляжку. Насквозь, до дерева. Снова закричал и отвернулся. Меня трясло.

Страдая за людей, явился он,
Чтоб не был разум пламенный развеян,
И родилось бунтарство галилеян,
Сгорел в огне великом Вавилон,
Окутав мысль безмерной темнотой.

Уильям Батлер Йейтс. Две песни из пьесы «Воскресенье» [38]

---

[38] Примечания: 38
Перевод Л. Володарской.

Я слышал, что вы назначили награду в 1000 долларов за мою персону, что, как я понял, означает мои свидетельские показания… Если это так, я готов выступить в суде и дать нужные показания, но против меня есть уголовные дела из-за того, что было во время Войны в округе Линкольн, и я боюсь прийти с повинной, потому что мои враги меня убьют.

Уильям Г. Бонни (Билли Кид). Письмо к губернатору Уоллесу

Мучительный венец его терновый

Венком цветов весенних заменю.

Эндрю Марвелл. Венок

Море било в берег. Вместе с волнами набегало утро. Я шел по берегу один. На песке везде были ракушки. Я все не понимал, как это может быть, что в Брэннинг-у-моря мы въехали только вчера? Одноглаз погиб, а я лишился своей обманки. За моей спиной Брэннинг съеживался на фоне зари. Кончик мачете чиркал и чиркал по песку.

Я шел всю ночь, но не устал. Что-то во мне так туго скрутило концы усталости, что замедлить-

ся не получалось. На рассвете побережье было очень красивое. Я взобрался на гребень дюны, поросший длинной, пришепетывающей травой.

— Эй, Лоби!

Все, что было скручено внутри, стрельнуло разом и задрожало во мне, словно отпущенная пружина.

— Как поживаешь?

Он сидел на бревне, вдавленном во влажное подножие дюны. Прищурился, глядя снизу, откинул волосы от лица. Солнце зажгло искорки у него на плече и вдоль руки: соль.

— Я так долго тебя ждал. — Он почесал колено. — Ну, как ты?

— Не знаю. Устал.

— Сыграешь мне? — Он показал на мачете. — Спускайся сюда.

— Не хочу.

Из-под ног у меня побежал песок. Я глянул вниз, и целый кусок дюны осел под мной, так что я еле отскочил. Потерял равновесие. Изнутри толкнулся страх, я упал и стал цепляться за песок. Я съезжал вниз, а Кид посмеивался. Упав, я разом повернулся к нему, но Кид по-прежнему сидел на своем бревне и смотрел на меня сверху.

— Что тебе надо? — шепотом выдохнул я. —

Одноглаза тебе уже не достать. Что тебе от меня надо?

Кид потер ухо. Улыбнулся множеством мелких зубов.

— Вот что, — опять показал он на мачете. — Ты думаешь, Паук правда… — Кид оборвал себя. — Паук решил, что Одноглаз, ты и я не можем одновременно жить в этом мире. Что это опасно. И вот он подписал приказ, и Одноглаза распяли, и ты выпевал клинком его суть, а я плакал на дне морском, где слез не видно, — так ты, что ли, думаешь?

— Я не…

— А я вот думаю, что Одноглаз жив. Точно не знаю. Я не могу везде быть с ним, как с вами. Мог, конечно, и умереть… — Кид наклонился ко мне и оскалил рот. — Но не умер.

Я подался назад и уперся спиной в дюну.

— Дай клинок.

Я отвел руку с мачете. Потом резко рубанул. Кид увернулся, от бревна полетели щепки.

— Если ты меня заденешь, мне, наверно, будет неприятно. Меня тоже можно поранить. Но если я правильно понял твои мысли, избавиться от меня таким образом не выйдет.

Он пожал плечами и улыбнулся без злобы. До-

тянулся и тронул клинок.

У меня дернулась рука. Кид взял у меня клинок и пальцами попробовал дырочки.

— Нет, — вздохнул он. — Эта штука мне не по силам. — Вернул мне мачете. — Покажешь?

Я взял клинок, потому что он мой и мне не нравилось, что Кид его трогал.

Кид почесал правую пятку о левую ступню.

— Ну давай, покажи. Мне клинок не нужен. Мне нужна музыка, что там внутри. Сыграй, Лоби.

Он кивнул. Одурев от ужаса, я приложил к губам рукоять.

— Давай.

Задрожала нота.

Он склонился ко мне, опустил золотые ресницы:

— Теперь я заберу все, что осталось.

Переплел пальцы на руках, а на ногах поджал, и когти врылись в песок.

Еще нота.

Я начал третью…

Разом звук, движение и чувство: щелк! Кид выгнулся и схватился за шею. Ужас врезался глубже, а я-то думал, что глубже уж некуда. Паук с гребня дюны прокричал:

— Играй же — черт! — не останавливайся!

Я что-то выпискнул из клинка.

— Когда ты играешь, у него разум занят. Он ничего другого не может делать!

Кид поднялся на ноги. У меня над головой свистнул кнут, у Кида по груди потекла кровь. Он попятился, споткнулся о деревянные обломки, намытые морем, и упал. Я кое-как отковылял в сторону и сумел устоять — с моими ножищами мне это проще, чем многим. Я по-прежнему выгонял из мачете какой-то шум.

Кнут пел. Паук по-крабьи спускался с дюны.

Кид под ударами перевернулся на живот и попытался уползти. Там, где волосы скрывали шею, раздулись жабры. Паук вспорол ему спину кнутом и крикнул:

— Играй!

Кид шипел и грыз песок. Перекатился на спину — рот и подбородок в песке.

— Паук… а-а! Хватит, Паук! Перестань, не на…

Кнут рассек ему щеку, и Кид схватился за лицо.

— Играй, черт тебя возьми! Играй, а то он меня убьет!

Я передувал, и ноты, вылетая на октаву выше, втыкались в утро.

— Аааaа! Не надо, Паук-человек! Больно же мне,

не надо!.. — Слова оскользались на его кровавом языке. — Хватит! Аааaа! Больно! Ты же мой друг, Паучок, ты же мой…

Потом он уже только плакал. Кнут сек и сек.

У Паука по плечам катился пот.

— Достаточно, — сказал Паук и, тяжело дыша, начал сворачивать кнут.

Мне жгло язык, руки одеревенели. Паук перевел взгляд с меня на Кида:

— Всё.

— Никак нельзя было… без этого?

Паук молча уставился в землю.

В кустах зашуршало. Длинный колючий стебель, петляя, полз по песку. На стебле висел тяжелый цветок.

Паук полез вверх по дюне.

— Пошли, — бросил он.

Я полез за ним. С гребня глянул вниз. У трупа на лице толкался букет цветков, дорываясь до глаз и языка. Вслед за Пауком я начал спускаться.

Когда спустились, он обернулся. Нахмурился:

— Кончай это. Я только что жизнь тебе спас.

— Паук?..

— Что тебе?

— Насчет Одноглаза… Я, кажется, что-то понял.

— Что?.. Шевелись, обратно пора.

— Я как Кид. Я могу возвращать тех, кого убил.

— Так и случилось в Разломных землях, — сказал Паук. — Ты себя оживил. Дал себе умереть, а потом вернулся. Одноглаз единственный, кто может вернуть Фризу. Теперь единственный.

— Одноглаз умер.

Паук кивнул:

— Это ты его убил. Твой был последний удар. — Он указал на мачете.

— Я не знал… Что теперь в Брэннинге?

— Мятеж.

— Почему?

— Изголодались по будущему. Хотят иметь не людское, а собственное.

На секунду я увидел сад, расцветающий на лице у Кида. Мне стало нехорошо.

— Я возвращаюсь, — сказал Паук. — Ты со мной?

Море покатило вспять, оставляя на песке пенные завитки.

Я ненадолго задумался.

— Нет, я потом.

— Ну что ж. Одноглаз… — Паук ногой вдавил что-то в песок. — Одноглаз, думаю, подождет. И Голубка тоже. Она теперь ведет народ в пляске и навряд ли скоро простит тебе твой выбор.

— То есть?

— Ты выбирал между реальным… и остальным.

— И что я выбрал?

Паук с усмешкой толкнул меня в плечо:

— Может, сам поймешь, когда вернешься. Куда ты, кстати, собрался?

Он уже отворачивался, уходил.

— Паук?

Оглянулся:

— Ну?

— У меня в деревне одному человеку все опротивело. И он бросил этот мир, работал сперва на одной луне, потом на внешних планетах, потом в мирах за много звезд отсюда. Я, может, тоже туда подамся.

Паук кивнул:

— Я так пробовал раз. Вернулся — а оно все тут, никуда не делось.

— И чего мне ждать теперь?

— Того, чего не ждешь.

Паук широко улыбнулся и зашагал прочь.

— Паук! Оно будет инакое?

Паук не ответил.

Утро клеймило морю бока, на том конце побережья темнота уходила за край земли. Я пошел

за ней.

От переводчика

Тема этой книги — миф. Автор примеряет мифы на своего героя и на себя, меняет их, сращивает, прислушивается к одним, изживает другие, обращается с ними то почтительно, то вольно (здесь даже цитаты из классиков нужно проверять на точность). Намеки, обманки, кодовые слова из очень старых историй сплетаются в историю новую. Нам остается только понять, что для автора одинаково мифологичны Орфей, Ринго Старр и Стар Антим из рассказа Т. Старджона, и — принять игру.

Чтобы не мешать читателю в поисках разгадок и новых загадок, большинство мифов, к которым отсылает Дилэни, коротко пересказаны в конце книги. А как ими распорядиться — пусть читатель решает сам.

О. Исаева

Мифы в «Пересечении Эйнштейна» (в порядке предъявления)

Орфей — великий фракийский певец и музыкант, центральная фигура орфических мистерий. Слыша его лиру, ему покорялись не только люди, но и звери, деревья пели, камни плакали. Менады, полубезумные поклонницы Диониса, исступленно плясали под его музыку. Однажды нимфа Эвридика, жена Орфея, наступила в траве на змею и умерла от ее укуса. Горестные песни Орфея достигли Олимпа, и боги дали ему совет: сойти в подземное царство Аид и умолить его правителя вернуть Эвридику в мир живых. Вход в Аид охранял трехглавый пес Цербер, судьбу душ-теней, заключенных в нем, решали бог Аид и его супруга Персефона (по другой версии — судья Минос). Орфей сумел тронуть их сердца своей игрой. Эвридике было позволено вернуться к живым, но при одном условии: по дороге из Аида Орфей не должен был оборачиваться на идущую за ним тень Эвридики — тогда, покинув Аид, она превратится в живую женщину. У самого выхода Орфей не выдержал и обернулся. Тень Эвридики

исчезла, и Орфей вернулся в мир живых один. Позже Орфей, играя на лире, был растерзан обезумевшими менадами. Музы собрали растерзанное тело Орфея и предали земле. Голова, согласно одному из мифов, была выброшена менадами в реку Февр и позже прибита волнами к острову Лесбос, где ее подобрала великая поэтесса Сапфо, «наследница» Орфея.

В древнейших мифах на образ Аида как бога Подземного царства накладывается образ морского бога Посейдона. В глубокой древности именно Посейдон был связан с идеями земли и смерти. Изображаемый обычно в виде могучего старца, Аид иногда предстает и в облике нагого юноши.

Таммуз (Думмузи) — Таммуз-пастух, Таммуз-царь. Полулегендарный правитель шумерского города Урука (по другой версии — Бад-Тибиры), предшественник урукского правителя Гильгамеша. Позднее почитался как «умирающий», жертвенный бог возрождения, покровитель прорастающего в земле зерна, покровитель пастухов и скотоводов. Супруга Таммуза, изменчивая, жестокая и сладострастная богиня Инанна (Иштар), желая показать свое могущество, отправилась в подземное царство, где прошла через семь врат, каждый раз теряя часть своей силы: лен-

ту, вплетенную в волосы (любовная прелесть), золотые браслеты, двойное ожерелье, подвеску и так далее. По одной из версий, в конце пути Инанна, видя, что наказанием за дерзость будет смерть, воззвала к Таммузу, и он сошел под землю и предложил местным божествам свою жизнь в обмен на жизнь Инанны. Мистерии плача по Таммузу совершались по всему Древнему Ближнему Востоку в месяце таммузе (по современному календарю — 29 дней от середины июня до середины июля).

Осирис — «зеленый бог», жертвенный бог египтян. Бог жизни, возрождения и плодородия. Первый правитель Египта, научивший египтян земледелию. Брат Осириса — Сет, бог пустыни, позавидовал ему. Сет убил Осириса, а его тело рассек на 13 частей и рассеял по Египту. Сестра-супруга Осириса Изида оплакала его в великом Плаче Изиды, а потом при помощи других богов собрала все части, кроме одной. Последнюю часть — фаллос Осириса Сет выбросил в реку Нил, где его проглотила рыба. Благодаря глиняному фаллосу Изида зачала от Осириса бога Гора. Гор, когда вырос, воскресил отца, вложив ему в рот собственный глаз — Око Гора. Воскресший Осирис решил навеки покинуть живой мир и сойти в

мир мертвых, чтобы и у мертвых было утешение. Как и у Таммуза, одним из символов Осириса было прорастающее зерно, пастуший посох и бык. У египтян был обряд «прорастания Осириса», когда в один из слоев похоронного одеяния мумии закладывали зерна, которые, прорастая, давали живой зеленый силуэт умершего.

Тезей — герой нескольких мифологических циклов у древних греков. Во времена его юности существовал обычай, по которому на Крит из Афин каждые девять лет отправляли семь юношей и семь девушек на съедение человекобыку Минотавру. Минотавр родился от связи царицы Крита Пазифаи с быком небывалой красоты. Страсть к животному внушил Пазифае бог Посейдон, мстя за обиду ее супругу царю Миносу. По приказу Миноса Минотавр был заточен в подземный лабиринт, построенный великим мастером Дедалом. Чтобы положить конец жестокому обычаю, Тезей отправился на Крит — сойти в лабиринт и убить чудовище. Дочь Миноса Ариадна полюбила Тезея и дала ему клубок пряжи, который он разматывал, спускаясь к Минотавру. Убив Минотавра, он, следуя за размотанной нитью, смог выйти наверх. Тезей с Ариадной бежали на остров Наксос в море, которое вскоре получило

название Эгейского. Там, пока Ариадна спала, Тезею явился бог Дионис и предложил уступить девушку ему: с Тезеем Ариадна состарится и умрет, познав все горести человеческого бытия, а с Дионисом она будет вечно молода и счастлива. Тезей уступил возлюбленную богу. Возвращаясь морем домой, убитый горем Тезей забыл сменить черные паруса на белые — знак того, что корабль идет с хорошей вестью. Отец Тезея Эгей, увидев черные паруса, решил, что сын погиб, и бросился в море со скалы.

На Крите был силен культ быка, на Кносском ристалище проводились ритуальные игры с быками — таврокатапсия. Юноши и девушки плясали вокруг разъяренного быка и прыгали через него, ухватившись за его рога. Если в этой пляске кто-то погибал, это означало, что бог-бык принял жертву и будет милостив. До наших дней сохранились древние игрушки-прыгунки, напоминающие об этом обычае.

Несколько мифологических циклов спустя Тезей, уже старик, женился на *Федре*, младшей сестре Ариадны. Федра полюбила сына Тезея — юного охотника по имени Ипполит, презирающего женщин. Убежденная, что в этой любви сказалось истинное желание ее души, Федра от-

крылась пасынку. Тот пришел в безумную ярость, оттолкнул и оскорбил Федру. Тезей, поверив навету, решил, что это Ипполит посягнул на честь Федры. Тезей воззвал к своему покровителю богу Посейдону, прося покарать Ипполита. Посейдон убил Ипполита. Федра покончила с собой. Есть версия мифа, в которой позже Ипполит воскресает.

Тристан и Изольда — под одной из версий мифа, возникшего в средневековой Ирландии и Шотландии, юноша Тристан, выросший при дворе своего дяди, корнуэльского короля Марка, убил чудовищного великана Морхульта, который взимал с корнуэльцев живую дань. В битве Тристан был ранен отравленным клинком и отправился искать лекаря, который помог бы ему. В Ирландии его излечила искусная врачевательница Изольда. Вернувшись домой, Тристан узнал, что Марк подыскивает себе супругу. Тристан сам рассказал ему об Изольде и вызвался отправиться за ней на корабле. На обратном пути между Тристаном и Изольдой вспыхнула страсть. Не желая обмануть доверие старика Марка, влюбленные каждую ночь спали, разделенные мечом. После королевской свадьбы страсть их не утихла, но им не суждено было соединить свои судьбы. Под

конец жизни смертельно раненный Тристан попросил друга привезти к нему Изольду, чтобы повидаться перед смертью. Белые паруса на его корабле означали бы, что Изольда согласилась поехать, черные — что нет. Корабль пришел с белыми парусами, но ревнивая жена Тристана сказала ему, что паруса черные. Тристан умер, а узнав о его смерти, умерла Изольда. Влюбленных похоронили вместе.

Ринго Старр (Ричард Старки, р. 1940) — барабанщик группы «Битлз», «сердце группы», по словам поклонников, самый обаятельный из Битлов. В 1965 году Ринго женился на Морин Кокс. Их свадьба стала сенсацией, американская группа *Chicklettes* даже посвятила им ставшую популярной песенку «Treat Him Tender Maureen» («Будь с ним нежна, Морин»), но уже вскоре стало известно, что в семье начался разлад: Ринго пил и пускал в ход кулаки. Через 10 лет последовал развод.

На тот же период 1964–1965 годов пришелся ураганный взлет популярности «Битлз» в Америке. В день первого прилета Битлов в США в аэропорту Кеннеди началась опасная давка, в которой погибла одна из стюардесс и пострадало несколько человек. Столь же бурно встречали

группу на каждой остановке ее американских гастролей. Существует неподтвержденная легенда, что песня «Мишель» посвящена погибшей стюардессе.

Билли Кид и война в округе Линкольн

Билли Кид (Уильям Генри Маккарти, Уильям Гаррисон Бонни (1859–1881)) — легендарный головорез Дикого Запада, прославился смелостью, хитростью, беспощадностью. После смерти он стал кем-то вроде народного разбойника, о его поединках, его пистолетах, его шляпе, отделанной зеленым позументом, ходили легенды. Говорили даже, что он был отличный музыкант.

Война в округе Линкольн разгорелась из-за попыток британского новичка Джона Танстелла и его друзей добиться справедливости в давно устоявшемся мире перегонщиков скота в округе. Билли Кид примкнул к новичкам как наемник и проявил одновременно выдержку и мудрую осторожность, но свои первые убийства он уже совершил до войны и продолжил убивать после. В конце концов, после многих приключений, достойных киноэкрана, нескольких убийств и одного побега, Кид попал на мушку шерифу Пэту Гаррету. Гаррет обманом заманил голодного Кида на ужин к его приятелю и застрелил Кида

в дверях. За свой двадцать один год Кид убил, по разным сведениям, от 9 до 21 человека.

Пистоль — один из спутников Фальстафа, героя нескольких шекспировских пьес («Генрих IV», ч. 1, «Генрих IV», ч. 2, «Виндзорские насмешницы»). Сэр Джон Фальстаф, пьяница, бахвал и гуляка, отличается острым, хоть и крайне практическим умом. Наперсник принца Генриха, он и развлекает будущего короля, и довольно цинически преподает ему уроки жизни.

Джин Харлоу (1911–1937) — одна из величайших звезд американского кино 1930-х годов, секс-символ, первая «платиновая блондинка».

Критики годами утверждали, что она бездарна, а слава Харлоу и любовь к ней только росли. Ее имя на афише гарантировало успех фильма. В США возникали «клубы платиновых блондинок», где женщины старались повторить цвет ее волос, достигавшийся ядовитой смесью химикатов. Харлоу не могла позволить себе сменить этот цвет, как не могла, при наличии комического дарования, выйти из образа роковой красотки: ее не хотели видеть другой.

Обожаемая Америкой, Харлоу была не слишком счастлива в любви. Первый ее муж, богатый

наследник Чак Макгрю, не хотел, чтобы она играла в кино. Гангстер Эбнер Цвиллман оставил ее ради богатой наследницы. *Пол Берн* (1889–1932), заметная фигура в мире кино, сценарист и продюсер, помог ей вырасти как актрисе, но вскоре покончил с собой при странных обстоятельствах, бросивших тень на Харлоу. Звезда студии «Метро-Голдвин-Майер» Уильям Пауэлл не хотел детей. В последние годы жизни здоровье Харлоу пошатнулось, но она продолжала сниматься. В двадцать шесть лет Харлоу умерла от не распознанной вовремя болезни почек.

Мария Монтес (1912–1951) — «королева „Техниколора“», доминиканская звезда американского экрана, главная «роковая красавица» студии «Юниверсал» в сороковых годах. Большую часть карьеры играла блестящих соблазнительниц. В честь Марии взял себе псевдоним *Марио Монтес* (Рене Ривера, 1935–2013) — актер-трансвестит, одна из звезд «Фабрики» Энди Уорхола. Секретарь, любивший старое кино и почти случайно попавший на экран, Монтес снялся в целом ряде фильмов, центральных для тогдашнего гей- и транссообщества, например в уорхоловской короткометражке «Марио Банан».

Стар Антим — героиня рассказа Теодора Старджона «Громы и розы» (1947). По Америке, уничтоженной ядерным ударом неназванных противников, странствует умирающая от лучевой болезни Стар Антим — некогда красавица-певица, звезда экрана. Пока немногие выжившие ищут способ нанести ответный удар, она убеждает всех, кого встречает, что нельзя отвечать зверством на зверство и губить человечество ради мести. Не все готовы принять правду Антим, и финал рассказа остается открытым.

Один (Вотан) — верховный бог древних германцев и скандинавов. Воин, мудрец, отец богов. Грозный бог войны, Один владеет Валхаллой, залом, где бьются и пируют павшие воины всех времен. Зимой он со своими воинами носится по небу вместе со снежными бурями, и это называется Дикой Охотой Одина. Один умеет принимать любой облик и часто испытывает людей, являясь им в людском обличье. Один невидимо наблюдает за людскими делами и битвами и помогает тем, кого считает достойным.

Один отчасти — жертвенный бог. Он заплатил за мудрость своим оком — отдал его чудищу Мимиру, чтобы испить из источника мудрости. Он же девять дней провисел на ясене Иггдрасиле,

прибитый к нему собственным копьем, чтобы узнать тайну рун и дать руны людям.

Андрогин — собирательное название изначальных двуполых людей во многих мифологических системах. Разные боги по разным причинам (часто из страха перед их совершенством и своеволием) рассекают андрогинов надвое, давая начало современному роду человеческому. Андрогинными свойствами нередко наделяются и традиционно однополые боги: Афродита, Ра, оплодотворяющий сам себя, в некоторых трактовках — Иисус Христос. Интересна альтернативная трактовка слова *dove* (голубь, голубка) в «Потерянном рае» Дж. Мильтона, ведь в исходном английском отрывке, посвященном Святому Духу и переведенном на русский как: «Ты, словно голубь, искони парил / Над бездною, плодотворя ее»[39], пол не указан. Есть версия, что здесь имеется в виду самооплодотворение андрогинного существа.

Читателя, заинтересовавшегося образом Голубки, вероятно, заинтересует и фильм «Метрополис» Фрица Ланга.

«Андрогин» («Гермафродит») — важный алхи-

---

[39] Примечания: 39
Перевод А. Штейнберга.

мический термин, обозначающий среди прочего первичную материю.

О. Исаева